

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

Том 9

DIGEST OF WORLD POLITICS

ANNUAL REVIEW

Volume 9

Редакционный совет

Главный редактор

ЯГЪЯ Ватаняр Саидович (СПбГУ)

Заместитель главного редактора:

НЕМЧИНОВА Тамара Сергеевна (СПбГУ)

Дудек Анджей (Краков, Республика Польша),

Ибрагимов Айдын (Чанаккале, Турция),

Койбаев Б. Г. (Владикавказ, Россия),

Фэншу Ма (Шаньдун, КНР),

Панин В. Н. (Пятигорск, Россия),

Рыжов И. В. (Нижний Новгород, Россия),

Хасс Дж. К. (Ричмонд, США)

Editorial Board

Editor-in-Chief

YAGYA Vatanyar S.

Vice-editor-in-Chief

NEMCHINOVA Tamara S.

A. Dudek (Krakow, Poland),

A. Ibragimov (Chanakkale, Turkey),

B. G. Koybaev (Vladikavkaz, Russia),

Ma Fengshu (Shandong, China),

V. N. Panin (Pyatigorsk, Russia),

I. V. Ryzhov (Nizhny Novgorod, Russia),

J. K. Hass (Richmond, USA)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ЕЖЕГОДНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издается с 2006 г.

Том 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия выпуска

Голубев Д. С. (СПбГУ) — канд. полит. наук
Добронравин Н. А. (СПбГУ) — д-р филол. наук
Лагутина М. Л. (СПбГУ) — доктор полит. наук
Музалёв А. А. (СПбГУ) — магистр географии
Немирова Н. В. (СПбГУ) — канд. соц. наук
Трещенков Е. Ю. (СПбГУ) — канд. ист. наук
Ярыгин Г. О. (СПбГУ) — канд. полит. наук

Staff of Issue

Golubev Denis S. (SPbU) — PhD in Political Science
Dobronravyn Nikolay A. (SPbU) — Dr. Sci. in Philology
Lagutina Maria L. (SPbU) — Dr. Sci. in Political Science
Muzalev Anton A. (SPbU) — Master of Geography
Nemirova Natalya V. (SPbU) — PhD Sci. in Sociology
Treshchenkov Evgeniy Yu. (SPbU) — PhD Sci. in History
Yarigyn Grigoriy O. (SPbU) — PhD in Political Science

Издание осуществлено при финансовой поддержке предпринимателей
Е. О. Третьякова, В. Е. Хильченко, В. В. Прохорова, Г. М. Погосяна

*Материалы, публикуемые в ежегодном альманахе
«Актуальные проблемы мировой политики»,
не обязательно отражают точку зрения редакционного совета,
главного и ответственного редакторов*

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский государственный университет

Адрес издателя: 1999034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Адрес редакции: Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра мировой политики (ауд. 229)

e-mail: worldpol_spbu@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	9
<i>Ягья В. С.</i> Актуальные проблемы мировой политики. Редакционный обзор 2016–2017 гг.	12
СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА ВЫПУСКА: ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
<i>Ягья В. С.</i> Заметки об исламе, исламском мире и его соседях.....	68
<i>Jarzabek J.</i> The theory of regional security complexes in the Middle Eastern dimension.....	202
РОССИЯ И ЕВРОПА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ	
<i>Ширяев Б. А.</i> Европа без России.....	218
<i>Лисий О. А.</i> Дискурс о миграции в Европейском Союзе: защита национальной или европейской идентичности?	231
<i>Ягья В. С., Матвеевская А. С.</i> О миграционной политике Европейского Союза	242
<i>Filipović A.</i> Kosovo and Metohija — history and current developments in the region	252
БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ	
<i>Лексютина Я. В.</i> Китайское экспертное сообщество о «возвышении» Китая и трансформации международной системы.....	265
<i>Погодин С. Н., Ли Цзиньчен.</i> История создания китайского проекта «Один пояс, один путь»	279
<i>Зеленева И. В., Эрдэнэ С.</i> Стратегическое партнерство между Россией и Монголией на современном этапе.....	287
<i>Дунаева Ю. Г.</i> Неприсоединение или противостояние: ревизия подходов к оборонной политике Индии	298

СОЦИАЛЬНОЕ, ГУМАНИТАРНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Немчинова Т. С., Музалёв А. А.</i> Латинизация письменности в государствах Центральной Азии: исторические предпосылки и современная ситуация	310
<i>Чернов И. В.</i> Сила слова (лингвополитическая критика концепции «Soft Power»).....	328
<i>Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.</i> Внешняя культурная политика Германии как фактор «мягкой» силы	344
<i>Guzel A. A.</i> Building collective memory of Turkey: the place of the Armenian genocide.....	360

ПУТИ К МИРУ, БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

<i>Ермолина М. А.</i> Конференция по устойчивому развитию 2015 г.: новые цели и задачи.....	372
<i>Митько А. В.</i> Технологии гибридных войн в арктическом противоборстве	380

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Лагутина М. Л.</i> Публичная дипломатия на евразийском пространстве	393
---	-----

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

<i>Ягья В. С.</i> Тереховский Сергей Владимирович (1954–2013).....	400
--	-----

ОБ АВТОРАХ	404
-------------------------	-----

CONTENTS

ADDRESS OF EDITOR-IN-CHIEF	9
<i>Yagya V. S.</i> Digest of World Politics: editorial review (2016–2017).....	12
THEME: ISLAM IN THE MODERN WORLD	
<i>Yagya V. S.</i> Notes about Islam, Muslim World and its neighbors	68
<i>Jarżąbek J.</i> The theory of regional security complexes in the Middle Eastern dimension	202
RUSSIA AND EUROPE: POSSIBILITIES AND LIMITS OF UNDERSTANDING	
<i>Shiryayev B. A.</i> Europe without Russia.....	218
<i>Lisiy O. A.</i> Discourse on migration in the European Union: protection of National or European Identity?	231
<i>Yagya V. S., Matveevskaya A. S.</i> Migration Policy of the European Union	242
<i>Filipović A.</i> Kosovo and Metohija — history and current developments in the region	252
GREATER EURASIA	
<i>Leksyutina Y. V.</i> Chinese experts on China’s rise and transformation of International system	265
<i>Pogodin S. N., Li Jingcheng.</i> The Chinese Project “One Belt One Road”: Historical background.....	279
<i>Zeleneva I. V., Erdene Suvd.</i> The Strategic Partnership between Russia and Mongolia at the current stage.....	287
<i>Dunaeva Y. G.</i> Nonalignment or opposition: audit approaches to Indian Defense Policy	298

**SOCIAL, HUMANITARIAN AND CULTURAL DIMENSIONS IN
CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS**

Nemchinova T. S., Muzalev A. A. Romanization of writing in Central Asia: historical background and contemporary situation 310

Chernov I. V. Words in World (The language as “Hard Power”)..... 328

Bogolyubova N. M., Nikolaeva Y. V. Foreign cultural Policy of Germany as a factor of “soft power”. Thematic and institutional aspects 344

Guzel A. A. Building collective memory of Turkey: the place of the Armenian genocide 360

**THE PATH TO PEACE, SECURITY AND
SUSTAINABLE DEVELOPMENT**

Ermolina M. A. Conference on Sustainable development 2015: new goals and objectives? 372

Mitko A. V. Technologies of hybrid wars in the Arctic confrontation 380

SCIENTIFIC LIFE

Lagutina M. L. International round table on “Public diplomacy in the Eurasian space” 393

IN MEMORIA

Yagya V. S. In memoria S. V. Terekhovskiy 400

THE AUTHORS..... 406

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается девятый выпуск ежегодного Альманаха «Актуальные проблемы мировой политики». Впервые он вышел в свет в 2006 г. и является междисциплинарным изданием по актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам международной политики, подготовлен преподавателями факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета совместно с коллегами из разных городов Российской Федерации и других стран. Альманах, таким образом, отражает не только различные исследовательские направления, но и разные подходы, научные школы изучения мирополитических проблем.

Постоянно меняющаяся ситуация в мировой политике заставляет ученых внимательно отслеживать события, происходящие в мире здесь и сейчас, и привносить в свои исследования факты, подтверждающие или опровергающие научные гипотезы, заявленные в фундаментальных трудах. И Альманах, по своей сути являясь своевременным отражением действительности, дает возможность зафиксировать текущие научно-исследовательские разработки для дальнейшего использования в написании монографий и учебников.

Работа над рукописью способствовала формированию группы единомышленников. Постепенно сложился интернациональный коллектив Редакционного совета, который каждый год пополняется новыми именами. Изменился состав редакционной коллегии, она объединила представителей разных кафедр Петербургского университета, в нее вошли доценты кафедр международных отношений на постсоветском пространстве *Евгений Юрьевич Трещенков*, американских исследований *Денис Сергеевич Голубев* и *Григорий Олегович Ярыгин*, европейских исследований *Наталья Викторовна Немирова*, политического управления *Александр Сергеевич Шерстобитов*, ассистент кафедры региональной политики и политической географии *Антон Александрович Музалёв*.

Специальной темой Альманаха стал ислам в современном мире. Ни одна религия в последние десятилетия не привлекает внимания стольких исследователей, хотя исламский мир долгое время оставался мировой периферией. Но положение стало меняться в середине XX в. с идеей «возрождения» ислама, что спровоцировало постепенное нарастание противостояния «исламского мира» и «западной цивилизации». В данном выпуске представлены результаты исследований специалистов в области исламоведения, политологии, современных международных отношений.

В Альманахе рассматриваются проблемы взаимодействия адептов ислама с приверженцами других религий, суннитско-шиитской вражды, роста популярности и значимости исламского фундаментализма и др. Значительное внимание авторы уделяют проблемам миграции (О. А. Лисий, А. С. Матвеевская). Большая часть беженцев приезжает в европейские страны из стран с преобладающим мусульманским населением. Для европейцев выходцы с Востока нередко остаются чужаками. С другой стороны, многие иммигранты, прибывшие в Западную Европу, не прилагают никаких усилий для интеграции в новое для них общество.

Вниманию читателей Альманаха предлагаются статьи, посвященные проблематике сдерживания угрозы распространения терроризма, в целом системе безопасности (В. С. Ягья, Я. Яжабек).

Предметом специального внимания профессора В. С. Ягьи является истинный ислам, который никак не связан с терроризмом или иными формами насилия. Утверждения ряда исследователей о присущей исламу эндогенности экстремизма, по мнению автора, ошибочны. Автор соединил широту и полноту образа современного ислама с популярным стилем изложения, что делает чтение работы доступным для широкой публики.

Для ученых Санкт-Петербургского государственного университета — это одна из магистральных научных тем. Кроме того, в Петербургском университете открыта образовательная программа магистратуры «Исламоведение». Основные учебные курсы программы включают в себя изучение ближневосточных и английского языков, религии и философии, истории и культуры мусульманских государств, идейного мира ислама, его традиций, а также политического влияния этой религии в разных регионах мира — от Азии и Африки до стран постсоветского пространства и российского Кавказа.

Преподаватели факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета стремились представить широкий круг проблем, освещаемых ими в рамках курсов, читаемых для студентов бакалавриата и магистратуры: глобализация и устойчивое развитие, Арктика, миграция, международное образование, евразийская интеграция, языковая политика и ряд других. Этому посвящены статьи Н. М. Боголюбовой, Ю. В. Николаевой, И. В. Чернова, М. А. Ермолиной, Т. С. Немчиновой, А. А. Музалёва.

Уже сложилась традиция выделять в отдельный раздел Альманаха региональную проблематику. Региональная структура мира сегодня меняется под воздействием объективных по своей природе процессов глобализации, которые, с одной стороны, делают мир все более универсальным, взаимосвязанным и взаимозависимым, с другой стороны, усиливают его региональное многообразие (статьи Б. А. Ширяева, Ю. Г. Дунаевой, Я. В. Лексютинной, И. В. Зеленовой, С. Н. Погодина). Приятно отметить, что среди авторов, занимающихся проблемами и перспективами регионов мира, — ученые Польши, Эстонии, Монголии, Китая, Сербии.

Мы надеемся, что представленные материалы вызовут живой интерес не только у специалистов, но и широкого круга читателей, и послужат основой для дальнейшей дискуссии по данным научным проблемам.

По традиции мы открываем Альманах «Редакционным обзором», ставшим вполне самостоятельным произведением, в котором главный редактор излагает свой взгляд на темы, проблемы, процессы, поставленные авторами публикуемых статей, очерков, эссе. Практикуется также краткий комментарий к наиболее актуальным вопросам происходящих событий, к острым дискуссиям, к пониманию или восприятию того, чем живет мир, бизнес-сообщество, политическая элита, естественные и социогуманитарные науки.

УДК 323+327

Актуальные проблемы мировой политики. Редакционный обзор 2016–2017 гг.

В. С. Ягья

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

При издании «Актуальных проблем мировой политики» сложилось так, что в «Слове главного редактора» оцениваются, как правило, важнейшие события на современной политической карте мира, способные сыграть судьбоносную роль в хитросплетениях международных и мирополитических отношений. В девятом томе остановимся на некоторых крупных, на наш взгляд, явлениях мировой политики 2016–2017 гг.

Ключевые слова: международный терроризм, суннитско-шиитские противоречия, военная операция в Сирии, Республика Беларусь, интеграционный потенциал, ЕАЭС, наука, экспорт образования, проект 5-100, Арктические исследования.

Борьба с международным терроризмом. Прежде всего стоит остановиться на том, что знаменует выход России на мировые просторы как решительной силы, действующей в условиях новой реальности, или, как стали говорить политологи, «*новой нормальности*», характеризующейся силовым вариантом решения конфликтов. Речь идет о продолжающихся военных, политических и гуманитарных действиях по борьбе с международным терроризмом, в связи с чем Москва предложила проект создания коалиции, в которую вошли бы все заинтересованные страны¹. Выяснилось, однако, что на этом пути немало препятствий. До сих пор нет четкого, общепринятого и легитимно понимаемого определения терроризма, отсюда и разные подходы к пониманию деятельности, целей и задач той или иной организации, члены которой берут в свои руки оружие и совершают боевые, подрывные, противозаконные атаки, в том числе и против мирного населения. Такие организации, к которым не одинаково относятся ведущие государства мира, имеются в Южной Азии, на Большом Ближнем Востоке, в Северной Африке и других регионах

---

¹ См.: С новой угрозой бороться сообща // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 23 марта; см. также: [1, с. 41–48].

нашей планеты. Например, Иран сотрудничает с ливанской шиитской организацией «Хезболла», в то время как Лига арабских стран (кроме Ирака и Ливана) и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива признают ее террористической².

Разночтения в характеристике подобных организаций не способствуют реализации предложения России, которая считает, что следует отбросить пристрастия, предпочтения или, наоборот, осуждения, критику по отношению к уже сформировавшимся организациям, угрожающим национальной, региональной и даже глобальной безопасности [2, с. 46–56].

С 2015 г. Россия подает пример бескомпромиссной борьбы с терроризмом, направив свои войска против Исламского государства (запрещенная в России террористическая организация), развернувшего террористическую войну в Сирии, а также осуществившего кровопролитные взрывы во Франции, Бангладеш, Тунисе, Германии и ряде других стран. Тем самым Россия защищает свой суверенитет на дальних рубежах и также оказывает значительную гуманитарную помощь обездоленным сирийцам, находящимся во вражеском кольце.

Руководитель Центра стратегического развития, член Научного совета при Совете Безопасности РФ А. И. Гушер оценивает политику России в отношении ИГ, Сирии, всего Ближнего Востока, включая Иран, рационально пересмотревшего свою ядерную программу, как стратегически обоснованную. Такая политика является доказательством того, что Россия обладает статусом великой мировой державы [1, с. 48].

Учитывая опыт прямой военной помощи Советского Союза Афганистану, Эфиопии, Народно-демократической Республике Йемен и другим странам Азии и Африки, на этот раз расчет строился на молниеносности и неожиданности вступления России в войну в Сирии и на мощь ее авиации, военного флота и ракетной техники. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров 1 декабря 2016 г., оценивая результаты военной операции России в Сирии, сказал, что действия российских военно-космических сил в этой стране нанесли серьезный урон террористам.

---

² *Медведев Е.* Эр-Рияд ударил по Тегерану через Бейрут // Независимая газета. 2016. 4 марта. — Один из депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга заявил: «Это позорище, что Россия отказывается считать террористами “Хезболлу” и “Хамас”». <http://www.rosbalt.ru/piter/2016/03/22/1500047.html>.

Однако следует заметить, что антитеррористические действия России были бы еще более значительными, если бы удалось привлечь к совместным операциям США. Несмотря на общность позиций США и России по Сирии, Дж. Керри не считает Москву ни другом, ни партнером³. К сожалению, и с приходом к власти Д. Трампа в январе 2017 г. нормализации российско-американских отношений не произошло, в том числе и в вопросе активизации Вашингтоном совместно с Россией деятельности в Сирии. По утверждению руководителя Центра анализа ближневосточных конфликтов Института США и Канады РАН А. Шумилина, «военная кампания России вызвала гнев и протест в самой Сирии, в регионе и во всем мире, и в имиджевом плане и политическом отношении ассоциироваться с этими действиями США не могут, не должны и не имеют права. Кампания привела к напряженности и неприятию России во всех суннитских странах, за исключением Египта».

Фактор суннитско-шиитских противоречий. Ссылка на суннитско-шиитские противоречия существенна для понимания того, что происходит не только в Сирии и в Ираке, но и во взаимоотношениях Ирана, сторонника и покровителя шиитских правителей, с Россией [3, с. 38–52]. Москва, ступив на стезю военного уничтожения терроризма, заявила, что не вмешивается во взаимоотношения суннитов и шиитов. Вероятно, с целью разъяснения этого подхода к войне в Сирии Россия масштабно стала развивать свои отношения с суннитскими государствами, в том числе с Саудовской Аравией, Иорданией, Катаром, ОАЭ, Бахрейном и др. Однако в этих государствах настороженно относились к углубляющемуся стратегическому партнерству, особенно в военной области, России и Ирана, к поддержке алавитского (ответвление шиизма) режима Б. Асада и откровенного шиита премьер-министра Ирака Хайдера Аль-Абади. Переубедить широкие массы суннитов вряд ли удалось, несмотря на все попытки. Возникла ситуация втягивания суннитов в вооруженную борьбу, даже если с Исламским государством (ИГ) в Сирии и Ираке будет покончено.

Усилия России, увы, не привели к быстрому уничтожению ИГ и связанных или действующих вне формальных отношений с ним террористических организаций. Вероятно, в этом одна из причин

---

³ Медведев Е. Керри не считает Москву ни другом, ни партнером // Независимая газета. 2016. 29 марта.

улаживания в июле 2016 г. отношений с Турцией, осложнившихся из-за сбитаго 24 ноября 2015 г. Анкарой российского бомбардировщика СУ-24, после того, как президент Р.Т. Эрдоган выполнил требование В.В. Путина и извинился за этот агрессивный акт. Привлечение суннитской Турции на свою сторону в войне в Сирии против ИГ и других террористических организаций предоставило России возможность откrestиться от обвинений в проиитской ориентации. Но связи с Ираном, в том числе фактическая поддержка требования Тегерана не допускать США к работе по Сирии в Астане в январе 2017 г. в качестве полноправного участника, лавров России в суннитском мире не принесли, а если и принесли, то не в том объеме, на который рассчитывали в Москве.

Обратили внимание и на подписанное Россией незадолго до встречи в Астане соглашение с Сирией о расширении территории пункта материально-технического обеспечения ВМФ России в Тартусе на 49 лет, с воздуха и моря его защищают вооруженные силы России, а с суши — армия Сирии. Вероятно, предусматривается, что шииты будут править в этой стране еще полсотни лет, а Россия будет их защищать, ибо было объявлено, что данное соглашение носит оборонительный характер. Заключением этого договора предполагалось упрочить международно-правовые основы присутствия российских войск в Сирии, а также показать миру, и особенно Арабскому Востоку, что Москва выводит свои боевые части, принимавшие участие в войне в Сирии и надеется на скорое завершение внутрисирийского военного конфликта. Не обошлось и без демонстрации Россией своего присутствия в Средиземноморье как гаранта стабильности в этой части мирового сообщества.

Другое мнение у известного российского политолога Г.И. Мирского: «...на фоне зверств джихадистов Асад выглядит меньшим злом даже для суннитов, которые уже давно тяготились властью алавитского меньшинства и жестоко пострадали от налетов правительственной авиации за последние четыре года. “Лучше уж Асад, чем эти убийцы”, — полагают мирные жители, сунниты и христиане. Но те, кто воюет, и те, кто помогает им, рассуждают иначе»⁴. Думается, что ученый заметно преувеличил проасадовские настроения среди так называемого молчаливого суннитского большинства. Иначе как

---

⁴ *Мирский Г.И.* Пять войн в Сирии: виден ли просвет? // Независимая газета — Дижурьер. 2015. 28 дек.

можно объяснить бегство миллионов арабов-суннитов за рубеж, прежде всего в Турцию, где оказалось не менее 3 млн человек, содержание которых потребовало от турецкой казны почти 10 млрд долларов, уход многих суннитов в боевые отряды террористических или оппозиционных организаций, действующих в Сирии и Ираке.

Исследовав ближневосточный вектор в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации, А. О. Коновалов убедительно заключает: «Суннитско-шиитское и арабо-иранское противостояния — за пределами российского формального геополитического дискурса. Руководство России понимает наличие внутриисламского и внутрирегионального расколов и сознательно избрало курс на невмешательство в данную проблему. В этой связи операция Военно-космических сил России в Сирии, начавшаяся в конце сентября 2015 г., представляется исключительно как борьба с международным терроризмом и стремление стабилизировать обстановку в арабской республике. Религиозный фундаментализм и его проявления в виде “Исламского государства” оцениваются как абсолютное зло, однако их появление на Ближнем Востоке характеризуется, в том числе, и как последствие действий США. При этом стратегия и тактика, реализуемые США и их партнерами против террористических группировок, оцениваются как неэффективные и нелегитимные, поскольку Вашингтон ведет “двойную игру”, используя экстремистов в своих целях»⁵.

Каков же выход? Трудно ожидать политического решения, которое позволило бы объединить силы правительства и оппозиции против ИГ. Также «маловероятный вариант — повторить 1990 г., когда ООН разрешила создать международные силы для освобождения Кувейта, захваченного иракским агрессором. Или другой — США отправили бы 200 тыс. солдат в Ирак, а Россия столько же — в Сирию. Тогда пришел бы конец ИГ, хотя отнюдь не конец воинствующему исламу вообще. Почему-то не похоже, что это произойдет. Остается надеяться, что резолюцию Совета Безопасности не постигнет судьба плана К. Аннана, на который так в Москве уповали, не желая видеть, что это всего лишь мертворожденное дитя международной бюрократии»⁶. В такой ситуации пришлось уповать на Турцию

---

⁵ Коновалов А. О. Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации: геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность: автореф. дис. ...канд. полит. наук. СПб., 2016. С. 28.

⁶ Мирский Г. И. Пять войн в Сирии: виден ли просвет?

и предстоящую 9 августа 2016 г. в Санкт-Петербурге встречу президента РФ В. В. Путина и Президента Турции Р. Т. Эрдогана. На этой и последующих встречах, в том числе 10 марта 2017 г., обсуждались и принимались решения о восстановлении прерванных добрососедских отношений, о реализации крупных экономических проектов и о совместных действиях по сирийскому кризису. Камнем преткновения стала тема сирийских курдов, привлекаемых Россией к борьбе с террористами и противниками Б. Асада. Кроме того, 10 февраля 2016 г. состоялось открытие представительства Сирийского Курдистана в Москве. На момент открытия отношения между Москвой и Анкарой были напряженными, поэтому ни власти Турции, ни власти России не комментировали данное событие. Инцидент со сбитым российским бомбардировщиком Су-24 серьезно осложнил положение российской группировки в Сирии и повлек длительное ухудшение российско-турецких отношений. На полгода Турция из партнера превратилась чуть ли не в потенциального противника. Однако после извинений Р. Т. Эрдогана, когда отношения стали налаживаться, Турецкий МИД призвал Москву посодействовать закрытию московского офиса партии «Демократический союз» (PYD), которую Анкара считает ответвлением от запрещенной и признанной в Турции террористической Рабочей партии Курдистана. Но позиция России сводилась к тому, что представительство не является офисом партии, не имеет функций дипломатической миссии и обладает статусом неправительственной организации.

Очевидно, Турция преследует свои собственные интересы в Сирии и Ираке, заключающиеся в том, чтобы не допустить курдские вооруженные отряды — пешмарга, участвующие в войне на стороне Б. Асада и поддерживаемые США и Россией, к созданию самостоятельного государства⁷. Анкара ввела войска на территорию Сирии и Ирака в рамках провозглашенной операции «Щит Евфрата». Уже в конце ноября 2016 г. в зарубежных СМИ появилась информация

---

⁷ См.: *Shahbozov*. What is preventing Kurdish independence? // The Jerusalem Post. 2016. November 20; *Georgy M.* Syrian Kurds long to return home from Iraq to fight Islamic State // The Jerusalem Post. 2016. November 15; *Çelik M.* Nearby 80 pct of Turkey's Kurds against 'soft-governance' // Daily Sabah. 2016. January 15; *Ünal A.* US Ambassador: PKK needs to cease its attack and needs to stop declaring autonomy // Daily Sabah. 2016. January 15; *Karadeniz T.* Turkey aims to fully secure borders early next year // The Jerusalem Past. 2016. November 18; *Ахметов Т.* Эрдоган, собиратель земель османских // Независимая газета — Дипкурьер. 2016. 17 нояб.

о том, что турецкий президент Р. Т. Эрдоган якобы заявил, что армейские части Турции в Сирии нацелены на разгром правительственных сирийских войск и отстранение от власти Б. Асада⁸. Подобное толкование его слов вызвало смятение в Москве. Но уже 1 декабря 2016 г. в Алании, во время встречи министров иностранных дел России и Турции, четко прозвучало, что Анкара будет проводить политику сохранения территориальной целостности Сирии, что договоренности Турции и России, достигнутые в предыдущие месяцы, будут выполняться в полном объеме, что Турция будет вести политику в отношении Сирии, совпадающую с позицией России.

России также пришлось отступить, согласившись с требованиями Анкары не допустить курдов на конференцию в Астане. Переговоры в Астане, начавшиеся с обвинений друг друга (оппозиция — власть Сирии) и завершившиеся без принятия заключительного коммюнике, тем не менее оценивались Москвой как давшие импульс урегулированию в Сирии и обозначившие готовность использовать полученный опыт в будущем. По окончании встречи в Астане в МИДе РФ состоялась беседа с оппозицией по созданию единой политической платформы в Сирии.

В феврале 2017 г. группа экспертов от стран-участниц Астаны-1 работала в том же казахстанском городе над повесткой и условиями проведения женевских переговоров оппозиции и представителей Б. Асада. По существу в Женеве переговоры проходили по Родосскому формату. Они, к сожалению, не привели к прорыву в разрешении сложившейся в Сирии ситуации, но способствовали выявлению позиций обеих стран для предстоящих диалогов. В любом случае это был шаг в предстоящем умиротворении враждующих сторон — власти и оппозиции. Думается, что позитивную роль в Астане-1, Астане-2 и Женеве сыграли улучшившиеся взаимоотношения России и Турции. В лице Турции Россия приобрела еще одного сторонника в разрешении сирийского кризиса и в упразднении ИГ. Семь встреч по вопросам межсирийского урегулирования состоялись в столице Казахстана в январе, феврале, марте, мае, июле, сентябре и октябре. Очередной, восьмой, раунд переговоров стартовал 21 декабря 2017 г. Если возвращаться к женевским переговорам (также восемь раундов), это была легитимация политического про-

---

⁸ См.: *Строкань С., Юсин М.* В словах президента не расслышали контекста // Коммерсантъ. 2016. 1 дек.

цесса, одобренная ООН. Есть резолюция № 2254 по Сирии, которую Россия подписала и обязана соблюдать. Но прошедшие восемь раундов в Женеве говорят о том, что прямого диалога там не произошло. Спецпосланник Генерального секретаря ООН встречался по очереди со всеми группами, вовлеченными в конфликт. Даже не было единой делегации оппозиции.

Подводя в ноябре 2017 г. итоги «работы в Сирии за последние два года», президент РФ В. В. Путин самым значимым результатом назвал создание усилиями России, Турции и Ирана зон деэскалации. Договоренности об их создании были выработаны в рамках переговорного процесса в Астане, инициированного в январе 2017 г. этими тремя государствами. Как показало дальнейшее развитие событий, именно ускоренный переход к новому этапу сирийского урегулирования к концу 2017 г. стал основной задачей российской дипломатии на Ближнем Востоке. Этот этап предполагает завершение активной фазы боевых действий и начало межсирийского диалога с максимально широким вовлечением в него национальных и религиозных групп.

Объявив о предстоящем завершении своей военной операции, Россия предложила провести в Сочи Конгресс народов Сирии. В Сочи в конце ноября 2017 г. прошла встреча президентов России, Турции и Ирана. Саммиту предшествовали приезд в Сочи президента Сирии Б. Асада и его переговоры с В. В. Путиным, в ходе которых обсуждались сценарии переходного периода. Благодаря усилиям политиков и дипломатов Конгресс сирийского национального диалога состоялся 29–30 января 2018 г. На форуме было принято решение о формировании полномочного органа для подготовки новой конституции Сирии.

В любом случае это дает новые надежды в развязывании сирийского узла противоречий, конфликтности и все углубляющегося недоверия между задействованными в этом кризисе мировыми державами. Вероятно, и США, видя российско-турецкое партнерство в стремлении положить конец международному терроризму на сирийской территории, сконцентрируются на активизации коалиционных усилий по подавлению самого опасного в настоящее время врага — международного терроризма. Таким образом, Д. Трамп в этом отношении настроен конструктивно, есть две сферы возможного сотрудничества США и России применительно к Ближнему Востоку: борьба с терроризмом и сирийский кризис.

Все это, однако, не означает, что, вступая в контакты и даже во взаимодействие в Сирии, и США, и Россия откажутся от своих приоритетов, от своих ближневосточных целей и задач. Мешают достижению приемлемых договоренностей и опрометчивые заявления тех или иных политиков. Например, «Независимой газете» стало известно от неназванного источника, близкого к переговорному процессу по Сирии: «безусловно, Вашингтон действует по многим направлениям, пытаясь вбить клин между Москвой и Тегераном, и не только из-за Сирии, но еще и потому, что Иран стал мощной региональной державой во многом благодаря американскому вторжению в Ирак. США действуют по старой империалистической схеме “Разделяй и властвуй”, и чем больше будет разногласий между шиитами и суннитами или другими партнерами, тем лучше: только так удобнее управлять и той, и другой сторонами»⁹. Возможно, все это происходит потому, что, как полагает бывший советник по России в администрации Дж. Буша-младшего Т. Грэм, «в многополярном мире США не могут найти главного врага»¹⁰. Думается, этот взгляд на внешнеполитические ориентиры США несколько преувеличен. Таковым врагом для Вашингтона является любое государство или любая сила, которые разрушают или пытаются разрушить американскую доминацию в мире, препятствуют насаждению американских идеалов и моделей развития на мировом пространстве, а также обрекают созданный этой страной Pax Americana на закат [4, с. 23–28]. Стоит прислушаться и к главному экономисту Bremer Landesbank Ф. Хелльмейеру, сказавшему в интервью германскому новостному каналу Deutsche Wirtschafts Nachrichten, что «американцы лишатся мирового господства из-за России и Китая, а также других государств ШОС и БРИКС»¹¹. Это предсказание вряд ли осуществится даже в ближайшей перспективе, но его следует иметь в виду, когда мы занимаемся прогнозами будущего состояния мировой политической системы.

В начале XXI в. ускорилась трансформация международных отношений, межгосударственного взаимодействия и взаимозави-

---

⁹ Медведев Е. Американский ультиматум Владимиру Путину // Независимая газета. 2015. 20 нояб.

¹⁰ Сурков Н. Интервью с Томасом Грэмом. «В многополярном мире США не могут найти главного врага» // Известия. 2016. 26 мая.

¹¹ По теме: Немецкий экономист: Россия и КНР положат конец гегемонии США // Стратегия России. 2015. № 11. С. 28.

симости, умножилось количество акторов мировой политики, все возрастает численность движущих сил глобализации, а также углубился процесс интеграционных объединений, и сформировалась интеграция интеграций, о чем на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 и в 2017 гг. немало говорилось. Но по-прежнему главным субъектом мировой политики является национальное государство, к которому и поныне вполне применима высказанная У. Гладстоном еще в XIX в. фраза об отсутствии у Англии постоянных врагов и наличии постоянных интересов и приобретаемая в исторической перспективе широко распространенное, но несколько иное звучание, а именно: «У Англии нет вечных друзей, есть вечные интересы». Национальными интересами руководствуются Россия, США и другие великие державы, когда проводят свою внешнюю политику, используя, в частности, различные методологические и практические инструментари (например, «мягкую силу», «умную силу», «жесткую силу», «контекстуальный интеллект»), дипломатические приемы общеконцептуального или индивидуально-конкретного содержания, социальные сети¹² и др. Опираясь на те или иные концептуальные разработки, в ходу западных держав такие практические действия, как цветные революции и гибридные войны¹³.

Своеобразной формой оказания нужного воздействия на ход развития ситуации в арабском мире стала так называемая «Арабская весна»¹⁴, названная нами арабской зимой. По некоторым данным, потери стран Арабского Востока от этой зимы составляют триллионы долларов. И это — не считая тех расходов, которые понесли Турция, Иран и иные страны, так или иначе задействованные в событиях. Особую опасность «арабо-зимние» события представ-

---

¹² См.: Наумов А. Оружие технотронного века // Стратегия России. 2015. № 11. С. 35–40.

¹³ Денчев С., Павлова М. Кто смешивает краски // Там же. 2016. № 3. С. 51–56; Арямова А. Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран Англо-американского политического альянса // Власть. 2015. № 9. С. 5–11; Нагорных И. «Цветным революциям» ответят по законам гибридных войн // Коммерсантъ. 2016. 1 марта; Brazil on the brink // The Washington Post. March 26, 2016; Белозеров В. К., Соловьев А. В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11; Неклесса А. Гибридный мир и сирийская комбинаторика // Независимая газета. 2015. 16 дек.; Кандель П. Е. Бывают ли бесцветные «цветные революции»? // Власть. 2016. № 8. С. 185–188.

¹⁴ Friedman Th. I. The many Mideast solutions // The New York Times. International Edition. 2016. February 11.

ляют в связи с тем, что они всколыхнули радикальные исламистские движения. Конечно, главная причина их активизации, по словам Т.Грэма, состоит в том, что администрация Дж. Буша-младшего попыталась сделать новым главным врагом радикальный ислам.

Многие политологи полагают, что в русле этой политики США следует характеризовать и украинские события, означающие острейший кризис на постсоветском пространстве. Доцент МГУ им. В. М. Ломоносова А. Е. Коньков считает, что в украинских событиях прослеживается отзвук событий арабской весны: «...несмотря на казалось бы совершенно иную цивилизационную модель, события в этой стране (Украине. — *Авт.*) развивались по той же схеме: государственный переворот, активно поддерживаемый из Вашингтона и ориентирующийся на одобрительную мимику Брюсселя, приход во власть радикалов, одержимых перераспределением финансовых потоков и преследованием корыстных интересов, как итог — жесткое противостояние, вплоть до гражданской войны»¹⁵. Пожалуй, в них более трагичное содержание. И оно более угрожающе для судеб мира, и прежде всего для России и всех государств СНГ, связанных общностью прошлой истории, ее наследием и неизбывной памятью о десятилетиях и даже столетиях совместного государства. И это придает силы и России, и другим членам СНГ в отстаивании своих национальных интересов и в неприменном желании видеть Украину независимым государством на постсоветском пространстве.

СНГ. Республика Беларусь. Отношения со странами Содружества Независимых Государств (СНГ), отдельными его членами являются приоритетными во внешней политике России. Особое значение имеет Республика Беларусь¹⁶. 2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси, положивший начало формированию Союзного государства. В 2016 г. отмечалось двадцатилетие данного образования. В своем поздравлении Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко отметила исторические корни единения обеих стран, прочность и нерушимость их

---

¹⁵ Коньков А. Е. Софистика зла // Независимая газета. 2016. 9 февр.

¹⁶ Белорусские власти заявляют, что официальное название их государства Беларусь, но ни в коем случае не Белоруссия. «Вопрос о правильном наименовании страны на русском языке — пишет российский журналист О. Зорин, — был поднят 26 ноября 2009 г. на заседании Объединенной коллегии министров двух стран в Минске». Цит. по: Зорин О. Белоруссия хочет быть Беларусью // Коммерсантъ. 2009. 27 нояб.

отношений. Главную причину этого она видит в том, что «отношения русского, других народов России и белорусского народа никогда и ничем не были омрачены. Они изначально свободны от неравенства, чувства национального превосходства, недоверия. Они были, есть и останутся и впредь отношениями дружбы, взаимовыгодного всестороннего сотрудничества, неуклонного сближения»¹⁷.

На прошлое, как фактор сплочения народов России и Беларуси, ссылались и другие руководители этих стран. Общим лейтмотивом юбилейных поздравлений стало признание того, что «история неоднократно показывала, что только вместе мы способны достойно ответить на любые вызовы и угрозы»¹⁸. Как отметил Председатель Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, первый заместитель Председателя Парламентского собрания Союза Беларуси и России В. Андрейченко, «из нынешних серьезных экономических испытаний и других вызовов, с которыми столкнулись наши страны, мы выйдем с достоинством, окрепшими, опираясь на надежное партнерство, в том числе по линии межпарламентского сотрудничества»¹⁹.

Показательны по случаю двадцатилетия слова в приветственном обращении к россиянам и белорусам президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Пример Союзного государства во многом стал ориентиром для интеграции в евразийском формате. Инновационный опыт белорусско-российской интеграции в рамках “двойки” мы с нашими партнерами по “пятерке” активно используем в процессе становления ЕАЭС»²⁰.

25 февраля 2016 г. на Высшем государственном совете президент России назвал Союзное государство «драйвером интеграционных процессов» на всем постсоветском пространстве. За время существования Союзного государства удалось многого добиться: укрепить торгово-экономические, научно-технологические, образовательные и культурные связи, нарастить договорно-правовую базу²¹. На государственном уровне осуществляются крупные проекты, «полным ходом идет сооружение белорусской атомной электростанции. Безусловно, это один из наших флагманских проектов. Напом-

---

¹⁷ Цит. по: Союзное государство. 2016. Март. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ Лукашенко А. Эра единения // Беларусь союзная. 2016. 2 апр. С. 2.

²¹ Двадцать мгновений весны // Союзное государство. 2016. Март. С. 3.

ню, что объем российских капиталовложений — 10 млрд долларов. Запуск первого энергоблока запланирован на 2018 г., второго — на 2020 г. Россия помогает в модернизации газотранспортной системы Белоруссии. До 2020 г. «Газпром» планирует, кроме тех вложений, которые уже сделаны, вложить в экономику и в этот конкретный проект около 2,5 млрд долларов — белорусский участок газопровода Ямал–Европа — и свыше одного миллиарда долларов в увеличение объема подземных хранилищ»²².

В мартовском 2016 г. интервью посол Беларуси в Москве И. В. Петрищенко перечислил в своем интервью множество проектов, осуществленных или осуществляющихся совместно обеими странами, и прежде всего 27 реализованных проектов в области устранения негативных последствий Чернобыльской катастрофы²³. Следовало бы, на наш взгляд, ООН специально отметить этот факт российско-белорусских инициатив по восстановлению природы, подвергшейся радиоактивному загрязнению. И когда Беларусь в западных СМИ критикуется, авторам критики нужно было бы иметь в виду, что Чернобыль нанес стране вред на 235 млрд долларов, что составляет 25 консолидированных бюджетов Беларуси (!).

В налаживании делового сотрудничества большую роль играют межрегиональные связи между субъектами Российской Федерации, с одной стороны, и областями и городами Белоруссии — с другой. Такое сотрудничество создает остов межгосударственных и внутрисоюзных связей и повышает уровень доверия, об этом, в частности, шла речь в июне 2016 г. на III форуме регионов Беларуси и России. Наиболее активно со стороны России отношения развиваются Нижним Новгородом, Санкт-Петербургом, Москвой, Ханты-Мансийским автономным округом. В 2016 г. Беларусь с визитом посетили представители сорока регионов России, 14 из делегаций возглавляли губернаторы, руководители регионов. В этом ряду находится и визит делегации Законодательного Собрания Санкт-Петербурга во главе с его председателем В. С. Макаровым. Переговоры с руководством Минского горсовета, проходившие в рамках подписанного ранее Меморандума о сотрудничестве законодательных органов власти двух городов, дали большой политический, законотворческий и деловой эффект. В 2017 г. делегации регионов собрались на

---

²² Там же. С. 5.

²³ Федякина А. Белорусский мотив // Российская газета. 2016. 1 апр.

IV форум с тем, чтобы обсудить векторы интеграционного развития в сфере высоких технологий, инноваций и информационного общества.

Подводя итоги юбилейного года, В.В. Путин в ноябре 2016 г. (перед встречей с президентом А. Г. Лукашенко) констатировал, что «Россия остается торгово-экономическим партнером номер один для Белоруссии», «небольшое снижение — явление временное, а главное, что у нас есть не просто большие проекты. Главное — создан механизм воспроизводства объема наших торгово-экономических связей и их диверсификации»²⁴. В товарообороте России со странами СНГ Беларусь традиционно занимает первое место, а среди всех торговых партнеров Российской Федерации — четвертое²⁵.

Однако вопросы наращивания интеграционного потенциала России и Беларуси не обходятся без проблем и трудностей. 2016–2017 гг. стали особенно трудными для сотрудничества стран, и не раз за это время отношения подвергались испытанию на прочность. Поэтому для поддержания высокого уровня взаимоотношений с Беларусью Россия делает немало в экономическом плане. Вот почему странно было услышать от одного высокопоставленного чиновника Минска слова сожаления о том, что, если Россия хочет иметь союзников, то ей надо их «кормить», и в качестве примера сослался на Украину, которой «Газпром» порой завывшал цены на газ. Может быть, собеседник тем самым намекал и на требование Беларуси снизить цены на поставляемый Россией газ? Оно было официально впервые объявлено в мае 2016 г.²⁶ Мой собеседник посетовал также на неприемлемые объемы нефтепоставок и их цены для Минска. В разговоре упоминалось не раз звучавшее в белорусских СМИ изречение, что «дружить — не хороводы водить»²⁷.

По-видимому, как своеобразный демарш следует рассматривать отказ А. Г. Лукашенко участвовать в декабрьских заседаниях 2016 г.

---

²⁴ Бушев А. Все восстановим / «СОЮЗ. Беларусь — Россия» // Российская газета. 2016. 24 нояб.

²⁵ Внешняя торговля России в 2015–2017 гг. Сайт Минэкономразвития. <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/3bb39e81-106e-4fe0-ab98-92c793e1f0d0/20170803.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=3bb39e81-106e-4fe0-ab98-92c793e1f0d0>.

²⁶ Барсуков Ю. Белоруссия играет газом // Коммерсантъ. 2016. 13 мая; Ходасевич А. Белоруссия расплачивается за комплименты НАТО // Независимая газета. 2016. 28 мая.

²⁷ См.: СОЮЗ. Беларусь — Россия // Российская газета. 2016. 31 марта.

Высшего Совета ЕАЭС и Совета коллективной безопасности ОДКБ в Санкт-Петербурге — в знак недовольства политикой России в отношении Беларуси, поскольку Москва выдвигает требования обязательной выплаты нефтегазового долга и повышения качества импортируемых сельхозпродуктов²⁸. И это — несмотря на то, что в Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом В. В. Путиным накануне, 30 ноября 2016 г., сказано: «Россия будет расширять стратегическое взаимодействие с Республикой Беларусь в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах»²⁹. Замечу, что Россия вкладывает значительную часть средств в бюджет этого Союзного государства, составивший в 2017 г. более 6,7 млрд руб.

Трудности возникают и при реализации идей интеграционных проектов на постсоветском пространстве — ЕАЭС и ОДКБ, которые возникли и развивались после создания Союзного государства. По мнению профессора Белорусского государственного университета Л. Е. Криштаповича, лидеры независимых государств — членов ЕАЭС не понимают, что «подлинная независимость возможна лишь с признанием общего евразийского интереса в качестве приоритетного интереса своих стран» [5, с. 19]. Иначе, «продолжая настаивать на сохранении своих удельных суверенитетов, они тем самым лишают свои страны возможности подлинного суверенитета и независимости»; «растаскивать общенациональный, евразийский интерес по удельным квартирам — значит продолжать оставаться в ситуации геополитической катастрофы, находиться под внешним управлением западной бюрократии и олигархии». Под геополитической катастрофой XX в. понимается распад СССР. Республикам бывшего СССР, ставшим независимыми странами, приходится искать собственные пути развития, но предлагаемый реальной жизнью путь ЕАЭС отвергается рядом постсоветских государств.

---

²⁸ См.: *Сергеев М.* Россия: два газовых конфликта // Независимая газета. 2016. 19 дек.; *Ходасевич А.* Лукашенко во всех проблемах обвинил Россельхознадзор // Независимая газета. 2016. 15 дек.; *Барсуков Ю., Мордюшенко О.* Союзное государство // Коммерсантъ. 2016. 16 дек.; *Ходасевич А.* Минск обвинил Россию в санкциях против Белоруссии // Независимая газета. 2016. 19 дек.; *Козлов П.* Саммит без Минска // Ведомости. 2016. 27 дек.

²⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016). http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

Не случайно в Минске заговорили даже о том, что в случае провала каждый из участников этого перспективного объединения (ЕАЭС) окажется в невыгодном свете. «У нас обратного пути нет. Нам нужно совершенствовать Евразийский экономический союз, создавать союз не хуже ЕС. В противном случае мы перед нашими людьми будем выглядеть болтунами», — заявил 24 марта 2016 г. А. Г. Лукашенко, встречаясь с председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии Тиграном Саркисяном. Кроме того, такие действия членов ЕАЭС, как вступление в ВТО (речь идет о Казахстане), «накладывают свой отпечаток» и к ним «приходится адаптироваться»³⁰. Белорусский президент неоднократно обращал внимание на то, что Россия и Казахстан присоединились к ВТО, нарушив прежние договоренности об одновременном вхождении в эту торговую организацию. После вступления Казахстана в ВТО Беларусь осталась единственной в ЕАЭС страной, не являющейся членом этой организации. Данная ситуация заставляет ее выполнять практически все требования ВТО.

Поэтому наряду с внутрисоюзными и евразийскосоюзными инициативами Беларусь после многолетней самоизоляции в мирополитическом общении с ведущими державами Запада с 2016 г. вступила на стезю расширения связей. Правильнее говорить, однако, что Запад изменил отношение к Беларуси. И прежде всего активизировались переговоры Беларуси с ВТО. Выступая 29 марта 2016 г. на совещании этой организации, А. Г. Лукашенко сказал: «С одной стороны, совершенно очевидно, что не интегрироваться в мировую торговую систему Беларусь позволить себе не может, так как наша экономика является экспортоориентированной, и от условий на внешнем рынке во многом зависит благосостояние страны»³¹. Но вступление в ВТО не должно стать самоцелью, «соблюдение национальных интересов в ходе переговоров — ключевой принцип». В 2016 г. присоединение к ВТО стало одним из приоритетов внешней политики и экономического развития Республики Беларусь. В марте 2016 г. обновлена Межведомственная комиссия по вопросам присоединения Беларуси к ВТО. К началу 2017 г. были подготовлены необходимые для международных переговоров документы. На протяжении 2016–

---

³⁰ Ходасевич А. Белорусы не верят в Евразийский союз // Независимая газета. 2016. 25 марта.

³¹ Соблюдая национальный интерес // Вечерний Минск. 2016. 31 марта.

2017 г. в целях сближения позиций и завершения переговоров по присоединению Беларуси к ВТО велись интенсивные консультации со всеми заинтересованными членами ВТО, включая Европейский Союз, США, Украину, Бразилию, Австралию, Канаду, Швейцарию. 24 января 2017 г. состоялось восьмое, наиболее значимое (впервые после одиннадцатилетнего перерыва), официальное заседание Рабочей группы с участием более сорока государств — членов ВТО, а в сентябре — девятое официальное заседание.

Но за год до встречи по ВТО в марте 2016 г. А. Г. Лукашенко подчеркнул: «Я специально впервые публично говорю о поведении наших союзников и нашего главного союзника, потому что я часто слышу, что вот, мы тут, в Беларуси, повернулись куда-то на Запад. Это тоже как реакция на то, кто тут куда “поворачивался”»³². Попутно он назвал Евразийский экономический союз мелким наряду с МЕРКОСУРом. Эти слова позволяют судить о наличии серьезных расхождений в оценке действий союзников Беларуси за кулисами официальных восторженных слов о дружбе участников Союзного государства и ЕАЭС³³. То есть мы еще раз сталкиваемся с неизменным курсом следования государства национальным интересам. Лидер Объединенной гражданской партии, экс-кандидат в президенты Беларуси А. В. Лебедько полагает, что А. Г. Лукашенко использует ЕАЭС для давления на Россию³⁴. «Политикой шантажа» он объяснил отказ А. Г. Лукашенко быть в Санкт-Петербурге на саммите ЕАЭС в декабре 2016 г. Так это или не так, пока судить еще рано. Но возникают вопросы: а почему некоторыми политиками и экспертами предпочитается самоизоляция Беларуси от центространовой архитектуры мировой политики? Почему не учитываются национальные интересы Беларуси, сформировавшиеся в минувшее двадцатипятилетие вне предыдущей истории в составе Российской империи и Советского Союза? Почему отвергается поиск Минском путей удовлетворения своих государственных потребностей? Поче-

---

³² Соблюдая национальный интерес // Вечерний Минск. 2016. 31 марта. — Эта статья подготовлена и распространена БелТА/Белорусским телеграфным агентством.

³³ См., напр.: *Ходасевич А.* Активность Минска направлена на Запад: в отношениях России и Белоруссии зарегистрировано похолодание // Независимая газета. 2016. 21 нояб.

³⁴ *Гамова С., Ходасевич А.* Президентский невыход // Независимая газета. 2016. 27 дек.

му утверждается обязательность для Минска не иметь свое мнение на целый ряд проблем ЕАЭС? И т. д. Но совершенно прав эксперт Института востоковедения РАН А. В. Воробьев: «несмотря на тяжелый старт, процесс интеграции (евразийской. — *Авт.*) продолжается»³⁵.

Сетую на вступление Казахстана в ВТО, Минск упоминал о таковых неудобствах в ЕАЭС. Сам же Минск в качестве давления на Россию использовал фактор повышения транзитных тарифов на своей территории³⁶. Да и цены на те или иные поставляемые из России товары трактуются в Москве и Минске по-разному, вследствие чего, к примеру, долг Белоруссии за поставки газа, по оценке Министерства энергетики Российской Федерации, достиг более 550 млн долл., в Беларуси же заявляют вообще об отсутствии долга за природное топливо. В СМИ часто даже говорят о нефтегазовом конфликте между Россией и Беларусью³⁷. В Беларуси — кризисная экономическая ситуация, особенно в связи с колоссальным внешним

³⁵ См.: *Воробьев А.* Кодекс преткновения // Независимая газета — Дипкурьер. 2017. 16 янв.

³⁶ *Соловьева О.* Минск давит на Москву транзитным тарифом // Независимая газета. 2016. 3 нояб. — По существующим нефтепроводам, проходящим по территории Беларуси, нефть поступает в Германию, Чехию, Словакию, Польшу, Венгрию и Украину.

³⁷ Предполагается, что в первом квартале 2017 г. вместо обычных 4,5 млн т нефти Россия поставит до 4 млн т. (*Мордюшенко О., Барсуков Ю.* Белоруссия не досчиталась российской нефти // Коммерсантъ. 2017. 9 янв.). Чтобы побудить Россию к уступкам в нефтегазовой области, Минск ввел новые повышенные тарифы на транспортировку нефти по своей территории. Директор белорусского Центра по проблемам европейской интеграции Ю. Шевцов в беседе с «Ъ» предположил: «...пока не будет урегулирован спор о цене на газ, отношения двух стран будут оставаться напряженными и в них то и дело будут появляться новые раздражители» (*Кривошеев К., Барсуков Ю., Черненко Е.* Россия и Белоруссия проверят границу дозволенного. В отношениях Москвы и Минска появился новый раздражитель // Коммерсантъ. 2017. 3 февр.). Представляется, что России необходимо взвесить все выгоды и негатив отказа от признания низкой цены на газ, на чем настаивает Минск, и преимуществ, какие дают союзнические отношения с Беларусью, в том числе в рамках союзного государства. Учитываться Москвой должны и национальные интересы России, и собственные социально-экономические и политико-географические особенности положения обеих стран по отношению к соседям, и те же интересы их соседей. Может быть, на первых порах прислушаться к совету А. Габуева «покрепче пристегнуть ремни, впереди немало интересного» (*Габуев А.* Правила игры // Коммерсантъ. 2017. 3 февр.).

долгом, достигшим, по данным Министерства финансов Беларуси, на конец 2017 г. 16,5 млрд долл.³⁸ Его выплата за счет собственных валютных резервов, составляющих 7 млрд долл.³⁹, «создаст риски для стабильности национальной валюты». Экс-глава национального банка Беларуси, доктор экономических наук, профессор С. Богданкевич полагает, что «золотовалютные резервы как будто выросли, и это положительный факт. Но ведь они выросли на фоне обнищания белорусских граждан»⁴⁰.

Видимо, по причине несогласованности между Москвой и Минском вопроса о цене на поставляемую из России нефть А. Г. Лукашенко начал поиск новых поставщиков углеводородного сырья. В поле его зрения — Иран, у которого Минск в феврале 2017 г. уже закупил 80 тыс. тонн сырой нефти⁴¹, Катар и ОАЭ. Минск уже восстановил отгрузку нефти из Азербайджана через порт Одессы и далее по железной дороге до Мозырского НПЗ⁴². Перспективы импорта нефти из ближневосточных стран в Беларусь взамен ее поставок из России все-таки призрачны, ибо Россией поставлялось более 20 млн тонн (в 2016 г. — 22,6 млн тонн на общую сумму 5,5 млрд долл.). Минск обратил свои взоры и на две африканские страны, Египет и Судан, где уже в середине января 2017 г. побывал А. Г. Лукашенко, приняв участие в бизнес-форумах и проведя переговоры с рядом руководителей местных компаний. Потенциал достигнутых договоренностей о поставках белорусских машин и оборудования и организации производства тракторов и грузовиков не столь велик, как на то рассчитывал Минск. Но это начало, которое позволит, возможно, в дальнейшем расширить экономические связи.

---

³⁸ Государственный долг на 1 декабря 2017 г. Министерство финансов Республики Беларусь. http://www.minfin.gov.by/ru/public_debt/pressreleases/ac6ca5f444a94f98.html.

³⁹ Международные резервные активы Республики Беларусь. Национальный Банк Республики Беларусь. <http://www.nbrb.by/statistics/ReserveAssets/assets.asp>.

⁴⁰ *Богданкевич С.* Золотовалютные резервы растут на фоне обнищания граждан // Белорусский партизан. 16.07.2017. <https://belaruspartisan.by/economic/387761>.

⁴¹ *Петлевой В.* Минск купил нефть в Иране // Ведомости. 2017. 17 февр.

⁴² *Ходасевич А.* Лукашенко продолжает искать нефть // Независимая газета. 2016. 31 окт.; *Башкатова А.* Минск грозит заменить российскую нефть иранской // Независимая газета. 2016. 10 окт.; *Мамедов С.* Алиев опять выручил Лукашенко // Независимая газета. 2016. 1 дек.

Однако вопрос о разведке и добыче нефти и газа в Судане остался пока открытым⁴³.

С осени 2016 г. Минск стал расширять свое сотрудничество и с Пекином. Во время визита в Поднебесную А. Г. Лукашенко подписал около тридцати межгосударственных документов на общую сумму 11 млрд долл., проложив тем самым новую линию взаимоотношений с Китаем, от «кредитной к инвестиционной»⁴⁴. В реализации достигнутых договоренностей заинтересованы обе страны: Китай надеется на участие Беларуси в проекте «Один пояс — один путь», открывая дорогу территориально-экономическому выходу в Северную и Восточную Европу, а Беларусь предполагает заполучить мощные финансовые ресурсы для устойчивого развития и одновременно найти новые рынки сбыта своей продукции, тем самым нивелировав экономическую привязку к Москве.

Те же цели преследуются Минском и в отношениях со странами Запада, и прежде всего с США. В свою очередь Вашингтон времен президента Б. Обамы отбросил критический настрой в адрес белорусского президента, заявив, что считает Минск важным фактором европейской безопасности. На встрече с заместителем помощника министра обороны США М. Карпентером А. Г. Лукашенко, выслушав заверения американского посланника в необходимости сдвинуть отношения с Минском с мертвой точки, напомнил о своей идее подключить США к «нормандской четверке», в результате чего, по его мнению, «настоящий мир был бы установлен довольно быстро»⁴⁵. Белорусский президент своеобразно отреагировал и на активность блока НАТО у белорусских границ, отметив, что «риторика о вероятном военном противостоянии неуместна», но и «лишние трения здесь тоже ни к чему». И опять в беседе всплыла Украина, когда президент, сказав о союзнических обязательствах с ОДКБ, заверил, что эта организация никогда не будет представлять угрозы ни союзным странам и ни одному соседнему государству: будь то Украина или любое другое»⁴⁶.

---

⁴³ Ходасевич А. Белоруссия хочет добывать нефть в Судане // Независимая газета. 2017. 18 янв.

⁴⁴ Ходасевич А. Лукашенко выбирает Пекин // Независимая газета. 2016. 3 окт.

⁴⁵ Крят Д. Вашингтон считает Минск важным фактором европейской безопасности // Беларусь сегодня. 2016. 31 марта.

⁴⁶ Там же.

Белорусское телеграфное агентство, информируя о беседе президента А. Г. Лукашенко с М. Карпентером, обращает внимание на следующее высказывание президента: «политизированность отношений Беларуси с западными странами слишком высока», поэтому необходимо направить усилия на экономику и торговлю, что стало бы хорошим фундаментом построения добрых отношений по всем направлениям⁴⁷. В этой информации сообщается также о том, что А. Г. Лукашенко заверил американского гостя в уважительном отношении к Америке, названной им глобальной империей. И это несмотря на недавние санкции США против Беларуси.

Конечно, подобные реверансы А. Г. Лукашенко в сторону США не могли не вызвать в России по крайней мере настороженности. Нельзя не согласиться с тем, что расхождения в оценке белорусско-американских отношений обусловлены различным восприятием одних и тех же событий, в основе которого — идеологическая неодинаковость тех, кто пишет в России и Беларуси в СМИ, а также тех, кто принимает решения в обеих странах⁴⁸. Вопросы, касающиеся диалога Беларусь — США и Беларусь — ЕС, вызывают неоднозначные характеристики и потому, что еще совсем недавно в США всюду осуждали Минск за нарушение прав человека, а в Евросоюзе считали А. Г. Лукашенко «последним диктатором» Европы [6].

О сдвигах, произошедших во взаимоотношениях Беларуси и ЕС, обстоятельно информируется в Белорусском внешнеполитическом индексе № 34 (сентябрь–октябрь 2016 г.), подготовленном Белорусским институтом стратегических исследований. В нем четко прописано, что официальной целью Минска в отношениях с Евросоюзом является заключение базового соглашения. При этом эксперты, составившие этот материал, зафиксировали в отношениях Беларуси с Россией «высокий негативный индекс — минус 15 пунктов», так как разрядка в отношениях не была полностью достигнута [6, с. 292–296].

Заметное улучшение отношений демонстрирует Минск и с Варшавой, которая до недавнего времени считалась непримиримой противницей А. Г. Лукашенко. «В настоящее время Беларусь и Польша переживают исторический момент перехода в новую фазу дву-

---

⁴⁷ Есть куда расти // Минский курьер. 2016. 1 апр.

⁴⁸ Ходасевич А.: 1) Минск и Вашингтон нашли общий язык // Независимая газета. 2016. 27 апр.; 2) Белоруссия и Запад идут навстречу друг другу // Независимая газета. 2016. 3 июня.

сторонних отношений, в которой больше не будет места недоверию, конфронтации, интригам, устаревшим стереотипам и каким-то идеологическим предрассудкам», — заявил министр иностранных дел Белоруссии В. Макей в октябре 2016 г. в Варшаве⁴⁹. А уже в декабре 2016 г. в Минск с визитом прибыл маршал Сената Польши С. Карчевский, который также получил заверения со стороны президента в дружбе и открытости: «Очень надеюсь и почти уверен, что Ваш визит в Беларусь будет началом самого активного диалога между нашими странами», «у нас очень близкая, а порой общая история», «я Вас хочу заверить, что мы всегда будем открыты». С. Карчевский высказал свое удовлетворение белорусской политикой «спокойствия и равновесия, как в международных отношениях, так и во внутригосударственных вопросах». В Европе ценят позицию, которую занял А. Г. Лукашенко в российско-украинских отношениях, предложив минскую площадку для переговоров по поводу Донбасса⁵⁰. Забылось даже то, что белорусская власть высылала польских дипломатов и конфликтовала с Союзом поляков.

«Независимая газета» в предновогоднем обзоре важнейших событий 2016 г. на мировой арене, говоря об определенном сдвиге внешней политики Минска, поместила следующее: «Комментируя метаморфозы внешней политики Минска, местные аналитики объясняют их геополитическими факторами и сложностями в отношениях с РФ. Эксперты полагают, что Москва поставила вопрос ребром: “или с нами, или против нас”. А. Г. Лукашенко такая постановка вопроса не устраивает, и он делает резкий крен на Запад»⁵¹. Демонстрируя свое несогласие с линией России, А. Г. Лукашенко стремится, вероятней всего, завоевать доверие США и других государств Запада.

2017 г. начался новым витком усложнения отношений. Своеобразным новогодним «подарком» для России явился Указ президента А. Г. Лукашенко от 9 января 2017 г. о введении безвизового въезда в Беларусь на пять дней при условии прибытия через национальный аэропорт «Минск» для граждан 80 стран. Среди этих государств — США, члены ЕС, Бразилия, Индонезия, Япония и др. В Москве забеспокоились, хотя в целом получен позитивный отклик.

---

⁴⁹ Цит. по: *Ходасевич А.* Активность Минска направлена на Запад: в отношениях России и Белоруссии зарегистрировано похолодание.

⁵⁰ Лукашенко сделал крен на Запад // *Независимая газета*. 2016. 29 дек.

⁵¹ Там же.

Заслуживает одобрения заявление пресс-секретаря российского президента Д. Пескова: «Это абсолютно внутреннее дело Белоруссии, и, конечно, существует здесь аспект именно нашего Союзного государства. Но мы убеждены, что здесь все необходимые режимы были приняты во внимание»⁵². «Если у компетентных российских органов, — пояснил он, — возникнут какие-либо озабоченности, имеются эффективные механизмы российско-белорусского диалога по миграционной проблематике»⁵³.

И уже совсем всполошились отечественные эксперты, когда Беларусь согласилась с предложением ЕС построить на ее территории лагерь для беженцев из Украины, Сирии и России. Эту информацию подтвердили и в представительстве ЕС в Минске, и в белорусском МИДе. «Речь идет о совместном проекте белорусской стороны с представительством международной организации по миграции в Республике Беларусь, который реализуется в рамках проекта “Партнерство ради мобильности”, — сообщил пресс-секретарь МИДа Д. Мирончик. Он уточнил, что строительство центров — условие подписания Соглашения о реадмиссии между Белоруссией и ЕС. Этот документ — лишь один из трех миграционных соглашений, которые обсуждают Минск и Брюссель в рамках упрощения взаимных поездок»⁵⁴. На очереди у Минска и другие соглашения с Брюсселем (например, о мобильном пространстве). Их подписание вызовет новый всплеск комментариев, особенно по части союзных отношений с Россией.

Озабоченность России с введением Минском всех этих мер возросла. Как сказал посол России в Беларуси А. Суриков: «Мы уважаем суверенитет Белоруссии, но нас немножкостораживает указ о безвизовом въезде в национальный аэропорт граждан 80 стран. ...Открытость нашей границы между Россией и Беларусью может быть использована в том числе и членами ИГИЛ»⁵⁵. В этой ситуации

---

⁵² Цит. по: *Горяинов Л.* Для чего Лукашенко «открыл» Белоруссию // Парламентская газета. 2017. 13–19 янв.

⁵³ *Байкова Т.* Москва напомнила Минску о механизме взаимного признания виз // Известия. 2017.11 янв.

⁵⁴ *Ходасевич А.* Европа финансирует строительство лагерей для беженцев в Белоруссии // Независимая газета. 2017. 16 янв.

⁵⁵ *Кривошеев К., Барсуков Ю., Черненко Е.* Россия и Белоруссия проверяют границу дозволенного. В отношениях Москвы и Минска появился новый раздражитель.

в целях сохранения своей безопасности Россия организовала пограничную зону с Беларусью на территории Псковской, Смоленской и Брянской областей. По словам руководителя ФСБ России А. Бортникова, это сделано для «создания необходимых условий охраны государственной границы РФ. Ранее пограничной зоны между Россией и Беларуссией не существовало совсем, потому что страны входят в Союзное государство»⁵⁶. В Беларуси, узнав об этом решении ФСБ, отреагировали таким образом: «Вопреки всем существующим договоренностям, российская сторона приняла решение об установлении пограничной зоны на границе с Беларусью без предварительного уведомления. С учетом уровня прямого взаимодействия наших пограничных служб подобная нескоординированность действий, естественно, вызывает справедливые вопросы. У многих складывается впечатление, что эти действия ведут к восстановлению полноценного контроля на белорусско-российской границе, отмененного более 20 лет назад»⁵⁷. Эти слова принадлежат представителю МИД Беларуси М. Ваньшиной. В том же белорусском ведомстве было отмечено: «Действия российской стороны не соответствуют духу документа» (Постановление Высшего государственного Совета Союзного государства от 22 апреля 2005 г. № 9 «О Положении о Пограничном комитете Союзного государства»). Отметим, что для многих белорусских оппозиционеров идеалом выглядит как раз создание полноценной границы с восточной соседкой, с территории которой, как они подчеркивают, идут такие угрозы, как терроризм, наркотрафик, нелегальная миграция⁵⁸.

Сильное впечатление произвели слова заместителя председателя комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ К. Затулина: «... мы идем к восстановлению русско-белорусской границы... к утрате того главного достижения, которое было достигнуто за годы всяких попыток создать и закрепить Союзное государство России и Беларуссии. Мы видим, что власти Беларуссии фактически своими действиями односторонними в этом случае подталкивают именно к такому развитию событий. ...видно же, что введение безвизового

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. См. также: *Байков М.* Границу прикроют от нелегальных «гостей» // Парламентская газета. 2017. 3–9 февр.

⁵⁸ *Кривошеев К., Барсуков Ю., Черненко Е.* Россия и Беларуссия проверяют границу дозволенного. В отношениях Москвы и Минска появился новый раздражитель.

въезда для 80 стран на пятидневный срок означает риск того, что, воспользовавшись отсутствием русско-белорусской границы, нежелательные в России граждане из этих 80 стран могут здесь, в России, оказаться без всякого контроля»⁵⁹. В любом случае трения в визовых и пограничных вопросах так легко преодолеть не удастся.

Отношения между двумя странами к началу 2017 г. настолько накалились, что в Беларуси официальные лица вынуждены были опровергать слухи о выходе из ШОС, ОДКБ и Союзного государства. Об этом говорил 3 февраля 2017 г. на семичасовой пресс-конференции и А. Г. Лукашенко. Он, однако, особо подчеркивал противодействия российских руководителей ряда ведомств договоренностям с президентом В. В. Путиным. С осуждением говорил о распространенном в России мнении, что «Беларусь никуда не денется». Главный посыл А. Г. Лукашенко: «Мы, Россия и Беларусь — самые родные республики»⁶⁰. В ответ по тому же каналу прозвучало: Россия в период 2009–2015 гг. предоставляла Беларуси беспроцентно более 6 млрд долларов кредитов ежегодно. Вывод, который можно сделать: нет оснований для обиды. В очередной раз он уверенно заявил, что не поступится свободой и независимостью своей страны⁶¹.

Минск надеется заполнить кредит в 3 млрд долл. из западных источников, и прежде всего от МВФ. Однако А. Г. Лукашенко, пытаясь сохранить лицо, критикует условия, которые предъявляют МВФ и другие западные финансовые институты⁶². В финансово-экономической ситуации, в какой оказалась Беларусь, возобновились ее контакты в «Восточном партнерстве», учрежденном в 2009 г. Евросоюзом. Эта инициатива постоянно критиковалась А. Г. Лукашенко⁶³, но времена меняются, и теперь возможен, на наш взгляд, и отход Минска от прежней позиции.

В поисках средств Минск обратился и к Европейскому банку реконструкции и развития (ЕБРР) с просьбой помочь подготовить

---

⁵⁹ *Баишкатова А.* Экономическая нестабильность вынуждает Белоруссию сделать Россию внешним врагом // Независимая газета. 2017. 3 февр.

⁶⁰ Телеканал «РБК». Информация. 13 час. 20 мин. по московскому времени, 4 февраля 2017.

⁶¹ Цит. по: *Дудина Г., Барсуков Ю., Костырев А., Кривошеев К.* Александр Лукашенко сильно обострился // Коммерсантъ. 2017. 4 февр.

⁶² *Ходасевич А.* Лукашенко не позволит МВФ «удушить» народ // Независимая газета. 2016. 5 окт.

⁶³ *Ходасевич А.* «Восточное партнерство» споткнулось о политику // Независимая газета. 2010. 9 сент.

к продаже пять государственных предприятий. Тем самым прокладывается путь к реформе госсектора, на которой настаивают на Западе и в международных финансовых институтах. Однако надо признать, что с приватизацией государственных предприятий в Беларуси дела обстоят не лучшим образом: А. Г. Лукашенко цепляется по существу за социалистические принципы хозяйствования и управления. Отход от них происходит постепенно, хотя и наблюдаются некоторые позитивные изменения. В рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» (определение бизнес-климата), начиная с 2005 г., когда Беларусь стала участвовать в этом процессе, она постепенно занимала все более высокие места, перемещаясь от самых низких показателей из 190 государств мира до 37-й строки в 2016 г. Беларусь даже немного опережала по этому рейтингу Россию, находившуюся на 40-м месте (в 2017 г. Россия и Беларусь поменялись местами). Беларуси принадлежит весьма значительное место среди стран-реформаторов. Предполагается, что такие впечатляющие результаты ускорят приток иностранных инвестиций в Беларусь, особенно из ЕС⁶⁴.

Беларусь получит дополнительный импульс в развитии своей внешней торговли, если ее примут в ВТО. К тому же, если Минск введет мораторий на смертную казнь, что требуют от него Европарламент, Парламентская ассамблея Совета Европы и административно-управленческие институты ЕС, многие препятствия, воздвигнутые ЕС, будут устранены. И один из первых шагов в этом направлении произошел в феврале 2017 г., когда были отменены квоты на белорусский текстиль.

Наверняка все эти и иные меры приведут к улучшению бизнес-климата, а экономика страны начнет отходить от стагнации. Местные аналитики пока рассуждают о том, что власть не знает «как быть дальше», и прогнозируют дальнейшее ее падение⁶⁵. В 2016 г. ВВП страны сократился на 2,6% в сравнении с предыдущим годом. По мнению белорусского аналитика Л. Марголина, «промышленность попала в порочную спираль: сокращаются рынки сбыта — сокращается производство, сокращается производство — уменьшается зарплата в условиях отсутствия свободного перетока рабочей силы,

---

⁶⁴ Ходасевич А. Белоруссия обогнала Россию в ведении бизнеса // Независимая газета. 2016. 27 окт.

⁶⁵ См.: Ходасевич А. Лукашенко накормит Пакистан белорусскими продуктами // Независимая газета. 2016. 6 окт.

сокращается зарплата — лучшие кадры уходят, уходят лучшие работники — ухудшается качество продукции, ухудшается качество — соответственно еще больше сокращаются рынки сбыта. Этот порочный цикл практически невозможно прервать без структурных системных реформ»⁶⁶.

Местные аналитики говорят также о том, что нынешние экономические проблемы — результат ошибочной экономической политики государства не только в плане отказа от реформ, но и в наращивании зависимости от России. «Беларусь сидит на российской нефтяной игле: до 40% валюты составляла российская переработанная нефть, — отмечает экономист Л. Заико. — Каждый миллион тонн нефти для Беларуси в лучшие годы давал 400 млн долларов дохода. Поэтому нынешние проблемы во многом вызваны отказом России дотировать Белоруссию дальше»⁶⁷. Нужны реформы. Опора на госсектор без создания (или точнее — слабого создания) рыночной экономики перспектив экономического роста не создает.

Одна из реформ, вероятно, должна состоять в допуске российского олигархического капитала в экономику Беларуси. В Минске это воспринимается, на наш взгляд, как ее поглощение. По словам С. Маркова, в Беларуси А. Г. Лукашенко опасается «экспансии российских олигархических структур с последующим его свержением российскими олигархами. ...Россия долгое время продвигает модель обмена долгов на белорусскую собственность. Россия считает, что субсидирует белорусскую экономику, помогает ей развиваться и при этом время от времени ставит вопрос о том, чтобы Белоруссия в обмен на это передала крупным бизнес-структурам контроль над ключевыми участками белорусской собственности»⁶⁸.

В российских СМИ стали вспоминать даже давнее желание А. Г. Лукашенко стать президентом России, ссылаясь при этом на невозможность такого оборота событий, поскольку по Конституции России президентом в нашей стране может быть только российский гражданин⁶⁹. Зачем вытащили этот эпизод из жизни А. Г. Лука-

---

⁶⁶ Марголин Л. Власти не дают промышленности подняться с колен // Хартия. 97. 8.01.2017. <https://charter97.org/ru/news/2017/1/8/236928>.

⁶⁷ Ходасевич А. Белоруссия оказалась среди беднейших государств мира // Независимая газета. 2017.10 янв.

⁶⁸ Марков С. Пограничная Белоруссия // Известия. 2017. 6 февр.

⁶⁹ Камышев Д. Александр Лукашенко // Ведомости. 2017. 6 февр.

шенко, вполне понятно — придать еще больше негатива его пресс-конференции 3 февраля 2017 г.

Политические сложности в отношениях Беларуси и ее соседей создают и технико-экономические неполадки в белорусском хозяйстве, к сожалению, не единичные. Яркий пример — обеспокоенность Литвы из-за аварии при строительстве АЭС в Островецком районе Гродненской области в пятидесяти километрах от Вильнюса. В связи с этим инцидентом Литва обратилась к ЕС за поддержкой в разрешении возникающих, по ее мнению, экологических проблем в связи с этой техногенной ошибкой, названной Беларусью «нештатной ситуацией»⁷⁰. И хотя никакой угрозы для ядерной безопасности при перемещении корпуса реактора нет, повод для дипломатического беспокойства появился. Однако это событие на строительстве Белорусской АЭС и связанные с ним дипломатические реверансы серьезных последствий для набирающих силу улучшений в отношениях Запада и Беларуси не вызвали. Это объясняется, на наш взгляд, стремлением Запада охватить Россию прозападно настроенными странами: Украина, Грузия, а теперь и Беларусь, смотрящая на Запад не столь негативно, как прежде. А ведь Литва регулярно поднимала вопрос о Белорусской АЭС на встречах дипломатов ЕС. Такая позиция Вильнюса не встречала с их стороны осуждения, а вот теперь, когда произошла авария на строительстве АЭС, никто из них резко не выступил. Тем более, что еще в начале августа 2016 г. А. Г. Лукашенко предложил Вильнюсу подумать над совместной эксплуатацией этой атомной электростанции.

Беларусь, придерживавшаяся во внешней политике в течение многих лет, по сути, однобокости — разворота в сторону Москвы, взялась во втором десятилетии XXI в. за приближение к новым центрам силы. Своего рода ответом на такой подход явилось снятие ЕС 15 февраля 2017 г. большинства введенных ранее санкций против Беларуси. В этом решении Еврокомиссии недвусмысленно отмечено, что «с учетом политических событий в Беларуси Евросоюз оказывает республике поддержку путем ослабления ограничений для Европейского инвестиционного банка на деятельность в Беларуси»⁷¹.

---

⁷⁰ См.: Никифоров О. Техническая ошибка как повод для дипломатических демаршей // Независимая газета. 2016. 3 авг.; Кривошеев К. Литва собирается эвакуироваться подальше от Белоруссии // Коммерсантъ. 2016. 18 авг.

⁷¹ Коротко. По информации Интерфакса // Независимая газета. 2016. 7 сент.

В заигрывании Запада с Минском просматривается также желание США и его европейских союзников упрочить свои позиции на евразийском пространстве, противодействуя тем самым Москве, ее стержневой роли в интеграции Евразии.

Развитие белорусификации не раз вызывало негативные отклики в некоторых российских СМИ. В Минске неоднократно говорили о необходимости противостоять «имперскому» медийному дискурсу, ставящему под вопрос само право белорусов на собственную государственность. «Правящая верхушка» даже заинтересована в сотрудничестве с оппозиционными СМИ в том, чтобы, как минимум, «противодействовать информационной экспансии русского мира, великодержавным идеям»⁷². В Беларуси не проходят мимо явно неадекватных высказываний ряда российских политологов, философов, социологов, аналитиков. Так, директор Российского института стратегических исследований Л. Решетников опрометчиво заявил, что белорусскому языку всего 90 лет, а Белоруссия — «историческая часть великой России» [7]⁷³. В ответ МИД Беларуси заявил протест советнику-посланнику Посольства России в Беларуси В. Гусеву⁷⁴.

Министр информации Беларуси Л. Ананич, характеризуя тексты арестованных трех авторов российских ресурсов «Регнум», Lenta.ru и Eurasia Daily, назвала их омерзительными, поскольку С. Шиптенко, Д. Алимкин и Ю. Павловец годами писали о «белорусском недогосударстве», «недоязыке», «недонароде» и рассуждали о безоблачном будущем Беларуси исключительно в составе России. Л. Ананич, продолжая комментировать, сказала: «В таких публикациях ставится под сомнение суверенитет Беларуси, содержатся оскорбительные высказывания в адрес белорусского народа, его истории, языка, культуры», а также «муссируется тезис о якобы уходе Беларуси на Запад»⁷⁵. Л. Ананич обратилась по поводу деструктивности статьи «Регнума» и других аналогичных ресурсов в российские Министерство связи и Роскомнадзор.

---

⁷² Ходасевич А. В Белоруссии обсуждается идея общенационального диалога // Независимая газета. 2017. 15 февр.

⁷³ См. статью об истории письменности национальных языков, влиянии языковой политики на образовательное пространство в государствах постсоветского пространства Т. С. Немчиновой и А. А. Музалёва.

⁷⁴ Козлов П. Саммит без Минска.

⁷⁵ Ходасевич А. В Белоруссии взяли за адептов русского мира // Независимая газета. 2016. 12 дек.

Напомню здесь, что лет десять-пятнадцать назад Минску поступило предложение либо целой республикой войти в состав РФ на правах области или каждой белорусской области отдельно на тех же условиях. Это предложение было отвергнуто, но не могло быть забыто. А. Ходасевич в феврале 2017 г. напомнил о нем. Белорусско-му президенту принадлежит также фраза «нам будет очень трудно, но свобода, независимость — это очень рентабельно и это не оценивается никакими деньгами»⁷⁶.

Анализируя пресс-конференцию А. Г. Лукашенко 3 февраля 2017 г. и его антироссийские высказывания, московский эксперт А. Фролов, отмечая значительную часть успехов Белоруссии за счет постоянной подпитки со стороны России, приходит к выводу: «Хотя в Европе вряд ли найдется более пророссийская страна, чем Белоруссия, но, как и любой получивший независимость осколок крупной державы, она вынуждена строить свою идентичность, дистанцируясь от державы-прародительницы. Поэтому, если немного копнуть, обнаруживается бережно сохраняемый государством национализм, у которого изредка подсекают наиболее дикие побеги. Те самые, которые считают Россию историческим врагом, себя — частью Великого княжества Литовского, а любых русофобов — своими друзьями. Подобные явления после парада суверенитетов неизбежны. Однако руководство Белоруссии успешно избегает излишнего влияния националистов на внутреннюю и внешнюю политику государства. Пока»⁷⁷. Вот это «пока» задевает. Возможно, это «пока» — предостережение Минску.

В самой Беларуси не обходится без антироссийских рассуждений, поощряемых, видимо, кем-то из официальных лиц (возможно, я и ошибаюсь, говоря так). Самыми яркими авторами публикаций антироссийской направленности являются А. Сивицкий и Ю. Царик, которые возглавляют Центр стратегических и внешнеполитических исследований. Настораживают оценки, приводимые ими в докладе «Беларусь в контексте противостояния Россия — НАТО: угрозы и вызовы для суверенитета, независимости и национальной безопасности. Стратегические выводы и рекомендации». Они отмечают беспрецедентное военно-политическое давление, которому в настоящее время подвергается Беларусь со стороны России. По их

---

⁷⁶ Цит. по: Камышев Д. Александр Лукашенко.

⁷⁷ Фролов А. Белорусский мотив // Известия. 2017. 8 февр.

мнению, это давление связано с попытками российского руководства вовлечь Беларусь в ведущееся им комплексное, в том числе военное противостояние со странами Запада. «Стратегической целью данной политики является подрыв евроатлантического единства, включая дезинтеграцию ЕС и НАТО»⁷⁸. Отмечаются также возможности, какими воспользуется Россия в случае необходимости для проведения гибридной войны на белорусской территории. Авторы же объясняют ссылками на многовекторную политику Беларуси ее новую геополитическую роль как «потенциально важной площадки международного сотрудничества, содействующей снижению роли фактора силы в международных отношениях». Исходя из этого посыла, А. Сивицкий и Ю. Царик делают вывод о том, что, по замыслам России, «из суверенного государства Беларусь должна превратиться в серую зону — территорию, на которую и через которую РФ будет проецировать силу и управлять конфликтной динамикой в регионе». По этой причине, как отмечают эти эксперты, размещение российских войск на границе с Белоруссией осуществляется таким образом, чтобы обеспечить решение задачи проецирования силы в достаточно короткий промежуток времени. Они обращают внимание на то, что «российские войска группируются в районе Клинцов Брянской области и Ельни Смоленской области, что позволяет им в короткие сроки (8–16 часов) достигнуть на территории Белоруссии Гомеля и Орши и пойти дальше — в Украину». Конечно, выводы и расчеты А. Сивицкого и Ю. Царика настораживают. Вместе с тем хотелось бы напомнить им, что Беларусь не раз участвовала в совместных военных учениях с российскими войсками. Более того, несмотря, как пишет В. Мухин, на экономические и, добавлю от себя, на политические споры, Россия и Беларусь «наращивают сотрудничество в военной сфере. Сегодня под Псковом началась активная фаза совместных маневров российских и белорусских десантников. Подобные учения в 2017 г. проходят регулярно. По данным Минобороны РФ, Москва и Минск запланировали несколько десятков совместных военных маневров, тренировок, стрельб и других учебно-боевых мероприятий. Главное из них — совместное стратегическое учение “Запад–2017”. Накануне в рамках подготовки к нему представители военных ведомств

---

⁷⁸ См.: *Гамова С.* Большой торг на западных рубежах // Независимая газета. 2016. 24 авг.

двух стран организовали в Москве командно-штабную тренировку (КШТ)»⁷⁹.

О Беларуси я много размышлял, когда на XXV Парламентской конференции Балтийского моря (ПКБМ), состоявшейся в Риге 28–30 августа 2016 г., речь шла о предоставлении Беларуси статуса наблюдателя в этой организации. Было принято решение обстоятельно изучить этот вопрос и представить свои суждения на XXVI Парламентскую конференцию Балтийского моря в сентябре 2017 г. в Гамбурге. Впервые инициатива о предоставлении Национальной Ассамблее Республики Беларусь статуса наблюдателя в ПКБМ была предпринята в 2005 и в 2006 гг.⁸⁰ Но она была отвергнута и в Рейкьявике, и в Вильнюсе. В 2010 г. Совет государств Балтийского моря предоставил Беларуси статус наблюдателя, но сама процедура ее вхождения в этот статус обставлялась различными бюрократическими ссылками на документальные требования. Такая ситуация продолжалась до ноября 2015 г. Что же касается статуса наблюдателя в ПКБМ, то, несмотря на страстное выступление в 2016 г. председателя Постоянной комиссии по международным делам Палаты представителей Национального Собрания Беларуси В. Л. Бусько в Риге, нашлись и противники позитивного решения этой многолетней проблемы. Яркое антибелорусское выступление сделал депутат шведского парламента. В. Л. Бусько в свою очередь акцентировал внимание на том, что Беларусь — неотъемлемая часть региона Балтийского моря, и что это обусловлено не только географией, но и историей. Он также ссылался на совместные с балтийскими странами проекты в области образования. Важным фактором в этом направлении стало присоединение Беларуси в 2011 г. к Болонскому процессу. В. Л. Бусько призвал также к углублению и расширению сотрудничества в регионе, в связи с чем Минск предложил программу «Горизонт–2020». В. Л. Бусько неожиданно для многих участников этого парламентского форума согласился с прозвучавшей на заседании XXV ПКБМ инициативой допустить белорусскую оппозицию к работе в ПКБМ в ходе реализации статуса наблюдателя в случае

---

⁷⁹ Мухин В. Лукашенко ждет Российскую армию // Независимая газета. 2017. 3 марта.

⁸⁰ См.: The XV Baltic Sea Parliamentary Conference. Reykjavik, 4–5 September 2006. Northern Dimension and the Oceans and Seas. Nordic Council. Copenhagen, Akaprint a/s; Århus Publ., 2006. P.11–12. https://www.bspc.net/conference-report_bspc15-web.

его предоставления. Эта новация буквально ошеломила участников XXV сессии ПКБМ, ибо до того никто и ни разу не предлагал приглашать оппозицию как отдельную группу парламентариев наряду с официальной депутатской делегацией.

Председатель XXV ПКБМ доктор Я. Вуцанс сообщил о том, какие меры в 2015–2016 гг., когда он руководил этой парламентской организацией, были уже предприняты по реализации соответствующих обращений Национального собрания Беларуси. Речь шла о визитах делегации Постоянного комитета ПКБМ в Минск и о переговорах. Я. Вуцанс особо подчеркнул, что статус наблюдателя будет содействовать демократизации Беларуси. Было также заявлено, что поиск приемлемого решения будет продолжен.

В Риге отметили также, что ПКБМ ожидает позитивных результатов сентябрьских выборов в парламент Беларуси. Витал в зале заседания и вопрос, окажутся ли членами парламента Беларуси оппозиционеры, и тогда, в случае их избрания, возражений по допуску Беларуси наблюдателем в ПКБМ не будет. Они по итогам выборов оказались среди депутатов⁸¹. Да и не могут не импонировать членам ПКБМ, прежде негативно относившихся к Беларуси президента А. Г. Лукашенко, идеи мягкой белорусизации и медленный, хотя и показной в ряде случаев, процесс демократизации. Вероятно, это еще один шаг к тому, чтобы противодействовать попыткам российского руководства вовлечь Белоруссию в противостояние со странами Запада⁸².

ЕС включил Беларусь в список стран, имеющих право получать финансирование Европейского инвестиционного банка под евросоюзские гарантии, не дожидаясь выборов 2016 г. «Фактически, — пишет «Независимая газета», — изменив тактику в отношении Беларуси и четко обозначив ее в отношении Молдавии, ЕС при помощи США реанимировал программу “Восточное партнерство”, которая считалась провальной. Напомним, членами “Восточного партнерства” являются Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан и Беларусь. Но если раньше Беларусь была номинальным участником проекта, то сегодня она становится его полноправным и весьма значимым членом. Евросоюз в лице восстанавливающегося

---

⁸¹ Кривошеев К. Белорусской оппозиции нашлось место в парламенте // Коммерсантъ. 2016. 13 сент.

⁸² Гамова С. ЕС выделяет гранты белорусским чиновникам // Независимая газета. 2016. 25 авг.

“Восточного партнерства” получает европейский буфер на границе с Россией. РФ, ранее считавшая это “подбрюшье” своим, получает перспективу открытых Западу российских границ. Это результат отсутствия у Москвы не только тактики, но ясного понимания того, чего мы хотим на постсоветском пространстве»⁸³.

На наш взгляд, все далеко не так. В п. 49 Концепции внешней политики РФ 2016 г. приоритетными ее направлениями названы «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием». В п. 53 подчеркивается, что «Россия работает над дальнейшей реализацией потенциала СНГ, укреплением Содружества в качестве влиятельной региональной организации, форума для многостороннего политического диалога, а также в качестве механизма многопланового сотрудничества в сфере экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами и угрозами», в п. 54 говорится, что «Россия, уважая право партнеров по СНГ на выстраивание отношений с другими международными субъектами, выступает за всеобъемлющее выполнение государствами — участниками СНГ обязательств в рамках региональных интеграционных структур с российским участием, а также за обеспечение дальнейшего развития интеграции и взаимовыгодного сотрудничества на пространстве СНГ». И, наконец, в п. 55 конкретизируются цели России в выстраивании дружеских отношений «с каждым из государств — членов СНГ, на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга»⁸⁴.

Разумеется, в данной концепции о «Восточном партнерстве» как малозначащем объединении, куда, однако, входят и некоторые страны — члены СНГ, ничего об этом не говорится, хотя, на наш взгляд, игнорировать «Восточное партнерство» не стоит, если учесть, что в предыдущие годы оно вовсе не захирело, несмотря на вялое развитие⁸⁵.

---

⁸³ Белоруссия получила бонус от Евросоюза // Независимая газета. 2016. 9–10 сент.

⁸⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016).

⁸⁵ Estonia opens EU Eastern Partnership Training center // New Europe. 2011. Jan. 30 — Febr. 5.

Заинтересованность Минска в «Восточном партнерстве» [8], видимо, связана и с тем, что странам — членам этой организационной группировки предоставляется преимущественное право получения безвизового режима в ЕС. Оно предоставлено с марта 2017 г. гражданам Украины и с июня 2017 г. Грузии, хотя и обставлено многочисленными ограничениями. Молдавии же, входящей в «Восточное партнерство», безвизовый режим с ЕС был дан Брюсселем еще в 2014 г. Из оставшихся стран — членов «Восточного партнерства» в наибольшей степени подготовлена к такому статусу Армения, за ней следуют Беларусь и Азербайджан⁸⁶. Вероятно, на все эти страны распространяется недавно высказанное председателем Европейского совета Д. Туском желание вывести их из тени России. В связи с этим, кстати, уместно привести мнение советника президента РФ В. В. Путина С. Глазьева о системном, жестком и абсолютно противоправном вмешательстве третьих стран в интеграционные процессы в СНГ⁸⁷. В качестве наглядного примера он ссылается на Беларусь, где, по его мнению, идут «очень серьезные подрывные процессы».

Развитие мирополитической обстановки во втором десятилетии XXI в., по-видимому, предполагало такой оборот политики Запада в отношении Беларуси и Украины. Эта парадигма «Запад — Украина — Беларусь», судя по всему, не ускользнула от внимания первого президента Украины Л. Кравчука, еще в 2010 г. он предложил создание «восточного союза» в составе Украины, России и Беларуси по образцу ЕС⁸⁸. Верх одержали, однако, иные идеи, иной подход, да и украинский кризис получил неоднозначные оценки [9]. Украина, увы, стала кровоточащей раной на постсоветском пространстве, ей отводится Западом заглавная роль в реализации геостратегической инициативы создания вокруг России кольца антироссийски настроенных государств, или, как на Западе кое-кто именует эти страны, «не желающих неокOLONиального контроля России».

На Западе издаются тысячи книг антироссийского содержания, с критикой и откровенной предвзятостью в отношении президента России В. В. Путина⁸⁹. В этот хор включился и экс-председатель Вер-

---

⁸⁶ *Эппле М.* Новое евразийство // Ведомости. 2016. 9 дек.

⁸⁷ Содружество Союз не заменило // Парламентская газета. 2016. 9–15 дек.

⁸⁸ *Кравчук Л.* Я за «восточный союз» Украины, России и Беларуси по образцу ЕС // Невское время. 2010. 25 авг.

⁸⁹ См.: *Никифоров О.* Российский угол западного мышления // Независимая газета. 2016. 13 июля.

ховного Совета Беларуси С. Шушкевич, один из трех подписантов декларации о распаде Советского Союза, заявивший совсем недавно о том, что «Лукашенко — в кармане у Путина»⁹⁰. Суждения о «карманности» свойственны и части населения России.

Надо отдать должное руководителям России — в их неизменном подчеркивании суверенитета Беларуси, ее союзничества и добрососедства.

Наука и образование. Было бы непростительно умолчать в «Редакционном обзоре» о возросшем значении образования и науки как стержня развития экономики в XXI в. В правительственных, парламентских и президентских документах все чаще подчеркивается первостепенная мирополитическая и глобально-экономическая роль знаний в текущем столетии. Россия не стоит в стороне от принятия знаковых решений по совершенствованию образовательной системы страны, повышения качества обучения студентов и роста научных исследований в вузах, которые должны способствовать не только углублению педагогической работы, но и высоким результатам научной деятельности. Большое внимание уделяется взаимодействию российских университетов с зарубежными партнерами, созданию ими совместных учебных планов, лекционных курсов бакалаврских, магистерских и аспирантских программ. Тем самым достигается более высокий уровень качества образования и научных разработок, повышение квалификации выпускников вузов разных стран, их востребованность, рост авторитета университетов, укрепление интеграционных образовательных процессов, а также совершенствуется интеллектуальная среда, национальная по содержанию и интернациональная по ориентированности.

Конечно, все это происходит не без трудностей, отхода от задуманных целей, задач, непредвиденно возникающих препятствий и даже отказа от достигнутых договоренностей. Но генеральная линия развития в образовательной сфере неизменна. Именно этим актуальным вопросам была посвящена XXV Парламентская конференция Балтийского моря (ПКБМ) «Высококачественное образование и труд — будущее Балтийского региона». Об этом шла речь и на встрече генерального директора Секретариата Совета государств Балтийского моря Майры Мори с депутатами Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 9 февраля 2017 г. в Мариинском дворце.

---

⁹⁰ Гамова С. ЕС выделяет гранты белорусским чиновникам.

Отрадно, что ПКБМ, характеризующаяся высоким интеграционным уровнем политического, экономического и культурного развития, наконец-то взялась за обсуждение вопросов образования в регионе. На второй сессии юбилейного форума «Как развить конкурентоспособность Балтийского региона, координируя образование и рынок труда» с докладами выступили экс-комиссар ЕС и бывший член кабинета министров Дании, автор стратегии рынка труда Северных стран П. Нильсен, президент Всепольского профсоюзного альянса, сопредседатель Объединения профсоюзов стран региона Балтийского моря Я. Гус, представитель Форума Труда Балтийского моря М. Сауэр, директор департамента профессионального непрерывного образования Министерства национального образования Польши Я. Тарада, статс-секретарь Министерства образования и науки Латвии Л. Лейна и автор этого «Обзора», обозначенный в программе как профессор Санкт-Петербургского государственного университета и советник Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Петербургский парламент, являющийся членом ПКБМ, принимает активное участие в ее работе с 1992 г. Тогда мне выпала честь выступить по поручению мэра Санкт-Петербурга А. А. Собчака с докладом «Санкт-Петербург в новом измерении».

Балтийский регион занимает уникальное место в современной системе региональных отношений. Здесь действует, помимо ПКБМ, Совет государств Балтийского моря (СГБМ). Надо отметить, что в первых четырех сессиях СГБМ в состав официальной делегации России включались представители Санкт-Петербурга, Калининградской области и Карелии. Это придавало больше эффективности и плодотворности работе СГБМ, поскольку выступления представителей российских регионов вносили конкретику, в частности, когда речь зашла об открытии совместного образовательного проекта «ЕвроФакультет», направленного на развитие учебных планов по экономике и юриспруденции и приведение их в соответствие с международными стандартами. Речь шла о Петербурге, но реализовали его, к моему большому сожалению, не в Петербурге, а сначала в Калининграде, затем в Пскове.

Атмосфера на этих первых сессиях СГБМ (они проходили в Копенгагене, Хельсинки, Таллине и Гданьске) была в целом деловой, дипломатично уважительной, хотя далеко не всегда справедливой в отношении прошлого в судьбах Польши, Латвии, Литвы и Эстонии. Однажды пишуший эти строки, не выдержав очередного анти-

советского выпада от коллег из соседних прибалтийских государств, заметил министру иностранных дел Швеции, сидевшей рядом, что если бы не было Советского Союза, то надо было бы выдумать его, иначе не о чем было бы говорить.

Взаимодействие СГБМ и ПКБМ внесло немало в позиционирование Балтийского региона как модельного, пилотного. На наш взгляд, настало время назвать его также регионом динамичного, многофункционального, многопрофильного развития образования, активно участвующего в формировании регионального сплочения. В области образования он играет в настоящее время одну из ведущих ролей в глобальном образовательном пространстве. При этом, конечно, не идет речь об отказе от системы национальных ценностей и национальных интересов. Но именно в научной и образовательной сферах создаются ключевые теоретические и практические построения глобальной и региональной интеграции, новых геополитических и геостратегических регионов международного разделения труда, а также факторы инновационно-технологического развития экономики.

В северо-западной части России расположена треть высших учебных заведений страны, среди которых следует отметить Санкт-Петербургский государственный университет, его широкие и разносторонние связи с различными зарубежными университетами мира, в том числе в Балтийском регионе, Архангельский и Петрозаводский университеты. Ведущая роль принадлежит Санкт-Петербургу. Так, здесь имеется 49 государственных вузов, более 30 частных и 24 военных. Система профессионального образования обеспечивает обучение и специализацию более 420 тыс. студентов и является одной из крупнейших отраслей экономики в Санкт-Петербурге с общим ежегодным объемом финансирования более 50 млрд руб. В ней работают 160 тыс. сотрудников, в том числе более 9 тыс. докторов наук и более 26 тыс. кандидатов наук.

Используя лучшие образцы преподавания и научные достижения мирового сообщества, университеты Санкт-Петербурга вырабатывают собственные ценности. Многие из них выступают в качестве научно-производственных центров и кластеров. Ярким примером может служить складывающийся в Петербурге Арктический кластер, включивший как российские университеты Архангельска, Мурманска и Петрозаводска, так и зарубежные — Финляндии, Норвегии, Швеции.

Арктические исследования в СПбГУ. В сентябре 2016 г. на базе СПбГУ был организован и успешно проведен первый в истории Конгресс Университета Арктики (The University of the Arctic (UArctic)) — международной сети, объединяющей более 180 высших учебных заведений и научных организаций 16 стран мира с целью взаимодействия и обмена знаниями и опытом в исследованиях Севера⁹¹. Санкт-Петербургский государственный университет вошел в данную структуру в 2012 г. и с этого времени активно принимал участие практически во всех мероприятиях Университета. Конгресс был приурочен к 20-летию юбилею этой международной ассоциации. В течение недели более 500 участников из разных стран обсуждали различные вопросы, связанные с освоением Арктики в XXI в.: от геологии, добычи полезных ископаемых в регионе и защиты арктических экосистем от внешнего воздействия, до развития торговли, туризма, транспорта и новых форм международного сотрудничества. Место проведения первого Конгресса Университета Арктики было выбрано не случайно: проведение данного мероприятия в Санкт-Петербурге вновь подчеркнуло особую роль города в истории освоения Арктики, а также вклад СПбГУ в становление российской школы арктических исследований.

Санкт-Петербург всегда играл особую роль в освоении Арктики и «всегда был и остается центром исследований, площадкой в продвижении арктических проектов»⁹². Стоит отметить, что в 1914 г. именно в Санкт-Петербурге была создана при Российской академии наук Первая полярная комиссия. В XX в. исследования Арктики шли в Северной столице полным ходом, во многом благодаря комплексной работе полярников и научной деятельности во Всесоюзном Географическом обществе. В результате к началу XXI в. в Санкт-Петербурге сформировался настоящий интеллектуальный центр арктических исследований: здесь находятся Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ААНИИ), активно организующий полярные экспедиции, уникальный в России и крупнейший в мире Музей Арктики и Антарктики. В 2013 г. Правительством Санкт-Петербурга была основана Полярная комиссия для содействия реализации государственной политики Российской Феде-

---

⁹¹ О Конгрессе. UArctic 2016. <http://www.uarctic.spbu.ru>.

⁹² *Артюшин С.* Куратор Арктики: в Смольном появился новый вице-губернатор. <https://www.spbdnevnik.ru/news/2017-12-14/kurator-arktiki--v-smolnom-poyavilsya-novy-vitse-gubernator>.

рации в области развития Арктики и Антарктики, а в 2017 г. впервые была введена должность вице-губернатора Санкт-Петербурга по реализации государственной программы развития Арктической зоны. Кроме того, в Санкт-Петербурге осуществляют свою деятельность более 100 предприятий, связанных с освоением северных регионов: Крыловский научный центр, Центральный институт морского флота, «Гидрографическое предприятие», «Адмиралтейские верфи», «Балтийский завод» и другие организации. На петербургских верфях строится атомный ледокольный флот России, «плавающие атомные станции для работы в северных морях, уникальные ледоколы с ядерными энергетическими установками»⁹³.

Как уже отмечалось, особую роль в российских исследованиях Арктики играет СПбГУ. Арктические исследования занимают важное место в его научно-образовательной работе. Так, на сегодняшний день в СПбГУ реализуется несколько образовательных программ, посвященных широкому комплексу проблем развития Арктики: например, российско-германская магистерская программа двойного диплома «Полярные морские исследования», к запуску также готовится новая совместная программа СПбГУ и Университета Тромсё (Норвегия) и др.; студенты СПбГУ ежегодно проходят научно-производственную практику на Шпицбергене.

На факультете международных отношений изучение различных аспектов международного сотрудничества в Арктике ведется с 1997 г. [10]. Сложился коллектив ученых (В. С. Ягья, Н. К. Харлампьева, А. А. Сергунин, В. Н. Коньшев, А. А. Алимов, М. Л. Лагутина, А. В. Сбойчакова, Н. Ю. Маркушина, Д. С. Тулупов и др.) [11–18], изучающих Арктику в ее международном и мирополитическом измерении. Активно ведется публикационная деятельность экспертов ФМО в России и за рубежом, также на факультете проводится уже ставший традиционным международный семинар «Арктическая политика в XXI веке». Каждый год организаторы мероприятия выбирают наиболее актуальную проблему: изначально семинары проводились с участием китайских коллег-партнеров из Океанологического университета г. Циндао, в ходе которых обсуждались перспективы российско-китайского взаимодействия в Арктике, а также участие неарктических стран в освоении Арктики и ее ресурсов, затем под-

---

⁹³ Санкт-Петербург 2030. Миссия и функции Санкт-Петербурга // <http://www.peterburg2030.ru/mission>.

нимались вопросы культуры и искусства в арктическом регионе, а в 2017 г. темой семинара было выбрано международное научное сотрудничество в Арктике. Кроме того, на факультете в рамках магистерских образовательных программ читаются разработанные преподавателями авторские курсы, посвященные роли Арктики в современной мировой системе. Арктическая проблематика из года в год вызывает повышенный интерес у российских и зарубежных абитуриентов, многие из которых целенаправленно выбирают СПбГУ местом своего обучения и получения знаний об арктическом регионе. Таким образом, представляется возможным говорить о формировании петербургской школы исследований международно-политических аспектов освоения и развития Арктики, результаты научной деятельности которой уже признаны как в России, так и за рубежом.

О Проекте 5-100 и мировых рейтингах. Новым вектором в процессе модернизации российского высшего образования стал запуск в мае 2013 г. Проекта 5-100. Проект реализуется в соответствии с положениями Указа № 599 Президента РФ «О мерах реализации государственной политики в области образования и науки» и рассчитан на 7 лет. Проект повышения конкурентоспособности российских университетов среди ведущих мировых образовательных центров призван способствовать наращиванию научно-исследовательского потенциала университетов, укреплению их конкурентных позиций на глобальном рынке образовательных услуг. Проект предполагает разработку и реализацию мероприятий, направленных на создание долгосрочных конкурентных преимуществ университетов. Итогом проекта должно стать появление в России к 2020 г. группы современных университетов-лидеров с эффективной структурой управления и международной академической репутацией, способных соответствовать мировым тенденциям развития и мобильно реагировать на глобальные изменения.

И хотя, по утверждению экс-министра образования и науки РФ Д. В. Ливанова, «вхождение в рейтинги не является самоцелью», тем не менее именно рейтинги представляют собой внешнюю оценку востребованности университетов на мировом образовательном рынке⁹⁴. Существует около пятидесяти зарубежных глобальных,

---

⁹⁴ Абсолютный приоритет высшего образования — качество. Д. Ливанов // Образование в Москве. http://obrmos.ru/dop/news/dop_news_liv.html.

региональных и локальных рейтингов. Министерство образования и науки РФ определило три глобальных рейтинга, которые признаны ориентирами для российских университетов: мировой репутационный рейтинг «Таймс» (Times Higher Education), рейтинг Шанхайского университета (Academic Ranking of World Universities), QS (Quacquarelli Symonds World University Rankings). Критериев, положенных в основу оценки образовательных учреждений, несколько: качество и уровень образовательных программ, которые измеряются числом иностранных преподавателей и иностранных студентов, учитывается количество студентов на одного преподавателя; уровень и интенсивность научных исследований — число публикаций из расчета на одного преподавателя, уровень цитирования каждого сотрудника, количество нобелевских лауреатов и обладателей других престижных премий; репутация университетов, какого мнения о них эксперты и работодатели.

Согласно рейтингу QS, Санкт-Петербургский государственный университет входит в топ-300 ведущих вузов мира (256-е место в 2015/2016 г.). Вхождение в рейтинг в топ-400 еще 21 университетов России в соответствии с данными той же компании, как считают ее составители, достигнуто благодаря проекту «5-100»⁹⁵. В 2016 г. СПбГУ занял 3-е место в рейтинге вузов развивающихся стран Европы и Центральной Азии, составленном QS. Британское агентство включило СПбГУ и в предметный рейтинг лучших университетов — он занял 26-ю строчку в области изучения добычи полезных ископаемых.

Сложнее обстоит дело с гуманитарными науками. В области политических наук и международных исследований в 2016 г. среди балтийских стран выделяются Германия (4-е место), Дания (12-е место), Швеция (17-е место), Россия (22-е место), Финляндия (25-е место) и Норвегия (28-е место)⁹⁶. Руководитель аналитических проектов Ассоциации независимых экспертов «Центра изучения кризисного общества» А. В. Шестопалова сетует по поводу крайне низкого уровня представленности российских вузов в предметных международных рейтингах. По-видимому, не учитывается и цивилизационный

---

⁹⁵ См.: *Макеева А.* Академический зачет // *Коммерсантъ*. 2016. 6 сент.; *Редичкина К.* Нужно ли принижать уровень российского образования? // *Парламентская газета*. 2016. 9–15 сент.

⁹⁶ См.: *Шестопалова А. В.* Рейтинги вузов как инструмент государственной образовательной политики // *Власть*. 2016. № 9. С. 69.

фактор, который непременно присутствует в политических и международных исследованиях.

Согласно рейтингу QS лучших студенческих городов мира в 2017 г., Санкт-Петербург занимает 78-е место⁹⁷. Данный рейтинг основывается на следующих критериях: популярность города, финансовая доступность, рейтинг местных университетов, интернациональность студентов, активность работодателей, мнение самих студентов. Ленинградская область также обеспечивает высокую доступность высшего образования. И это очень важный показатель для члена Парламентской конференции Балтийского моря. По результатам исследования Института образования Высшей школы экономики, Петербург — самый доступный город для получения высшего образования в России. При этом подсчете учитывались наибольшее количество бюджетных мест, высокий уровень доходов, приемлемая стоимость обучения, наличие мест в общежитиях, расходы на проживание⁹⁸.

В 2015 г. Санкт-Петербургский государственный университет вошел в топ-100 самых престижных и авторитетных университетов по версии британского издания Times Higher Education (ТНЕ). Университет включили в восьмой десяток списка. В 2015 г. 9 университетов России вошли в рейтинг ТНЕ, причем 6 из них — впервые. СПбГУ также в рейтинге университетов стран БРИКС, составляемом ежегодно ТНЕ, он занял 30-е место в 2016 г. От России в нем участвуют 24 вуза, в том числе 16 из них включены в Проект 5-100.

Наряду с МГУ им. М. В. Ломоносова и Новосибирским университетом СПбГУ вошел в международный рейтинг вузов ARWU-2016 (Академический рейтинг университетов мира) — Шанхайский рейтинг. До этого года из России только СПбГУ и МГУ ежегодно включались в данный рейтинговый список. Из стран — членов ПКБМ лишь Германия имеет 38 университетов в этом рейтинге, уступая США (137 университетов) и Китаю (54 университета, включая университеты Гонконга и Тайваня).

К чести СПбГУ стоит упомянуть, что университет — единственный российский вуз в рейтинге лучших бизнес-школ мира по версии

---

⁹⁷ В Петербург за высшим образованием // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 17 февр.

⁹⁸ В Петербург за высшим образованием // Там же. 2017. 30 янв.; Семенова Е. Наши вузы: куда уже доступнее и ближе? // Петербургский дневник. 2017. 1 февр.; Макеева А. Дипломы нанесли на карту России // Коммерсантъ. 2016. 31 янв.

газеты Financial Times. В 2016 г. СПбГУ поднялся среди 90 лучших бизнес-школ на семь пунктов, заняв 39-е место. Высшая школа менеджмента является лучшим образовательным центром Восточной Европы по версии глобального рейтингового агентства EdUniversal. Результаты нынешнего рейтинга Financial Times стали очевидным подтверждением высокого качества образования в СПбГУ. Рост позиций СПбГУ не случаен, в университете созданы все условия для подготовки управленческих кадров мирового уровня. Так, студенты-менеджеры обучаются в новом, современном кампусе «Михайловская дача», который по оснащению аудиторий, мультимедийным возможностям и доступу к электронным ресурсам не уступает ведущим университетам мира.

«Стабильное вхождение Санкт-Петербургского государственного университета в сотню лучших университетов мира — очень значимый для нас результат, — сказал ректор СПбГУ профессор Н. М. Кропачев. — Это можно считать признанием международных конкурентов, ведь большинство опрошенных экспертов — не русскоговорящие ученые из вузов разных стран. Репутационный рейтинг ТНЕ можно считать комплексным показателем отношения к Университету в мировой академической среде. Наша задача — улучшать качество научной и преподавательской деятельности и расширять степень ее представленности в мировом академическом сообществе»⁹⁹.

Однако слабым местом в реализации рейтинговых амбиций СПбГУ и других университетов России является недостаточная цитируемость опубликованных работ ученых и их публикаций в журналах, входящих в базы Web of Science и Scopus. На наш взгляд, одна из главных причин такого положения — издание научных работ преимущественно на русском языке, которого абсолютное большинство ученых за рубежом не знает! Вряд ли в таком случае следует считать имеющиеся зарубежные рейтинги университетов достоверными и справедливыми.

Особо хочу остановиться на одном показателе, который всегда являлся и останется таковым, высоко характеризующий Санкт-Петербургский государственный университет, — на его выпускни-

---

⁹⁹ СПбГУ — снова в Топ-100 университетов мира с наилучшей академической репутацией. Сайт Санкт-Петербургского государственного университета. <http://spbu.ru/press-center/press-relizy/spbgu-snova-v-top-100-universitetov-mira-s-nailuchshey-akademicheskoy>.

ках. Рейтинг вузов агентства «Эксперт РА» — интегральная оценка качества подготовки выпускников вуза. В 2014 г. это агентство присвоило СПбГУ рейтинговый класс «В», означающий очень высокий уровень подготовки выпускников.

За всю историю нашего университета среди его выпускников было немало ученых, государственных деятелей, политиков, педагогов. Особая гордость — плеяда выпускников, в числе которых много мировых знаменитостей: деятелей в области науки, политики, бизнеса, спорта, литературы и искусства. Среди выпускников и сотрудников СПбГУ — Нобелевские лауреаты физиолог И. П. Павлов, биолог И. И. Мечников, физико-химик Н. Н. Семёнов, физик Л. Д. Ландау, математик и экономист Л. В. Канторович; известные ученые, педагоги, государственные и общественные деятели Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский, Д. С. Лихачёв и многие другие. Университет подарил миру известнейших деятелей культуры и искусства — И. С. Тургенева, П. А. Брюллова, А. А. Блока, А. Н. Бенуа, С. П. Дягилева, И. Ф. Стравинского. Среди универсантов есть и руководители правительства страны — Б. В. Штюмер, А. Ф. Керенский, В. И. Ленин, президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев. Конечно, выдающийся вклад СПбГУ в мировую науку, культуру, политику, в систему государственного управления не ограничивается приведенными фамилиями. В мире чтят выдающихся африканистов и востоковедов чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге, академиков РАН СССР М. Н. Боголюбова, А. Н. Кононова, И. М. Стеблина-Каменского, И. Ю. Крачковского, И. А. Орбели и др.

В СПбГУ сформирована траектория развития до 2020 г., где предусмотрены, в частности, чтение лекций на английском языке до 20% общего объема курсов. Самостоятельность этого вуза проявляется и в том, что выработана собственная процедура защиты кандидатских и докторских диссертаций, притом и та и другая работа предоставляется соискателями на русском и английском языках. Факультеты и институты СПбГУ постоянно повышают свой статус в российском и международном университетском сообществе. Уже в настоящее время у СПбГУ одни из лучших научных парков, растет количество научных публикаций, многие из которых — в системе SCOPUS, Web of Science, повышается индекс цитирования и включенность в систему РИНЦ, возрастает самостоятельность университета в принятии решений и собственной ответственности. Важнейшим трендом развития стал рост международной конкурен-

госпособности, показателем чего, в частности, является ежегодное увеличение числа иностранных студентов, магистрантов и аспирантов. Высокий статус СПбГУ признан за рубежом¹⁰⁰.

Экспорт образования. Россия в целом и ее северо-западный регион в частности активно входят в мировой рынок экспорта образования. Значительные позиции здесь занимают США, Великобритания, Австралия, Китай. Для 1000 студентов-россиян, зачисленных в западные вузы, в том числе в Балтийском регионе, правительством России ежегодно выделяются крупные стипендии и компенсируется платное обучение. В то же время каждый год предоставляется бесплатное обучение студентам из стран Балтии. В последние годы Россия принимает на бесплатное обучение до 15 тыс. человек по 650 различным направлениям и специальностям. В ближайшее время это число будет увеличено.

Если иностранец не получит квоту, ему предлагают учиться на коммерческой основе. Для многих студентов и такой формат является привлекательным из-за сравнительно невысокой стоимости обучения во многих вузах, которая составляет 1–1,5 тыс. евро в год. Самая высокая плата — на специальностях «Медицина», «Ядерная физика» и «Международные отношения» в самых престижных университетах России, в том числе Санкт-Петербургском государственном университете. В отборочной кампании у иностранных граждан в 2016 г. наиболее востребованными специальностями были «Языкознание» и «Литературоведение». Затем — «Медицина», «Экономика и управление», «Математика и механика». Медицина, по мнению ректора РУДН В. М. Филиппова, приносит самый высокий доход вузам от иностранцев.

В последнее время отмечается постоянный рост иностранных студентов в вузах России. В 2015/2016 учебном году в России студентов из-за рубежа было 270 тыс. человек (в 2014/2015 — 220 тыс.). В 798 российских вузах училось 6,4 тыс. студентов из Западной и Северной Европы. Иностранцы, в том числе из государств Балтийского региона, предпочитают в России государственные университеты. В СПбГУ, в том числе на факультете международных отношений, учится 4,6 тыс. человек. Учащихся из-за рубежа больше лишь в РУДН — 8,3 тыс.

---

¹⁰⁰ См.: Волков А., Мельник Д. Университет как автономия // Ведомости. 2017. 1 февр.

Большинство зарубежных студентов предпочитают учиться в университетах Москвы и Петербурга, причем две трети из них платят за свое обучение¹⁰¹. Вероятно, потому что в других городах немало некачественных вузов, которые следует закрывать, о чем говорил еще Д. А. Медведев, будучи президентом России в 2008–2012 гг. При этом, однако, следует помнить, что у нас в разы меньше вузов, чем в США, и почти в 1,5 раза меньше студентов¹⁰². В России заинтересованы в привлечении студентов из-за рубежа. В июле 2012 г. президент РФ В. В. Путин призвал усилить образовательное и культурное присутствие России в мире и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском языке или понимает русский, отметив высокое мягкосиловое значение образования во внешней политике. Речь идет, конечно, об экспорте образования как инструменте мягкой силы, позволяющем повышать престиж России за рубежом.

С такими же целями активно включились в экспорт образования и другие государства, в том числе в Балтийском регионе. Яркий пример тому — Дания, которая планирует увеличить численность иностранных студентов к 2020 г. до 300 тыс., в связи с чем Копенгаген реализует программу «Дания — привлекательное место для обучения». Одна из целей этой программы состоит в том, чтобы иностранные выпускники оставались работать и проживать в Дании¹⁰³.

В России, Дании и других странах Балтийского региона, таким образом, увеличение контингента иностранных студентов становится не только государственной политикой отдельной страны, но и региональных организаций. Это происходит в так называемых международных образовательных альянсах, т. е. в масштабе образовательного сотрудничества в многостороннем формате. Эти альянсы оказывают огромное влияние на формирование европейского образовательного пространства в целом. Такой формат — перспективное будущее образования в Балтийском регионе. На наш взгляд, подобное развитие образования должно быть включено как структурная часть в программу «Северное измерение» и Балтийскую стратегию ЕС. Литва, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия входят в двадцат-

---

¹⁰¹ См.: *Лоцихина А., Бурый А.* Будущее за интеллектуальными нациями // *Русский мир*. 2016. № 3. С. 8.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ См.: *Краснова Г. А.* Образование на экспорт // *Независимая газета* — Наука. 2016. 14 сент.

ку стран по уровню государственных расходов на образование: они составляют от 7 до 7,2 % к ВВП этих государств. Российский же показатель — менее 4 %.

Уже сейчас в Балтийском регионе реализуется немало совместных образовательных проектов. 32 университета, которые обладают высокими национальными и международными рейтингами, составили так называемую Балтийскую университетскую сеть. Она имеет высокую репутацию в мировой системе образования. Важную роль в ней играют вузы России (Санкт-Петербурга), Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Германии, Финляндии и других балтийских государств. С 1991 г. образовательный процесс укрепляет в них балтинизацию, характерными чертами которой являются сплочение, сближение и единение государств и народов Балтийского региона, формирование балтийской идентичности и становление балтийской ментальности.

Одной из крупнейших университетских сетей мира является «Балтийский университет», междууниверситетская организация Балтийского региона. Почти 9 тыс. студентов ежегодно регистрируется на ее курсах, проводимых более 100 университетами.

Нельзя не упомянуть также деятельность Ассоциации университетов Балтийского региона, у истоков которой стоял Санкт-Петербургский государственный университет. В работе ассоциации в настоящее время очень активен Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Ассоциация решает вопросы внутрирегиональной интеграции образовательного пространства Балтийского региона и его включенности в образовательное пространство Европы.

В балтийском образовательном процессе все больший вес приобретают Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и другие университеты города на Неве.

Заметную роль в развитии межстранового образовательного сотрудничества в Балтийском регионе играет Российско-Финляндский трансграничный университет, в рамках которого действуют 9 университетов: СПбГУ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Петрозаводский государственный университет, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, университеты

Хельсинки, Йоэнсуу, Тампере, Куопио, Технологический университет Лаппеенранты. В нем готовят магистров по шести направлениям, в том числе по международным отношениям, здравоохранению, истории. В этом университетском консорциуме реализуются также программы двух дипломов: например, в СПбГУ и университете Тампере, в СПбГУ и технологическом университете Лаппеенранты. Стоит также отметить совместные магистерские программы Гамбургского университета и Санкт-Петербургского экономического университета.

Немало петербургских преподавателей читают лекции, ведут семинары, занимаются научными исследованиями в зарубежных университетах Балтийского региона. Представительно выглядит, в частности, группа выпускников факультета СПбГУ в Гамбургском университете [19–21]. Выпускники факультета международных отношений СПбГУ работают во многих зарубежных ведомствах Российской Федерации.

Университетское образование в Балтийском регионе имеет тесную связь с наукой. Один из ярких образцов — это межуниверситетское сотрудничество в рамках Института Северного измерения, основным координатором которого с 2013 г. стал финский университет Аалто, а с российской стороны — Северный Арктический федеральный университет Архангельска и Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Стоит упомянуть также Северный центр пространственного развития (Nordic Center for Spatial Development) в Стокгольме и его сотрудничество с Северо-Западными университетами России и университетами Северной Европы, занимающимися арктической тематикой.

Немалое образовательное значение в Балтийском регионе имеет научный журнал *Baltic Rim Economies*, в котором публикуют результаты своих исследований ученые разных стран, специалисты и политики, и прежде всего находящиеся в Балтийском регионе и ЕС. Не меньшее значение имеет журнал «Балтийский регион» (*Baltic region*), издающийся в Калининграде с 2008 г. двумя университетами: Калининградским им. И. Канта и Санкт-Петербургским государственным университетом, а также сборник научных трудов «Актуальные проблемы мировой политики», издаваемый кафедрой мировой политики СПбГУ.

В России чтут достижения, достигнутые наукой и образованием Латвии, Эстонии, Литвы, Польши и бывшей ГДР в прежние време-

на, когда существовал Советский Союз. Так, мы помним творческое наследие кафедры экономической географии Латвийского университета, ее крупнейших ученых — А. М. Колотиевского, Б. А. Пурина, Л. Я. Халифмана и др. [22–23]¹⁰⁴. Они внесли заметный вклад в разработку сложнейших проблем экономико-географического районирования. Было бы непростительно, если бы я, выступая на XXV ПКБМ в Латвийском университете, не упомянул об этом.

В научном аспекте впечатляют разработки Совета государств Балтийского моря по развитию инноваций в регионе, особенно по формированию широкомасштабной исследовательской инфраструктуры промышленного назначения. Важнейшим шагом вперед станет придание нового импульса научному сотрудничеству в СГБМ посредством развития взаимодействия в рамках программы обеспечения транснационального доступа к научным данным «Baltic TRAM» и создании «Балтийской научной сети». Целенаправленная работа по развитию и осуществлению транснациональных стратегий, инициатив и программ в области поддержки высшего образования, исследовательской и инновационной деятельности, а также в области повышения уровня науки и инноваций должна сопровождаться особым вниманием к вопросам инвестирования в исследовательскую инфраструктуру, а также укрепления сотрудничества между исследовательскими институтами и предпринимательским сообществом. Будет возрастать необходимость расширения диалога между промышленными предприятиями и исследовательскими учреждениями в целях повышения эффективности крупных инвестиций в инновации в области НИОКР и направления этих капиталовложений на конкретные промышленные нужды. Инициативы в области науки, которые СГБМ начал реализовывать сейчас и продолжит реализовывать в ближайшем будущем вместе со своими партнерами, тесно связаны со Стратегией ЕС для региона Балтийского моря и ее приоритетными областями — «Образование» и «Инновации»¹⁰⁵.

Велико также значение документа «Образование для инновационных сообществ в XXI в.», принятого на саммите G-8 в Санкт-Петербурге в 2006 г. В нем содержится положение о формировании

---

¹⁰⁴ См., напр.: Экономические связи союзных республик: тезисы докладов межреспубликанского симпозиума по исследованию экономических связей союзных республик. Рига, 17–19 октября 1979 г. Ч. 1–2. Рига: Зинатне, 1979.

¹⁰⁵ По информации, полученной от Секретариата ПКБМ в 2016 г.

всемирного инновационного сообщества, содействии качественно-го уровня образования развитию необходимых качеств для работы и достойной жизни и недопущении дискриминации мигрантов посредством образования. Последняя рекомендация приобретает особое напутствие для устранения растущей в настоящее время в ЕС мигрантофобии. Она свойственна и многим странам Балтийского региона, кроме России.

В нашей стране набирает силу реализация Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2014–2020 гг.». Совсем недавно принята Стратегия научно-технологического развития России, в которой специально указывается на совершенствование образовательного процесса, в том числе и с точки зрения обеспечения национальной безопасности нашей страны.

На Госсовете по образованию при Президенте Российской Федерации, состоявшемся в конце ноября 2016 г., речь шла о Стратегии высшего образования, в которой впервые говорилось о гуманитарном образовании. Это чрезвычайно принципиальный сдвиг в официальных рассуждениях об отечественном высшем образовании. Судя по всему, следует ожидать не только появления образовательных стандартов, которые будут сочетать различные сферы познания мира и подготовки высококвалифицированных кадров. Через сопряжение различных областей знания наверняка можно будет внести определенный вклад в миропорядок без разделительных линий.

Говоря о высшем образовании в Балтийском регионе, важно учитывать, что ряд его университетов входят в Коимбрскую группу, объединение старейших университетов Европы¹⁰⁶.

Можно, конечно, еще немало сказать о научном и образовательном партнерстве в Балтийском регионе, которое свидетельствует о нарастающем и углубляющемся образовательном процессе в этой части Европы, а также о его весьма заметном положении в мировом сообществе. Складывающееся межвузовское партнерство в свою очередь способствует совершенствованию делового климата в балтийских странах, наращиванию человеческого капитала, росту по-

---

¹⁰⁶ Сулимов К. А., Борисова Н. В., Бородин Л. С. Стратегические ориентиры и миссии современных университетов в зеркале их организационной структуры // Власть. 2016. № 11. С. 60–65.

зитивности межстрановых отношений и повышению значимости парламентской дипломатии.

Образование, сопровождающееся формированием интеллектуальной среды и становлением элиты, является важнейшим фактором мирополитической стабилизации, креативным институтом мягкой силы во внешней политике ведущих государств мира и фундаментообразующим институтом нового мирового порядка [24]. Поэтому его изучение в контексте рассмотрения крупных событий на мировой политической арене не только целесообразно, но и необходимо для качественного познания происходящего.

В 2016–2017 гг. произошло немало значимых событий на мировой арене, придавших динамизм развитию международного сообщества. Разумеется, все они не могут быть включены в «Редакционный обзор» в силу ограниченности его объема и предназначения. Поэтому ограничусь общей оценкой произошедшего в мире, сводящейся к признанию усложнения конфигурации международных отношений, возрастания роли России в современной системе глобальной и региональной политики, все большего разворота стран в сторону России, роста напряженности во многих уголках Земли, политизации ряда, казалось бы, находившихся вне политики сфер человеческой деятельности, усиливающегося стремления демократических государств покончить с терроризмом.

Литература

1. *Гушер А. И.* Россия в Сирии: стратегия и геополитика // *Стратегия России.* 2016. № 1 (145). С. 41–48.
2. *Бочарников И.* Глобальная угроза // *Стратегия России.* 2016. № 1 (145). С. 49–56.
3. *Касаев Э.* Россия и Иран: партнеры и конкуренты // *Стратегия России.* 2016. № 11 (155). С. 38–52.
4. *Манойло А.* Закат Pax Americana // *Стратегия России.* 2015. Ноябрь. № 11. С. 23–28.
5. *Криштанович Л. Е.* Метафизика Евразийского союза // *Стратегия России.* 2016. № 10. С. 19–28.
6. *Трещенков Е. Ю.* От восточных соседей к восточным партнёрам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики соседства Европейского Союза (2002–2012). СПб.: Своё издательство, 2013. 402 с.
7. *Немчинова Т. С., Музалёв А. А.* Влияние языковой политики на формирование образовательного пространства в государствах Центральной Азии // *Евразийский юридический журнал.* 2018. № 3 (118). С. 426–430.

8. Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон, 2016. 309 с.
9. Kurimäki J. The Baltic Sea Parliamentary Conference and the Ukraine crisis // *Baltic RIM Economies*. 2015. Iss. 3. P. 17.
10. Харламьева Н. К. Методология исследования основ международного экономического сотрудничества в Арктике // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 2. С. 97–109.
11. Алимов А. А., Тулупов Д. С., Лексютина Я. В., Стецко Е. В. Арктическая тематика на берегах Невы. Обзор основных научных мероприятий 2015 г. // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2016. № 1 (16). С. 121–124.
12. Харламьева Н. К. Процесс формирования арктической политики Российской Федерации // *Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке*. Вып. 7: сб. статей / под ред. В. С. Ягья, Т. С. Немчиновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 358–376.
13. Ягья В. С., Сбойчакова А. В. Политические аспекты экологической безопасности российской Арктики // *Наука Красноярья*. 2016. № 4 (37). С. 104–121.
14. Ягья В. С., Лагутина М. Л., Харламьева Н. К. Арктика — новый регион внешней политики Китая // *Вестник Российского университета Дружбы народов*. Сер. Международные отношения. 2015. № 1. С. 43–45.
15. Ягья В. С., Иванов В. В., Харламьева Н. К. Региональная инновационная система Арктики: международно-политические аспекты правового обеспечения // *Российская Арктика — территория права: альманах*. Вып. III. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: Арктика в социально-правовом измерении / отв. ред. В. П. Емельянцева, Е. А. Галиновская. М.; Салехард: Юриспруденция, 2016. С. 123–133.
16. Сергунин А. А., Конышев В. Н. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: Российский ин-т стратегических исследований, 2011. 194 с.
17. Lagutina M., Markushina N. The Arctic Region and the “New North”: the Russian Approach // *Russia and the World: Understanding International Relations*. Ed. by N. Tsvetkova. Latham, Maryland: Lexington Books Publ., 2017. P. 325–357.
18. Sergunin A., Konyshev V. Russian military strategies in the Arctic: change or continuity? // *European Security*. Vol. 26. 2017. Iss. 2. P. 171–189.
19. Nonsnitsen D. Churches and Monasteries of Təgray. A survey of Manuscript Collections. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013 (Aethiopica Supplement 1).
20. Veneration of Saints in Christian Ethiopia. Ed. by D. Nonsnitsin. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015 (Aethiopica Supplement 1).
21. Ecclesiastic Landscape of North Ethiopia. Ed. by D. Nonsnitsin. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013 (Aethiopica Supplement 2).
22. Колотиевский А. М. Вопросы теории и методики экономического районирования. Рига: Зинатне, 1967. 246 с.
23. Ныммик С. Я. Проблемы социально-экономического районирования // *Советская география: сб. научных трудов к XXV Международному географическому конгрессу* / отв. ред. Н. Г. Агафонов. Л.: Наука, 1984. С. 131–141.

24. Немчинова Т. С., Музалёв А. А. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1 (92). С. 52–57.

Контактная информация:

Ягья Ватаняр Саидович — д-р ист. наук, проф.; v.yagya@spbu.ru

Digest of World Politics: editorial review (2016–2017)

Vatanyar S. Yagya

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

At the edition of “Digest of world politics” it developed so that in “Address of the editor-in-chief” the major events on the modern political map of the world, capable to play a fatal role in artful designs international and the world political relations are estimated, as a rule. In the ninth volume we will stop on some the large, in our opinion, phenomena of world politics of 2016-2017.

Keywords: the international terrorism, Sunni and Shiite contradictions, the military operation in Syria; Republic of Belarus, integration potential, EEU; science, education export, Project 5-100, Arctic researches.

References

1. Gusher A.I. Russia in Syria: strategy and geopolitics. *Strategiia Rossii*, 2016, no.1 (145), pp. 41–48. (In Russian)
2. Bocharnikov I. *Global threat. Strategiia Rossii*, 2016, no. 1 (145), pp. 49–56. (In Russian)
3. Kasaev E. Russia and Iran: partners and competitors. *Strategiia Rossii*, 2016, no. 11 (155), pp. 38–52. (In Russian)
4. Manojlo A. The decline of Pax Americana. *Strategiia Rossii*, 2015, Noyabr', no. 11, pp. 23–28. (In Russian)
5. Krishtapovich L. E. Metaphysics of the Eurasian Union. *Strategiia Rossii*, 2016, no. 10, pp. 19–28. (In Russian)
6. Treshhenkov E. Yu. *From Eastern neighbors to the Eastern partners. The Republic of Belarus, the Republic of Moldova and Ukraine are in the focus of the European Union's neighbourhood policy (2002–2012)*. St. Petersburg, Svoe Izdatel'stvo, 2013. 402 p. (In Russian)
7. Nemchinova T. S., Muzalev A. A. The influence of language policy on the formation of the educational space in the Central Asian States. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2018, no. 3 (118), pp. 426–430. (In Russian)

8. Ponomareva E. G., Rudov G. A. *The Domino principle: world politics at the turn of the century*. Moscow, Kanon Publ., 2016, 309 p. (In Russian)
9. Kurunmäki J. The Baltic Sea Parliamentary Conference and the Ukraine crisis. *Baltic RIM Economies*, 2015, iss. 3, p. 17.
10. Kharlampieva N. K. Research methodology of the international economic cooperation bases in the Arctic. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. Series 6. Political Science. International Relations. 2016, iss. 2, pp. 97–109. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.209 (In Russian)
11. Alimov A. A., Tulupov D. S., Leksyutina Ya. V., Steczko E. V. Arctic themes on the banks of the Neva. Review of the main scientific events of 2015. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 2016, no. 1 (16), pp. 121–124. (In Russian)
12. Kharlampieva N. K. The process of formation of the Arctic policy of the Russian Federation. *Aktual'ny'e problemy mirovoi politiki v XXI veke*. Sb. statei. Vol. 7. Eds V. S. Yagya, T. S. Nemchinova. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2014, pp. 358–376. (In Russian)
13. Yagya V. S., Sbojchakova A. V. Political issues on environmental security of Russian Arctic. *Nauka Krasnoiar'ia*, 2016, no. 4 (37), pp. 104–121. DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-104-121 (In Russian)
14. Yagya V. S., Lagutina M. L., Kharlampieva N. K. The Arctic — a new region for the Ghina's foreign policy. *Vestnik of International Relations, Peoples' Friendship university of Russia (RUDN)*, 2015, no. 1, pp. 43–45. (In Russian)
15. Yagya V. S., Ivanov V. V., Kharlampieva N. K. Regional innovation system of the Arctic: international political aspects of legal support. *Rossiiskaia Arktika — territoria prava: al'manax*. Vol. III. Sokhranenie i ustojchivoe razvitie Arktiki: Arktika v social'no-pravovom izmerenii (Preservation and sustainable development of the Arctic: the Arctic in the social and legal dimensions). Eds V. P. Emel'yancev, E. A. Galinovskaya. Moscow; Salekhard, Yurisprudenciia Publ., 2016, pp. 123–133. (In Russian)
16. Sergunin A. A., Konyshv V. N. *The Arctic in international politics: cooperation or competition?* Moscow, RISI (Rossiiskii institut strategicheskikh issledovani), 2011, 194 p. (In Russian)
17. Lagutina M., Markushina N. The Arctic Region and the “New North”: the Russian Approach. *Russia and the World: Understanding International Relations*. Ed. by N. Tsvetkova. Latham, Maryland, Lexington Books Publ., 2017, pp. 325–357.
18. Sergunin A., Konyshv V. Russian military strategies in the Arctic: change or continuity? *European Security*, vol. 26, 2017, iss. 2, pp. 171–189.
19. Nosnitsen D. *Churches and Monasteries of Təgray. A survey of Manuscript Collections*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2013 (Aethiopica Supplement 1).
20. *Veneration of Saints in Christian Ethiopia*. Ed. by D. Nosnitsin. Wiesbaden, Harrassowitz, 2015 (Aethiopica Supplement 1).
21. *Ecclesiastic Landscape of North Ethiopia*. Ed. by D. Nosnitsin. Wiesbaden, Harrassowitz, 2013 (Aethiopica Supplement 2).
22. Kolotievskij A. M. *Problems of theory and methodology of economic zoning*. Riga, Zinatne Publ., 1967, 246 p. (In Russian)

23. Ny'mmik S. Ya. Problems of socio-economic zoning. *Sovetskaia geografiia*: sb. nauchnykh trudov k XXV Mezhdunarodnomu geograficheskomu kongressu. E. by N. G. Agafonov. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 131–141. (In Russian)
24. Nemchinova T. S., Muzalev A. A. Export of education as an instrument of integration of the member States of the Eurasian Economic Union. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2016, no. 1 (92), pp. 52–57. (In Russian)

Author's information:

Vatanyar S. Yagya — Dr. Sci. in History, Professor; v.yagya@spbu.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА ВЫПУСКА: ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 327+322+297

Заметки об исламе, исламском мире и его соседях

В. С. Ягья

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9*

Рост исламофобии в мире, особенно в Западной Европе и США, вызывает со стороны мусульман неприязнь к странам пребывания. Утверждения ряда исследователей о присущей исламу эндогенности экстремизма ошибочны. К терроризму прибегают не только мусульмане, но и представители других религий. Война в Сирии, порожденная Исламским государством (организацией, запрещенной в России), является в настоящее время главным объектом борьбы с международным терроризмом.

Ключевые слова: ислам, Коран, милосердие, миролюбие, терроризм, Россия, война с терроризмом, Западная Европа, Исламский мир, США, Ближний Восток, мегаконтинент Евро-Афро-Азия.

Библиотека научных работ, в которых исследуются актуальные вопросы развития исламского мира, ежегодно пополняется сотнями монографий и тысячами статей. Такой академический подъем творчества ученых-исламоведов, политологов, международников, специалистов-религиоведов, африканистов и востоковедов не случаен. Исламский мир превратился в бурлящий триединый мегаконтинент Евро-Афро-Азия¹, откуда, не проходит и дня, поступают сообщения о народных восстаниях в борьбе за демократию и социальную справедливость, сражениях и гражданских войнах, вооруженных

---

¹ Термин «триединый мегаконтинент Евро-Афро-Азия» принадлежит, судя по всему, крупному российскому ученому Л. И. Медведко, употребившему его в предисловии к книге «Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом» [1]. В январе 2015 г. на 3-й встрече российских и турецких интеллектуалов в Анталии доцент МГУ им. М. В. Ломоносова П. В. Шлыков предложил наименовать это обширнейшее пространство Афро-Евро-Азией [2].

столкновениях на этнорелигиозной почве, террористических атаках, разжигании старых конфликтов и тому подобных потрясающих своим трагизмом событиях. Да и в Северной Америке, где обосновались миллионы мусульман, не все спокойно. Похожая картина — в Австралии, в которой сложилась немногочисленная мусульманская община, чтящая коранические установки и бытовые традиции, взгляды и убеждения².

Конечно, приходит и позитивная информация об исламе, об адептах вероучения. Издаётся немало литературы, призванной развеять постоянно нагнетаемую атмосферу отрицательных эмоций и неприязни в отношении ислама, искаженного восприятия постулатов Корана и растущей исламофобии. Но ее влияние на общественное мнение ограничено, тем более если в той или иной части страны, даже мусульманской, происходят террористические акты, осуществляемые боевиками, объявившими себя приверженцами ислама (например, во Франции в 2015–2017 гг.).

К сожалению, электронные и бумажные СМИ чаще всего сосредоточивают внимание преимущественно на сведениях негативного характера, формируя тем самым предвзятое мнение о мусульманских странах. Этим суждениям порой подыгрывают государственные, общественные, политические и, увы, академические круги из немусульманских регионов, вступая в полемику с исламским миром, когда затрагиваются национальные интересы их стран, но национальные интересы мусульманских государств, как оказывается при этом, — не в счет.

Да и в исламском мире не все так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Немало высказываний и действий руководителей легитимных и большей частью нелегитимных организаций и даже государственных структур будоражит мировое сообщество, вызывает беспокойство за судьбы всего человечества, а в конечном счете позорит сам ислам³, тем более что терроризм ни на региональном, ни на национальном, ни на глобальном уровнях еще не побежден. До его ликвидации далеко, какие меры в настоящее время ни

---

² См., напр.: *Изосимова Ю.* Австралийка мечтает танцевать в хиджабе // *Метро*. 2016. 12 окт.

³ См.: *Мельников А.* Мусульман вовлекают в междоусобицу. Хасиды спускаются в метро, а протестантов накрыл «пакет Яровой» // *Независимая газета*. 2016. 29 авг.; *Силантьев Р.* Грозный обвинил Гайнутдина в потакании ваххабитам // *Независимая газета* — *Религии*. 2016. 5 окт.

предпринимали бы сами мусульманские страны, евроатлантические и иные немусульманские государства, СНГ, ШОС, ООН, Исламская организация сотрудничества, другие международные организации.

Одной из главных причин такой ситуации является разветвленная в исламском мире сеть радикальных исламистских движений, ими брошен вызов существованию как самой исламской, так и евроатлантической, русской, китайской и иным современным цивилизациям, в целом мировой цивилизации и всему мировому сообществу. Отсюда и непрекращающийся небывалый рост исламофобии, подключение к активной борьбе, в том числе вооруженной, ведущих держав мира с международным терроризмом [3]⁴.

Содержание многих книг и статей, опубликованных по исламу и исламу, радикальным исламистским движениям и обстановке во внеисламском мире относительно мусульман, вызывает у меня необходимость поделиться своими соображениями о некоторых интересных и поучительных сюжетах (см., напр., [4] и рец. на эту книгу [5]; [6–11]). Сделать так я посчитал очень важным, ибо мои размышления и приводимые факты, по-видимому, помогут закрыть некоторые белые пятна в исламоведческом и политическом исследовании мусульманского мира, очистить науку об исламе от искажений, неадекватного восприятия ряда коранических установок, поправки разумных, цивилизованных норм, порочащих мусульман выдумок, а также предотвратить дальнейшую деинтеллектуализацию научной сферы, связанной, как справедливо говорит академик А. Г. Арбатов, с приходом в нее немыслимого числа малообразованных людей⁵.

Вопросы современного состояния и развития исламского мира освещены в целом ряде работ, прочтение которых вызвало у меня

---

⁴ Возможно, избрание в мае 2016 г. мэром Лондона мусульманина станет фактором снижения накала исламофобии, разгорающейся в настоящее время с небывалым размахом и остротой. См.: *Тарасенко П.* Лондон принимает мэра-мусульманина // *Коммерсантъ*. 5 мая 2016; *Ильина Н.* Лондон выбрал мусульманина // *Ведомости*. 2016. 10 мая. — Этот мой прогноз, по-видимому, не оправдался. В марте 2017 г. в Лондоне террористы, прикрываясь исламом, совершили очередной теракт, унесший жизни нескольких ни в чем не повинных людей; *Putin dares, Obama dithers* // *The Economist*. 2015. October 3. P. 15. <https://www.economist.com/leaders/2015/10/03/putin-dares-obama-dithers>; *Паин Э.* Иноверцы и инородцы // *Дружба народов*. 2013. № 1. С. 175–187.

⁵ *Соломонов Ю.* Среди мифов, рифов, вбросов и надежд. Интервью с руководителем Центра международной безопасности ИМЭМО РАН академиком А. Арбатовым // *Независимая газета* — Сценарии. 2016. 27 сент.

либо одобрение, либо несогласие, либо полное непонимание того, к чему клонит автор, либо признание никчемности или даже оскорбительности приводимых доводов. Подобные оценки, на мой взгляд, помогут разобраться в процессах выхода мусульманских государств на мировую арену из состояния разобщенности, разрозненности. Но движение некоторых из них к центру мировой политики и глобальной экономики сопровождается в ряде случаев опрометчивым пренебрежением испытанными веками высоконравственными и высокочтимыми традициями и ценностями⁶, отходом от высокой духовности ислама, извращенным восприятием идей, ростом воинственности и фактическим отказом от истинной основы и священности ислама. Это также обусловило непонимание исламского мира в немусульманском сообществе.

Для раскрытия данной темы упомяну лишь несколько работ таких авторов, как И. Шамир, М. М. Мчедлова, М. Вайс и Х. Хасан, Д. В. Мухетдинов, А. А. Игнатенко, Е. Г. Пономарева, Р. А. Набиев, Ш. Аджиб, С. А. Модестов, М. С. Мейер, А. Малашенко, Пхра-Чатри Хемапандха [12–26]⁷. В них красной нитью проходит мысль об усиливающемся глобальном характере радикального ислама и его политизации. В поле зрения авторов — исламистские движения, действующие уже и в странах Запада, и в России, южная граница которой становится проницаемой для исламистов, а радикальные идеи распространяются среди местных мусульман.

Прежде всего, на наш взгляд, не следует полагать, что ислам во внероссийской Европе — это пришлое явление [27]⁸. Нельзя отри-

⁶ В России в последние годы стали уделять больше внимания традициям и ценностям. См., напр.: *Матвиенко В. И.* Правовая система страны должна опираться на национальные традиции и ценности // Парламентская газета. 2016. 12 авг. — 1 сент.

⁷ См. также: *Мчедлова М. М.* Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2011; *Kalin I.* On beauty // Daily Sabah. 2016. January 19; *Мухетдинов Д., Бородай С.* Ислам в Европе: учеб. пособие. М.: Медина, 2016; *Ключников Б.* Грядущий бич Божий? // Новая Ладога. 2016. № 7. С. 173–191; *Ефимов И.* Крутые ступени цивилизации // Нева. 2016. № 2. С. 175–183.

⁸ См. также: *Зыгмонт А.* Джихад против России переходит на личности // Независимая газета — Религии. 2016. 3 авг.; *Аганов П.* Война по особым законам // Независимая газета. 2015. 23 дек.; *Война с ИГИЛ* // Независимая газета. 2015. 30 дек.; *Соколов Д.* Трудно быть богом 2.0 // Ведомости. 2016. 14 сент.; *Мельников А.* ИГ внутри нас // Независимая газета. 2015. 28 дек.; *Малашенко А.* Почему уцелела ДАИШ // Независимая газета — Религии. 2016. 29 июня.

цать небывалый наплыв мусульман из Азии и Африки в последнее время, что при определенных обстоятельствах приносит дискомфорт в жизнь части населения и элит Европы, да и всего евроатлантического мира. В свою очередь, рост исламофобии, арабофобии и туркофобии в этой части света вызывает гнев и резкое неприятие иммигрантами и единоверцами, оставшимися в своих родных странах. Объявление всемирной войны против терроризма воспринимается многими мусульманами как новый крестовый поход [28, с. 35]. Историческая память исламоверующих дает о себе знать. Арабы не забыли, как пишет известный британский историк, военный и государственный деятель Дж. Б. Глабб, что «в течение последних пяти веков мы (европейцы. — *Авт.*) сознательно избегали всякого упоминания об арабах “в наших исторических трудах”, об их величии и великой роли в судьбах Европы, и по существу всей мировой истории, обрекая тем самым собственное население на незнание прошлого арабской нации и на создание у него впечатления о ее извечной отсталости». Дж. Б. Глабб особо подчеркивает, что это был «намеренный бойкот арабской истории» [29, с. 8–10]. Вот почему в Европе были непонятны возгласы образованной молодежи в арабских странах в ходе «арабской весны»: «Как же так! Мы же — древнейшая цивилизация на земле. Мы же — умм ад-дунья — то есть мать мира! У нас же лучшая в мире религия — ислам. На нашем, арабском языке ниспослан великим Аллахом на землю Коран!» (цит. по: [30, с. 4]; см. также: [31]). От этих недоумений у одних (арабов) росло экзистенциальное признание своей неудачливости, а у других (европейцев) возникал вопрос: чего хотят? Возрастала конфликтогенность. Она оказалась свойственна и осевшим в Европе разным представителям мусульманских этносов, прибывшим из одной и той же страны в разное время. Подобное наблюдается, например, между турками и курдами. Из них рекрутируются боевики в Рабочую партию Курдистана и в турецкую молодежную организацию «Серые волки».

Обычно исследователи, придерживаясь мнения об инородности ислама в Европе, не берут в расчет, что ислам укоренился с давних времен среди населения немалого числа стран Европы: на Балканах, в Болгарии, Франции, Германии и др. Например, в Гамбурге мечеть построена еще в XVII в. Однако она имеет невысокие минареты, так как власти не разрешали их строить выше церковных шпилей. Такая же ситуация складывается и сегодня. В 2009 г. в Швейцарии, основываясь на результатах референдума, среди дружелюбного в своей

массе населения, было принято решение, запрещающее строить новые минареты. Когда я спросил генерального консула Швейцарии в Санкт-Петербурге, как это возможно в его демократической стране, последовал ответ: такова воля народа.

Конечно, и в мусульманских странах, с немалой долей христианского населения, вводились ограничения на внешний вид христианских храмов и их возможное местоположение, регламентировались условия ремонта церквей, а также указывалось, что делать, когда они ветшали [32].

Сносились ли мусульманские, христианские и иудейские храмы? Разумеется, да, особенно тогда, когда та или иная страна подвергалась нападению иноверцев.

Но стоит напомнить всем западным и центрально-европейским народам, что многие из них в древние и раннесредневековые времена сами пришли в Европу издалека, а христианство им принесли с собой проповедники или изгнанники с Ближнего Востока. Вероятно, запаматовали обо всем этом те, кто с парламентских или иных трибун произносит антиисламские призывы. Им невдомек, что в европейской цивилизации многое пришло от мусульман-арабов или турок [29; 33–34]. В нероссийской Европе чуть ли не каждый мусульманин рассматривается как нежелательный поселенец. Он испытывает пренебрежительное отношение к себе и неприязнь. В исторической памяти европейцев еще живы антитурецкие и антиарабские представления, когда те и другие покоряли отдельные страны Европы. В целом все это, включая и терроризм, и экстремизм исламистов, обуславливает рост исламофобии.

В свою очередь мусульмане Европы нередко платят ее гражданам ответной платой — исламизмом. У них тоже есть историческая память: территориальные захваты европейскими державами в Азии и Африке, многовековое колониальное правление над мусульманскими странами, сопровождавшееся рабством, унижением человеческого достоинства, насаждением христианства. Да и в истории последних пятидесяти-шестидесяти лет немало фактов, вызывающих негодование в мусульманских странах у исламских служителей культа, проповедников и просто обычных мусульман. Кстати, призывы к индигенизации, возврату к корням, раздающиеся в исламском мире и среди мусульман, осевших на Западе, во многом порождаются фактическим отказом самих европейцев от традиционных ценностей. Выступая в ноябре 2014 г. в Европарламенте, Папа Римский

Франциск отметил, что мир давно уже не является европоцентричным, в самой Европе так много глубинных проблем, что она едва ли может быть источником надежды для людей. Права человека сейчас понимаются очень поверхностно, что приводит к индивидуализму. Правила устанавливаются формально и к подлинным нуждам людей имеют отношение косвенное. В центре внимания лидеров Европы находятся не подлинные интересы людей, а интересы экономики и технологии⁹. Папа Франциск, первый со времен Средневековья глава Римской церкви, представляющий неевропейские страны, обратился к Европейскому Союзу с призывом пересмотреть миграционную политику, жертвами которой становятся нелегальные переселенцы из Северной Африки¹⁰. Ему же принадлежат слова о том, что «христиане и мусульмане — это братья и сестры». Находясь в мечети в Банги, столице Центральной Африканской Республики, он призвал и тех, и других к тому, чтобы «сказать “нет” ненависти, мести и насилию, особенно, насилию, совершаемому во имя религии или самого Бога»¹¹.

Такое же благочестие звучит в делах и проповедях мусульманских иерархов. В 2015 г. верховные муфтии Египта, Ливана и Иордании приняли совместное заявление против терроризма. О толерантности ислама и его несовместимости с терроризмом писали и выдающиеся мусульманские богословы: шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф, шейх хаджи Дербисали [35], шейх З.Расулев [36–39], шейх Р.Гайнутдин (см., напр.: [40])¹². Последний, являющийся председателем Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман России, отметил, что «сегодня очень важно уйти от стереотипов, которые порождены именно незнанием и порой заведомо неверными толкованиями», что «от мусульманина требуются активные действия, современное мировоззрение и мировосприятие, приложение усилий, постоянный труд и учеба», освоение новых знаний и про-

⁹ «Европа должна вновь обрести свою душу»: Папа Франциск выступил в Европарламенте // *Ruthenia Catholica*. 2014. 26 нояб. <http://xn--80aqecdrilg.xn--p1ai/evropa-dolzha-vnov-obresti-svoyu-dushu-papa-frantsisk-vyistupil-v-evroparlamente>.

¹⁰ *Гашков И.* Слишком Старый свет // *Независимая газета*. 2014. 26 нояб.

¹¹ *Коткина О.* Папа Римский приветствовал «братьев-мусульман» // *Независимая газета* — Религии. 2015. 2 дек.

¹² См. также: *Гайнутдин Р. И., шейх.* Испытание на зрелость // *Известия*. 2016. 16 дек.; *Гайнутдин Р., муфтий-шейх.* Аллах требует поклонения в разуме // *Минарет ислама*. 2015. № 3 (3). С. 6–15; *Муфтий-шейх Равиль Гайнутдин.* Открытое послание о главной беде мусульман // *Минарет ислама*. 2016. № 1–2 (5–6). С. 21.

фессий, предприимчивость во всех делах. И «стремление к успеху в земных делах является его важнейшей обязанностью перед Творцом»¹³. Разъясняя далее смысл изречений, он провозглашает: «современный мусульманин обязан действовать разумно и продуманно, искать и находить свое место в жизни в соответствии с духом времени и конкретной ситуацией». Именно такой подход, по его мнению, соответствует исламу и помогает человеку правильно оценивать новые явления и изменения, не занимать по отношению к ним враждебную и непримиримую позицию. «Такой подход полностью отвечает требованию Пророка: «Облегчайте людям жизнь»¹⁴.

Муфтий Равиль, председатель Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России, в интервью, говоря о миролюбии ислама, приводит многократно повторяемый постулат Корана об убийстве одного человека как убийстве всего человечества, а о спасении одного человека — как о спасении всего человечества¹⁵. К сожалению, на это кораническое изречение (Коран 5:32) мало кто ссылается в своих публикациях об исламе. Очень много сегодня специалистов, которых академик А. Г. Арбатов назвал «быстрыми и оборотистыми ребятами», которые научились «давать волю своим экспертным суждениям, прочитав две книжки и на их базе написав одну»¹⁶.

В работах таких специалистов обычно приводятся вырванные из коранического контекста фразы, которые позволяют им говорить об эндогенности в исламском вероучении радикализма. Но и у ученых нередко речь идет об эндогенности радикализма в исламе, порой в открытой форме [41]. При этом правы те, кто пишет, что радикалы, экстремисты и террористы используют те же постулаты, вырванные из свода коранического Писания для оправдания своих действий. Тем не менее ряд авторов, противопоставляя другим тра-

¹³ Гайнутдин Р., шейх. Испытание на зрелость.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Панчев Р. Свой путь к Всевышнему // Конкуренция и рынок. 2015. № 5 (72). С. 33; См. также: Блажнов А. Человек терпит, потому что это испытание. Интервью с Панчевым, настоятелем Петербургской соборной мечети // Вечерний Петербург. 2017. 21 июня.

¹⁶ Соломонов Ю. Среди мифов, рифов, вбросов и надежд. О том, что делает и должна делать пропаганда в сегодняшнем мире // Независимая газета. 2016. 27 сент.

диционным религиям воинствующий дух ислама, справедливо подчеркивает его значение «как великого этического учения» [4, с. 127].

2 декабря 2016 г. на совместном заседании Совета по культуре и искусству и Совета по русскому языку президент России В. В. Путин заявил, что «радикалы могут быть не только исламистами, что стало уже общим местом, но и возникать в недрах любой религиозной традиции». Это подтверждают события последнего времени как в нашей стране, так и в мире. «Независимая газета» приводит целый ряд радикальных проявлений со стороны неисламистских сил: «кроме агрессивных акций православных активистов в регионах России следует отметить прямое вмешательство Церкви в политику Грузии и Молдавии, в том числе во время уличных акций. Нетерпимостью отличилась даже та духовная традиция, которую принято считать самой мирной — буддизм. Если рассматривать нынешнюю кампанию российских буддистов против сети ресторанов как курьез, то погромы иноверцев, чинимые буддийскими монахами в Юго-Восточной Азии, уже называют геноцидом. Даже малые группы, относящиеся к новым религиозным движениям, считают возможным обзаводиться своими “службами безопасности” и мини-армиями активистов, готовых к уличным протестам»¹⁷.

СМИ обратили внимание на призыв В. В. Путина к представителям творческих профессий выработать четкие критерии, призванные разделять свободу художественного выражения и намеренную провокацию, разжигающую ярость верующих. Продолжая эту мысль, следует, вероятно, подумать и над формулированием принципов, когда общество не имеет права поддаваться шантажу ревнителей веры. Ведь кого-то раздражает и отсутствие обучения православия в школах с 1-го по 11-й класс, и протесты против строительства храмов в парках, и аборт в системе ОМС. «Если с защитой чувств верующих наше государство справляется вполне успешно, общество вправе ожидать не менее эффективной защиты от проявлений агрессии со стороны поборников неистового благочестия»¹⁸.

В этом контексте актуальна точка зрения М. Б. Пиотровского: «Ислама опасаться не надо. Бояться надо исламофобии... надо бояться тех, кто исповедует агрессивный радикальный ислам, превра-

---

¹⁷ От редакции. Владимир Путин: во всех религиях достаточно радикалов // Независимая газета. 2016. 5 дек.

¹⁸ Там же.

щая его в знамя своей социальной, конфессиональной, моральной, географической и прочей агрессии. Следует различать исламский фундаментализм и нормальный ислам, действуя здесь средствами просвещения. Ни христианство, ни иудаизм, ни ислам, ни буддизм в основе своей не агрессивны. Всякая религия не про то, про что политика. Она помогает человеку понять себя и сделаться лучше. Политики же любых сортов пытаются использовать человека для осуществления своих больших и мелких целей. У музеев и интеллигенции как раз одна из задач — показывать, в чем назначение религии и как ее используют совсем в других, часто корыстных целях»¹⁹. Добавлю от себя к этим словам, что надо бояться еще туркофобии, арабофобии и прочих этноконфессиональных фобий.

Немалую помощь в этом могут оказать встречи высших иерархов ислама, христианства и иудаизма — трех авраамических религий, проповедующих единобожие, неразрывную взаимосвязь в монотеизме. Таким заметным событием, имевшим широкий отклик в мировом сообществе, является подписание Декларации *Nostra aetate* («В наше время») об отношении Католической церкви к нехристианским религиям, принятой вторым Ватиканским собором в 1965 г. [42]²⁰.

В России самым первым диалоговым форумом стала конференция, прошедшая в Санкт-Петербурге в феврале 1992 г. В ее работе приняли участие 27 послов ближневосточных стран, аккредитованных в Москве, высокопоставленные представители мусульманских общин Финляндии, Великобритании, бывших союзных республик, иерархи христианских религий и др. [подробнее см.: 43]. Будучи тогда главным советником мэра Санкт-Петербурга, я участвовал во всех заседаниях, проходивших в просторном зале гостиницы «Пулковская». В выступлении я особо отметил духовное и политическое значение ислама в строительстве новой, постсоветской России, а также необходимость взаимодействия всех религий в нашей стране и в мире в целом.

Тогда же, в последний день работы этого форума, произошел взрыв в петербургской Соборной мечети, рассматриваемый мной как провозвестник будущих многочисленных террористических ак-

¹⁹ *Пиотровский М. Б.* Надо опасаться не ислама, а исламофобии // Российская Федерация сегодня. 2016. № 12. С. 76.

²⁰ Жить в мире со всеми. 50 лет Декларации *Nostra aetate* // Минарет ислама. 2015. № 2 (2). С. 17–19.

тов на религиозной основе. Тем не менее, несмотря на прискорбный факт, все участники петербургского форума говорили о мире и добре, проповедуемых во всех религиях.

Поиск путей взаимодействия трех мировых религий продолжается. В сентябре 2009 г. в Москве прошла представительная международная конференция «Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности», созванная Советом муфтиев России. На ней рассматривались актуальные вопросы духовной жизни мусульман в международном сообществе, а также важнейшие проблемы взаимодействия мировых религий. На форуме не обошлось без политизации религиозной жизни. Связано это с тем, что роль религий в мирополитической жизни постоянно возрастала, достигнув своего апогея во втором десятилетии XXI в.

Значительные имиджевые и деловые результаты в развитии исламо-христианского диалога были достигнуты при встречах главы Управления по делам религии Турции М.Гермеза с Патриархом Русской православной церкви Кириллом в декабре 2014 г. и с Папой Римским Франциском в ноябре 2014 г.²¹

В Международный день памяти жертв Холокоста Папа Римский Франциск встретился в Ватикане с президентом Европейского еврейского конгресса (ЕЕК) Вячеславом Моше Кантором. На встрече обсуждался широкий круг вопросов межконфессионального сотрудничества для предотвращения общих угроз. «Холокост является примером человеческой жестокости», — сказал Папа Франциск. В.Кантор поблагодарил главу Католической церкви за его нравственную позицию в отношении терроризма и экстремизма. Глава ЕЕК особо отметил визит Папы в концлагерь Аушвиц летом 2016 г.²²

Рассуждая о Коране и хадисах, главный раввин России Берл Лазар сказал, что в еврейских «святых книгах есть вещи, даже заповеди, смысла которых мы не понимаем. Но мы все равно обязаны эти заповеди соблюдать и эти вещи принимать, как они написаны. То, что мы не понимаем, — это, в конце концов, наш недостаток. И если кто-то пытается эти вещи пересмотреть или эти заповеди как-то изменить — это значит, что он просто не принадлежит к данному ре-

---

²¹ Подробнее см.: Ислам и Христианство: сравнение проблематики, понятий и эмоциональной сферы в межконфессиональном диалоге // Минарет Ислама. 2015. № 2 (2). С. 6–12.

²² Что связывает три религии // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 30 янв.

лигиозному сообществу»²³. То есть и современные мусульманские богословы и практики богослужения обязаны разъяснять исламоверующим дошедшие до наших дней неясности. Поэтому ссылки экспертов, выдающих себя часто за крупных исламоведов, политиков, на невнятно ныне звучащие места в тех или иных коранических изречениях или в хадисах, нуждаются в обстоятельных научно обоснованных и теологически оправданных комментариях.

О влиянии еврейского терроризма и экстремизма в Израиле. Американо-израильскому терроризму посвящена книга И. Шамира «Хозяева дискурса» [12]. По мнению Е. М. Примакова, «антитеррористические методы Израиля осуществлялись тоже в террористической форме» [44, с. 184]. Террористической была деятельность известного израильского десантника Меира Хар-Циона, который «по собственной инициативе совершал одиночные вылазки и карательные акции против арабов». По мнению известного израильского писателя Амоса Элона, «он стал израильским воплощением истребителя индейцев на американском Диком Западе. Методично и без лишней суеты, убивал арабских солдат, крестьян и горожан, яростно, но без ненависти, он оставался хладнокровным и действовал очень умело» [45, р. 232–235; 46, с. 376].

В Израиле применяется и другая тактика борьбы за религиозные права. Проект «закона о муэдзинах» вызвал жаркие споры еще на стадии обсуждения. Эту инициативу партия «Наш дом — Израиль» выносила на парламентские обсуждения в течение пяти лет с 2011 г. Данный закон вводит запрет на использование громкоговорителей в мечетях. Его авторы, тем не менее, утверждают, что предлагаемые ими меры никак не связаны с религиозными обычаями мусульман и не должны отразиться на отношениях между евреями и арабами в Израиле. По их словам, речь идет лишь о контроле за общественным порядком и уровнем шума. Представители мусульман в парламенте оценили этот закон «как подстрекательство против арабского меньшинства», направленный «против палестинского присутствия на нашей родине»²⁴. «Закон о муэдзинах» — это очередной шаг в покорении палестинских арабов, в их вытеснении и выдворении

²³ Цит. по: Мельников А. Интервью с главным раввином России (Федерация еврейских общин России) Берлом Лазаром // Независимая газета — Религии. 2016. 21 дек.

²⁴ С муэдзинами разберутся, за них возьмутся? // Вести: ежедневная израильская газета на русском языке. 2016. 17 нояб.; Луцкий Л. Пусть еврей немного по-

с принадлежащих им земель, в создании мононационального, сугубо еврейского государства, о чем пишут многие политики и ученые²⁵. Напомню, что сегодня в Израиле проживают чуть менее двух миллионов граждан арабского происхождения — это пятая часть населения. Около 80% из них — мусульмане, остальные — христиане и друзы. По всей стране действует свыше 450 мечетей.

Но еще большее негодование в мусульманской общине Израиля вызвал отказ правительства следовать декабрьской 2016 г. резолюции Совета безопасности ООН, осуждающей Тель-Авив за строительство жилых зданий на оккупированных землях Палестины и призывающей Израиль отказаться от этой практики. Принятая СБ ООН в Нью-Йорке резолюция называет еврейские поселения на палестинских территориях «вопиющим нарушением норм международного права» и «препятствием для достижения справедливого, прочного и всеобъемлющего мира в регионе». Документ требует от Израиля незамедлительно и полностью прекратить поселенческую деятельность в Восточном Иерусалиме и на других палестинских территориях, в 1967 г. перешедших под контроль Израиля²⁶.

Подобная политика во многом вызывает ответные действия, вплоть до террористических. Важно иметь в виду, в том числе Израилю, что «цивилизованное развитие несовместимо с полным совпадением границ государств с границами наций» [18, с. 22]. Более того, как писал британский историк-марксист Э.Хобсбаум, «создание однородного национального государства представляет собой цель, которую могут осуществить только варвары, или, по крайней мере, только варварскими методами» [47, с. 212].

Вместе с тем в Израиле имеются попытки примирения с исламом. В 2016 г. в испанском городе Аликанте на межрелигиозном саммите христианских, иудейских и мусульманских лидеров Святой Земли была подписана декларация, в которой содержится призыв к поиску мира: «наши народы несут ответственность за свою общую судьбу, а три религии ответственны за созидание мирного сосуществования. Со своей стороны, мы, религиозные лидеры, несем ответственность за продвижение образа жизни, основанного на

спят // Там же; *Ben Lynfield*. Proposed Ban on Mosque Loudspeakers Fuels Bitterness among Muslim Worshipers // *The Jerusalem Post*. 2016. November 20.

²⁵ *Онтиков А.* Израиль недосчитался евреев // *Известия*. 2017. 6 марта.

²⁶ *Строкань С.* Дональд Трамп получил мировую повестку // *Коммерсантъ*. 2016. 27 дек.

взаимном уважении, справедливости и безопасности, в духе Слова Божьего, возвещенного его пророками». Эту декларацию подписали также представители Римско-Католической церкви, Лютеранской церкви и Греческой православной церкви.

Тем не менее, по информации телеканала Euronews от 8 декабря 2016 г., среди опрошенных европейцев в Европейском Союзе 23,7% придерживаются антисемитизма и 20,2% — антимусульманства. Поучительно высказывание вице-президента Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России по связям с государственными и общественными организациями З. Когана: «Бог есть любовь, преобразующая мир, и толерантность — часть этой любви. Она позволяет взглянуть в глаза другому и увидеть образ Бога, по образу и подобию которого мы сотворены. В Декларации, подписанной 16 ноября 1995 г. в Париже 185 государствами ЮНЕСКО, в том числе и Россией, толерантность — это «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности», поэтому «всякий раз, когда религия вторгается на территорию политики, она не в силах урегулировать разногласия между своей верой и другими религиями... и конечным результатом становится война»²⁷.

Антисемитизм присущ и США: об этом еще в начале 90-х гг. XX в. говорили представители американской еврейской организации «Бней Брит»²⁸. Осквернение еврейских кладбищ в американских городах — дело обычное для этой страны. Так было, например, в феврале 2017 г. в Рочестере. Вандалы порушили памятники на еврейских кладбищах также в Филадельфии, Миссури, а мечети подожгли во Флориде и Техасе²⁹. После избрания президентом США Д. Трампа, характеризующегося экстравагантным поведением, в стране появилось немало заявлений об участившихся антисемитских выходках. В журнале «Тайм» под рубрикой «The Brief» напечатана многозначительная фраза «The episodes have intensified concerns

²⁷ Коган З. Территория толерантности // Известия. 2017. 28 марта.

²⁸ См. также, напр.: Lovett I. University of California Adopts Statement Condemning Anti-Semitism // The New York Times. 2016. March 27. См. об антисемитизме в послевоенной Германии и начале Холокоста: Симкин Л. В конце начала // Новый мир. 2016. № 6. С. 133.

²⁹ Alter Ch., Sanburn, J. Hate Incidents Sow Fear Across Us // Time. 2017. March 13, vol. 189, no. 9. P. 13.

that Trump's election has emboldened antisemitism» («Некоторые события усилили опасения, что выборы Трампа спровоцировали волну антисемитизма») ³⁰. 27 февраля 2017 г. более двадцати еврейских общинных центров получили письменные угрозы о применении к ним бомбовых ударов. По данным Центра Кантора по изучению современного еврейства при Тель-Авивском университете, число оскорбительных и угрожающих словесных выпадов против евреев в Европе также резко возросло в результате использования антисемитами Интернета. По данным исследовательского центра Pew Research, в 2016 г. антисемитизм в 10 европейских странах был присущ 16 % населения, причем сильнее всего он проявлялся у жителей Венгрии, Польши и Греции. Самый, однако, негативный настрой в этих странах (50 % населения) был свойственен в отношении цыган и мусульман. Стоило бы задуматься, почему антисемитизм распространяется в Интернете, т. е. в мировом сообществе вообще. По данным Всемирного еврейского конгресса, антисемитские сообщения во всемирной сети в 2016 г. появлялись каждые 83 секунды ³¹.

Существует мнение, что антисемитизм уступил место возрастающему неприятию ислама. Турецкий политолог Х. Базиян, анализируя цивилизационные программы для восстановления мусульманского имени, пришел к выводу: «Окончание холодной войны засвидетельствовало переход от осуждения русского злодея к мусульманскому как угрозе западной цивилизации, которая должна сопротивляться любой ценой». «Мусульманам не нужна программа цивилизационного возрождения, чтобы дать им чувство идентичности. Они уже имеют свою идентичность. То, что они требуют и ожидают, состоит в том, чтобы к ним относились с уважением и достоинством, а не так, как относятся ко второразрядным гражданам или западным гражданам с испытательным сроком» ³².

Доля правды в этих словах имеется, но истина и в том, что из-за террористических актов, уносящих сотни и даже тысячи ни в чем не повинных людей, появляется немалый повод для роста неприязни к мусульманам. Только в первой половине 2017 г. вести о терактах пришли из Парижа, Брюсселя, Берлина, Лондона, Санкт-Петербурга и Стокгольма. Эксперт Германо-российского форума А. Пар полага-

---

³⁰ Ibid. P.9.

³¹ Мухаметшина Е. Мигранты вместо евреев // Ведомости. 2017. 24 апр.

³² Bazian H. CVE: Civilizational Rehab Programs for Muslims // Daily Sabah. 2016. April 14.

ет, что «мир на пороге нового долгосрочного и опасного конфликта — по линии “Север-Юг”»³³, тем более что появился новый поток террористов, на этот раз из Средней Азии. В СМИ замелькали фамилии Джалилов, Акилов, Азимов и т. п.

Вместе с тем отнюдь не исчезла информация об американо-саудовско-израильском союзе против Ирана³⁴, а также о возможной победе в ряде европейских стран на выборах крупных антиисламских сил. Антииранский настрой американской внешней политики заметно проявился во время майского визита 2017 г. президента Д. Трампа в Саудовскую Аравию, где он откровенно предпринял шаги по созданию «арабского НАТО», направленного в том числе и против Тегерана. Израиль и в одиночку совершает воздушные налеты на сирийские правительственные объекты, функционирующие под шиитским контролем³⁵, на что политики нередко закрывают глаза. Даже в российской печати мелькают заголовки такого рода: «Мусульмане захватывают христианскую Европу», «Этим успешно пользуются террористы-исламисты»³⁶. Западные СМИ от них не отстают³⁷. Алармизм в их содержании правомочен, но не исключает нагнетания антимусульманских настроений в обществе. Это вполне объяснимо, но, на наш взгляд, подталкивает террористические группировки к объединению.

В США, да и за их пределами, не утихают нападки в СМИ и в политических дискуссиях на президента Д. Трампа за его антиисламские (точнее — антиисламистские) слова и действия. Даже Ирак, во многом опирающийся на Вашингтон в своей политике и практической деятельности, подверг его резкой критике, пригрозив не впускать в страну лиц с гражданскими паспортами США³⁸. В любом случае Д. Трамп и его последователи в Европе Марин Ле Пен, Герт Вилдерс и некоторые другие выступают против исламизации и за жесткий контроль миграции. В случае успеха этих европейцев

³³ *Pap A.* Дежавю по-европейски // Известия. 2017. 24 марта.

³⁴ *Мустафин Р.З.* Тегеран объявили виновным во всех бедах региона // Независимая газета. 2017. 13 марта.

³⁵ *Panorama Israel Hints It Was Behind Damascus Airprint Blast // I.* 2017. April 28.

³⁶ См.: Комсомольская правда. 2017. 26 апр. — 3 мая.

³⁷ *Milmo C.* Terror Suspect Disarmed and Arrested at Parliament // I. 2017. April 28; *Sengupta K.* Westminster Bridge Killer's Last Whats App Message Uncovered // Ibid.

³⁸ *Субботин И.* Белый дом рискует уйти с иракского фронта // Независимая газета. 2017. 1 февр.

в борьбе за власть политико-территориальная структура антимусульманства в Европе резко поменяется, притом в сторону рисков для судеб традиционного и обновленного европеизма. К счастью для мусульман, этого пока не произошло.

Имидж США в мусульманских странах. В контексте борьбы с терроризмом позитивную роль сыграло то, что США признали «Братьев-мусульман» террористической организацией и не отважились перевести свое посольство из Тель-Авива в Иерусалим. Более того, согласие Вашингтона на продажу Эр-Рияду оружия на 110 млрд долл. тоже следует рассматривать в этом русле. Но вот антикатарская инициатива Саудовской Аравии с ее арабскими союзниками в июне 2017 г. значительно испортила имидж США в мусульманских государствах, поддержавших Доху.

В самих США уже не раз судьи срывали исполнение указов Д. Трампа, направленных на запрет въезда в страну мусульман³⁹. Однако, несмотря на запретительные меры, поток мусульман в США хотя и замедлился, но продолжается. В последнем указе президента от 6 марта 2017 г. из списка опасных стран выпал Ирак (значит, критика из Багдада достигла цели), но по-прежнему запрет на въезд касается граждан Судана, Ирана, Йемена, Сирии, Сомали и Ливии. Американский эксперт Э. Кобылко, анализируя эти указы Д. Трампа, сказал в беседе в газете «Известия»: «Во время первого указа Д. Трампа, запрещающего въезд гражданам семи мусульманских стран, никто не мог приехать в США. Более того, власти высылали тех, кто уже находился в аэропортах. Первый вариант президентского указа был по-настоящему жестким. Однако он действовал недолго. После того как его отменили решением федеральных судей, въезд беженцев и мигрантов продолжился. Что касается обновленного варианта указа Д. Трампа, то он значительно более мягкий и адекватный. Теперь въезд в США фактически открыт, усложнилась лишь процедура оформления. Что касается шести стран, которые попали в список “опасных”, то их граждане могут въезжать в США, если имеют все необходимые документы, оформленные до вступления указа в силу»⁴⁰.

---

³⁹ См.: *Burns A.* Hawaii, Suing to Block Travel Ban, Is First to Challenge Redrawn Order // *The New York Times*. 2017. March 9; *Kendall B.* Hawaii's Lawsuit On Travel Order Set for a Hearing // *The Wall Street Journal*. 2017. March 9.

⁴⁰ См.: *Богданов Ю.* 2466 «запретных» мусульман Дональда Трампа // *Известия*. 2017. 29 марта.

Масштабы исламофобии в США значительны⁴¹. Исламский мир был ошеломлен, когда в ходе американских президентских праймериз в 2016 г. соперники в кандидаты от Республиканской партии раздавали антимусульманские призывы⁴². Провоцируют ли мусульман эти высказывания на неприязненное отношение к Америке? Ответ: да. Не случаен выход в свет сборника «Аллах не любит Америку», в котором собраны материалы о последователях ислама, отрицательно относящихся к США [48].

После вступления в должность Д. Трамп принял антииммиграционные запреты въезда в страну мусульман-беженцев, которые вызвали в исламском мире немало нападок на американского главу государства⁴³. Иранский министр иностранных дел М. Зариф оценил этот указ как «большой подарок экстремистам и тем, кто их поддерживает»⁴⁴. Он же в середине февраля 2017 г. сказал, что антииммиграционный указ Д. Трампа — «оскорбление иранской нации»⁴⁵. Чему же удивляться, когда растет, с одной стороны, неприятие ислама⁴⁶, а с другой — западных ценностей⁴⁷. Взятый Вашингтоном курс на изменение политики в отношении ряда арабских стран вызывает немало вопросов в мировом сообществе и прежде всего такой: означает ли это смягчение подходов США к антиарабской, прежде всего антипалестинской, позиции Израиля?

⁴¹ См., напр.: *Rentilla R. We Should Engage with Xenophobes, Not Silence Them // The International New York Times. 2016. February 10.*

⁴² См., напр.: *Turning Allies into Enemies // The Washington Post. 2016. March 26; Bazian H. Trump and the Islamophobia imaginary // 2016. Daily Sabah. March 24; Мальцев В. Теракты добивают политкорректность // Независимая газета — Религии. 2016. 8 апр. — Как утверждает лауреат Нобелевской премии по экономике П. Кругман, предвыборная кампания Трампа основана на расизме: *Кругман П. У Клинтон подавляющее превосходство над карикатурным соперником // Независимая газета. 23 мая 2016. Трамп продолжал антимусульманские выпады и после того, когда остался единственным соперником Х. Клинтон в предвыборной кампании.**

⁴³ *Пудовкин Е. Американского президента обвинили в исламофобии // Независимая газета. 2017. 30 янв.*

⁴⁴ Цит. по: Там же. См. также: *Джанакия В. Миграционная буза // Metro. 2017. 31 янв.*

⁴⁵ Телеканал РБК. Бегущая строка. 18 февраля 2017. 9 час. 25 мин. по московскому времени.

⁴⁶ См.: *Islamophobia, Prevent strategy // Daily Sabah. 2016. March 12–13.*

⁴⁷ *Субботин И. Белый дом рискует уйти с иракского фронта // Независимая газета. 2017. 1 февр.*

На наш взгляд, потепление взаимоотношений США с арабским миром обусловлено попытками Вашингтона сколотить антииранский блок, подыграв, в частности, стремлению Эр-Рияда ослабить позиции Тегерана в исповедующих главным образом шиизм странах Ближнего Востока (Сирии, Йемене, Ливане, Ираке, Бахрейне). И как это увязывается с заявлениями премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху о борьбе с суннитским терроризмом на мартовской встрече 2017 г. с президентом России В. В. Путиным? К этому он добавил и иранский фактор дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке. Ведь Тель-Авив больше всего опасается Ирана, готового в случае обладания ядерным оружием использовать его, в том числе (и прежде всего) против Израиля. Наглядно это выразилось в следующих словах: «Две с половиной тысячи лет назад в древней Персии была попытка уничтожить еврейский народ, которая провалилась. Это то, что мы отмечаем в рамках этого праздника (Пурим). И сегодня есть попытки со стороны продолжателя древней Персии — Ирана — уничтожить еврейское государство: они говорят об этом открыто, пишут это черным по белому в своих газетах»⁴⁸. Тель-Авив всецело поддерживает Вашингтон в его антииранской кампании, направленной на срыв июльского 2015 г. соглашения о денуклеаризации Тегерана.

Становится очевидным, что до примирения между Тель-Авивом и Тегераном далеко. Обвинения в адрес Тегерана в поддержке международного терроризма и подрывных действиях в Сирии, Йемене и других государствах Ближнего Востока так и сыплются из Вашингтона. Заявления министра обороны США Дж. Мэттиса об иранском следе в военном выступлении шиитских повстанцев в Йемене, наносящих ракетные удары по Саудовской Аравии, разжигают мусульманские распри. «Соединенные Штаты при Д. Трампе смотрят на Иран фактически глазами Израиля, видя в режиме аятолл непримиримого противника, что практически исключает возможность диалога и компромиссов», — пояснил старший научный сотрудник Института востоковедения РАН В. Сотников⁴⁹. Может быть, Вашингтону следует поднять вопрос о ядерном оружии Израиля, а не

---

⁴⁸ Цит. по: *Созаев-Гурьев Е.* Борьба с террором объединила Россию и Израиль // *Известия*. 2017. 10 марта.

⁴⁹ Цит. по: *Строкань С., Юсин М.* Дональд Трамп взялся за аятолл // *Коммерсантъ*. 2017. 21 апр.

подвергать сомнению июльское соглашение 2015 г. по ядерной программе Ирана⁵⁰.

Глядя на Вашингтон, антиисламские круги в Западной Европе, надеясь на поддержку Белого дома, стремятся ужесточить свою антииммиграционную позицию⁵¹.

Притеснения, а также насмешки в отношении мусульман в США ощущались и до 11 сентября 2001 г. Например, компания по производству и продаже модной одежды Liz Claiborne Inc. изготовила несколько тысяч пар джинсов, на задних карманах которых были напечатаны выдержки из сур Корана. Совет исламо-американских отношений (CAIR — образованный в июне 1994 г.) добился запрета таких джинсов, оскорбляющих мусульман. Этот инцидент в США не был единственным. В 1994 г. дизайнер К. Лагерфельд по настоянию исламоверующих закрыл свою линию коротких платьев, на которых тоже были написаны коранические изречения. А тремя годами позже фирма Nike сняла с производства кроссовки с рисунком, похожим на арабское наименование Бога⁵². Вот почему немалое число мусульман негативно отзывались тогда о стране своего пребывания.

Однако спустя 25 лет наблюдаются и определенные изменения в положении мусульман в западных странах, особенно женщин. В первую очередь речь идет о молодых женщинах-мусульманках. Старший научный сотрудник Института специально-политических исследований РАН Г.И. Гаджимурадова по этому поводу пишет: «Очевидно, что женщины (особенно молодые мусульманки) менее консервативны и готовы интегрироваться в страну проживания. У мусульманок, перебравшихся на Запад, возможностей для достижения экономической независимости и свободы самовыражения становится значительно больше» [49, с. 149]. Конечно, и сейчас можно видеть в Европе, включая Турцию, немалое число традиционно одетых женщин, всецело следующих заветам шариата, для изменения их образа жизни и мышления вполне применимы две поговорки: на амхарском языке — «Ques beques inqulal beigr ihedal» («Постепенно, постепенно яйцо идет ногами») и на языке суахили —

⁵⁰ См.: *Субботин И.* Вашингтон играет на руку иранским консерваторам // Независимая газета. 2017. 20 апр.

⁵¹ *Bremmer I.* 2017 Might not be Europe's "Year of the Populist" After all // Time. 2017. March 13, vol. 189, no. 9. P. 12.

⁵² *Вансович Е.* Мусульмане запретили печатать Коран на джинсах // Коммерсантъ. 2000. 22 авг.

«Haraka haraka haina baraka» («Поспешность, поспешность не благословенна»).

В России, как и на Западе, ввели даже запрет на хиджабы в качестве школьной одежды, на Западе подобные решения касаются и взрослых женщин. Некоторые субъекты Российской Федерации достаточно резко отреагировали на такое решение, особенно в Татарстане и Чеченской Республике⁵³. Министр образования и науки РФ О. Васильева выступила за запрет ношения хиджаба в школе, заявив, что это ее личное убеждение. Возникает вопрос: почему личное убеждение становится общегосударственным, официальным? Во избежание конфликта, например, в Австрии люди вышли в защиту права женщин носить хиджабы. В России Государственный совет Чеченской Республики сумел отстоять закон, разрешающий в школах носить хиджаб.

Очевидно, исламофобия свойственна всему Евroatлантическому сообществу, хотя в страновом измерении в неодинаковой степени⁵⁴. И здесь необходима масштабная разъяснительная работа мусульманских проповедников, служителей культа, а также политических и религиозных деятелей неисламского мира, ученых и средств массовой информации, благосклонно относящихся к исламу, — о сущности ислама, его миролюбии, человеколюбии. Чрезвычайно важна при этом активизация деятельности мусульманских организаций, легально созданных, например, в Бельгии, Франции, Великобритании. Они, в отличие от радикально-террористических группировок, действуют в рамках законов, присущих государствам их пребывания, придерживаются истинных ценностей ислама, направленных на миролюбие, человеколюбие и отвергают религиозный фанатизм, экстремизм и терроризм⁵⁵. Поэтому не соглашусь с точкой зрения

---

⁵³ *Приймак А.* Накликали хиджаб на свою голову // Независимая газета — Религии. 2017. 1 февр.; *Крецул Р.* Хиджабам найдут место в федеральном законе // Известия. 2017. 9 февр.; *Скрыльников П.* В РПЦ обличают «мироедов» и просят земли в пользование, а Кадыров и Васильева разошлись во мнении о хиджабе // Независимая газета. 2017. 30 янв.; *Аксентьев В., Аксумов Б., Васильченко В.* Конфликт вокруг хиджабов. Религия или политика // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10. С. 53–67; *Силантьев Р.* Ваххабитский покров белозерьевского хиджаба // Независимая газета — Религии. 2017. 1 марта.

⁵⁴ *Germany's Right-Wing AfD to Adopt anti-Islamic Manifesto // Daily Sabah.* 2016. April 29; *Aydogan M.* Turkish Parliament's Human Rights Committee to Examine Islamophobia in West // Daily Sabah. 2016. April 29.

⁵⁵ *Каграманов Ю.* Призрак Запада // Дружба народов. 2014. № 7. С. 198.

А. Малащенко: «объяснять, что террористы — не мусульмане, а ислам — религия мира, поздно. С этим опоздали — что имамы, что католические кардиналы, что православные митрополиты»⁵⁶. Действительно, как метко выразился российский ученый В. В. Попов: «ДАИШ (ИГИЛ) пытается похитить ислам». Но при современных средствах массовой информации разъяснять никогда не поздно.

Мягкая сила на примере Турции. Конечно, не обойтись без применения военной силы⁵⁷ тогда, когда это крайне необходимо. Но главное оружие — мягкая сила, которую использует Турция, построив в США, в штате Мэриленд, в Ланхэме, недалеко от Вашингтона, крупный культурный мусульманский центр, включающий мечеть, спортивные залы, турецкую баню, помещения для научно-исследовательских работ и другие социально-гуманитарные строения⁵⁸.

Следуя своему внешнеполитическому приоритету на поддержку ислама за рубежом, Турция участвовала также в строительстве Соборной мечети в Минске, возведенной на месте мусульманского храма, выстроенного в конце XIX в. и разрушенного при советской власти в 1962 г.⁵⁹, в финансировании масштабной реконструкции московской Соборной мечети и ее торжественном открытии в 2015 г. Тогда встреча Т. Р. Эрдогана с российским руководством, по мнению ряда экспертов, была самой теплой⁶⁰.

В 2015 г. Турция собиралась финансировать строительство крупной мечети в Крыму в Симферополе (крымско-татарское название — Акъмесджит)⁶¹. Тем самым Анкара особо подчеркивала свою заинтересованность в судьбах крымских татар. По словам верховного муфтия Крыма Али Аблаева, российские власти одобрили этот

⁵⁶ Малащенко А. Так что же делать с терроризмом? // Независимая газета — Религии. 2016. 3 авг.

⁵⁷ См.: Олишевский Д. Как бороться с пропагандой терроризма в соцсетях // Парламентская газета. 2016. 15–21 июля.

⁵⁸ Social Complex and Mosque Opens with Message of Peace and Faith // Daily Sabah. 2016. April 4. См. также: Коджаман Ф. Ислам проклинает террор // Мэхэллэ. <http://islamproklinaterror.com>.

⁵⁹ См.: Приймак А. Турция и Белоруссия сблизилась в Соборной мечети Минска // Независимая газета — Религии. 2016. 16 нояб.; Ходасевич А. Эрдоган откроет мечеть в столице Белоруссии // Независимая газета. 2016. 9 нояб.; Кривошеев К. Минск не претендует на Босфор и Дарданеллы // Коммерсантъ. 2016. 12 нояб.

⁶⁰ Об отдельных аспектах политики Турции в области религии см.: Yel A. M. Transition from Laicite to Secularism in Turkey // Daily Sabah. 2016. April 29.

⁶¹ Turkey to build Crimea's largest mosque // Daily Sabah. 2015. September 30.

проект. Определенную помощь в таком решении оказали президент Турции Р. Т. Эрдоган, экс-президент этой страны А. Гюль и глава турецкого Управления религиозных дел М. Гермез. Однако из-за ноябрьского конфликта 2015 г. (из-за сбитого боевого самолета России) сооружение этой мечети было приостановлено. Сегодня строительство финансируют отечественные инвесторы, но в Турции закупаются мрамор и камень для отделки фасадов. Турция к 2016 г. содействовала сооружению 108 мечетей в различных странах мира. Является ли это исламизацией в негативном смысле — вопрос, который широко обсуждается в СМИ и научных работах. Немало доводов приводится в трудах тех, кто считает, что Турция в своей религиозной политике придерживается ислама в мировом сообществе, а также на расширение и углубление исламского просвещения прежде всего среди мусульман. Сторонники этой точки зрения задаются вопросом, почему можно распространять христианское вероучение по всему свету, строить церкви, а предпринимать то же самое в отношении ислама нельзя. Последнее, конечно, не предусматривает насилия.

К мягкой силе прибегают и террористические организации, возникшие в исламском мире: «ИГ — пишет А. Манойло, — строит свою идеологическую работу на пропаганде достоинств “нового свободного и справедливого общества” — всемирного исламского халифата, который они строят на захваченных землях Сирии и Ирака. Стержневым концептом их идеологии и мягкой силы является принцип справедливости, защитником которого они выступают (по их собственному мнению, разумеется). ИГ выступает за общество равных возможностей, устранение любых сословных барьеров и за примат принципа справедливости в любой сфере общественных отношений. Эти идеологические призывы, после удаления налета исламизма, выглядят вполне по-светски. Они несут посылы, понятные даже безграмотному крестьянину или скотоводу: “Землю — крестьянам!”, “Фабрики — рабочим!” Такие лозунги по содержанию практически ничем не отличаются от лозунгов большевиков и троцкистов. Не случайно ИГ называют “необольшевиками”, отмечают революционный характер их идеологии и самой организации и пытаются (особенно в Турции и странах Персидского залива) выдать террористическую деятельность ИГ за “великую суннитскую революцию”, “суннитское освободительное восстание”» [50, с. 54]. Подобная деятельность еще в большей степени позволит уверовать

в мысль Ю. М. Каграманова о том, что «продвижение ислама путем террора вряд ли имеет шансы на успех: тем более, что само мусульманское население в большинстве случаев не одобряет его»⁶².

Реакция исламского мира на террористическую деятельность. Как много людей в исламских странах вышли на улицы с протестом относительно терактов и их исполнителей, например, во Франции? Такой вопрос ставит бывший посол Турции в Париже Т. Бюрджуоглы. Какова реакция исламского мира и арабских стран на данные события? Французы внимательно следят за этим и оценивают протестный масштаб мусульман⁶³.

Информации о мусульманских протестных движениях явно недостаточно, хотя с середины 2017 г. протестные демонстрации мусульман в западных странах в ответ на террористические вылазки исламистов стали проходить чаще, пример — демонстрация «Без нас: мусульмане и их сторонники против насилия и террора» 17 июня 2017 г. в Кёльне, в которой приняли более 3 тыс. человек.

В явной недостаточности антитеррористических и антиэкстремистских выступлений мусульман — одна из причин исламофобских настроений в немусульманском мире.

Мусульманские страны и международные организации. Вместе с тем ни одна мусульманская страна не входит в такие влиятельные международные организации, как G-7, БРИКС и др. На то обстоятельство, что мусульманских стран практически нет в процессе формирования полюсов в многополярном мире, обратил внимание А. Малашенко. И это несмотря на то, что «исламисты превращаются в один из полюсов так называемого многополярного мира» [4, с. 95] (см. рец. на книгу [5; 51]).

Лидеры стран БРИКС призвали международное сообщество ускорить принятие в ООН Всеобъемлющей конвенции о терроризме. Они также заявили, что «международный терроризм, в частности, группировка “Исламское государство” и присоединившиеся к ним террористические организации и индивидуумы, представляют собой глобальную и беспрецедентную опасность для мира и стабильности»⁶⁴. Совершенно верная оценка! Однако, на наш взгляд, принимаемые организациями решения по борьбе с терро-

⁶² Каграманов Ю. Призрак Закона // Дружба народов. 2014. № 7. С. 198.

⁶³ Interview with Tahsin Burcuoglu // Daily Sabah. 2015. November 23.

⁶⁴ Терроризм — мировая проблема // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 17 окт.

ризмом были бы более вескими для исламского мира, если бы в состав организаций входило некоторое количество мусульманских стран.

В настоящее время идет активный процесс подключения Турции и Ирана к внешней политике России в части борьбы с международным терроризмом, с ИГИЛ и другими террористическими организациями, ведущими войну в Сирии, по введению Ирана⁶⁵ в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в ближайшее время, вероятно, и Турции. Тогда ситуация, отмеченная А. Малашенко, изменится в лучшую сторону для мусульманских стран. Уже сложился своеобразный геополитический треугольник «Россия — Турция — Иран».

В июне 2017 г. Пакистан стал полноправным членом ШОС, в связи с чем цивилизованный голос мусульман зазвучал на мировой арене с новой силой. Пакистан стремится избежать возможных санкций со стороны США⁶⁶. Вряд ли Исламабад может найти поддержку Дели в противодействии предполагаемому намерению Д. Трампа осудить Пакистан (вплоть до санкций) за якобы исламизм, ибо Индия в течение многих лет пытается убедить мировое сообщество в том, что Пакистан потворствует терроризму⁶⁷. На взаимоотношениях обеих стран благотворно скажется атмосфера ШОС, если они окажутся в этой организации.

Может быть, нужно призвать буддистов в качестве посредников между крайне правыми исламистами и их противниками. Я не сомневаюсь, что встречу немалые возражения. И тем не менее приведу высказывание директора Фонда «Сохраним Тибет» Ю. Жиронкиной: «Лидер тибетских буддистов высказывал пожелание встретиться с Трампом... С Соединенными Штатами у далай-ламы налажен очень активный диалог в области сотрудничества между буддизмом и наукой, и это могло бы стать одной из тем встречи. Он считает, что обществу — и американскому, и российскому — не хватает общечеловеческих ценностей, и с кем бы он ни встречался, он говорит об

---

⁶⁵ В мировом сообществе наиболее резко против Ирана выступают Израиль, США и арабские страны Залива. См.: *Harkov I. The Region Ascending to Lieberman* // *The Jerusalem Post*. 2016. November 18.

⁶⁶ См.: *Скосырев В. Исламабад хочет избежать санкций со стороны Трампа* // *Независимая газета*. 2017. 1 февр.

⁶⁷ Там же.

этом. И в той же мере он хотел бы общаться и с российскими учеными, и с российским президентом»⁶⁸.

Еще один довод в пользу сделанного мной предположения относительно буддизма, его адептов и организаций как возможных посредников в исламо-христианско-иудейских переговорах как чисто религиозных, так и политических — заинтересованность Китая в буддизме как источнике традиционных ценностей⁶⁹. В этом можно было бы найти определенное противодействие культуре постхристианской эпохи, о чем идет речь в последнее время.

Судя по всему, существует необходимость возврата к ценностям Ветхого и Нового Заветов на фоне сетований относительно того, что в мусульманском мире отмечается небывалый подъем вовлеченности населения в ислам. Видимо, уместно ознакомиться с выводом, к которому пришел президент екатеринбургского Института развития и модернизации общественных связей Ф. Крашенинников: «Для реального влияния религии на состояние общества имеют значение не те, кто пассивно соглашается с причислением себя к какой-то конфессии, а те, кто слушает проповеди, активно участвует в приходской жизни»⁷⁰. Может быть, вместо постоянных нападок на ислам и его адептов (речь не идет о террористах и экстремистах) заняться пропагандой и внедрением христианских ценностей. На наш взгляд, мусульманам такая конфессиональная линия была бы более понятной, да и разговоры о толерантности приобрели бы больший вес и значение.

Реакция Запада на притеснения мусульман на примере Мьянмы. К сожалению, на руку исламистам-террористам играет отсутствие фактического осуждения международным сообществом целого ряда актов насилия над мусульманами в тех или иных странах, где они составляют меньшинство. Яркий пример — фактически снисходительная или вовсе отсутствующая реакция на притеснения мусульман в Мьянме, где народ рохинги обречен на гибель. Как считает Н. Заварзина, «рохинги оказались разменной монетой, а безупречная репутация многолетнего оппонента военной хунты Аун Сан Су Джи подмочена»⁷¹.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Крашенинников Ф. Зачем власти церковь // Ведомости. 2017. 19 апр.

⁷¹ Заварзина Н. Мусульманами пожертвовали в обмен на власть // Независимая газета — Религии. 2016. 5 окт.; Коростиков М. Мьянма разрывается между

По закону Мьянмы рохинги не признаются полноценными гражданами, они серьезно ограничены в правах. Они вынуждены бежать в Бангладеш, хотя бы потому, что их считают потомками бенгальцев. Дакка же, столкнувшись с наплывом десятков тысяч своих единоверцев-мусульман, решила поселить их на острове Тхенгар Чхар, образованном наносами реки Мегхна всего 8 лет назад⁷². Их выселение на необитаемый остров представляет собой угрозу жизни переселенцев. Словесные протесты ООН, особенно в феврале 2017 г., и некоторых правозащитных организаций — это слабая реакция на омерзительность действий двух государств Южной Азии: Мьянмы и Бангладеш. Где же санкции, ввод войск ООН, прочие решительные меры защиты людей? Свой протест выразили лишь представители нескольких стран: Малайзии, Индонезии и Брунея на XXX юбилейном саммите АСЕАН в апреле 2017 г.⁷³. Виновница трагической судьбы рохинги (Аун Сан Су Джи) как ни в чем не бывало была уже в начале мая принята британской королевой Елизаветой II. На наш взгляд, власти Мьянмы совершают акты геноцида.

Международный терроризм остается транснациональной проблемой. Об этом свидетельствуют данные Института экономики и мира Университета штата Мэриленд (США), опубликовавших очередной «Глобальный индекс терроризма 2016». Исследованиями были охвачены 163 страны. Согласно его результатам, в 2015 г. террористические атаки прошли в 92 странах (ср.: в 2014 г. — в 51 стране). Больше всего от терроризма страдают Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия, на которые пришлось 72 % всех жертв, причем 74 % из них погибли от рук террористов ИГИЛ, Боко Харам, Талибан и Аль-Каида. Да и во многих других странах население страдает от исламистских группировок. Полностью, согласно выводам экспертов, избавлены от терроризма Литва, Латвия и Туркменистан, приближается к ним по соответствующему показателю Молдова⁷⁴.

двумя конфликтами // Коммерсантъ. 2016. 23 нояб. См. также: Camp Closures Worsen Plight of Myanmar's Rohingyas // Daily Sabah. 2017. June 9; Myanmar Takes Momentous Step with New President, No Change for Rohingyas // Daily Sabah. 2016. March 31; *Mahmut Serdar Alaniş*. Turkey Educates 4000 Rohingya Children in Pakistan // Daily Sabah. 2017. June 8.

⁷² *Скрыльников П.* Мусульман из Мьянмы выселяют на необитаемый остров // Независимая газета. 2017. 7 февр.

⁷³ *Степанов Г.* Мусульмане рохинджа разделили Азию // Коммерсантъ. 2017. 26 апр.

⁷⁴ См.: *Сухаренко А.* Раскаленная планета // Независимая газета. 2016. 23 нояб.

Все эти данные — еще одно доказательство необходимости объединения всех цивилизованных стран, всех здравомыслящих сил, независимо от их этноконфессиональной принадлежности, в борьбе с античеловеческим злом. Формой такого объединения могут служить конференции.

Международные конференции по взаимодействию мировых религий. Надо признать, антиисламофобская эффективность таких форумов, дискуссий, круглых столов, конференций и им подобных организованных политических и научных обсуждений, как показывает практика, явно недостаточна, ибо ими охватываются преимущественно интеллектуальные круги общества, но без них (форумов) нельзя обойтись, поскольку гражданские общества и власти должны знать истину о происходящих в XXI в. повсеместно событиях.

В мире и в России проводятся десятки и сотни конференций, посвященных исламу и его взаимодействию с иными мировыми религиями. Только в декабре 2016 г. состоялись крупные научные форумы в Москве, в Институте Африки, и в Казани, в Казанском федеральном университете. Исследования ведутся в многочисленных политологических центрах, университетах, академических институтах. Так, в марте 2016 г. Фонд политических, экономических и социальных исследований, работающий в Анкаре, организовал обсуждение подготовленного «Отчета об исламофобии в Европе». В развернувшейся дискуссии было особо подчеркнуто, что «исламофобия — это яд, который отражает отношения между исламом и Западом»⁷⁵. Директор этого исследовательского фонда Б. Дуран потребовал, чтобы исламофобия была объявлена преступлением. К нему присоединились Анна-Эстер Юнес из Берлинского университета А. Гумбольдта, Оливер Эстевес из Лилльского университета и соредактор этого отчета Фарид Хафез, а также пресс-секретарь президента Р. Т. Эрдогана И. Калин. Последний добавил, что исламофобия является новой формой расизма.

О недопустимости выдергивания из текстов Корана, Сунны и других документов отдельных фраз и обоснования на их основе оскорбительных, ложных и заведомо вредоносных умозаключений в отношении ислама и его адептов шла речь на Международной конференции «Христианство и ислам: верность традиции, верность России», состоявшейся 20–21 апреля 2016 г. в Санкт-Петербурге.

---

⁷⁵ European Islamophobia Report / eds Enes Bayrakli, Farid Hafez. Istanbul: SETA, 2015.

Особенно стоит отметить выступления уже упоминавшегося муфтия А. Р. Крганова, Председателя Отдела по взаимоотношениям Русской православной церкви с обществом и СМИ Священного Синода РПЦ В. Р. Легойды, ректора Санкт-Петербургской Восточной Академии, советника директора Российского института стратегических исследований, профессора А. Л. Вассоевича, других ученых и религиозных деятелей.

Перед началом конференции распространялся сборник по истории мусульманской общины Санкт-Петербурга, в котором особенно подчеркивается сближение последователей Пророка Мухаммеда с представителями других религий, прежде всего христианства и иудаизма, которых «Пророк Мухаммед... уважительно называл “людьми Писания”», а Коран призывает «наследовать их великих праведников Авраама (Ибрагима), Моисея (Мусу), Иисуса (Ису) и других» [52, с. 5].

В связи с этим считаю уместным процитировать директора Казахстанского Института востоковедения им. Р. Б. Сулейманова А. Б. Дербисали: «Ислам как мировая религия всегда нес и проповедовал идеи добра, единства, гуманизма, мира, согласия, взаимопонимания между людьми» [53, с. 22]. Такие же благородные мысли в отношении ислама звучали на Всероссийской конференции «Традиционная религия — за сильную Россию», состоявшейся в Петербурге 2 ноября 2016 г. и проходившей в Библиотеке им. Б. Н. Ельцина. На ней собрались более 400 богословов традиционных религий России, известные религиоведы, этнологи, политики, в том числе исламские духовные руководители ряда российских регионов: председатель Духовного управления мусульман Чеченской Республики муфтий С. Межиев, председатель Духовного управления мусульман Ставропольского края муфтий М. Рахимов, председатель Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики Х. Дзазежев, председатель Духовного управления мусульман Москвы и Центрального региона России А. Крганов, председатель Духовного управления мусульман Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона России муфтий Р. Панчеев, председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан муфтий К. Самигуллин. На открытии Конференции было прочитано специальное обращение председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В. С. Макарова. В нем отмечено принципиальное признание властями Петербурга высокой роли религий, в том числе ислама: «...наша страна являет

собой уникальный пример многовекового мирного сосуществования и сотрудничества людей различной этнической и конфессиональной принадлежности. Патриотизм народов России, их взаимное уважение и признание прав друг друга всегда были основой силы и процветания нашего Отечества. Сегодня, когда отдельные геополитические игроки открыто декларируют цели по изоляции и ослаблению России, сохранение межрелигиозного согласия и единства становится не просто важнейшей задачей, но и нашим моральным долгом по отношению к потомкам»⁷⁶. На этой конференции звучало несколько предложений по совершенствованию российского законодательства в религиозной области: например, дополнить стратегии национальной безопасности России понятием «религиозная (духовная) безопасность».

Оказывают определенное примиренческое влияние и конференции по культуре различных народов. Такова роль, например, Международных съездов славистов, на которых рассматриваются актуальные вопросы не только интеллектуального наследия и культуры, но и мировой политики. К примеру, на XLVIII съезде, состоявшемся в декабре 2016 г., острые дискуссии проходили на круглых столах «Распад СССР. 25 лет спустя», «Новая роль России на Среднем Востоке», «После Каримова. Узбекистан и Центральная Азия» и др. Как констатировала литературовед О.В. Дунаевская, «в программе этого года заметно увеличилось число докладов по взаимоотношениям славянства и ислама, а также сюжеты, связанные с Израилем»⁷⁷. Словом, текущая мирополитическая ситуация, отягощенная международным терроризмом, палестино-израильскими отношениями и международными конфликтами, была в центре внимания и у славистов. В дискуссиях принимали участие помощница Б.Обамы по России и Центральной Азии в Совете Национальной безопасности США С. Уолландер и директор Института Кеннана, главного славистского исследовательского центра США, М. Рожански. К сожалению, от политиков России, Украины и Беларуси участвовали лица «давно минувших дней»: Г. Бурбулис, Л. Кравчук и С. Шушкевич. Жаль, что не было политиков сегодняшнего дня. Возможно, они объяснили бы,

⁷⁶ Из личного архива В.С. Ягьи, с 1994 г. Полномочного представителя Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга по международным связям.

⁷⁷ Дунаевская О. Кравчук, Бурбулис и помощница Обамы // Независимая газета — Ex-Libris. 2016. 15 дек.

почему в Концепции внешней политики России–2016 среди задач, которые «Россия, приверженная универсальным демократическим ценностям, включая обеспечение прав и свобод человека», видит в том, чтобы «развивать на межгосударственном уровне культурные и гуманитарные связи славянских народов»⁷⁸, но не упоминаются государства тюркского мира: Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Турция. К этой деятельности можно было бы подключить тюркоязычные народы России, Молдовы и ряда других государств.

Несомненно, Россия развивает свои отношения с этими народами и их странами в контексте устойчивого, сильного, доверительного и взаимовыгодного мироустройства. Но, если бы это было включено в Концепцию, оно придало бы еще больше международного звучания системности взаимодействия «Россия — тюркский мир». Не исключено, что это снизило бы накал конфликтности в исламском мире. Не только Турция, но и Азербайджан в настоящее время умножают свою борьбу с экстремистами и террористами, недавно введя, в частности, поправки в закон «О свободе вероисповедания», ужесточающие наказание за подобную деятельность. В Азербайджане назрела потребность в установлении «таких жестких рамок, при которых невозможны проявления мракобесия и религиозного экстремизма. Исповедующие какую бы то ни было религию люди являются прежде всего гражданами своей страны и, как и все, должны способствовать защите государственности и общественно-политической стабильности, а не расшатывать их»⁷⁹. Эта точка зрения, сложившаяся среди парламентариев Азербайджана, вполне приемлема и для других тюркоязычных стран. Их взаимодействие с Россией служит искоренению терроризма. Ведь не случайно предполагалось, что Россия обратится к Казахстану и Киргизии с просьбой направить свои войска в зоны деэскалации военных действий в Сирии⁸⁰. Однако стало известно, что Бишкек и Астана не желают воевать в Сирии⁸¹.

---

⁷⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.). http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248.

⁷⁹ Мамедов С. Баку ужесточает борьбу с экстремистами // Независимая газета. 2016. 1 нояб.

⁸⁰ Сафронов И., Джорджевич А., Коростиков М. Наблюдатели порядка // Коммерсантъ. 2017. 23 июня.

⁸¹ Мухин В. Союзники Москвы по ОДКБ не желают воевать в Сирии // Независимая газета. 2017. 26 июня.

О трактовках Корана. В том же самом аспекте следует рассматривать коранические призывы к справедливости. Не случайно одно из поименований Бога в Коране аль-Адль — Справедливый [54, с. 18]. М. М. Мчедлова ссылается на аят 90 суры 16, но в нем, если верить переводу Г. С. Саблукова, речь идет совершенно о другом⁸²; иной перевод этого же аята и у Д. Н. Богуславского [55, с. 163; 56]. В аяте 92 суры 16 «Пчелы», переведенной И. Ю. Крачковским, записано: «Поистине, Аллах приказывает справедливость, благодеяние и дары близким» [57, с. 216]. И. Ю. Крачковский дал точный перевод этого аята, обозначенный им под номером 92, но в скобках дан номер 90. Аят с содержанием справедливости под номером 90 переведен в русскоязычном переводе Корана, изданном в 2015 г.

На Западе есть политики, выступающие против огульных обвинений мусульман в якобы присущим их религии «безнравственности», «порочности» и даже «терроризма», подтверждаемых, в частности, ссылками на священную книгу мусульман — Коран [59]. Среди с благоговейностью относящихся к священным книгам — бывший госсекретарь США М. Олбрайт: «...отдельные фразы, которые можно расценить как подстрекательские, имеются не только в Коране, но также и в иудейской Библии, которую христиане называют Ветхим Заветом», «Книга Судей содержит целый каталог священных войн, а Второзаконие призывает к геноциду во имя Господа Бога. В Новом Завете Христос предупреждает: “Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч”. Что же касается Книги Апокалипсиса, то ее можно назвать как угодно, только не миролюбивой» [60, с. 147]. Далее она продолжает: «... ни в коем случае нельзя вырывать отдельные цитаты, превращая их в догму. В каждом религиозном тексте, будь он священным для христиан, мусульман или иудеев, имеются прямые или косвенные указания, санкционирующие нетерпимость или освящающие войны. Чтобы правильно понять смысл содержащихся в них положений, надо читать и изучать их от начала до конца, учитывая при этом специфику места и времени описанных в них событий» [60, с. 147].

О неправильной трактовке ряда положений Корана писал и Дж. Б. Глабб: «Война между христианством и исламом не была вызвана каким-либо взаимным неприятием, присущим этим двум

---

⁸² Коран / пер. с араб. яз. Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань: Центральная типография, 1907. [Репринт в 2 т.]. М.: СП «Дом Бируни», 1990. С. 505.

религиям. Напротив, эти религии были настолько родственны, что христианские богословы не раз называли ислам просто христианской ересью», с которой надо бороться, — продолжает он, — это арабы-идолопоклонники [29, с. 9]. Дж. Б. Глабб часто указывает, что, ссылаясь на Коран, надо знать и историческую подоплеку того или иного упомянутого факта, события, изречения и традиции. Вот над этим-то, как правило, не задумываются те, кто пытается приписать исламу эндогенность террористической деятельности, да и иных неприглядных действий, воззрений. Цель у них одна — лишь бы опорочить ислам, его адептов.

Кстати, главной причиной победы мусульманина-лейбориста С. Хана, получившего 57 % голосов избирателей на выборах мэра Лондона, стала осуществляемая им объединяющая и конструктивная кампания, противопоставленная программе его соперника, консерватора З. Голдсмита, выстроенной на разделяющей и негативной основе в отношении многоконфессионального населения британской столицы⁸³.

Стоит принять во внимание суждение Е. М. Примакова о том, что наши «ваххабиты» (те мусульмане России, кто заявляет о приверженности ваххабизму, кто выступает под лозунгами «ваххабизма»; это мнение я отнес бы не только к саудовцам, но ко всем «ваххабитам») «не знают, что между учением Абд аль-Ваххаба, с которым он выступал в XVIII веке, и идеями джихадистов (исламских экстремистов) существуют фундаментальные различия» [44, с. 175]. Постановка знака равенства между истинным ваххабизмом и надуманными исламо-ваххабитскими взглядами джихадистов многими политиками, политологами и теми, кто выдает себя за выдающихся исламоведов, вызывает, мягко говоря, неодобрение в Эр-Рияде⁸⁴. Близкая точка зрения у кандидата исторических наук А. А. Сотниченко: «Ваххабизм — это ультраконсервативная, радикальная версия ислама, требующая полного отказа от всего, что не соответствует образу ислама в первой мусульманской общине. Проблема в том, что никто не знает, какой она была... Прошло 14 веков, сохранилось не так много источников. Поэтому происходит реконструкция та-

---

⁸³ Ильина Н. Лондон выбрал мусульманина // Ведомости. 2016. 10 мая.

⁸⁴ См.: Косач Г. Саудисты сражаются с «ваххабизмом» // Независимая газета — Религии. 2017. 1 марта; Абдурахман Ибрахим Ар-Рассин. Саудовская Аравия решительно борется с терроризмом // Независимая газета. 2017. 21 февр.

кой первой мусульманской общины, какой ее выгодно видеть самим ваххабитам» [61, с. 7–12].

Целесообразно упомянуть здесь еще одно предостережение Е. М. Примакова о необходимости иметь в виду коренную разницу между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом. Первый, как он полагает, состоит в строительстве мечетей, отправлении мусульманских обрядов, взаимопомощи верующих, а второй — в навязывании силой исламской модели управления государством и обществом [62], а также, добавлю от себя, мусульманских норм поведения, миропонимания и в целом образа жизни [62]. К сожалению, к этому не прислушались, и потому в исламоведение, политические оценки сегодняшней ситуации в исламском мире и его связи с иными международными сообществами была внесена сумятица. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении абсолютно верного суждения Е. М. Примакова о том, что «нельзя считать... государства с исламскими режимами... союзниками экстремизма в исламском движении в целом и исламских экстремистов на Северном Кавказе в частности» [44, с. 175].

Для понимания современной обстановки в мире в связи с обострившимся межцивилизационным противостоянием очень ценен поэтический перевод Корана одного из крупнейших отечественных арабистов, исламоведов и мыслителей Т. А. Шумовского, отсидевшего в сталинских тюрьмах и лагерях 18 лет [63]. В данном переводе в поэтической форме переданы вся красота и величие конфессионально-культурного достояния человечества. В послесловии Т. А. Шумовского к этой книге есть фраза, имеющая большое политическое значение: «Конфликт между Востоком и Западом — это противоречие не между Кораном и Библией, исламом и христианством, а между религией и обществом без религии» [63, с. 584]. Увы, глубокий смысл, содержащийся в этом высказывании, остается без внимания. К тому же нашлось немало критиков поэтизированного перевода, сделанного Т. А. Шумовским.

Анализу исследовательских подходов к Корану в «светской» науке и современному состоянию отечественного корановедения как части классического академического и университетского корановедения посвящена статья С. А. Кириллиной и М. С. Мейера «Священная книга мусульман: Коран в трудах отечественных исламоведов» [64]. Когда я читаю научные и публицистические работы по исламу, возникает вопрос: какими текстами Корана пользовался автор,

на арабском языке или в переводе на русский? Для меня образцом является труд выдающегося отечественного ученого-арабиста И. Ю. Крачковского [57], а также коранические исследования крупнейшего специалиста в этой области Е. А. Резвана [55, с. 517–554; 56]. В недавнем интервью изданию «МК-Турция» Ефим Анатольевич подчеркнул: «Люди считают, что они знают Коран, но на самом деле они знают комментарии, т. е. мнения того или иного ученого. Мы отчетливо знаем, что Коран является очень мощным оружием в идеологической борьбе и всегда таковым являлся. Да, человек может считать, что он знает Коран хорошо, но может знать его очень однобоко, знать интерпретации, которые искажают смысл»⁸⁵. В декабре 2015 г. президент России В. В. Путин подписал указ, запрещающий судебные разбирательства священных Писаний традиционных религий.

В России также ограничен круг прокуроров, которые имеют право с предварительного одобрения Генеральной прокуратуры подавать в суды заявления о признании тех или иных материалов экстремистским⁸⁶. В стране начался откровенный разгул, когда в суды подавались иски на экстремизм «личных цитат из Талмуда о гоях (неевреях) или вносились заявления о признании экстремистскими нескольких сур Корана»⁸⁷. На наш взгляд, инициаторы этих обращений не понимают ни Талмуда, ни Корана. Поэтому четкое следование указу президента РФ о запрете судебных разбирательств священных книг традиционных религий — еще один шаг по нормализации этноконфессиональной обстановки в стране.

Предвзятое отношение к мусульманам, увы, не редкость для многих стран, в том числе и для Грузии. Так, 26 августа 2013 г. местные власти небольшого городка Ахалцихе по просьбе местных христиан демонтировали металлическую конструкцию минарета в открытой мечети в доме местного жителя. На стороне мусульман выступили их единоверцы в соседней Абхазии, где исламоверующие составляют большинство населения. Разразившийся конфликт привлек внимание Турции, граничащей с Абхазией и имеющей особые дого-

---

⁸⁵ Резван: Мусульманские богословы должны привлекать внимание к гуманистическим основам ислама // МК-Турция. 2016. 20 янв. <http://mk-Turkey.ru/life/2016/01/20/rezvan-musulmanskie-bogoslovy-intervyu.html>.

⁸⁶ Мухаметшина Е., Корня А. Как не запретить Библию // Ведомости. 2016. 9 нояб.

⁸⁷ Там же.

воренности касательно этой автономной республики, находящейся в составе Грузии. В этом конфликте отразилось резкое обострение политической обстановки в стране, протвостояние между премьером Б.Иванишвили, партия которого на парламентских выборах одержала победу, и президентом М.Саакашвили, партия которого проиграла и перешла в оппозицию⁸⁸. И только поражение последнего на президентских выборах снизило накал страстей в этом районе, но в целом мусульманский фактор продолжает воздействовать в Грузии на межконфессиональные отношения. Да и неурегулированность ситуации с турками-месхетинцами, депортированными Сталиным, дает о себе знать.

Благие намерения властей России и других стран по предотвращению распространения экстремизма и терроризма среди мусульман часто наталкиваются на отсутствие единства среди них. Мешают этому и те, кто выдает себя за истинных мусульман, а на самом деле искаженно понимает ислам, да и те, кто успел взять в руки оружие для борьбы якобы за истинные цели. В первом случае сказываются отголоски прошлых веков⁸⁹, во втором, как рассказал глава министерства иностранных дел Алжира Рамтан Ламамра, — то, что «среди исламистов есть свои меньшевики и большевики»⁹⁰.

Однако часто религиозные конфликты возникают из-за непонимания мусульманами действий властей среди тех или иных профессиональных групп населения, а также из-за политического противоборства различных политических группировок, партий⁹¹. Так произошло, как показано выше, в Грузии. Так происходит в России. Об этом пишет профессор Российского государственного гуманитарного университета И.Яковенко: «Сейчас нам объясняют, какие праздники можно отмечать, какие фильмы или спектакли надо смотреть. По существу, мы становимся свидетелями процесса ползучей отмены закрепленного в Конституции секулярного характера на-

---

⁸⁸ Мельников А. «Стоп-минарет» по-грузински // Независимая газета — Религии. 2013. 4 сент.

⁸⁹ См.: Мальцев В. «Черная сотня» ислама // Независимая газета — Религии. 2013. 7 авг.

⁹⁰ Ефимова А. «Среди исламистов есть свои меньшевики и большевики». Интервью с главой МИД Алжира Рамтаном Ламамрой // Коммерсантъ. 2017. 18 февр.

⁹¹ См., напр.: Jihagist Figure Denies Link to Al Qaeda // The New York Times. International Edition. 2016. November 19–20.

шего государства. Реально в России происходит десекуляризация. Государство снова срастается с Церковью. Российское общество переживает наступление сил, стремящихся сформировать государственную идеологию, причем православие мыслится как один из системообразующих элементов этой идеологии»⁹². Но, поясняет он, возможно, это ошибка — рекомендовать широкое обсуждение такой точки зрения, вплоть до референдумов, поскольку может произойти «раскол общества и государства». Задуматься над его словами все-таки стоит, хотя найдется немало противников такого мнения. Надо прислушаться по крайней мере к словам Предстоятеля Русской православной церкви об отношениях с государством. Вот несколько теоретически и практически важных положений его речи, произнесенной на встрече с корреспондентом французской газеты «Фигаро»:

- он поблагодарил Париж, который «приютил многих русских людей, вынужденных покинуть Родину», которые, «проживая в рассеянии... особенно сознают, что Церковь помогает им чувствовать себя единым народом и в молитве преодолевать разногласия, которые естественны в многонациональной и многокультурной среде, и именно такой средой является паства Русской православной церкви»;
- РПЦ «представляет только Христа, несет Слово Истины, возведенное Им людям»;
- «у Церкви не может быть никакой иной стратегии, кроме свидетельства о Христе и Евангелии; политические отношения могут быть лучше или хуже, но храм всегда будет открыт для православных людей любой национальности и политических убеждений, объединяя их в молитве к Богу»;
- РПЦ «не может становиться участником какого-либо политического размена, как бы этого ни хотелось тем, кто не видит красоты и спасительности христианства»;
- «отношения Церкви и государства построены на условиях независимости и соработничества»;
- «страх перед Церковью и христианством, носящий характер фобии, происходит из советского времени»;

---

⁹² Соломонов Ю. Среди мифов, рифов, вбросов и надежд. Интервью с руководителем Центра международной безопасности ИМЭМО РАН академиком А. Арбатовым // Независимая газета — Сценарии. 2016. 27 сент.

- «христианской цивилизации — душе Европы — угрожают общие вызовы секуляризма и потребительства, когда центр человеческой жизни перемещается из храма в супермаркет, когда ставятся под сомнение идеи традиционной семьи, евангельской морали»⁹³.

В постулатах, выдвинутых Патриархом Кириллом, нет какого-либо намека на опасность со стороны ислама, со стороны неконтролируемой миграции в Европу сотен тысяч мусульман из Азии и Африки. Такая корректность позволяет противопоставить православно-христианский подход к исламу, той мрачности, напуганности Запада, о которой речь шла выше. Надо учиться у его Святейшества Патриарха Кирилла дипломатическому такту, тонкости изложения острого мирополитического материала и глубокому пониманию чувств простолюдинов⁹⁴.

Однако, несмотря на духовную активность РПЦ, поддерживаемую всецело властями, а равно и мусульманских организаций, индекс их влияния, к сожалению, по данным Левада-Центра, в январе 2017 г. составлял 3,15, снизившись за год с показателя 3,26. Люди, у которых крепка постсоветская ментальность, отводят религиозным организациям благотворительную и духовную роль, а не воспринимают их как крупных политических игроков⁹⁵. Возможно, это связано и с тем, что сами религиозные организации не афишируют свою политическую активность. В целом ряде случаев РПЦ предоставляет право правительственным органам действовать на религиозном поле в политическом плане. Примером может служить требование главы внешнеполитического ведомства РФ С. В. Лаврова прекратить гонения Украинской православной церкви Московского патриархата в Украине⁹⁶.

Бог или Аллах: лингвополитическое значение религиозных терминов. И еще одно замечание, порождаемое именованием Бога повсюду в мире арабским, без перевода, словом Аллах в солидных и се-

⁹³ Яковлева Е. Патриарх рассказал французам об отношении Церкви и государства // Российская газета. 2016. 5 дек.

⁹⁴ В декабре 2016 г. Ученый совет Санкт-Петербургского государственного университета присвоил Патриарху Кириллу почетную степень доктора наук.

⁹⁵ От редакции: Церкви отвели роль третьего плана // Независимая газета. 2017. 2 февр.

⁹⁶ Приймак А., Скрыльников П. МИД России заступился за украинских православных // Независимая газета. 2017. 27 янв.

рвезных научных трудах по исламу, в публицистических работах авторитетных авторов. Арабское слово Аллах по-русски означает Бог. Так, фраза «Аллах велик!» не что иное, как «Бог велик!». Насаждение слова Аллах во всех европейских языках (ведь никто, например, не использует английское слово God для именованя Бога по-русски) создает и укореняет у людей немусульманского вероисповедания впечатление, что у исламоверующих иной Бог, чем, скажем, у христиан или иудеев. Таким образом, в менталитет и мировосприятие христиан и иудеев инкорпорируется мысль, противоречащая проповедуемой в мировой цивилизации идее о едином Боге для всего человечества, лишь пути его познания и следования его учению разные. Понятие «Слово Божье» одинаково для всех, а ислам впитал в себя немало черт других авраамических религий.

Всевышний в Коране назван 99 высокочтимыми именами (Аль-Латир — Проницательный, Аль-Хабир — Сведущий, Ар-Рахман — Всемиловитый, Ар-Рахим — Всемилосерднейший, Аль-Карим — Наищедрейший и т.д.). Каждое из них должно вдохновлять мусульманина или иноверца, если он вознамерился познать смыслы Достопочтимого Корана⁹⁷, относиться к людям по-доброму. Призывая к исламской религии, сам мусульманин, как пишет газета «Нур», «должен быть тонким и обходительным, ему не следует вступать в споры или проявлять чрезмерную строгость. А наилучший призыв — это подтверждение своих слов делами и личным примером»⁹⁸. Подобные прекраснейшие, эмоционально восторженные и восхитительные поименования Бога у исламоверующих стали в Турции предметом изысканного, великолепного, впечатляющего художественного искусства тезхаба⁹⁹.

Разноименование в Коране Господа, требует, на наш взгляд, при переводе использовать слово Бог, ибо иноверцам при сохранении слова Аллах представляется, что речь идет о каком-то ином божете.

Даже в переводах Корана употребляется поименование Всевышнего, как правило, Аллах вместо Бог, в том числе и в переводе И. Ю. Крачковского. Насаждение благочестивого слова Аллах до-

---

⁹⁷ Коран. Джуз Амма: смысловый пер. 30 части Досточтимого Корана на рус. яз. / пер. с араб. Р. Д. Панчеева. 1-е изд. СПб.: Синтез-Полиграф, 2008.

⁹⁸ Аль-Латир // Нур. 2016. № 11 (527).

⁹⁹ См.: Скрытая сокровищница. Классическое турецкое искусство: каталог выставки. Санкт-Петербург: НП-Принт, 2013. С. 91–94.

шло до того, что укоренилось в сознании даже мусульман-неарабов и в переводах богословских исламских текстов, разъясняющих Коран [66]. Пожалуй, только знаменитый русский дипломат, востоковед и военный деятель Д. Н. Богуславский (1826–1893) [55] и известный казанский востоковед Г. С. Саблуков¹⁰⁰ в своих переводах Корана с арабского языка на русский использовали высокочтимое слово Бог. И это придает их трудам, особенно, работе первого, опубликованной примерно столетие спустя после ее завершения, в 1995 г., особую значимость. Вызывает одобрение перевод, сделанный А. Вассоевичем, первой части шахады — исламского символа веры как «Нет Божества кроме Бога». А. Вассоевич употребляет слово Бог также в переводе традиционной мусульманской фразы, сопровождающей свершение любого праведного дела, поступка или изречение, а именно: «Именем Бога всемилостивого, всемилосердного» (би-сми ‘л-лāхи р-рахмāни ‘р-рахūм)¹⁰¹. Попутно замечу, что, разъясняя миролюбие и взаиморасположенность мусульман-арабов и арабов-палестинцев, исповедующих православие, этот петербургский ученый-арабист и семитолог, получивший высшее образование на восточном факультете СПбГУ, как представитель петербургской востоковедческой школы отмечает благоговейное отношение к Исе — Иисусу Христу, сыну почитаемой пресвятой Девы Марии, о котором в Коране говорится как о посланнике Бога (4:169–171; 3:45–52). Е. А. Резван, характеризуя упоминание Иисуса Христа в Коране, особо подчеркивает, что «в коранической истории “Исы, сына Марийам» — “посланника Аллаха”, “Его слова” и “Его дела” (4: 169/171), и не только в ней, нашли свое отражение многие фрагменты гностических, несторианских, монофизитских представлений об Иисусе и божественной сущности» [55, с. 523].

Шейх Омар Абу ар-Рахман, муфтий запрещенной в Египте организации «Исламская группа» и один из идеологов ныне также запрещенной в этой стране группировки (партии) «Братьев-мусульман», отвечая на обвинения западных СМИ в терроризме, заявил: «нам предписано быть террористами», чтобы «терроризировать врагов Бога». Увы, слово Бог прозвучало в переводе в устах того, кто, ссылаясь на слово Божье, использует обычно Аллах (еще раз повторю,

¹⁰⁰ Коран / пер. с араб. яз. Г. С. Саблукова. 3-е изд. Казань: Центральная типография, 1907. [Репринт в 2 т.]. М.: СП «Дом Бируни», 1990.

¹⁰¹ Цит. по: Свой путь к Всевышнему // Конкуренция и рынок. 2015. № 5 (72). С. 31.

в переводе на другие языки мира означающее Бог). И те, кто транслирует и ретранслирует на своих языках арабское Аллах без перевода, да еще с негативным или ироничным оттенком, по существу выступает против тех, кто в исламском мире за цивилизационные отношения со всем человечеством.

Вот еще один пример представления о Боге в Коране как не имеющем отношения к авраамическому единобожию (перевод В. Пороховой аята 2:163) [67]:

Ваш Бог — един.
И нет другого божества, кроме Аллаха.
Всемилолив и милосерден Он [67].

Профессор М. А. Родионов в одно из своих многочисленных посещений Египта направился в христианский (коптский) район Шобра и повстречался там с молодыми коптами. «Их, — рассказывает он, — беспокоило только, как я, православный, встречу с Аллахом на Страшном суде, ведь спасутся только протестанты: случай свел меня с представителями малочисленной коптско-протестантской общины. «Михаил, обратись, пока не поздно, — увещевали копты, провожая меня до гостиницы»¹⁰². Поразительно, копты-протестанты называли Бога (своего притом) арабским словом Аллах, а знаток Ближнего Востока, каким является М. А. Родионов, не отреагировал на это¹⁰³.

В упоминавшемся поэтическом переводе Корана Т. А. Шумовский всегда использует сакральное слово Бог, а не уведящее от истины русскоязычного человека арабское слово Аллах. Совершенно иначе в его русском переводе звучит один из принципиально важных аятов из 112-й суры: «И не рождает Бог, и не рожден. Нет

---

¹⁰² Родионов М. А. Ганга. Повесть в рассказах // Нева. 2016. № 3. С. 139.

¹⁰³ Что касается коптов-протестантов, то это действительно малочисленная группа в составе восьмимиллионного коптского населения Египта, преимущественно являющегося монофизитами. Коптская церковь и Эфиопская церковь не православные церкви, как об этом пишет М. Дорфман. И та и другая — монофизитская (см.: Дорфман М. Коптский и Эфиопский патриарх встретились в Каире // Независимая газета — Религии. 2015. 21 янв.). В чем он прав, так это в том, что «обе Церкви укрепляют сотрудничество, напуганные ростом исламизма на Ближнем Востоке», а «в Эфиопии впервые в истории этой страны мусульмане стали большинством». Это я предсказывал еще в 2009 г, выступая на XVII Международном Конгрессе эфиопских исследований. См.: [68, с. 197–198; 69].

равных Богу, всех превыше Он» (112:2). Тем самым в хвале Богу показана идентичность понимания Бога в священных текстах Ветхого и Нового Заветов и Корана, т. е. подчеркивается неизменность и последовательность авраамической традиции. Примечателен в связи с этим вывод, к которому пришел М. Б. Пиотровский, когда проанализировал содержание всех Священных Писаний. «Коран, — пишет он, по своему внутреннему смыслу как бы следует за Ветхим и Новым Заветом. Все эти Писания единый и Единственный Бог (Аллах) ниспослал людям поочередно, однако они исказили истинный Завет Бога, и пришлось ниспослать Новый — Третий завет, восстановить изначальную подлинность. Эта концепция позволяет понять историческую картину преемственности и общности монотеистических религий, восходящих к единому праотцу — Аврааму» [63, с. 557; 65].

В Коране многократно повторяется идея единобожия, монотеистической сущности Господа. И это еще раз подтверждает важность перевода сакрального слова Аллах на иностранные языки словом Бог, обладающим не меньшей сакральностью, но более понятным для неарабов. Нелишне также отметить взаимосвязь авраамических религий, упомянув, что Аллахом именовали Бога арабоязычные иудеи и христиане¹⁰⁴, но этого, как правило, никто, за исключением узкого круга ученых, духовных лиц и любителей старины, не помнит.

О духовном и экзистенциальном восприятии Корана совершенно точно написал Т. А. Шумовский в своем небольшом стихотворении, предпослав его в качестве эпиграфа всему поэтическому переводу этого священного Писания:

Небесный свет нисходит в сердце
От коранических стихов,
Живую душу очищая
От человеческих грехов.

Вопрос об обязательном переводе с арабского языка поименования Аллах как Бог приобретает в настоящее время совершенно особое лингвополитическое и конфессионально-политическое значение, а не только терминологическое или лингвистическое, как в дискуссионном материале, помещенном в приложении к книге Т. К. Ибрагима, где петербургский ученый С. М. Прозоров высту-

¹⁰⁴ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв.: курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. С. 14.

пает сторонником арабизации в вопросе перевода мусульманской терминологии, а московский ученый Т. К. Ибрагим — русификации. «Первый, — как отмечено редакцией журнала «Минарет», — будучи русским человеком, в вопросе перевода мусульманской терминологии является сторонником арабизации, второй, араб по происхождению, напротив, выступает за максимальную русификацию исламских понятий» [70, с. 71].

На наш взгляд, заявляя о необходимости сохранения арабского слова Аллах в поименовании Бога в переводе, С. М. Прозоров тем самым поощряет всех, кто считает, что у мусульман иное божество, чем у христиан и иудеев, почему они и отвергают какую-либо общую корневую систему трех авраамических религий. Между тем в Коране четко начертана «приверженность ислама единобожию, то, что «и наш Бог, и ваш Бог — один» (29:46). Коран проникнут монотеизмом и коренной связью с авраамической традицией, С. М. Прозоров же персонифицирует божество у иудеев, христиан и мусульман, а оно едино для всех. Весьма поучительно в этом отношении мнение оппонента С. М. Прозорова Т. К. Ибрагима: «Следует хорошо осознавать, что если какое-нибудь имя/понятие сохранить на языке оригинала, а не переводить на язык другой культуры, приверженцы этой культуры автоматически относят это понятие исключительно к той культуре, к той нации, но никогда не к своей. В нашем случае Аллах будет иметь сугубо локальную коннотацию — нечто вроде греческого Зевса или индуистского Шивы. Мы же, мусульмане, говорим о трех родственных религиях и о едином для них Боге» [70, с. 71–85]. Абсурден отказ переводить слово Аллах как Бог не только на русский язык, но и на другие индоевропейские языки, что также укоренилось. Это, подчеркну еще раз, создает восприятие бога мусульман как иного бога, а не единого, равного, обладающего общим божественным понятием в человеческом многообразии и разнообразии.

Имеются и иные спорные переводы с арабского на те или иные языки целого ряда коранических понятий [71]. Смысловые неточности в подборе иноязычного аналога арабскому слову порождают неверные представления, да и у мусульман тоже. В исламоведческих и политологических работах очень часто слово «ислам», образованное от многозначного корня «слм», переводится как «покорность», «подчинение Богу», тем самым передавая определенную приниженность приверженцев этой религии, их исключительное, без воли и вне свободы, послушание Богу. Между тем наряду с этим значени-

ем корневое слово «слм» имеет другие значения, стоящие в первом ряду (и в словарях, и в разговорной речи): «быть благополучным, невредимым», «спасаться», «сохраняться», «быть свободным», «мириться», «мирно жить друг с другом», «быть мусульманином», «принимать ислам» и прочие аналогичные значения¹⁰⁵. Если бы Ю. М. Каграманов посмотрел в словарь, то вряд ли бы написал, что «в ареале христианства высшую санкцию получили понятия «свободы» и «воли» (в смысле волевых усилий)», а вот у мусульман сложилась иная картина¹⁰⁶. Ему следовало бы упомянуть, что от корня «слм» образуется и слово «мир». В связи с этим интересен следующий пассаж из книги Т. К. Ибрагима в разделе, посвященном миролюбию мусульман и кораническому миротворчеству: «В плане утверждения миролюбия показательно, что слово "салям/мир" однокоренное с наименованием проповедуемой Пророком религии "ислам/ислам", что ас-салям ("мир, мироподатель") — один из эпитетов коранического Бога (59:23), что Рай описывается как дар ас-салям ("жилище мира"; 6:127; 10:25), а в качестве формулы приветствия для мусульман установлено понятие мира ас-салям аляйкум!» [70, с. 265].

Во многих исламоведческих работах слово «ислам» переводится с арабского как «покорность», нередко с добавлением Всевышнему¹⁰⁷, т. е. упор делается на кораническом единомыслии подвластности Богу, без проявления какой-либо инициативы, свободомыслия, полной безгласности и отрешенности от реальной жизни. Но это не так. Вера в Бога не лишала и не лишает мусульман самостоятельности, жизненной активности и предприимчивости. Все это осуществляется в рамках поклонения Богу, смирения (именно смирения) перед ним и исполнения его предначертаний, Божественных Проведений. Вот почему исламская цивилизация дала миру выдающихся ученых, поэтов, философов, историков и переводчиков: ведь многие древнегреческие трактаты в арабоязычных переводах дошли до современности. Ю. М. Каграманов пытался как-то (не связывая преимущественно с арабами) оговорить этот всемирно признанный факт, сославшись на то, что «своими тогдашними успехами мусульманская цивилизация обязана перемещением своего центра тяжести

¹⁰⁵ Арабо-русский словарь / сост. Х. К. Баранов. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. С. 464–465.

¹⁰⁶ Каграманов Ю. М. Призрак Закона // Дружба народов. 2014. № 7. С. 199.

¹⁰⁷ См.: Мельников А. Покорность по-русски // Независимая газета — Религии. 2016. 16 марта.

из края бедуинов-верблюжатников в район Благодатного полумесяца (Двуречье, Сирия, Палестина), Ирана и Египта, а это были земли, богатые культурным наследием, эллинистическим и персидским»¹⁰⁸. Носителями мусульманской цивилизации были не столько арабы, сколько персы и греки, все они, за небольшим исключением тех, кто не перешел в ислам, а оставался христианином (например, приверженцем несторианства), были мусульманами. Следовало бы иметь в виду, что одно из величайших творений человечества — Коран — ниспослан прежде всего арабам и на арабском языке, а вот христиан первоначально одарили Библией, увы, не на латинском, русском и прочих индоевропейских языках.

И еще одно пояснение. В настоящее время термин «халифат», означающий всего лишь тип государственного устройства и правления на мусульманском Востоке, стараниями праведных и неправедных пояснителей и разъяснителей происходящего в этом регионе превратился в своеобразное пугало. «Вспомним, — пишет Е. А. Резван, — как в Багдаде у халифа собирались философы, представители различных религий и вели дискуссии на важнейшие темы. Бейт ал-Хикма (Дом Мудрости) прославился переводами на арабский язык индийских и древнегреческих трудов по астрономии, математике, медицине, алхимии, философии». И далее: «Мы прекрасно знаем, что не было бы эпохи Возрождения в Европе, если бы не было исламской цивилизации, которая стала мостиком между эллинизмом и эпохой Возрождения»¹⁰⁹.

Один из известных азербайджанских партийных и советских деятелей 1920–1930-х годов Арташес (Артемий) Багратович Халатянц (Халатов) назывался в своем кругу и среди подведомственных ему книгоиздательств, учреждений, обслуживавших писателей, поэтов, ученых и иных лиц интеллектуального труда, Халатовым-халифом. И это никто и он сам не считали предосудительным¹¹⁰.

Ну, а как быть с четырьмя праведными халифами (Абу Бекр, Омар, Осман и Али), возглавившими поочередно правоверных после смерти Пророка Мухаммеда? В их ведении находились территории с под-

---

¹⁰⁸ Каграманов Ю. М. Обаяние Птолемея // Дружба народов. 2016. № 3. С. 204.

¹⁰⁹ Резван Е. А. Мусульманские богословы должны привлекать внимание к гуманистическим основам ислама. — В этом отношении весьма интересна книга известного американского специалиста Г. Е. Фюллера [72].

¹¹⁰ Нерлер П. В Москве (ноябрь 1930 — май 1934) // Новый мир. 2016. № 1. С. 145–146.

чиненными их власти структурами, и вошли они в историю этой великой религии как халифы. Попутно замечу, что халиф — это титул главы только суннитской общины после смерти Пророка Мухаммеда. Истинные мусульмане не могут смириться с ИГИЛ, объявившим о создании всемирного халифата, правильнее его назвать псевдохалифатом, ибо провозглашаемые им идеи и зверские действия не имеют ничего общего с исламом, а только сеют раздор, смерть ни в чем не повинных людей всех национальностей и вероисповеданий, в том числе и мусульман. Муфтий и шейх Р. Гайнутдин называет халифат «Исламского государства» псевдоисламским халифатом¹¹¹.

Можно вспомнить здесь и идею протоиерея В. Чаплина соединить Святую Русь с халифатом и заявление Верховного муфтия Т. Таджуддина о том, что для российских мусульман халифат — это Святая Русь. Вряд ли правильно связывать Святую Русь с халифатом мусульман России. Это не более чем надуманно как для православных, так и для исламоверующих, поскольку происходит смешение двух понятий государственно-политического обустройства, в основе которого разные религии, разное восприятие происходящего и разное сущностное понимание этих явлений [73]. Иное дело — говорить о взаимосвязи, взаимообщении и взаимодействии духовных и культурных ценностей и норм, присущих Святой Руси и джадидизму, с его кораническими особенностями мировоззрения, миробития и цивилизованности. Показателен в этом отношении указ президента России В. В. Путина 2016 г. о включении двух видных религиозных деятелей — мусульманина Д. Мухетдинова и православного В. Р. Легойды — в Общественную палату России. Тем самым подчеркивается цивилизационная необходимость обеих религий в судьбах Отечества и, по существу, всего мира.

Примечательно мнение профессора А. Б. Дербисали о том, что Арабский халифат, называемый многими исследователями Арабской империей, «насеяли разные народы с различной историей и культурой, а ислам цементировал их» [53, с. 23]. То есть исторически халифат, выступавший как инструмент единства мусульманской уммы, играл позитивную роль. К этой характеристике следует добавить, что в халифатскую эпоху Аббасидов (750–1258 гг. н.э.) в Северной Африке и на Ближнем Востоке открывались первые уни-

---

¹¹¹ Гайнутдин Р. И. Открытое послание о главной беде мусульман // Минарет ислама. 2016. № 1–2. С. 17.

верситеты, велись исторические исследования, осуществлялись географические открытия и т. д. и т. п.

Придание в настоящее время этой форме государственного устройства имперской сущности невозможно (или, точнее, вряд ли возможно), но в любом случае исламский мир, разделенный на десятки национальных государств, представить в виде единого халифата, одного государства нельзя, чему яркое подтверждение — неудачи в создании единого Арабского государства в XX в. Кроме того, принадлежавший османским султанам с начала XVI в. титул халифа политически не распространялся на весь исламский мир. Реально султан-халиф скорее рассматривался как духовный покровитель мусульман, а не верховный правитель всей мусульманской уммы. Попытки султана Абдул-Хамида II (1876–1909) добиться признания Османской империи «высшим исламским халифатом» с возложением на него политических полномочий халифа провалились. В 1924 г. республиканские власти Турции упразднили статус халифа, последним таковым был Абдул-Меджид II (1922–1924). С того времени о назначении новых халифов если кто и слышал, то весьма узкий круг ныне почти полуторамиллиардной исламской уммы. Попутно замечу, что выбор халифа не из рода курайш, т. е. не из рода Пророка Мухаммеда, нарушал мусульманскую традицию, сложившуюся после его отхода в мир иной. И потому халиф, избранный из иного рода-племени, не воспринимался таковым многими в мусульманском мире. Так что и теперь от сущности Халифата, истории его существования и судеб никому не уйти.

В связи с провозглашением Исламским государством курса на создание всемирного халифата и агрессивной, террористической деятельностью игиловцев восприятие халифата стало резко отрицательным. А само появление ИГ оценивается по-разному. В контексте данной статьи приведу точку зрения К. С. Гаджиева о том, что ИГ — «это результат и скорее проект террористического ответа исламского мира за “отказ западного мира от Бога”» [74, с. 163; 75]. Угрозы, исходящие от ИГ, обусловили и негатив в отношении халифата как формы государственного обустройства, появившейся еще в Средние века. И былой позитив, отмечаемый, например, в трудах Абу-ль-Хасана аль-Маварди, служившего в конце X в. — первой половине XI в. при дворе аббасидских халифов, ныне не воспринимается [76, с. 189].

Ислам и демократия. Е. М. Примаков с опасением упоминает о халифате, создание которого приветствуется немалым числом му-

сультман. Судя по всему, речь идет о халифате игиловского типа [77, с. 214–215]. Уместно здесь процитировать слова Ф. Гюлена относительно правления праведных халифов: «Если посмотреть, как проходили выборы (в их правление. — В. Я.), как они защищали права и справедливость, то их отношение к праву дает... многое для совершенствования современной демократии». Более того, он утверждает, что «если демократия — это справедливость, закон, соблюдение прав и свобод каждого человека, принятие всех такими, какие они есть, то у демократии нет никакого антагонизма с исламом»¹¹².

Данный экскурс в богословское понимание демократии в контексте ислама был необходим, чтобы показать присутствие взаимосвязи коранических установок и современных демократических норм, против которых часто выступают исламисты.

Однако использование отдельных цивилизационных элементов халифата в современном государственном строительстве в мусульманском мире не исключается. В какой-то степени это перекликается с салафитскими устремлениями возврата к историческим корням.

О салафизме, кораническом гуманизме. Салафизм распространяется повсеместно в мире, в том числе в России, и не только на Северном Кавказе, но и в Поволжье, на Урале, на Севере и в других регионах нашей страны¹¹³, но преимущественно в архаизирующей форме, ведущей к замкнутости, приверженности отсталости, заскорузлости и вялости мысли, воли, синергии, первоначальным устоям. Салафиты настаивают на абсолютизации догм и нравов прошлого, многие из которых придуманы уже в постисламозарождающие времена. С салафитами, как считает Б. Ф. Ключников, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, договориться нельзя, «потому что они религиозно оправдывают лицемерие, вероломство, обман» и по сути своей стремятся к перманентной революции и мировому господству¹¹⁴.

Относительно современного развития салафизма Д. Мухетдинов, рассматривая два его течения — салафизм/псевдосалафизм и интеллектуальный салафизм, утверждает: «критикуя «салафизм» во всех

¹¹² Наумкин В. На полях интервью с Ф. Гюленом. Сайт РСМД (Российский совет по международным делам). <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-polyakh-intervyu-s-f-gyulenom>.

¹¹³ Малащенко А. Цивилизации не конфликтуют — они притираются // Дружба народов. 2016. № 3. С. 195.

¹¹⁴ Ключников Б. Ф. Грядущий бич Божий? // Новая Ладога. 2016. № 7. С. 185.

его вариациях, мы сами не понимаем, что именно и кого именно мы критикуем [78, с. 52]. Его слова о критике «салафизма» «даже без попытки разобраться, что стоит за этим термином» [78, с. 52] и приводимые им аргументы позволяют выявить одну из причин слабости идеологической и практической борьбы с салафизмом. Добавлю от себя, такой подход нужен и в отношении исследования других обстоятельств, вызывающих противоречивые суждения.

Первый салафитский тренд называется архаизирующим, т. е. ведущим к абсолютизации прошлых догм и полному отрицанию необходимости учета современных тенденций развития мира, человека и его взаимосвязей с немусульманскими народами и странами, а второй — интеллектуальным салафизмом [78, с. 7]. Первый ведет, как пишет Д. Мухетдинов, «в бездну». Эти слова относятся также к другим архаизирующим проектам развития исламской мысли, сущности ислама и его практики. Узко трактуемый традиционный салафизм обращен вспять, а обновленческие проекты модернизации ислама разнообразны.

На наш взгляд, наиболее перспективным вариантом является программа, предложенная муфтием шейхом Р. Гайнутдином и его духовными коллегами. Во главу угла они ставят коранический гуманизм, которым проникнуто все это ниспосланное Богом Писание¹¹⁵. Лозунг, выдвигаемый ими, звучит так: «Вперед к Кораническому гуманизму или назад к радикализму». Это означает выбор между всепобеждающей коранически гуманистической модернизацией ислама XXI в., его цивилизованностью и духовной мощью. Только в движении к кораническому гуманизму лежит путь не к конфликту, а к созидательному сотрудничеству с немусульманскими народами, странами и между самими мусульманами, их общинами и государствами. На этом модернизационном пути можно достигнуть той ситуации, о которой А. Малащенко говорит так: «Цивилизации не конфликтуют — они притираются»¹¹⁶, другими словами, адаптируются друг к другу.

Иное дело, когда салафиты прибегают к действиям, которые сопровождаются жестокостью, варварством, глумлением, кровавыми расправами, порочащими ислам. Они полагают, что мусульманская умма возродится, если проникнется духом салафизма. Порожден-

---

¹¹⁵ Гайнутдин Р. «Открытое послание» о главной беде мусульман С. 16–21.

¹¹⁶ Малащенко А. Цивилизации не конфликтуют — они притираются. С. 179–203.

ные идеями ИГИЛ, «Джебхат ан-Нусра» и другие подобные террористические организации с их зверствами вызывают еще больше негодования в цивилизованном исламском мире, не говоря уже о немусульманском сообществе, неприязни или вообще откровенной ненависти к салафизму и проповедуемым им ценностям, в том числе шариату, халифату и пр.¹¹⁷ Высказывание крупнейшего исламистского идеолога Ю. аль-Кардави о том, что рано или поздно шариат в Европе станет «шариатом для большинства» вызывает приступ возмущения у немусульманской части Европы, да и ее исламоверующие не приветствуют подобные предположения о будущем. По мере роста численности мусульман Европы будет происходить «постепенное окружение островками ислама немусульманского населения»¹¹⁸. Судя по всему, он имеет в виду под большей частью населения Европы все возрастающее количество мигрантов и высокую рождаемость среди прибывающих мусульман.

Складывающаяся демографическая обстановка в Европе беспокоит исторически сформировавшееся население, заставляя задуматься, а не станут ли они меньшинством, которое будет подвергнуто исламизации. В разговоре с председателем сената Бельгии госпожой К. Дефрень в ноябре 2016 г., услышав подобные опасения, я спросил, кто же вам мешает рожать детей: «Мы же европейские женщины, — ответила моя собеседница, — для нас главное работать, заниматься делом, бизнесом, руководить органами власти, а потому нет ни времени, ни желания иметь много детей». Я улыбнулся, выслушав эту трафаретную тираду. Я обратил тогда внимание госпожи К. Дефрень на сидевшую рядом с ней помощницу, имевшую троих детей. Более того, я привел факт выравнивания рождаемости в Израиле между еврейскими и арабскими женщинами¹¹⁹. После этих слов она уже улыбнулась, сказав, что мусульмане теперь расселились по всему свету, а прежде их ареал был намного уже, хотя и сейчас сердцевиной исламской религии остается Ближний Вос-

¹¹⁷ См.: *Yonah Jeremy Bob*. As Caliphate Falls, Isis Rewrites Playbook // *The Jerusalem Post*. 2016. November 18.

¹¹⁸ *Крылов А. Б.* Исламизация Европы: миф или реальность? О проблемах интеграции мусульман в странах ЕС // Всеукраинская газета «Русский мир. Украина». 2011. 29 мая. <http://russmir.info/pol/1363-islamizaciya-evropy-mif-ili-realnost.html>.

¹¹⁹ *Gravé-Lazi L.* Fertility Rates of Arab and Jewish Israelis Equal for First Time // *The Jerusalem Post*. 2016. November 17; Рожаем на равных // Вести: израильская газета на русском языке. 2016. 16 нояб.

ток, ее святыни находятся прежде всего в Саудовской Аравии. То есть в территориальном аспекте традиционный исламский мир — Дар аль-ислам, охвативший те страны и районы, где население исповедует ислам, и власть в них находится в руках мусульманских правителей. Учитывая современный пространственный характер повсеместного пребывания мусульман в мире и договорные отношения мусульманских стран с иными государствами, муфтий-шейх Р. Гайнутдин совершенно справедливо указывает, что средневековое деление земного шара на Дар-аль-ислам, Дар-аль-Харб («область войны», т. е. немусульманских стран, не имеющих мирного договора с халифатом) и Дар-ас-Сульх («область мирного договора») в настоящее время несостоятельно¹²⁰.

На примере одного из регионов России можно проследить особенности территориальной организации религиозных конфессий, которые характеризуются мирным сосуществованием и вместе с тем четким территориальным размежеванием [79].

Невозможность для мусульманских стран сформировать мировой влиятельный центр, ее причины. В исламском мире раздаются призывы преодолеть внешнеполитическую замкнутость мусульманских стран. Но они уже давно вышли на широкий простор мировой политики и не ограничивают себя на международной авансцене средневековыми догмами, наоборот, набирают ежегодно миротворческий вес. Сплачивая свои ряды и выступая против терроризма и экстремизма, мусульманские страны все активнее формируют свой влиятельный центр и нередко участвуют в тех или иных центрах силы, где ведущую роль играют очень значимые государства: Россия, США, КНР, страны Европейского Союза. Признание этого обстоятельства на мировой авансцене явилось бы заметным шагом в обновленческом процессе в исламе, состоящем, как сказано выше, в приоритете коранического гуманизма. Уверен, что наступит день, когда министр иностранных дел России перечислит среди влиятельных мировых центров и мусульманские страны с их союзниками¹²¹.

---

¹²⁰ Гайнутдин Р. Открытое послание о главной беде мусульман. С. 20–21; Гаврилова Ю. Б., Емельянов В. В. Ислам: Карманный словарь. СПб.: Амфора, 2002. С. 45. Гайнутдин упоминает, что деление мира было на Дар-аль-Ислам, Дар-аль-Харб Дар-аль-Куфф, а Гаврилова и Емельянов — как написано мной.

¹²¹ См.: Лавров С. В. Россия не занимается риторикой, а формирует национальные интересы // Российская Федерация сегодня. 2017. № 1. С. 43.

Уже в настоящее время исламский мир со всей совокупностью присущих ему этноконфессиональных, ресурсных, демографических, внутри- и внешнеполитических, экономических и конфликтогенных потенциалов и их реализацией стал в целом весьма весомой, очень существенной частью мировой политики, а по ряду ее параметров и решающей. Правда, его раздирают внутренние противоречия, притом исключительно глубокие, как религиозные, так и касающиеся внешнеполитической ориентации. Это снижает мощь исламского мира на мировой арене, кроме того, заметный минус в его глобальной парадигме развития, в его мирозидательной мощи — увья, слабая по сегодняшним меркам научная, интеллектуально-творческая, инновационно-техническая деятельность, а также отсутствие выверенной стратегии сочетания традиционных ценностей и модерна.

К тому же террористическая деятельность исламистов вредит исламу, его позициям в мире, а также мусульманским странам в их движении к центру мировой политики. Поэтому, каковы бы ни были представления исламистов о государственном устройстве, не учитывать их действий по мироустройству и стабилизации положения в мире, нельзя. Тем более что и шариат, и халифат основываются на классических источниках ислама. Присутствие радикальных исламистов практически на всех континентах (за исключением Антарктиды) — политическая реальность начала XXI в. и, думается, еще многих последующих десятилетий.

Отдельные игиловские отряды проникают в североафриканские и центрально-азиатские страны. В них задействованы тысячи боевиков, в том числе из России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и иных стран. О халифате каждый раз заходит разговор, когда обостряется ситуация вокруг ИГИЛ в Ираке и Сирии: тогда допускается, что в результате серии поражений ИГИЛ сможет направить своих бойцов в другие страны: в Афганистан¹²², Ливию¹²³, Алжир¹²⁴ и др.

---

¹²² Субботин И. Натиск на «халифат» может откликнуться в Афганистане // Независимая газета. 2016. 1 нояб.

¹²³ UN Experts Warn DAESH is Expanding in Libya // Daily Sabah. 2016. March 12–13.

¹²⁴ Мустафин Р. На границах Алжира объявлена тревога // Независимая газета. 2017. 6 февр.

С одной стороны, «Восток и Запад — оба жаждут власти, ни одному из них не победить»¹²⁵. Но с другой, по мнению лауреата Нобелевской премии по литературе О. Памука, «последние двести лет истории Стамбула показывают, что Восток и Запад могут существовать в гармонии», «я не верю в столкновение цивилизаций, о котором говорит Хантингтон» [80]¹²⁶.

О шариате. И последнее, о чем пойдет речь, — шариат, представляющий собой свод законов преимущественно обычного права, нормативных положений Корана и Сунны и десяти Заповедей Моисея (т. е. Закона Божьего). Стараниями тех, кто выдает себя за специалистов по исламу, но не знающих арабского языка, шариат тоже стал своеобразным пугалом для немусульманского населения.

Б. Ф. Ключников пишет, что «лжеученые и исламофобы нагородили массу нелепостей об исламе». В реальности «нормы шариата ныне практикуются в некоторых странах и только в области гражданского права и крайне редко в уголовных делах. Мусульманские ученые, отражая новые веяния времени, веками трудились над осовремениванием шариата. Они, например, стали подразделять предписания шариата на пять категорий: обязательные, рекомендуемые, разрешаемые, нежелательные, запрещенные», «критики ислама на Западе обычно умалчивают о многих краеугольных положительных нормах шариата: крепкая семья, забота о детях, помощь бедным, запрет абортов, неприятие содомских грехов и т. д. Все знают, что ислам запрещает алкоголь, но очень немногие знают, что ислам запрещает спекуляцию и паразитизм, когда деньги делают деньги и взимается ростовщический процент»¹²⁷. Как правило, «нападают на ислам и шариат поверхностные “знатоки” Востока».

В качестве негатива упоминаются даже требования шариата касательно быта, одежды, коммуникативного поведения и ситуативных норм (например, какого размера носить бороду, с какой ноги начинать движение). Прав Ю. М. Каграманов, когда пишет, что «эти “излишки” несвободы ничуть не более несуразны, чем “излишки” свободы, каковые демонстрирует человек, выросший в лоне евроамериканской цивилизации и зачастую напоминающий морское бес-

---

¹²⁵ Маградзе Д. Презентация. Восточно-западный диван // Дружба народов. 2015. № 8. С. 117.

¹²⁶ Из первых уст. Хождения Памука // Российская газета. 2016. 3 нояб.

¹²⁷ Ключников Б. Ф. Грядущий бич Божий? // Новая Ладога. 2016. № 7. С. 186.

позвоночное с протяннутыми в разные стороны щупальцами, отдавшееся на волю волн»¹²⁸.

В ряде европейских государств, первыми из которых стали Нидерланды и Франция (2011 г.), был введен запрет на ношение никаба и вуали для лица в общественных местах. Франция стала первой европейской страной, запретившей ношение хиджаба в общественных местах. В 2011 г. также был одобрен закон о запрете никаба и любого типа одежды, скрывающего лица в общественных местах в Бельгии. На подобную стезю недавно вступила Германия: министры внутренних дел федеральных земель под общим руководством главы МВД страны Т. де Мезьера высказались в августе 2016 г. за запрет ношения паранджи и полного сокрытия лица (маскировки) в общественных местах¹²⁹.

Во Франции на запрете хиджаба, чадры и паранджи не остановились. В 2016 г. в 26 ее коммунах запретили буркини — закрытый купальный костюм для мусульманок и ввели штраф в 38 евро за его ношение. Конституционный суд Франции, однако, заявив, что ношение закрытого купального костюма на пляжах страны не угрожает общественному порядку, отказался узаконивать эти начинания местных властей. Общественные же споры вокруг этого законопроекта продолжают¹³⁰.

В ФРГ по инициативе канцлера А. Меркель и ее коллег по партии ХДС/ХСС приступили к разработке концептуальной программы «Немецкий ислам». Этот проект предусматривает интеграцию либеральных ценностей, которых придерживается Германия, и исламских ценностей, что позволит, как полагают эксперты, избежать экстремизма со стороны мигрантов-мусульман, и либерализовать сам ислам, адаптировать его к немецкой культуре¹³¹. Важным аспектом такой программы могут стать организованные ранее в Германии курсы по изучению ислама, которые посещают не только мусульмане, но и приверженцы других религий¹³². Тем самым происходят взаимопознание и взаимообмен ценностями, культурными нормами.

¹²⁸ Каграманов Ю. М. Призрак Закона // Дружба народов. 2014. № 7. С. 199.

¹²⁹ Григорьев Е. Паранджа в Германии будет вне закона // Независимая газета. 2016. 11 авг.

¹³⁰ Гулина О. Казус буркини // Ведомости. 2016. 5 сент.; Позняк О. Свобода, равенство, буркини // Независимая газета — Религии. 2016. 7 сент.

¹³¹ Цой Д. Германия создаст «немецкий ислам» к 2017 г. // Известия. 2016. 4 окт.

¹³² Islamic Education in Europe. Faith of Our Fathers // The Economist. 2016. August 20th. P. 45–46.

Великобритания открывает специальные группы английского языка, возлагая большие надежды на мусульман, изучающих английский язык, хотя в 2017 г. эти надежды и не оправдались, когда произошли террористические акты в Лондоне. Языковая подготовка мусульман происходит и в других государствах с расчетом на мягкосиловую роль языка, лингвополитическое измерение этноконфессиональных отношений, упразднение взаимонеприязни мусульман и сторонников иных религий.

Российский опыт ярко иллюстрирует программа Поволжского федерального округа «Русский ислам» начала 2000-х гг., направленная на повышение уровня исламской грамотности соответствующей религиозной группы населения, подготовки духовенства, его веротерпимости и формирование общероссийского единства, сплочения и сближения народов. В ней предусматривалось расширение применения русского языка в богослужении в мечетях, что неожиданно привело к увеличению перехода русских в ислам, но, с другой стороны, к недовольству татар, на языке которых преимущественно велись молитвы, читались проповеди. И то, и другое не одобрялось этноконфессионально ориентированными людьми. Тем более использование в названии самой программы «Русский ислам» (это относится и к «немецкому исламу») таило в себе неожиданный, может быть, непредвиденный для ее инициаторов импульс отторжения исламоверующих. В их сознании есть только один ислам — коранический и священной Сунны. Правильнее, видимо, было бы говорить о российском, да и то следовало бы делать это с осторожностью, ибо в России люди, в том числе и мусульмане, стали очень чувствительны к словам о русскости. Прав А. Малашенко, утверждающий, что «ситуация в исламском поле в России сильно изменилась»¹³³.

Ислам укрепляет свои позиции и за счет совершенствования фикха — исламского правоведения, который соответствует духу шариата и вместе с тем реагирует на усложнение жизни [81].

Надо признать, что постоянное, медленное отступление христианства в Западной Европе, прежде всего католичества, перед заинтересованностью местных жителей в исламе часто объясняется ослаблением христианства [82]. Это беспокоит христианских иерархов. Один из руководителей РПЦ митрополит Иларион (Алфеев) заявил:

---

¹³³ Цит. по: *Приймак А.* Какие вызовы стоят перед политикой в сфере религий // Независимая газета — Религии. 2016. 19 окт.

«РПЦ не пугает стремительная исламизация Европы. Нас гораздо больше пугает утрата европейскими государствами христианской идентичности, христианских корней». По существу ему вторит канцлер Германии А. Меркель: «В Европе немусульман много, а христиан мало». В контексте всех рассуждений об ослаблении христианства не только в Европе, но и в мире в целом любопытную версию об отречении Папы Бенедикта XVI от высшей власти в Ватикане выдвинул знаменитый польский композитор К. Пендерецки: «Мне кажется, наступил большой религиозный кризис, потому что люди перестали нуждаться в Церкви. От этого она все больше и больше озлобляется. Папа ушел именно из-за кризиса религии — он понял, что не сможет изменить Церковь и мир. А я, в свою очередь, не теряю надежд, что Церковь вскоре перестанет ссорить людей друг с другом и наконец-то откроет двери для всех. Через несколько лет должна состояться религиозная революция»¹³⁴.

Снижение интереса к христианству в мире, и особенно в Европе и США, отказ от приверженности к этой религии части бывших его адептов, связано, на наш взгляд, в значительной степени с извращенно понимаемой политкорректностью, когда даже публичное использование христианских символов, включая празднование Рождества Христова, запрещается. Надежды поборников христианской религии на изменение этой ситуации возлагаются на 45-го президента США Д. Трампа. В христианском мире хорошо запомнили его слова о том, что «мы собираемся снова начать говорить “Счастливого Рождества”»: они прозвучали в ответ на политкорректное приветствие Б. Обамы “Счастливых праздников”»¹³⁵. Обновленческий призыв прозвучал и из Ватикана¹³⁶. В РПЦ озабочены необходимостью роста числа православных в ряде регионов страны¹³⁷.

Кардинал Кох, глава папского совета по содействию христианскому единству, еще в бытность свою епископом в Швейцарии от-

¹³⁴ Корпуник О. Интервью с Кшиштофом Пендерецким // Известия. 2013. 25 февр.

¹³⁵ См.: Позняк О. Трамп вернет американцам Рождество // Независимая газета — Религии. 2016. 21 дек.

¹³⁶ Povoledo E.: 1) Lofty Debate of Bishops Holds Impact for Catholics // The New York Times. 2015. October 24–25; 2) Francis Faces a ‘Pivotal Moment’ as Bishops Meet // The New York Times. 2015. October 22; см. также: Тюренков М. Папа смог? // Известия. 2016. 23 нояб.

¹³⁷ Приймак А. РПЦ берется окормлять Кавказ // Независимая газета — Религии. 2016. 21 дек.

кровенно сказал: «Мы должны бояться не сильного ислама, а слабого христианства»¹³⁸. Сходные мысли неоднократно высказывали главы Ватикана и РПЦ. Французский обозреватель «Фигаро» Э. Земмур пишет в своей книге «Французское самоубийство»: «христианство создало Францию. Если вы прогоните христианство, вы получите ислам»¹³⁹.

Тем не менее в ряде районов проживания мусульман нередки случаи, когда местное немусульманское население выступает, например, против планов строительства мечети. Бывает и наоборот, мусульмане протестуют против сооружения церквей. «Мне, как татарину, как мусульманину, как гражданину, это непонятно. Мы живем в России, православных у нас большинство, строятся новые церкви. Почему это должно вызывать такую негативную реакцию?»¹⁴⁰. К этому недоумению, по-моему, следует добавить также мощные возражения части общественности по передаче того или иного объекта Русской православной церкви, изъятого у нее советской властью. Так произошло, например, в отношении Исаакиевского собора в январе 2017 г. Председатель Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В. С. Макаров, комментируя действия противников передачи РПЦ Исаакиевского собора, напомнил, что тем самым разжигается религиозная рознь. Он также назвал призывы не отдавать РПЦ собор провокационными. В РПЦ утверждают, что передача Исаакиевского собора РПЦ лишь усилит его мировое значение: «Опираясь на международный опыт, мы сможем поднять значение Исаакиевского собора на еще более высокую планку и представить его нашим соотечественникам, независимо от их вероисповедания, отношения к вере, максимально качественно, с добрым сердцем»¹⁴¹. На наш взгляд, это как раз иллюстрация того, как христианство постепенно уступает свои позиции атеизму. Справедливости ради надо отметить, что и среди служащих церкви оказа-

---

¹³⁸ Мельников А. Покорность по-русски.

¹³⁹ Цит. по: Каграманов Ю. М. Два пути от Рокамадура. Европа между крестом и полумесяцем // Новый мир. 2015. № 7. С. 144.

¹⁴⁰ Крганов, Альбир-хазрат, муфтий. Почему строительство церквей должно вызывать такую негативную реакцию? // Радонеж. 2016. 17 нояб. <https://radonezh.ru/news/albir-krjanov-pochemu-stroitelstvo-tserkvey-dolzno-vyzyvat-takuyu-negativnyu-reaktsiyu-163634.html>.

¹⁴¹ РПЦ попросила петербуржцев обойтись без революций из-за Исаакиевского собора. lenta.ru. 11 января 2017.

лись несогласные с таким решением судьбы Исаакиевского собора, и своим решением власти, таким образом, внесли смуту в гражданское сообщество города.

Увы, смуту вносят порой и высшие иерархи ислама, поддержанные теми или иными государственными деятелями. Такую оценку дают, например, принятой в Грозном в 2016 г. на Всемирной исламской конференции фетве (итоговому документу) «О неотъемлемых признаках отличия истинного ислама от заблуждений»¹⁴². Фетва получила серьезную критику как в рядах богословов, так и в экспертной среде, причем не только в России, но и во всем арабском мире. Конференция в Грозном послужила фактором раскола уммы и тем самым оказала содействие «врагам мусульман». Известный профессор Т. Ибрагим раскритиковал фетву и назвал ее «рождением новой смуты». Таким образом, по мнению Д. Ахматовой, конференция имела два основных негативных последствия, это «нанесение урона российской внешней политике в исламском мире и демонстрация полного провала в реализации поставленной задачи по исламскому богословию»¹⁴³.

Однако хочу привести позитивный опыт властей по улаживанию межнациональных и конфессиональных конфликтов. В беседе с А. Н. Яковлевым, одним из «прорабов» перестройки, мы коснулись ситуации в Татарстане, и он рассказал, как ему пришлось подолгу общаться с президентом республики М. Шаймиевым по предотвращению всплеск татарского национализма и мусульманского ажиотажа. А. Н. Яковлев весьма высоко оценивал деятельность М. Шаймиева в этой области, ибо республика избежала открытого взрывоопасного междоусобного (татаро-русского и исламо-христианского) конфликта. Неслучайно совсем недавно президент В. В. Путин присвоил этому выдающемуся государственному деятелю звание Героя России.

М. Шаймиев предложил во избежание конфликтов в республике, в том числе и на конфессиональной основе, пролонгировать договор 2007 г. между Татарстаном и Российской Федерацией. В противном случае Всетатарский общественный центр настаивал на подписании нового соглашения о разграничении полномочий между Москвой

¹⁴² Ахматова Д. Смута из-за одной фетвы // Независимая газета — Религии. 2016. 7 дек.

¹⁴³ Там же.

и Казанью и получении Татарстаном новых, более широких полномочий, что противоречило бы принципу федерализма¹⁴⁴. В самой татарской умме, однако, устранить возникшие противоречия религиозного характера полностью не удалось, но надо отдать должное властям республики и ее высшим духовным руководителям, они стремятся избежать конфликтности¹⁴⁵.

Исключительно позитивной для стабилизации мусульманско-православных отношений в России оказалась поддержка ею резолюции Исполкома ЮНЕСКО, не коснувшейся связи евреев с Храмовой горой, зато упоминавшей наличие на ее вершине святынь ислама. Эта позиция Москвы была высказана, несмотря на протест иудеев¹⁴⁶. И хотя, как всегда, в России нашлись произраильские толкователи этой резолюции, ссылавшиеся на библейские основы христианства, факт остается фактом: мусульмане одобрили этот благородный внешнеполитический шаг России. Вероятно, тем самым Москва хотела угодить мусульманам, особенно татарам, возмущенным установкой памятника Ивану Грозному в Орле, покорившему Казанское ханство. В ответ в Казани стали раздаваться голоса о необходимости установки памятников хану Батю¹⁴⁷.

Возвращаясь к вопросу об антисемитизме, добавим: «...к евреям в России, по данным исследования “Левада-центра”, относится негативно лишь 8 % населения. В этой группе выделено несколько уровней антисемитской агрессии: устойчивое ядро антисемитов и ксенофобов (8–16 % опрошенных); те, кто поддерживает антисемитские

¹⁴⁴ См.: Антонов К. Татарстан позвали к торгу // Коммерсантъ. 2017. 10 апр.

¹⁴⁵ Постнов Г.: 1) Мусульман Татарстана оставили без клапана для выпуска пара // Независимая газета. 2016. 25 нояб.; 2) «Милонова» оставят без мечети // Независимая газета. 2016. 10 нояб.; Сепаратистов и исламистов в один этап убирают из Татарстана // Независимая газета — Религии. 2017. 5 апр.

¹⁴⁶ Мельников А. Обиженные царем верующие и «дипломатический аутсорсинг» духовенства // Независимая газета. 2016. 17 окт.

¹⁴⁷ Я всегда утверждал, что одной из основных причин Февральской революции в 1917 г. в Российской империи были резко обострившиеся межнациональные и межконфессиональные противоречия, ибо отношения между имперским центром и национальными окраинами ко второй половине второго десятилетия XX в. достигли уровня отношений метрополии и колоний, которые соответствовали известному марксистско-ленинскому положению, когда верхи не могли управлять по-прежнему, а низы не могли жить как прежде. Конференция (МГИМО) «Средняя Азия и Северный Кавказ: фактор колониализма» по существу подтвердила мои давние мысли. См.: Приймак А. Как мусульмане «разбудили» Февральскую революцию // Независимая газета — Религии. 2017. 1 марта.

и ксенофобские клише (18–35 %); те, кто считает, что русские должны иметь преимущества перед людьми других национальностей или что президент должен быть русским (40–65 %). При этом антисемитизм очень маргинализован и концентрируется на периферии гражданской и социальной жизни, а антисемитские стереотипы и клише существенно ослабли, но не уходят из массового сознания. Тем не менее «еврейский вопрос» утратил свою остроту и актуальность, в российском обществе доминирует спокойно-уважительное или нейтрально-равнодушное отношение к евреям, констатируют эксперты»¹⁴⁸, участвовавшие в обобщении результатов этого исследования. Президент Российского еврейского конгресса Ю. Каннер убежден, что снизить антисемитизм в России удалось благодаря законодательству, пресечению антисемитизма на судебном уровне. А раз «нет госзаказа на антисемитизм, то это отражается и на других уровнях»¹⁴⁹.

Было бы целесообразно с мирополитической точки зрения подробно рассмотреть и взаимоотношения ислама и иудаизма. Этот аспект мирополитической структуры конфессиональных отношений остается пока, на наш взгляд, недостаточно исследованным. С изучением взаимоотношений ислама и христианства в рамках современной мирополитической ситуации — иная картина. Конечно, на познании триединства «иудаизм — христианство — ислам» сказывается объявленная в мировом масштабе борьба с международным терроризмом, экстремизмом и радикализмом.

М. М. Джанаби и А. Д. Саватеев, в отличие от многих, дают блестящие образцы исторически, политически и философски выверенных оценок действий, совершенных радикалами и неправомерных с точки зрения международного права, устойчивого развития, глобальной, региональной и национальной безопасности [4, с. 51]. М. М. Джанаби, приводя примеры истоков «исламского терроризма», ряд специалистов пытается отыскать в глубокой старине, пишет, что

¹⁴⁸ Мухаметшина Е. Антисемитизм не в моде // Ведомости. 2016. 1 нояб.; См. также: [83, с 168–173]. — Глава, помещенная на этих страницах, называется «Христианство не является исключительной причиной антисемитизма». См. также: Шнирельман В. Что стоит за мифом о «хазарском нашествии» на Украину. Отмстить неразумным славянам // Независимая газета — Сценарии. 2017. 28 февр. Автор возводит напрасную хулу на Л. Н. Гумилева за введенный им якобы хазарский миф. См.: [84].

¹⁴⁹ Цит. по: Мухаметшина Е. Антисемитизм не в моде.

«терроризм представляет собой исторический и всемирный феномен, который прослеживается в истории многих государств, наций и религий» [4, с. 51]. Говоря о подъеме политического ислама и зарождении масштабного современного радикального исламистского движения, следует сказать о том, что терроризм расцвел именно в Европе в 1960–1970-е гг. Его инициаторами и стойкими последователями, прибегающими к диверсиям, взрывам бомб, заложенных в местах наибольшего скопления мирных людей, к бандитским нападениям на банки и другим агрессивным актам, были не мусульмане, а местные жители, граждане неисламских, а христианских стран Европы¹⁵⁰. Ссылка на эти кровавые действия европейских террористов дает возможность избежать такой исторической aberrации, как восприятие радикализма и связанного с ним терроризма в качестве явления сугубо исламского происхождения. Возникает закономерный вопрос: не у европейских ли террористов, особенно из Германии, учились исламисты? Христиане Германии и ее союзники развязали Вторую мировую войну, христиане добились отречения Николая II от престола и ввергли Россию в большевистскую эпоху, католичество многократно подвергало православную Русь страшным испытаниям и т. п. Можно было бы напомнить всем хулителям ислама в Евроатлантическом сообществе о том, христиане зверски убили 8 тыс. мусульман на территории бывшей Югославии в конце 90-х гг. XX в.¹⁵¹, и в то же время авиация НАТО бомбила жилые кварталы в Сербии. Ссылки на все эти факты, как раз и фундировали бы вышеприведенные высказывания М. М. Джанаби. Можно упомянуть и совсем недавние «достижения» христиан, когда молодой канадец, восторгающийся делами и антиисламскими взглядами М. Ле Пен,

---

¹⁵⁰ См.: *Столяров А.* Дайте миру шанс // Дружба народов. 2015. № 1. С. 111–147; № 2. С. 121–161; *Мальшиев В.* Парадоксы терроризма // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 10 янв.

¹⁵¹ Life sentence expected for Karadzic, 'butcher of Bosnia' // Daily Sabah. 2016. March 24. — Мусульмане называют это убийство геноцидом. Однако суд ООН отверг данное определение многотысячных убийств мусульман в ходе войны в 90-е гг. XX в., считая, что геноцида со стороны сербов не было. Сколько же надо было убить мусульман, чтобы обвинить сербов, вернее Сербию, в геноциде? Вот вопрос, который задает исламский мир. В феврале 2017 г. Босния вновь возобновила иск к Сербии по поводу геноцида. Такой шаг члена президиума Боснии и Герцеговины Б. Изетбеговича вызвал негодование руководителей Сербии: они не считают, что это был геноцид, хотя убийства имели место. См.: *Сысоев Г.* Между Боснией и Сербией снова стал геноцид // Коммерсантъ. 2017. 21 февр.; [85].

Дж. Буша-младшего, Дж. Маккейна, Б. Нетаньяху, Д. Трампа и им подобных политиков и государственных деятелей и считающий исламскую экспансию главным врагом Канады, расстрелял в мечети мусульман-беженцев¹⁵².

В Германии сформировались крайне правые, по существу фашистские группировки «рейхсбюргеров», имперских граждан, готовящих теракты против властей, беженцев и евреев¹⁵³. Это, как свидетельствуют факты, отнюдь не безобидные организации. За ними — вооруженные нападения на полицейских, нападки на мигрантов, угрозы убийств.

Для осмысления ситуации в исламском мире интересны рассуждения известного мусульманского интеллектуала Г. Джемала. Впервые, он полагал, что «идея халифата не является исламской, ее ошибочность была подтверждена исторически, потому что халифат потерпел поражение от язычников, от монголов», что «все проблемы мусульман и тяжелейшая психологическая травма, идут отсюда», что «после монгольского завоевания мусульмане были полностью выбиты из колеи» [38, с. 6]. Не беспочвенен его вывод и о том, что 90 % мусульман Ближнего и Среднего Востока имеют христианских — и я добавил бы — иудейских предков [38, с. 11]. Это, кстати, свидетельство тесной связи трех религий и их последователей, что праотец мусульман, как иудеев и христиан, — Авраам. «Сам Пророк, — пишет Г. Джемаль, — называл исламом религию Ибрагима (Авраама)» [38, с. 11]. Христианские низы в обширной византийской зоне рассматривали пришедших в их земли мусульман «как спасителей и освободителей, как некое обновление и восстановление христианства. В худшем случае противники-церковники воспринимали ислам как христианскую ересь, поэтому в ислам переходили массы» [38, с. 12–13]. Несмотря на некоторые нестыковки, аргументы Г. Джемала весомы, и потому, может быть, в развешиваемой пропаганде служителям исламского культа в Европе следует учитывать это обстоятельство.

Пророчески звучат слова Г. Джемала «Враги ислама — это враги России» [38, с. 227]. Он был убежден, что «единство России и исламских сил поможет предотвратить угрозу третьей мировой войны...

¹⁵² *Приймак А.* Бойню в мечети Квебека устроил поклонник Трампа и Ле Пен // Независимая газета. 2017. 1 февр.

¹⁵³ *Григорьев Е.* «Рейхсбюргеры» копят арсеналы и готовят теракты // Независимая газета. 2017. 27 янв.

и защитить южные рубежи России...» [38, с. 229]. На наш взгляд, взаимодействие России, Сирии, Ирана и Турции в войне против ИГИЛ, других террористических организаций, как раз и отражает единение, которое предсказывал Г. Джемаль¹⁵⁴.

Развивая мысль о халифате, Г. Джемаль пришел к выводу, что «подлинным даром ислама Западу был не Аристотель, а именно все те идеи, реализация которых превратила Халифат впервые за всю историю человечества в глобалистское либеральное общество, основанное на единстве законов для всех населяющих его людей и на единообразии их применения во всех территориях исламского мира». И далее: «Халифат явился самым первым «ликом современности». Запад XVII–XX вв. — это политический наследник Халифата. Монголы правильно и справедливо разрушили Халифат, потому что он являлся глубоким заблуждением с точки зрения чистого ислама» [39, с. 357]. Судя по всему, Г. Джемаль — глашатай чистого ислама, не обремененного никаким влиянием многовекового развития, почти полуторатысячетней практики вероисповедания, жизненной активности мусульман и освобожденного, как он утверждает, «от влияния клерикального пустословия» [39, с. 359]. Вместе с тем, по его мнению, «ислам — сакральная оппозиция мировой системе», так названа им одна из глав книги «Революция пророков» [39, с. 349–360]. И заключительная фраза этой главы, мягко говоря, вызывает недоумение, никак не связанная с призывами автора к мусульманскому миру черпать силы в своих духовных и исторических ценностях: «Чем скорее мусульманин поймет, что вся религия есть не что иное, как стратегия последней войны, тем лучше это будет в первую очередь для его личной судьбы» [39, с. 360].

Возврат к корням, на наш взгляд, не должен означать отказа от достижений, наработанных цивилизациями за многотысячелетнюю историю и проникших в результате взаимообогащения в культурные, духовные, экономические и правовые анналы друг друга. В противном случае неизбежно одичание человечества. Речь ведь не идет о безоглядности использования политических и иных технологий современности в практике исламских и немусульманских государств [38, с. 95]. При этом нельзя не учитывать точку зрения А. В. Малащенко о том, что «предлагаемый в качестве основы ис-

---

¹⁵⁴ См.: Сидоров Д. Исламофобия современной России // Обозреватель / Observer. 2014. № 5. С. 34–41.

ламской альтернативы “истинный (то же самое — чистый. — *Авт.*) ислам” амбивалентен или вообще не существует»¹⁵⁵.

Путь в исламское государство упрощен, по мнению А. Малащенко, поскольку оно существовало, будучи созданным пророком Мухаммедом, и «в каком-то смысле речь идет о его воссоздании»¹⁵⁶. Хотя он признает эту идею утопической, но «сама идея требует уважения, и нельзя обижать тех, кто верит в нее». Автор убежден, что, «оказавшись у власти в ходе постоянной непрекращающейся борьбы, в том числе и в результате парламентских выборов, «исламисты неизбежно понизят собственно религиозный акцент в своей идеологии и политической практике, станут отказываться от наиболее жестких составляющих исламской альтернативы. Она будет менее зациклена на собственно религии и, так сказать, размыта. Вовлеченные в повседневную работу, эти люди станут большими прагматиками и вынуждены будут принимать компромиссные решения»¹⁵⁷. Получается, что все-таки возможно появление религиозного государства, я бы назвал его религиозно-светским, где неизбежна подковерная борьба, где верх одержит та или иная структура либо возникнет симбиоз, напоминающий Грецию, в которой церковь признана государственно-конституционной. Развитие религиозного фактора в XXI в. и секуляризма показывает, что отделить религию от жизни общества, от жизнедеятельности государства практически невозможно, а отсюда явственно следует государствообразующая роль ислама, его политико- и идеологостержневой характер. Тем не менее среди части исламистов будет существовать стремление к мести Западу, который, по их суждениям, якобы призван уничтожить ислам, углубляя, внедряя процесс глобализации. Этому надо противопоставить мощь нерадикальной идеологии ислама и ее пропагандистского аппарата.

Питательная среда для экстремизма и терроризма в исламском мире сама по себе не исчезнет и, более того, по прошествии времени будет, на наш взгляд, приумножаться, расширяться, усложняться и расти, если, конечно, не будут предприниматься меры по противодействию ей.

¹⁵⁵ Малащенко А. В борьбе за исламскую альтернативу // Независимая газета. 2016. 20 апр.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

Все рассуждения об умеренном или сдержанном исламе¹⁵⁸ — от лукавого. Они, по существу, есть признание, хотя скрытое, потаенное, эндогенности экстремизма и враждебности ислама. Есть только один ислам, ценностное содержание которого заложено в Коране и Сунне. Пророку Мухаммеду принадлежат слова: «О люди, воистину у вас один Господь и один прародитель, а потому нет превосходства араба над неарабом, неараба — над арабом, темнокожего над светлокожим, светлокожего — над темнокожим, разве только по их благочестию» [78, с. 60]. Люди, противоречащие этому постулату и другим цивилизованным ценностям ислама, включая гуманистические положения, не мусульмане, они лишь используют коранические положения, прикрывая свои преступления. А те, кто, не разбираясь в хитросплетениях современной конфессиональной картины мира, судачат об умеренности или сдержанности ислама, лишь играют на руку исламистам: термины-то придуманы специально, чтобы связать их образ деятельности и размышлений с исламом; ведь никто не называет террористов или экстремистов-христиан христианистами или как-то в том же языковом духе.

Борьба против международного терроризма и исламистского экстремизма не будет успешной, если не привлечь к ней, притом масштабно, мусульманские страны (Саудовскую Аравию, Турцию, Египет и др.). Совершенно был прав Е. М. Примаков, когда отмечал, что «попытки показать, будто при поддержке руководства Саудовской Аравии и других стран с умеренными исламскими режимами действуют террористические группы, в различных частях мира, — это не что иное, как фальсификация, извращение фактов» [86, с. 46].

Обострение радикализма в исламском мире объясняется, как правило, многими причинами, часть из них была уже указана. Особо необходимо еще раз назвать и непрекращающуюся поддержку Израиля Соединенными Штатами Америки в вопросах его территориального расширения за счет палестинцев и постоянного выдавливания их с захваченных территорий. Возмущает палестинцев и в целом Арабский Восток отказ Израиля в возвращении арабов, бежавших из своих земель в ходе их оккупации израильской армией, но эта причина, увы, не устранилась сама по себе, а миротворческие инициативы по примирению Израиля с палестинцами пока абсолютно неэффективны. Полную беспомощность ведущие страны мира про-

---

¹⁵⁸ См.: *Ильина Н.* Турция застыла // *Ведомости.* 2016. 25 нояб.

явили во время G-8 в 2006 г. в Санкт-Петербурге, когда вновь началась бойня на израильско-ливанской границе. На вопрос, когда Израиль, стоявший, по определению Е. М. Примакова, «у истоков преобладающего числа войн и военных операций на Ближнем Востоке» [86, с. 229], прекратит территориальную агрессию и акции насилия против палестинцев, ответ может быть неоднозначным, но неизменно одно — обе стороны должны отказаться от терроризма. Без этого не помогут и разговоры об умеренном исламе. Е. М. Примаков приводит слова короля Саудовской Аравии Абдаллы: «Я решительный сторонник умеренного ислама». Но что это такое, вразумительно никто ничего не говорит [44, с. 176].

Ссылки на умеренный исламизм как позитив, а то и призывы к нему напоминают известные отношения: «от любви до ненависти один шаг». Нынешняя ситуация на Ближнем Востоке, характеризующаяся противоборством суннитских государств с шиитскими Ираном, Ираком и Сирией, вносит свои коррективы во взаимоотношения арабских стран и Израиля. Присущий им антагонизм смягчился¹⁵⁹. Вот мнение американского политико-географа Р. Каплана: «демократия в Иране могла бы стать дружественной нам (американцам. — *Авт.*), и Большой Иран от Газы до Афганистана был бы, скорее, силой, действующей во благо, а не во вред». Это могло бы коренным образом изменить все прогнозы в отношении Ближнего Востока, «Хезболлу» и ХАМАС (арабские организации, признанные США и Израилем террористическими. — *Авт.*) можно было обуздать, а перспективы мира между Израилем и Палестиной стали бы менее призрачными» [88, с. 334]. Благие надежды Р. Каплана, однако, неосуществимы, хотя бы потому, что предусматриваемая Вашингтоном демократия для Ирана неприемлема для него, да и не только для этой страны, но и для многих других мусульманских государств и исламских организаций, не говоря уже о террористических и экстремистских движениях. Тем более, что в исламском мире воочию убедились в прямой военной, политической, экономической и дипломатической поддержке Вашингтоном Тель-Авива. Попытка же Б. Обамы хотя бы немного обуздать агрессивность Израиля провалилась. В исламском мире многие уверены, что на силу должна быть

---

¹⁵⁹ *Ефимова М.* Солдаты срочной службы // Коммерсантъ — Власть. 2016. № 41 (1196). С. 34–38; *Игнатенко А.* Голограмма для очередного наследника престола // Независимая газета. 2016. 14 июня.

сила. Планы Ирана создать ядерное оружие были сорваны, прежде всего Израилем, нашедшим всестороннюю поддержку у Запада. Тем не менее примирение возможно, о чем, в частности, свидетельствуют результаты переговоров президента России с М. Аббасом, руководителем Палестины, в мае 2017 г. в Сочи. Необходимы добрая воля и миропонимание обеих сторон конфликта.

Один из крупнейших в настоящее время мусульманских богословов Ф. Гюлен, проживающий в США, уверен, что «решить проблему терроризма получится, возможно, через образование». Развивая эту мысль, в интервью академику В. В. Наумкину он сказал: «Если мировая элита, интеллектуалы возьмут на себя ответственность за решение этой проблемы, ее можно преодолеть». Ф. Гюлен добавляет к этим словам также свое видение вопроса о разрешении унаследованных от прошлого конфликтов — «забыв» о них (например, о крестовых походах), именно через образование, через рассмотрение истоков возникновения этих проблем. Он предлагает вновь собрать «вместе великих ученых, чей авторитет и международная популярность высоки, чтобы они пришли к общему решению».

В чем-то это предложение Ф. Гюлена коррелирует с инициативой экс-председателя Государственной Думы РФ С. Нарышкина о создании авторитетной научной комиссии мирового уровня для выяснения сложнейших международных проблем прошлого. Он заявил об этом в 2015 г. на конференции в Стамбуле, посвященной 100-летию Галлиполийского сражения, в результате которого турецкие (точнее — османские) войска под командованием генерала Кемаля Мустафы, будущего Ататюрка, одержали победу, предотвратив тем самым захват Англией Стамбула. Однако слова спикера Государственной думы России так и не были реализованы.

Ф. Гюлен также предлагает «создать некое объединение, коалицию, направленную против вооруженного терроризма». В результате ее действий, как он надеется, удалось бы «справиться с ИГИЛ, искоренить “Аль-Каиду”, Америка и Россия, собравшись вместе, могли бы решить эту проблему, ибо они две мощные и важные силы»¹⁶⁰. Эта идея Ф. Гюлена перекликается с призывами России к мировому сообществу, прежде всего к США и их союзникам по НАТО, создать объединенную международную коалицию под эгидой ООН для борьбы с ИГИЛ и подобными террористическими организациями

---

¹⁶⁰ Наумкин В. В. На полях интервью с Ф. Гюленом.

[89]. Было бы целесообразно привлечь Китай к активной борьбе с терроризмом, в том числе в Сирии¹⁶¹.

Судя по всему, нет надежды и на Всемирный Совет мусульманских ученых со штаб-квартирой в Дохе, тем более что в сентябре 2016 г. стало известно о призыве генерального секретаря этой организации шейха Али Мухеддина Карадаги ко всем мусульманам и всему свободному миру провести «акцию всемирного негодования» под лозунгом «Гнев за Алеппо»¹⁶². Цель этой акции состояла в том, чтобы поддержать город Алеппо, который «разрушается руками фашистского сирийского режима и его союзников — России, Ирана и ливанской “Хезболлы”». В этой акции участвовали и немусульманские организации. Как известно, в Совете велико влияние «Братьев-мусульман», террористической организации, запрещенной в России. И это — несмотря на то, что и Али Мухеддин Карадаги, и духовный идеолог «Братьев» Ю. аль-Кардави не раз торжественно приветствовались в нашей стране при ее посещении, а шейх Карадаги даже называл Россию прекрасной, а русский народ — добрым.

ИГИЛ, в рядах вооруженных сил которого насчитывают до 30 тыс. человек, причем до 3 тыс. выходцев из России, представляет собой угрозу всему человечеству. Вот почему и Россия, и США, и союзники тех и других, а также многие арабские страны направили свои армейские части и авиагруппы на уничтожение ИГИЛ. Однако единства, сплоченности между ними нет. Россия считает необходимым внести в список террористических организаций «Ахрар-аш-Шам» и «Джейш-аль-Ислам», но арабские страны Залива — против. Они также с опасением смотрят на усиливающееся стратегическое партнерство России и Ирана, который, по мнению Саудовской Аравии и ряда арабских стран на Аравийском полуострове, угрожает

---

¹⁶¹ См.: Кун Цзяоюй. Борьба с международным терроризмом в современном политическом и политологическом дискурсе России, КНР и США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015. — При возможности взаимодействия России, Китая и США в этой борьбе следует учитывать мнение одного из видных американских политологов Д. Саймса о том, что «мы имеем Вашингтон, который уверен в своей правоте, и решительную и иногда даже напористую Россию. Отсюда и возникают конфликты. А что касается Китая, то это очень сильная экономическая держава, но она пока не посылала войска в другие страны» (*Асатрян Г. «Трамп ищет октябрьский сюрприз для Клинтон». Интервью с Дмитрием Саймсом // Известия. 2016. 21 окт.*). См. также: [90].

¹⁶² *Приймак А. Богослов объявил союзникам Асада «пятницу гнева» // Независимая газета. 2016. 30 сент.*

их безопасности, в том числе своими попытками создать ядерное оружие. Аргументы, направленные против ядерных устремлений Тегерана, не принимаются в расчет арабскими государствами, омываемыми водами Залива, в том числе июльское 2015 г. соглашение «шесть+Иран» об отказе Тегерана от ядерных амбиций¹⁶³. Теперь против него выступают и США при президенте Д. Трампе. Кстати, уходящие в глубь веков арабо-иранские противоречия, приобретшие в наше время острый суннитско-шиитский характер, во многом осложняют политическую обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, да и во всем мире.

Российский МИД прилагает огромные усилия по улаживанию конфликта. Заместитель иностранных дел М. Богданов в переговорах со странами региона апеллирует к единому Богу для исламоверующих, несмотря на то, что, по его мнению, «за десятилетия накопилось много проблем, появились сомнения, взаимные обвинения, мы не закрываем глаза! Надо решать! Либо война без конца, либо уж вести диалог!»¹⁶⁴. Выслушав эти тирады дипломата, даже специальный корреспондент газеты «Коммерсантъ» А. Колесников критически их прокомментировал: «Сомнения насчет друг друга появились у шиитов и суннитов, справедливости ради, не десятилетия, а столетия тому назад»¹⁶⁵.

Авторы книги «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: страны Северной и Северо-Восточной Африки», утверждая, что обострение и активизация радикализма, прикрывающегося мусульманскими традициями и вероучением, происходят периодически, вполне обоснованно заявляют, что 1979 год — это «отправная дата зарождения феномена радикального ислама новейшего времени»¹⁶⁶. В речах аятоллы Хомейни, вдохновителя и идеолога Иранской исламской революции, лишенных обычных внешнеполитических деликатностей, содержится немало

---

¹⁶³ Нури А. Политика России по отношению к ядерной программе Ирана в XXI веке: геополитические аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016.

¹⁶⁴ Цит. по: Колесников А. Одним миром Мазен. Лидеры России, Палестины и США мечтают о ближневосточной сделке // Коммерсантъ. 2017. 12 мая.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Напомним, что в 1979 г. свершилась Исламская революция в Иране, в ходе которой был упразднен светский режим шахиншаха Мухаммеда Реза Пехлеви [4, с. 6].

таких слов, которые при желании могут служить обвинениями. Вот пример такого призыва к мусульманам: «Полагаясь на Всевышнего и сохраняя сплоченность, готовьтесь встретиться лицом к лицу с врагами Ислама и всех угнетенных народов. Вы будете победоносны волей Всемогущего Аллаха и преодолете все препятствия» [48]. Выступления аятоллы Хомейни, сопровождаемые ссылками на Коран, увлекали за собой тысячи (если не десятки тысяч) юношей и девушек. Его идеями были увлечены не только в Иране, но и в разных странах с шиитским населением. Они падали на благодатную почву. Но там, где он метал громы и молнии на головы своих западных противников, у здравомыслящих иранцев зрело несогласие с курсом основателя Исламской республики Иран. Однако им приходилось молча воспринимать все словесные выпады аятоллы Хомейни, направленные против Запада, да и СССР.

В контексте антизападных призывов в речах аятоллы Хомейни, его резких обвинений в адрес суннитских стран и высказываемой необходимости всемирной поддержки шиитов, следует рассмотреть, например, решения первой сессии Совета экспертов Ирана V созыва в 2016 г., являющегося органом власти, правомочным выбирать духовного лидера. Консерваторы одержали победу, поставив во главе этого Совета известных своими антилиберальными взглядами руководителей (председатель — аятолла Ахмад Джаннати, его заместители — аятолла Мовахеда и аятолла Шахруди), не дав возможности либерально мыслящему духовенству добиться, в конечном счете, хотя бы умеренных шагов по переменам в политической и социальной сферах¹⁶⁷. Результаты выборов в Совет экспертов, сопровождавшийся также введением в его члены большинства других консервативно настроенных представителей духовенства, обнадружили исламистов в различных государствах, увидевших в этих иранских событиях Божье предсказание для продолжения своей деятельности. Тем более что в Совете экспертов широко обсуждался вопрос об усилении влияния радикальных идей в приграничных с Ираном районах. И еще один показательный факт иранской выборной кампании в Совет экспертов — в Тегеране, а не по стране преимущество получили представители либеральных кругов. Вот как описывает это старший научный сотрудник Центра изучения

---

¹⁶⁷ Дунаева Е. Совет экспертов Ирана возглавил жесткий консерватор // Независимая газета — Религии. 2016. 1 июня.

стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН Е. В. Дунаева: «...обличая решения тегеранцев, радикальные СМИ обратились к традиционным стереотипам и вспомнили эпизод из ранней истории ислама, который несет в себе особый негатив для шиитов. Действия жителей Тегерана, отказавших в поддержке радикальным консерваторам, сравнили с поведением жителей древней Куфы, якобы совершивших предательство в отношении имама Хусейна (третьего и одного из наиболее почитаемых в шиизме имамов, сына имама Али), что привело к смерти его и его близких. Тегеранцев, заявивших о стремлении к модернизации общества и государства, обвинили в предательстве интересов исламской революции, пренебрежении исламскими ценностями и готовности идти на уступки Западу. Проводя параллели с историей, в иранское общество внедряют мысль о том, что под влиянием либеральных идей происходит подрыв традиционных устоев, а это повлечет за собой изменения исламского режима»¹⁶⁸.

Приводя эти суждения Е. В. Дунаевой, я попытался показать, что в иранском обществе уже сложилась либеральная и умеренно-консервативная элита, которой противостоят те, кто стремится придерживаться неизменности курса, хотя и ушедшего в мир иной аятоллы Хомейни, и что в Иране для достижения своих целей широко используют прошлые события в истории ислама. Ссылки на них влияют на осмысление мусульманами пройденного пути теми, кто недостаточно или вовсе не знаком с подлинной историей, в выгодном для радикалов аспекте.

Помимо Иранской революции 1979 г., не меньшую роль в подъеме радикальных приверженцев ислама сыграл и ввод советских войск в Афганистан. «Исламизм (термин, приравненный к радикальному исламу. — *Авт.*), — пишут Э. Ф. Кисриев и А. Д. Саватеев при участии И. В. Следзевского и Н. А. Нефляшевой, — становится знаменем сопротивления советскому вторжению». В то же время М. М. Джанаби полагает, что специфика «исламского терроризма» с конца XX в. обусловлена не только иранской революцией, но и окончанием холодной войны и выводом советских войск из Афганистана [4, с. 51]¹⁶⁹. На наш взгляд, в качестве спускового крючка для роста

---

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ О терроризме и международном терроризме см.: [91–95]; Михайлов В. В Киргизии ждут террористической атаки // Независимая газета. 2016. 12 окт.; Israel and Gaza. Alms for the Energy // The Economist. 2016. August 20. P.29. —

политического ислама, включая его конкретные протестные деяния, явились также распад Советского Союза, крах биполярной международной системы, небывалый рост значения религии в мировой политике и выход ислама вследствие глобальных, региональных и национальных перемен в мировом сообществе на ведущие позиции на мировой арене. Не случайно Г.И. Мирский еще в 2012 г. предположил, «что ислам сейчас является самой сильной религией в мире, если брать в качестве критериев степень приверженности людей к своей вере и ощущение солидарности с единоверцами» [96, с. 173], а мусульмане, как поясняет С.А. Горохов, «самая молодая конфессиональная группа, медианный возраст (которой. — *Авт.*) в мусульманском мире составляет лишь 23 года (а для мусульман Субсахарской Африки всего 17 лет), в то время глобальный медианный возраст — 28 лет, для христианских стран — 30, буддистских — 34 года» [4, с. 19]. Именно молодые люди, даже несмотря на высокий уровень образования многих из них, составляют наиболее мощную протестную часть населения исламских государств.

Молодость в сложившихся религиозных, политических, социально-экономических, культурных и международных условиях выбирает разные пути активности — от исламистских до цивилизационно-демократических. Однако чаще всего в странах исламского мира выступают против насаждения демократии в американском понимании, предназначенной для упрочения доминанции и лидерства США в мире, не соизмеряясь с желанием и возможностями государств, которые Вашингтон желает пристегнуть к своей колеснице. Антиамериканизмом охвачены не только исламистские движения. Различным слоям арабского сообщества присуще чувство неприязни США в связи с их вмешательством во внутренние дела и жизнь ближневосточных стран, да и американская поддержка Израиля играет не последнюю роль в отрицательном отношении арабов к Вашингтону. Известный писатель и политолог Тарик Али в одной из своих многочисленных книг пытается объяснить, почему боль-

---

Власти Афганистана возложили вину за новый всплеск терроризма в его пределах в 2016–2017 гг. на соседние государства, которые путем переговоров друг с другом пытались наладить контакты с вооруженной оппозицией без участия Кабула. См.: *Строкань С.* Афганистан просит слова на переговорах // *Коммерсантъ*. 2017. 12 янв.; *Субботин И.* Натиск на «халифат» может откликнуться в Афганистане // *Независимая газета*. 2016. 1 нояб.; *Степанов Г.* Талибы ставят теракты на поток // *Коммерсантъ*. 2017. 11 янв.

шинство людей в мире не считает США хорошей страной. Это является своеобразной реакцией на заявление президента Дж. Буша на пресс-конференции 12 октября 2001 г. о том, что он просто не может поверить в ненависть некоторых исламских государств к Америке, ибо, как сказал глава американского государства, он знает, «какие мы хорошие» [97, с. 8].

Возможно, что-то изменится в восприятии облика американского президента и США в целом после его визита в Саудовскую Аравию, Израиль и Ватикан в мае 2017 г. По существу это визиты в центры трех мировых религий. Будут ли они содействовать их взаимодействию, устранению противоречий и упразднению экстремистских тенденций в мировой политике? Еще до поездки Д. Трампа, предназначенной, на наш взгляд, в первую очередь для облагораживания образа США, да и самого президента, интересны некоторые комментарии. Директор Фонда изучения США имени Ф. Рузвельта при МГУ Ю. Рогулев заметил: «С основными союзниками отношения складываются проблематично. Поэтому он и решил поехать к тем, с кем предыдущая администрация испортила отношения. Трамп хочет этим воспользоваться и лишний раз подчеркнуть, что он — не Обама и такую провальную политику проводить не будет. Кроме того, Трамп хочет вовлечь в борьбу с терроризмом все основные три мировые религии — ислам, иудаизм и христианство, объединив их в борьбе против радикализма»¹⁷⁰. В свою очередь директор Института национальной стратегии политолог М. Ремизов, делая различие между геополитикой и размерностью этих государств и подчеркивая их глобальное и идеологическое (вероятно, религиозное) влияние, считает: «Взаимопонимание с саудитами, Израилем и Ватиканом позволит ему опираться на поддержку в том числе и внутри своей страны. Для Трампа важно, чтобы его не воспринимали в штыки католики в США. Из-за его поведения и морального облика, высказываний Папы Римского — у Трампа проблемы с католиками. Кроме того, у него сложные отношения с мейнстримными европейскими элитами, поэтому взаимопонимание с консервативными католическими кругами для него полезно. Израиль и Саудовская Аравия важны в контексте Ирана. Одна из ключевых задач республиканцев — загнать Иран обратно в угол»¹⁷¹. Президент Американского

---

¹⁷⁰ Цит. по: *Забродин А.* Трамп трех религий // *Известия.* 2017. 11 мая.

¹⁷¹ Там же.

университета в Москве Э. Лозанский более высоко оценивает возможную результативность этого визита: «Первый зарубежный визит Трампа в Саудовскую Аравию и Израиль, а также его встреча накануне с лидером Палестины говорят о том, что он попытается сделать то, что не удавалось ни одному его предшественнику в Белом доме, а именно — добиться мира в этом регионе. Сомнительно, что ему это удастся, но даже ради небольшого прогресса на этом направлении игра стоит свеч. Что касается Саудовской Аравии, то в этом случае имеется дополнительный элемент — сигнал Ирану, для которого Саудовская Аравия один из главных врагов»¹⁷². Для позитива необходимо учитывать договоренности, какие достигли на переговорах В. В. Путин и М. Аббас. Более того, на наш взгляд, радужные надежды на большую успешность визита Д. Трампа излишни, да еще с позиций превосходства американской дипломатии.

Прав был Г. И. Мирский, когда доказывал, что долгожданная демократия, придя в арабский мир, была бы все равно демократией «с исламским лицом» [96], «ведь ислам — это не только религия, но и основа целой цивилизации, а в мусульманском идеале — и образ жизни, и образ мыслей». Г. И. Мирский вносит немало нового в небогословскую трактовку ислама, справедливо отмечая, что современные реалии развития ислама в сочетании с его каноническими основами свидетельствуют о многоликости этого авраамического вероучения. Но вот немало мусульманских богословов противится многоаспектной трактовке ислама. Ф. Гюлен в одном из интервью заявил: «Такие описания как “политический ислам”, “социальный ислам”, “экономический ислам”, “радикальный ислам” и “умеренный ислам” противоположны духу ислама. Однако такие названия были использованы для понимания и объяснения того, что происходило» [98, с. 216; 99]. И хотя Ф. Гюлен не воспринимает такое дробление духовной содержательности и наставничества в исламе, он, тем не менее, сам не раз вынужден ссылаться на политическую платформу и иные парадигмы Корана и Сунны, чтобы выказать свое понимание исламской религии. Вероятно, иначе невозможно объяснить коранические наставления и их понимание, особенно в среде молодежи. Именно ее А. М. Васильев охарактеризовал наиболее пассионарной частью населения в арабских странах [100, с. 5] и всего исламского мира. С учетом теории Л. Н. Гумилева о пассионарности

---

¹⁷² Там же.

можно предположить, что молодой исламский мир обладает огромным потенциалом нарастающей активности для достижения пика своего цивилизационного развития. В этом можно увидеть залог будущих всплесков роста ислама как мировой религии и его глобального позитива, а также полного отказа от предыдущего вялотекущего развития.

Не исключена, однако, и иная цель реализации пассионарности. В одной из ранее вышедших работ А. Малашенко определил этот путь в сторону абсолютной ориентации на мусульманские ценности, отрицания духовных и культурных достижений других цивилизаций, исключительного исламского фундаментализма, неприятия немусульманского мировосприятия, фактической бесперспективности подобных установок [101, с. 66], т. е. в конечном счете в сторону радикальных движений. Апогеем исламистского радикализма и терроризма можно считать на сегодняшний день ИГИЛ (ДАИШ). ИГИЛ, проповедуя и отстаивая суннизм, своими террористическими действиями порочит эту ветвь ислама, противостоящую шиизму, а в целом и весь ислам, его историю и исламскую цивилизацию. И сунниты, и шииты, и последователи иных исламских вероучений, встав на путь зла, взяв оружие в руки в борьбе за истинный ислам, забыли Божье Предназначение: «Призывай на путь Господа, мудростью и добрым увещанием и веди споры с ними наилучшим образом» (16:125). В Коране есть напутствие: «слово подобно прекрасному дереву, корни которого прочны, а ветви восходят к небу. Оно плодоносит каждый миг с дозволения своего Господа», но «скверное слово подобно скверному дереву, которое можно вырвать с поверхности земли, ибо нет у него прочности» (14:24–27).

Суннитско-шиитские противоречия. Суннитско-шиитская сторона радикализма и противостояния требует всеобъемлющего исследования. Это необходимо для осмысления того, что происходит сейчас в области радикализма на Ближнем Востоке в связи с возможными территориальными переменами и формированием шиитской дуги нестабильности¹⁷³. Крайне обострились в связи с событиями в Сирии, Ираке, Иордании, Йемене, Ливане¹⁷⁴ и Иране

---

¹⁷³ См.: Иванов С. Ближний Восток и суннитско-шиитские противоречия // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 86–94; Игнатенко А. Между дипломатической войной и войной реальной // Независимая газета — Дипкурьер. 2016. 18 янв.

¹⁷⁴ В Иордании не обходилось без диверсий ИГИЛ. См., напр.: Clashes Leave DAESH Militants Dead in Jordan // Daily Sabah. 2016. March 3; GCC Designates Leba-

суннитско-шиитские противоречия раскалывают ислам по конфессиональному признаку» и в то же самое время ослабляют усилия тех мусульманских стран, которые борются с ИГИЛ (ДАИШ) и другими террористическими организациями.

Позитивна позиция Российской Федерации в отношении ирано-арабских противоречий, приобретших во многом черты суннитско-шиитских противоречий. На IV форуме министров иностранных дел России и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива 26 мая 2016 г. С.В. Лавров заявил: «Мы знаем о существующих противоречиях, которые носят и сугубо предметный характер, но и знаем и об очень опасных попытках представлять эти противоречия как отражение раскола в мусульманском мире. Мы считаем такие попытки провоцировать именно в этом направлении ситуацию неприемлемыми и уверены, что в интересах ислама обеспечить единство всех его течений»¹⁷⁵. Президент России В.В. Путин неоднократно говорил, что участие нашей страны совместно с Сирией в ликвидации ИГИЛ и других террористических организаций на ее территории не означает вмешательство в суннитско-шиитские распри. Однако та или иная поддержка алавитского президента Сирии Б. Асада, какими бы разумными и объективными доводами она ни объяснялась с точки зрения защиты суверенитета Сирии, законности ее верховной власти и устранения игиловской угрозы мировому сообществу, многими в мусульманском мире воспринимается не иначе как в рамках суннитско-шиитского противоборства. Любопытен ответ одного из известных политиков Г. Явлинского на вопрос корреспондента «Независимой газеты» А. Горбачева о том, кто несет ответственность за убийство российского посла в Турции в декабре 2016 г.¹⁷⁶. Г. Явлинский сказал: «Ответственность за убийство несут

---

non's Hezbollah a Terror Group // Daily Sabah. 2016. March 3. — Б. Асад скептически относится к Иордании. Он не исключает ее вторжения на юге Сирии. Ему принадлежит явно опрометчивое высказывание об этой арабской стране: «Иордания в любом случае не является независимой страной: что захотят американцы, то и произойдет. Поэтому, если американцы хотят использовать северную часть Иордании против Сирии, они используют ее, так что это вопрос не об Иордании» (цит. по: *Субботин М.* «Халифат» меняет столицу в Сирии // *Независимая газета*. 2017. 24 апр.).

¹⁷⁵ Цит. по: *Медведев Е.* На арабских переговорах Сирия померкла на фоне Ирана // *Независимая газета*. 2016. 27 мая.

¹⁷⁶ *Горбачев А.* Григорий Явлинский: «Мой главный оппонент — это Владимир Путин» // *Независимая газета*. 2016. 28 дек.

террористы. Но все должны быть готовы и понимать, что после того, что делает Российская армия в Сирии, опасность подобных атак возросла многократно и со всех сторон. Ведь мы противопоставили себя всему суннитскому миру и мировой общественности. Это полный провал нашей внешней политики»¹⁷⁷. Еще раз хочу подчеркнуть, что привлечение суннитской Турции к разрешению сирийского кризиса призвано, помимо военно-политического значения, отвести от России обвинения в поддержке шиитов в противовес суннитам.

В начале июня 2016 г. Законодательное Собрание Санкт-Петербурга принимало две парламентские делегации из Иордании и ОАЭ во главе со спикерами Ф.эль-Фаеза и А.аль-Кубейси. В ходе состоявшихся бесед никто из арабских участников ни словом, ни каким-либо намеком не коснулся суннитско-шиитских столкновений на Ближнем Востоке и политики России по этому вопросу. Вероятно, сказалась политкорректность, а может быть, желание не обострять дружеский ход встречи. Однако нет сомнения в том, что вольно или невольно Россия втягивалась во все обострявшееся суннитско-шиитское противоборство из-за расширяющегося стратегического сотрудничества с Ираном, асадовской Сирией и Ираком¹⁷⁸. Прошиитскому восприятию участия Москвы в подавлении ИГИЛ и уничтожении терроризма в Сирии, сопровождавшемся ростом размещаемой в этой стране российской боевой техники, созданием военных баз на ее территории и вводом в Средиземное море крупной военно-морской флотилии РФ, оснащенной высокоточным оружием, способствовали требования верховного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи к Саудовской Аравии и другим суннитским государствам изменить систему управления исламскими святынями в Мекке и Медине. Тем самым Иран еще раз подтверждал факт и своих внешнеполитических антисуннитских амбиций.

Пророчески прозвучала мысль, высказанная в редакционной статье «Независимой газеты» «Исламское прикрытие операции в Сирии»: «Вынуть меч религиозной борьбы легко, но после этого неизбежно начнется своеобразная гонка вооружений. Есть у «священной войны» начало, но нет у нее благополучного конца»¹⁷⁹. Эта

---

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ См.: *Забродин А.* Россия втягивается в шиитско-суннитские распри // *Независимая газета*. 2016. 18 авг.

¹⁷⁹ *Исламское прикрытие операции в Сирии. Суннитский фактор оказался весьма значимым в военно-дипломатических инициативах России* // *Независимая*

же идея пронизывает все суждения о радикальных исламистских движениях. Она подтверждается множеством конкретных фактов экстремистских и террористических акций и заявлений радикальных организаций в Северной и Северо-Восточной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Мали, Нигерии, в зоне Сахеля, в других регионах мира не только против иноверцев, но и против своих же единоверцев, оказавшихся неудобными по целому ряду причин. По существу, противоправные действия радикалов затрагивают межконфессиональные, межэтнические, внутри- и межстрановые аспекты.

Во многих опубликованных работах по мировой политике и ситуации в исламском мире словосочетание «исламская угроза», как правило, берется в кавычки. Делается это для того, чтобы избежать кривотолков в отношении и ислама, и мусульман. В неисламском мире, особенно среди христиан, растет страх увеличения численности мусульман, к тому же расширение географических рамок их расселения. Мусульмане пребывают ныне практически во всех уголках Западного полушария. К 2050 г. количество мусульман и христиан в мире фактически сравнивается: если в 2015 г. первых было 1,6 млрд человек, а вторых — 2,168 млрд человек, то спустя 35 лет христиан будет больше мусульман всего на 157 млн человек. А в 2100 г. число мусульман (35% общей численности населения мира) будет превышать христиан на 1%¹⁸⁰. Учитывались ли при этих подсчетах войны, вооруженные конфликты, эпидемии, неизвестно. Предсказывается, что численность коренного населения европейских стран будет уменьшаться за счет увеличивающейся естественной убыли, но иммиграции компенсируют это снижение. Последняя приведет к росту мусульманской части населения, в результате чего сократится количество потомственного населения [102]. В связи с этим произойдет еще бóльшая актуализация религиозного фактора в мировой политике, во внутренней и внешней политике многих государств мира. Потребуется еще больше усилий по совершенствованию и углублению христианско-исламского взаимодействия в интересах паствы, государств, всего мирового сообщества, по устранению различного рода фобий, неприязни, радикализма, отказа не только в мусуль-

---

газета. 2015. 12 окт.

¹⁸⁰ Мальцев В. Христианство и ислам поделят мир // Независимая газета. 2015. 8 апр.

манском мире, но и в евроатлантическом сообществе от взаимных нападок, обвинений, от публичной массовой демонстрации превосходства с одновременным признанием равенства, одинаковой цивилизационной роли в судьбах всего человечества.

Ученые, включая богословов, видимо, все-таки разберутся с терминологией, которой они пользуются при характеристике развития современных трендов, тенденций, явлений и процессов в мире ислама. М. М. Джанаби вводит новый термин «исламоцентризм» [4, с. 69]. Судя по всему, речь идет о становлении на основе культурных, теологических и политических парадигм страны или группы стран центра мирового ислама.

У сторонников и идеологов исламистских движений также заметна терминологическая путаница. В определении типа государства, какое они хотят установить, фигурируют и «исламская республика», и «исламское государство», и «халифат», и «исламская парламентская республика», и прочие обозначения государственного устройства. Все они — с добавлением прилагательного «исламское». Это скорее свидетельствует о том, что индигенизация ислама не означает полного отторжения немусульманского опыта.

О понятии «политический ислам». Вряд ли исторически оправдано утверждение о том, что «ислам — наиболее политизированная религия», поскольку не существует терминов «политизированное христианство» и «политизированное иудейство» [4, с. 100]. Под какими же лозунгами осуществлялись кровавые крестовые походы, колониальные захваты исламских стран, попытки расчленить и стереть с лица земли Османскую империю? И. П. Добаев вообще полагает, что предпосылки исламского терроризма коренятся в разделе после Первой мировой войны [103, с. 156] (см. также [104]). Скажут — это прошлое. Но... сегодня Ватикан — государство католического толка, опирающееся на всемирную сеть Римской католической церкви и проводящее политику католицизма, обрамленного в постулаты этой ветви христианства [105]¹⁸¹. А утопический «Город Солнца»? Разве его проповедовал не католический священник Т. Кампанелла? А «Утопия» Т. Мора? Не в политических ли домыслах католического святого она зародилась? А как прикажете оценивать

---

¹⁸¹ В 2004 г. я со своими коллегами был принят Папой Иоанном Павлом II в Ватикане. По результатам этой встречи было опубликовано несколько материалов. См.: [106, с. 594–599; 107, с. 8].

христианские политические партии и движения на Западе — ХДС, ХСС и прочие? Не исключено, что принятие бундестагом ФРГ резолюции о геноциде армян в Османской империи (именно так надо именовать государство, которое в ходе Первой мировой войны совершало акты насилия против армян) является в известной мере реакцией туркофобии и исламофобии, широко распространенных в Германии. К этому склоняет фотография, помещенная в «Российской газете», на которой в первом ряду среди находившихся в зале заседания немецких парламентариев восседают армянские священники с крупными крестами¹⁸².

Не политическое ли христианство ныне призывает к самоцивилизованности? К тому же зовет и Русская православная церковь, которая, как пишет О. Л. Церпицкая, «не является и никогда не являлась орудием внешней политики Российского государства. Однако допустимы ситуации, в которых собственные цели Церкви совпадают с намерениями российского правительства или мирового сообщества» [108, с. 5; 109]¹⁸³. Можно допустить, что РПЦ руководствуется политическими мотивами, когда выступает с предложением ввести новую модель экономики, свободной от эмиссионной финансовой роли Запада, прежде всего Федеральной резервной системы США. По мнению А. Мельникова, такое предложение «находится в контексте антиглобалистских и антизападных заявлений, которые в последнее время звучат от имени Московского патриархата»¹⁸⁴. Ну,

---

¹⁸² См.: *Рокоссовская А.* Бундестаг ответил Эрдогану // Российская газета. 2016. 3 июня; *Ильина Н.* Германия припомнила Турции // Ведомости. 2016. 3 июня. — Для солидности принятого решения и демократичности надо было пригласить турок, дать им возможность выступить и высказать свои доводы по обсуждаемому делу. А. Мелихов, петербургский писатель и публицист, рассуждая о национализме, сеющем смуту даже в империях, представляющих меньшинствам обширные права, приводит выдержку из классического труда британского историка Э. Кедури: «Культурная, языковая и религиозная автономия возможна для различных групп многонациональной империи только в том случае, если только она не укрепляется и не оправдывается националистическим учением. Подобного рода автономия существовала в Османской империи несколько столетий (эта система называлась “миллет”) именно потому, что о национализме в ту пору еще никто ничего не знал». — *Мелихов А.* Творяне всех стран, соединяйтесь! // Иностранная литература. 2016. № 9. С. 243.

¹⁸³ См. также: От редакции. Алтарь советского отечества // Независимая газета. 2016. 27 янв.

¹⁸⁴ *Мельников А.* РПЦ намерена отобрать у США доллары // Независимая газета. 2016. 25 мая. См. также: [110].

а как оценить многочисленные одобрительные слова, в которых Его Святейшество Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отзывался о «великой советской эпохе»¹⁸⁵? Задавая эти вопросы, я ни в коем случае не осуждаю РПЦ и ее Предстоятеля, а лишь констатирую политический характер тех или иных шагов РПЦ. Попутно приведу известное выражение, некогда постоянно и обязательно цитировавшегося вождя, о том, что «находиться вне политики — это тоже политика». А разве не по политическим причинам было отвергнуто предложение верховного муфтия России хазрята Р. Гайнутдина — считать ислам третьим звеном (ступенью) в развитии авраамизма вслед за иудаизмом и христианством? На эту тему говорил еще выдающийся татарский богослов М. Бигиев в начале XX в.: «Если мы будем рассматривать все религии как звенья эволюции одной религии, тогда отпадет необходимость обвинять какой-либо народ в безбожии или враждебно относиться к нему из-за исповедуемой им религии»¹⁸⁶. Сошлюсь также на заявление С. Б. Иванова, сделанное им в бытность главой Администрации президента России, 12 мая 2016 г. на заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями, основным обсуждаемым вопросом на котором была защита христиан на Ближнем Востоке и во всем мире. С. Б. Иванов отметил, что Русская православная церковь стала важным игроком на внешнеполитическом поле¹⁸⁷. Эти слова полностью опровергают утверждение А. Малашенко о неполитичности христианства.

Что же касается иудаизма, то достаточно посмотреть на партийно-политическую палитру Израиля, чтобы убедиться в наличии религиозных политических партий в этой стране, входящих даже в ее правительство и время от времени ставящих его на грань отставки своим несогласием по поводу того или иного вопроса. Подтверждением является термин «политический сионизм», основоположником которого является Т. Герцль [111, с. 54–55]. Израильский историк Ш. Авинери считает, что с переговоров о создании еврейского

---

¹⁸⁵ См.: Мельников А. Патриарх Кирилл обнаружил в СССР больше христианского, чем на современном Западе // Независимая газета. 2016. 26 мая.

¹⁸⁶ Цит. по: Дамир Мухетдинов: актуальная философия религии может быть создана только в процессе обновления нашей собственной духовной традиции. Официальный сайт Духовного управления мусульман Российской Федерации «Мусульмане России». <http://dumrf.ru/upravlenie/speeches/10681>.

¹⁸⁷ Лункин Р. Антизападничество побеждает русский мир // Независимая газета — Религии. 2016. 18 мая.

государства, начатых Т. Герцлем, получила толчок внешнеполитическая деятельность еще не созданного официально еврейского государства [112; 83, с. 174–180].

Таким образом, рассуждения об отсутствии терминов «политическое христианство» или «политический иудаизм» несостоятельны. Термины вводятся и используются: серьезными или, наоборот, очень далекими от солидности учеными, публицистами и т. д.

На наш взгляд, политическим заявлением является утверждение главного раввина Москвы П. Гольдшмитта: «сегодня 99 % террористов являются мусульманами»¹⁸⁸. Председатель Духовного собрания мусульман России муфтий А. Крганов потребовал, чтобы данному высказыванию была дана правовая оценка. Подобные заявления разжигают межнациональную и межконфессиональную войну. И, как считает глава чеченских мусульман, «прежде чем делать такие резкие выводы, советую раввину Пинхасу думать и не давать волю расистским чувствам, иначе это чревато последствиями»¹⁸⁹.

Современный политический ислам как идеология возник примерно в середине XX в., явившись «итогом длительной социокультурной, политической и духовной эволюции мира ислама» [4, с. 128]. Развился до нынешних масштабов в XXI в., когда в постбиполярном мире процессы глобализации и фрагментации углубились и охватили всю ойкумену, и когда негосударственные акторы вышли на мировую авансцену в качестве влиятельных участников мировой политики. Принимая во внимание возрастающее значение исламского фактора в жизни и деятельности мирового сообщества, следовало бы беспокоиться по поводу набирающего силу в Европе агрессивного секуляризма, забвения христианских ценностей, размывания традиционной идентичности, осквернения церквей и храмов, святых мест, кладбищ¹⁹⁰.

Об этом говорил Патриарх Кирилл американскому митрополиту Детройта Николаю Писарису: «...нас, конечно, очень беспокоит то, что происходит сейчас в христианском мире. Вы лучше, чем я, знаете о происходящей дехристианизации европейской и американской

¹⁸⁸ *Скрыльников П.* Демонстрация силы у Исаакия, проверка «Христианского государства» на экстремизм и воздушный мост Крым — Мекка // Независимая газета. 2017. 13 февр.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ *Байкова Т.* Уполномоченный МИД РФ по правам человека К. Долгов: люди начинают стесняться христианских ценностей // Известия. 2015. 29 дек.

цивилизации. Это апокалиптическая картина, когда грех утверждается законом, когда поступки, абсолютно расходящиеся с христианской, а также иудейской (а почему еще не исламской? — *Авт.*) и вообще богооткровенной нравственностью, поддерживаются силой государства»¹⁹¹. К сожалению, и в России, где возрождение христианского вероисповедания происходит начиная с 1990-х гг. весьма масштабно, еще полностью не изжит советизм. Абсолютно нехристианским и вообще антирелигиозным делом были сталинские репрессии, а по сути откровенные преступления. На наш взгляд, не осудив публично изуверств Сталина, невозможно вменить исламистам (да не только им) их осуждаемые Богом зверства.

Е. М. Примаков в своих рассуждениях о религиозных делах в России ссылается на А. Малашенко, сказавшего в интервью английской газете «Таймс», что «церковь не имеет такого влияния на русских или значения для них, как ислам для мусульман» [86, с. 50]. На наш взгляд, этот вывод несколько преждевременен: он абсолютно верен скорее для Северного Кавказа, чем для остальной части России. Не случайно взоры ИГИЛ обращены прежде всего именно туда. Чуть ли не каждый день оттуда приходят известия о том, что силы правопорядка разбили экстремистскую группировку то в Дагестане, то в Чечне, то в Ингушетии, то в другом северокавказском регионе. Это особенно важно иметь в виду, учитывая, что в рядах террористов, экстремистов «палачи, отрывающие головы своих жертв перед камерами, в основном являются гражданами иностранных государств» (в 2016 г. из 86 стран)¹⁹². Среди них немало выходцев из Франции, Великобритании, Бельгии и Германии. Многие из них — мусульмане, которые не смогли по тем или иным причинам интегрироваться в западноевропейское общество.

В России большинство мусульман не столь болезненно и остро воспринимает события на Ближнем и Среднем Востоке. Многие исламоверующие люди знакомы со взглядами экстремистов, их идеями, толкованием Корана, а некоторые даже готовы примерить на себя их идеи. В последнее время посланцы игиловцев действительно развернули призывы, играя на антишиизме: подавляющее большинство мусульман России — сунниты, и им не чужды антипатии к ши-

---

¹⁹¹ Цит. по: Мельников А. Патриарх Кирилл обнаружил в СССР больше христианского, чем на современном Западе.

¹⁹² Плотников Н. «Псы войны» на Ближнем Востоке // Независимая газета. 2017. 10–11 февр. 2017.

итским взглядам. И это несмотря на то, что Верховный муфтий хазрят Р. Гайнутдин осудил попытки использовать суннитско-шиитские противоречия в дестабилизации обстановки в России и негативное отношение к ее политике в Сирии¹⁹³.

Конечно, отголоски критического восприятия ислама на Западе достигают и России. Тем более что террористические акты исламистов происходят и здесь, вызывая гнев всей страны, в том числе и в мусульманской среде. Вероятно, все это побудило П. В. Агапова подсчитать в России тех, кто ставит знак равенства между исламом и терроризмом. Таких оказалось 46 % населения страны¹⁹⁴ (на наш взгляд, эта цифра все-таки преувеличена).

Во взаимоотношениях людей разных национальностей и конфессий даже в самом толерантном сообществе не исключены неприглядные эксцессы. Задача как раз и состоит в том, чтобы предотвращать их, воспитывая людей в благочестии, взаимоуважении друг к другу, миротворчестве, смирении перед Богом. Примечателен в связи с этим лозунг на многих билбордах в Санкт-Петербурге: «Петербург — город всех религий», призыв к межконфессиональному умиротворению, сплочению и толерантности.

В России, однако, нет столь масштабного наступления ислама по широкому фронту, как в Западной Европе. Шейх аль-Кардави пишет следующее: «Ислам вернется в Европу как победитель после того, как он был изгнан оттуда дважды. Только на этот раз завоевание будет не саблей, но проповедью и “притяжением шариата”. Европа увидит, что она страдает от материалистической культуры и кинется искать спасательную шлюпку. И найдет ее только в исламе»¹⁹⁵. По мнению Ю. Каграманова, такая спасательная шлюпка, называемая им соразмерным словом «ковчег», действительно понадобится, «но надо надеяться, что это будет не ислам»¹⁹⁶. Он возлагает большие надежды на православие и кальвинизм (пуританство). Беспокойство за судьбы христианства в Европе, судя по всему, вполне оправданно. Одна из причин в том, что западные ценности, как отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров, «уже никак нельзя

¹⁹³ От редакции: Исламское прикрытие операции в Сирии // Независимая газета. 2015. 12 окт.

¹⁹⁴ Агапов П. В. Война по особым законам // Независимая газета. 2015. 23 дек.

¹⁹⁵ Цит. по: Каграманов Ю. Призрак Закона // Дружба народов. 2014. № 7. С. 200.

¹⁹⁶ Там же. С. 200–201.

назвать христианскими, а разве что постхристианскими», для них характерны «абсолютизация либеральных подходов к жизни индивидуума» и «вседозволенность»¹⁹⁷. В исламском мире как раз и выступают против постхристианства. Российские ученые Р.Идрисов и Г.Пещеров считают, что «закат современной европейской цивилизации и исламизация европейских стран могут принести огромную пользу именно населению Европы как с точки зрения морали, так и с точки зрения рациональной организации человеческого общества» [113, с. 129]. Однако «исламизация в перспективе может представлять угрозу для всего мира». Такой пассаж в их размышлениях в какой-то мере нелогичен, ибо они рассматривают исламизацию как мирный процесс распространения коранического учения и отнюдь без исламистского налета. Во избежание прогнозируемой ими угрозы ислама они призывают к консолидации как православного, так и всего христианского мира.

Дехристианизация — явление мирового масштаба, происходящее в том числе в результате гонений на христиан на Ближнем Востоке со стороны исламистов, хотя это и противоречит кораническим установкам (29:46; 43:88–89; 18:29). В арабских странах есть законодательно гарантированные права свободы вероисповедания для иудеев и христиан, например, в Алжире. Власти Египта в 2017 г. разрешили Коптской церкви строить храмы. На деятельность экстремистских групп введены законодательные запреты в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Грузии, в других странах мира.

Спектр вопросов, связанных с деятельностью и сущностью исламистских радикальных движений, чрезвычайно разнообразен. Здесь стоит упомянуть об этно- и лингвополитических аспектах идеологических доктрин. Противоречия подобного рода в исламской Азии и Африке способствуют росту протестного потенциала населения [114], экстремистских нападок на иноязычное, иноэтническое и иноконфессиональное население [115–117]. Яркий пример тому — исход из Египта нескольких сотен тысяч коптов во время прихода к власти «Братьев-мусульман». В исследовании этих вопросов заметную помощь могут оказать работы, посвященные мусульманам Санкт-Петербурга и Москвы: [118; 43; 119].

---

¹⁹⁷ Черненко Е. Правительственные и неправительственные ценности // Коммерсантъ. 2017. 18 янв.

Триада «география — история — мировая политика». В достижении поставленных целей и задач исламоведческих и политологических исследований в области проблем познания исламского мира и его взаимодействия с государствами остального мира важную роль играет то, что они должны неизменно строить в соответствии с принципами триады «география — история — мировая политика» [120]. Данный методологический подход увязывает современные процессы с прошлым, с историей ислама, его современными движущими силами и географическими обстоятельствами, в том числе местом проживания мусульман.

Миграцию мусульман в Европу следует рассматривать как один из главных компонентов процесса глобализации: люди в поисках лучшей жизни устремляются в благополучные страны, где есть устраивающие их быт, работа, высокий стандарт жизни и пр. Вместе с тем их приток в Европу, как уже отмечалось выше, сопровождается экстремистскими и террористическими действиями исламистских радикальных группировок, набирающих себе сторонников среди иммигрантов. В этом тоже присутствует своеобразный элемент глобализации, против которой они выступают, видя в ней врага, разрушающего их самобытность, традиции, религиозные установки и обрекающего исламский мир на второстепенную роль на мировой арене. Исламистские движения — противники усиления цивилизационного вектора при формировании нового мирового порядка. Лежащая в его основе система наднациональных, религиозных, культурных и языковых ценностей мировой цивилизации сама обусловлена сложившимися историческими факторами и современными реалиями. Новый мировой порядок строится на уровне межгосударственных отношений посредством взаимодействия и конкуренции различных векторов, трендов и моделей развития и акторов, в том числе неправительственных. В этом процессе неизменно приходится оглядываться на проявления радикализма, экстремизма, терроризма и агрессивности, действующих вопреки толерантности к цивилизованному мироустройству. Наиболее воинственные радикальные исламистские движения, предлагающие быстрые, понятные, но утопические решения, покушаются на формирующийся новый мировой порядок посредством расширения пространства на политической карте мира и провозглашения собственного мироустройства. Поэтому с учетом массовой миграции арабов, афганцев, сомалийцев, малийцев, иранцев, эритрейцев, нигерийцев и иных

жителей Азии и Африки в Европу в 2015–2017 гг. неоправданно положение, якобы очевидное, что доля мусульман в развитых странах будет понижаться.

Особую угрозу представляет концентрация исламистов в наименее развитых странах Африки и Азии, где существующая социально-экономическая отсталость, репрессивный характер власти, ее неспособность, да и нежелание быстро и эффективно реагировать на возникающие вызовы и проблемы, полное отсутствие среднего класса, убогость бытия, массовая безработица и неразвитость демократии — исключительно питательная среда радикализации молодежи, людей средних возрастов. Но и в развитых исламских государствах (Малайзия, Индонезия) находятся сторонники радикализма. Именно через них действует Исламское государство¹⁹⁸.

Во всех мусульманских странах набирает силу панисламизм. Его идеи, сформулированные одним из идеологов ислама Аль-Афгани, как путь освобождения от колониализма (а ныне — от неоколониализма) и создания независимого мусульманского государства, очень привлекательны для всего мусульманского мира, в том числе, помимо Арабского Востока, они одобряются в Афганистане, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Турции, на Филиппинах, в Центральной Азии, на Северном Кавказе, в Закавказье, в Латинской Америке¹⁹⁹ и в российских регионах Поволжья. Панисламизм как движение к единению всех мусульман в рамках общего государства — явление не новое, он был замечен в мировой истории в XIX — начале XX в. [121].

Идеология панисламизма, направленная на единение мусульманских народов в религиозном контексте, не исключительна для мирового сообщества. Достаточно напомнить о заявлениях группы российских политиков во времена президента Б. Н. Ельцина создать межгосударственный военный союз «Византия», в основе которого лежит православие. Принадлежность к православию сказывается на позиции России в отношении к Кипру, Греции и другим государ-

---

¹⁹⁸ См.: *Строкань С. К.* «Исламскому государству» присоединяют Малайзию // *Коммерсантъ*. 2016. 27 янв.

¹⁹⁹ За последние годы 125 мусульман из Тринидада и Тобаго влились в ряды воинов ИГИЛ. Министр национальной безопасности этого государства Эдмунд Даллон признал, что мусульмане, будучи преимущественно чернокожими, не могут найти себе работу, вжиться в страну своего пребывания, вынуждены искать себе пристанище в ИГИЛ. Те же мысли высказал и мусульманский лидер Тринидада и Тобаго Ясин Абу Бакр.

ствам, где большинство населения исповедует это христианское вероучение. Единение России, Украины и Белоруссии на основе православия и этнолингвистической близости в недалеком прошлом не раз обсуждалось в политических и научных кругах этих государств [122, с. 96]. Религиозная однотипность лежит в основе сербско-российско-белорусских военных учений «Славянское братство» в 2016 г.²⁰⁰.

Иная основа идеи панславизма: здесь главную роль в объединительном процессе играет суперэтнический фактор — принадлежность к славянскому суперэтносу, поэтому эта идея по основанию ближе к пантюркизму и панарабизму, хотя исламский фактор также играет в них важную роль, но не единственную. Среди тюрков и арабов заметно значение этничности, но среди них немало христиан, проживающих на территории тех же самых государств, что и мусульмане.

Религия играла и продолжает играть существенную роль в формировании этноса: самый яркий пример — сербы (православие) и хорваты (католицизм). Попытка Т. Живкова в годы коммунистического правления в Болгарии «оболгаривания» турецкого меньшинства, проживавшего там с османских времен, фактически провалилась. Это не придало любви турок к Болгарии, десятки тысяч мигрировали в Турцию, оставшиеся свободно вздохнули, когда рухнул социалистический режим. Религиозный фактор играет определенную этноразделительную роль у татар-кряшен, исповедующих православие, и татар-мусульман. Попытка фиксировать татар-кряшен в российской переписи населения как самостоятельный этнос не увенчалась успехом.

Этот краткий экскурс в этноконфессиональные обстоятельства предпринят для того, чтобы показать, что многие процессы и явления в исламском сообществе не уникальны, не исключительны: в мире немало совпадений; их аналоги встречаются и в других частях света, наблюдается одинаковость общественных, социальных и политических задумок, в которых прослеживается конфессиональный фактор. Иное дело — подоплека тех или иных внешне совпадающих начинаний в исламском, христианском и иудейском мирах.

---

²⁰⁰ Информация по телеканалу Россия-24. 4 ноября 2016. 6 час. 41 мин. по московскому времени.

Ислам, иудаизм и христианство являются мощным фактором национальной интеграции. Интеграционная роль в наибольшей мере близка католицизму, исламу, иудаизму, православию в Латинской Америке и, пожалуй, протестантизму вместе с католицизмом в США (около 85 % населения).

Как могут сосуществовать данные религии? 15 мая 2016 г., выступая в Нальчике на освящении собора св. Марии Магдалины, Патриарх Кирилл назвал антихристианские тренды в Западной Европе греховными. Он противопоставил «единство ислама и православия в России тем радикальным группам, которые разрушают божественный закон на Западе»²⁰¹. Однако руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Р.Н. Лункин увидел в выступлении Патриарха «спорный момент» (что вызывает недоумение), а именно «утверждение о том, что у ислама и христианства... общие нравственные ценности, которые восходят к Десяти заповедям, которые Бог дал Моисею на Синайской горе. Вся этика наших народов, законодательство, которое на ее основе сформировалось, восходит к этим божественным заповедям»²⁰². Между тем в словах Предстоятеля РПЦ Кирилла нашли отражение реалии авраамического происхождения христианства и ислама. Об этом забывают многие политические деятели Евроатлантического сообщества, когда обливают грязью ислам. Целесообразно привести здесь замечательное, точное, искреннее и назидательное высказывание Жана-Пьера Камю, французского писателя, богослова, проповедника и епископа XVI в.: «отбелить мавра и извести пятна на шкуре леопарда значительно проще, чем привести к добру того, кто закоснел во зле»²⁰³.

Глава Папского совета по содействию христианскому единству кардинал К. Кох, выступая в Кембриджском университете, заявил, что призванием христиан является обращение в свою веру людей, исповедующих другие религии, в том числе ислам. Исключение он сделал лишь для иудеев: «не думаю, что с исламом мы связаны так же, как с иудаизмом». Прежде всего, по мнению главы Папского совета, «обратить в христианство следует тех мусульман, которые

---

²⁰¹ Лункин Р. Антизападничество побеждает русский мир // Независимая газета — Религии. 2016. 18 мая.

²⁰² Там же.

²⁰³ Камю Ж.-П. Зловонный сожитель // Иностранная литература. 2016. № 9. С. 226.

стараятся утвердить свою веру путем насилия, то есть исламских экстремистов»²⁰⁴. Этому воспротивилось духовенство восточных католических церквей, опасавшихся бурной ответной реакции мусульман, прежде всего Арабского Востока. Однако призыв К. Коха к христианизации исламоверующих и недавний скептицизм главы Папского совета по межрелигиозному диалогу кардинала Ж.-Л. Торана относительно результатов диалога с исламом свидетельствуют о том, что, несмотря на тесное общение высших католических иерархов с исламскими богословами, высшими служителями культа и исламоведами и посещения Папами мечетей, обставляемых большой торжественностью, не срабатывает в выгодную для католицизма сторону «евангелизации». С. Минин, проанализировав эту ситуацию, пишет: «...возможно, западный мир стал настолько критичен к исламу на волне деятельности экстремистов, что готов солидаризироваться с идеей миссии, которая воспринимается как “окультуривание”»²⁰⁵.

К. Кох признает, что «мы обречены на диалог с исламом, потому что альтернативой является война»²⁰⁶. Это понимают и в исламском мире, подтверждением может служить высказывание авторитетного среди суннитов богослужителя, имама мечети Каирского университета аль-Азхар Ахмеда ат-Тайеба о том, что христиане и мусульмане оказались «в одной лодке» перед лицом «Исламского государства»²⁰⁷.

Однако рост мусульманских антипатий в отношении Запада может быть вызван и непродуманными словами своих же единоверцев. Не получило одобрения в исламском мире прозвучавшее в октябре 1989 г. предупреждение правителя Ливии М. Каддафи о том, что «угроза исламизма страшнее, чем рак и СПИД, и куда опаснее, чем угроза войны с Израилем или с США». К ИГИЛ (ДАИШ) в начале февраля 2016 г. присоединились 34 экстремистских объединения разных стран. Не проявился ли в этом антизападный, антиевропейский протест, свойственный исламистским организациям? И не в этом ли кроется одна из причин масштабности сочувствия и сопричастности в мусульманском мире к ИГ?

²⁰⁴ Цит. по: Минин С. Кардинал предложил наказывать террористов крещением // Независимая газета. 2016. 1 июня.

²⁰⁵ Минин С. Кардинал предложил наказывать террористов крещением.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

Мусульман — сторонников светского государства, политический истеблишмент и бизнес-верхушку — пугает исламизация, сопровождаемая насаждением мусульманских религиозных установок, отрицанием светских устоев государства, отторжением от других цивилизаций, пропагандой, индигенизацией, навязыванием шариата. Об этом мне многократно говорили турецкие интеллектуалы, обеспокоенные ростом возрождения исламских ценностей, что, по их мнению, означает отход от светскости Турецкой республики, созданной Ататюрком. В ответ я даже опубликовал небольшую статью «Исламизация Турции — это миф»²⁰⁸. В новой конституции Турции, одобренной на референдуме 16 апреля 2017 г., четко сформулирован светский характер турецкого государства.

Однако следует признать, что исламистская доктрина не является абсолютным тормозом для модернизации ислама, для проведения реформ. В мусульманской среде, несмотря на значительные слои тех, кто отстаивает традиционные ценности, растет число сторонников обновления ислама, современного прочтения Корана, избавления религии Пророка Мухаммеда от неверных, надуманных толкований. В Европе также весьма влиятельны приверженцы модернизации ислама, которая, по их представлению, должна приблизить мусульманскую традицию к потребностям современного мира и при этом одновременно вновь утвердить исламские ценности, возродить веру путем обновления исламской философии и создания новой школы фикха, т. е. мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм. Таким образом, стоит подчеркнуть присущую исламу тенденцию к переменам, синтезу в идеологии и практике исламских традиций и текущих мировых цивилизационных трендов, к отказу от полного отчуждения от современных политических, социальных, экономических, культурных и гуманистических норм.

В СМИ, в научной и публицистической литературе идет постоянная путаница понятий «исламизация» и «исламистский радикализм» (исламизм). Еще раз обращаем внимание на то, что под исламизацией следует понимать распространение коранического гуманизма, всех моральных нравоучений и жизненных предписаний Корана, неперемennого соблюдения коранических заповедей человеколюбия, миролюбия, гордости за историческое прошлое ислама, мусульманских государств и мусульманских народов, исламо-

---

²⁰⁸ Ягья В. С. Исламизация Турции — это миф // Невское время. 2013. 22 нояб.

верующих людей — словом, распространение Корана и Сунны, сочетание веры в соответствии с современными мирополитическими трендами и истинными намерениями человечества и мирового сообщества. Только при таких условиях ислам займет видное место на мировой арене, будет выступать как ведущая цивилизация во взаимодействии с другими цивилизациями.

Однако успех исламизации, сочетающей обновление и ценностные традиции, зависит, на наш взгляд, от того, насколько этот современный ислам будет востребован сотнями миллионов мусульман в странах Азии и Африки, составляющих подавляющее большинство глобальной мусульманской общины, а не живущих в Европе и Северной Америке мусульманских интеллектуалов. Главное, чтобы не получилось так, как во взаимоотношениях старообрядцев и тех, кто следует обновленным постулатам православия в России. Возможно, здесь уместно использовать опыт мусульман России в их исламском толковании и практике джадидизма [123; 124]. В содержании исламского реформаторства, провозглашаемого в России богословами и служителями культа, присутствуют три очень важных аспекта: отсутствие полного отказа от индигенизации былых поведенческих установок, некоранических условностей, норм и толкований; неприятие абсолютного осовременивания коранических канонов; сохранение постулатов Корана и Сунны в неизменности. Сторонники каждого из этих реформаторских аспектов, отстаивая свою точку зрения, высказывают несогласие с той критикой, которая раздается в евроатлантической интеллектуальной среде в адрес ислама, включая отрицание в нем позитивного духовного, творческого, гуманистического и миролюбивого потенциала, и призывы к модернизации ислама исключительно в соответствии с евроатлантическими ценностями. Ислам во всех мусульманских странах играет системообразующую роль в области мировосприятия, культурных представлений, символов, смысла бытия.

«Арабская весна» или «арабская зима»? Несколько лет назад один общественный деятель из Гамбурга в разговоре об исламофобии отстаивал идею коренной перестройки коранического учения и исламской практики в соответствии с современными нормативами западных воззрений на мир, духовными ценностями, правилами поведения, бытовыми поступками. Мне показалось, что он отстаивает идею практического отказа мусульман от своих корней. Когда же я спросил, следует ли именно так понимать смысл его

реформистских советов, после нескольких довольно долгих минут раздумий он уклончиво ответил: «И да, и нет! Главное, чтобы они ничем — ни в одежде, ни в привычках, ни в поведенческих манерах, ни в добропорядочности — не отличались от нас! А также, чтобы политический ислам не переступал грань, отделяющую его от экстремизма и терроризма». Согласившись с правотой последней фразы о политическом исламе, я продолжил беседу о роли ислама в мировой, региональной и внутристрановой политике, нам пришлось коснуться и событий, получивших тогда название «арабская весна». Мы оба сошлись на том мнении, что ажиотаж, поднятый в СМИ вокруг этих внешне во многом похожих на демократические перемены событий, вряд ли оправдан с точки зрения уверенности в арабо-весенней прогрессивности смены власти в Тунисе, Ливии, Египте и некоторых других государствах Ближнего Востока.

Действительность подтвердила наши сомнения. То, что произошло на Арабском Востоке, называют еще «пробуждением арабов», а на самом деле правильнее говорить об «арабской зиме». Ситуация развилась так, что «арабская весна» придала исламу дополнительный импульс [125]²⁰⁹. Одним из ее негативных последствий стало появление Исламского государства, произошло также разрастание экстремизма и терроризма по всему миру. Вместе с тем «арабская весна» подтвердила, что исламу нельзя считать полностью гомогенным явлением, поскольку в нем присутствуют различные направления, в том числе и умеренное, открытое к диалогу с оппонентами.

Исламизм имеет существенные различия в зависимости от конкретной страны, слабости или, наоборот, силы ее государственной власти и внутренней специфики распространенных в ней исламистских учений или богословских предпочтений. Исламистские движения далеко неоднородны. Ислам приспособляется в каждой мусульманской стране к проводимой ею исламизации, включая внедрение современных технических и технологических новинок, управленческих структур (парламент, выборы, деятельность партий, заимствование западных стандартов жизни, в том числе культурных), а также к существующему в ней государственному режиму. Это наблюдается в наибольшей степени в Марокко, Иордании, Судане, в ряде других исламских государств и, судя по всему, также

---

²⁰⁹ См. также: *Bazian H. Putting Humpty Dumpty together Again // Daily Sabah. 2016. February 11.*

в Алжире, Египте, Тунисе, Ливане. Активные боевые или подрывные действия ведутся в Сирии, Ираке, Мали, Сомали, Нигерии, Ливии, Йемене, Афганистане, Пакистане, а также в Китае, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Наименьшим влиянием исламисты обладают в мусульманских странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии, в российских мусульманских регионах. В них исламизм подавляется жесткой рукой государства. Однако из этих районов немало людей оказывается в исламистских боевых отрядах и прежде всего в ИГИЛ и «Аль-Каиде». Среди них особо стоит упомянуть уйгуров, которые создают собственные формирования, не растворяясь в этновоенных группировках исламистов. Так, в Алеппо на стороне «Аль-Каиды» воевала единая одноэтничная группировка «Лива Туркестан», состоявшая из уйгуров²¹⁰.

Реформаторский исламизм ориентируется на изменения в самом исламе, на усвоение современных структурных нововведений, которые предполагается использовать для осуществления своих планов прихода к власти или ее удержания. К этой модели приближается исламистское движение в Марокко, Иордании, в известной мере сюда можно включить Судан. Модернистское направление в исламизме, помимо совершенствования производственной и интеллектуальной базы мусульманского общества, предусматривает заимствование западных идей устройства общества на секулярной основе (Тунис, Египет, Алжир), включая использование западных моделей выборности руководителей государства и членов парламента, деятельности партий, сочетая все эти новшества с исламской культурно-исторической основой общества. Тем самым обеспечивается (но, увы, не гарантируется) относительно мирный политический процесс. Радикальное направление в исламизме, которое преследует цель создать если не всемирный, то региональный халифат с полномасштабным введением исламского права во всех областях жизни, демонстрируют реалии современной Ливии и ИГИЛ (ДАИШ). Приведем некоторые страновые примеры исламизма и посмотрим, в чем источник долголетнего существования террористических организаций, обывавших себя исламскими.

В результате захвата власти в Ливии исламскими радикалами, где они одержали победу благодаря мощной военной поддержке стран

---

²¹⁰ Плотников Н. «Псы войны» на Ближнем Востоке // Независимая газета. 2017. 10 февр.

НАТО, стабильная, мирная жизнь была прервана. Страна оказалась на грани фактической дезинтеграции — территориальной, политической, этнической. Ливийские радикалы отчасти примкнули к Исламскому государству, которое наряду с Аль-Каидой создало в Ливии свои боевые подразделения. Поэтому ныне ливийские джихадисты представляют серьезную опасность не только для соседних стран: они замечены также в Сирии и Афганистане, в составе отрядов ИГИЛ и Аль-Каиды. В настоящее время Запад собирается открыть в Ливии третий фронт борьбы с джихадистами после Сирии и Ирака. На формирование исламизма заметное влияние оказало участие в политической жизни Ливии мусульманских духовных орденов (например, Сенусийа)²¹¹, которые в свое время стали существенным фактором создания ливийской государственности, и усиления роли ислама путем джихада в Судане.

В Египте и Марокко экстремизму противодействует продуманная политика правящих кругов. Исламисты опираются на поддержку населения, вселяя надежду на лучшее будущее, особенно на фоне многочисленных жизненных трудностей и отсутствия альтернативы со стороны власти. Но радикальные идеи разделяются далеко не большинством населения этих стран. Стремление захватить власть, создать жесткую, по существу тоталитарную систему подчинения исламистским вождям, командирам экстремистских отрядов — все это очень часто не встречает одобрения народных масс. Так, в Египте и Алжире, где исламисты или были у власти (Египет), или вооруженным путем в течение нескольких лет пытались захватить ее (Алжир), основная масса населения разочаровалась в радикальном политическом исламизме и сейчас предпочитает поддерживать модернистов. Это подтвердили результаты президентских выборов в Алжире в апреле 2014 г., на которых за избрание на четвертый срок (2014–2019 гг.) действующего президента А. А. Бутефлики и за его политический курс проголосовали 81,53% избирателей²¹². Тем не менее, несмотря на то, что президентские выборы укрепили светскую государственность Алжира, радикальный исламизм продолжает оставаться вызовом для страны. Поэтому правительства стран прибегают к жесткому подавлению радикальных исламистских ор-

---

²¹¹ См.: [126]; Пономарева Т. И. Ливия в межимпериалистических противоречиях (1911–1915 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

²¹² См.: Algeria's Leaders. The Dead Live Longer // The Economist. 2013. September 21. P. 35.

ганизаций, это в какой-то степени остановило вал насилия, хотя и не покончило полностью с террором. Кроме того, отрицательно на ситуацию в Алжире влияет экстремистское зарубежье.

Опасность исходит извне не только для Алжира: в результате событий «арабской весны» и вмешательства внешних сил, способствовавших, в частности, падению режима М.Каддафи в Ливии, в соседних с Алжиром государствах активизировались радикальные исламистские группировки. Среди них наиболее активны боевики ливийского отделения Исламского государства, радикальные исламисты в Тунисе и странах африканского Сахеля, в том числе группировка «Аль-Каида исламского Магриба», члены которой могут проникать и проникают в Алжир и в другие африканские страны через неприкрытые участки протяженных границ. Непокойно стало в Эфиопии, где подняли голову антиправительственные силы оромо (более половины являются мусульманами), выступающие за создание своего независимого государства.

Говоря об Алжире, следует учитывать и определенную социальную напряженность в алжирском обществе, существование протестных настроений в его части, особенно среди молодежи, которая в наибольшей степени страдает от нерешенности социально-экономических проблем. Студенческие волнения в Алжире и других странах мусульманского мира нередко предшествовали экстремистским выступлениям и образованию организаций типа Движение исламской молодежи в Марокко. У Алжира накоплен значительный опыт борьбы с исламистскими группировками, в том числе боевыми, и алжирское общество в основе своей вовсе не стремится повторить горькие уроки, преподанные экстремистами [127]. Но надо помнить: где феномен исламизма получил развитие, граница между его умеренными и радикальными течениями очень зыбка. Представляющие его организации (партии, группировки, ассоциации) способны к перерождению и мимикрии.

Особое значение приобретает анализ идеологии и практики борьбы монархических режимов с исламистскими радикалами, в частности, королевского двора Марокко, эффективно использующего свой духовно-религиозный статус потомков Пророка для нейтрализации экстремистской религиозной оппозиции, а также для привлечения на свою сторону тех исламистов, кто отстаивает неизбежность монархической формы правления. Неслучайно еще до краха коммунизма в СССР и всей социалистической системы в Европе генераль-

ный секретарь компартии Марокко Али Ята выдвинул лозунг «Под знаменем Аллаха, под водительством компартии — вперед к победе социализма!». Являясь, как и все члены династии Алауитов, потомком Пророка и духовным лидером мусульман страны, Мухаммед VI неизменно уделяет большое внимание исламскому образованию и пропаганде веры и активно пользуется исламскими проповедями как инструментом, объединяющим нацию. В этих условиях обвинить правящие круги в «деспотизме», «безбожии» или «материализме» — задача почти невозможная. В своих попытках приобщиться к власти исламисты вынуждены принимать ее правила политической игры. Тем самым консервируется их политическая уязвимость. Официальный Рабат не раз пользовался «символическим капиталом» династии с тем, чтобы оправдать применение к экстремистам силовых мер. Аналогичная ситуация в Иордании, где король принадлежит к Хашимитской династии, связанной с пророком Мухаммедом.

Стабилизирующая роль монарха благоприятно сказалась в Марокко и в октябре-ноябре 2016 г., когда страна находилась на грани новой «арабской весны», возникшей по образу событий 2011 г. в Тунисе. Тогда они произошли из-за самосожжения торговца фруктами, а здесь — гибели торговца рыбой. В Марокко протестные движения охватили десятки городов. Конфликт приобрел еще и этнический характер, ибо погибший был из берберов, составляющих значительную часть населения (до 40 %). Король Марокко Мухаммед VI отреагировал мгновенно: в результате были арестованы 11 полицейских и чиновников, оказана материальная помощь семье погибшего, прошли встречи представителей короля с протестующими. Опыт, приобретенный Рабатом по разрешению конфликтной ситуации в 2011 г., позитивно сказывается и сейчас. Демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч человек, не прекращались в течение четырех месяцев. Королю для наведения порядка пришлось провести конституционную реформу, расширить полномочия парламента и правительства. В руководство страной были введены исламисты из Партии справедливости и развития, а берберский язык был объявлен официальным наряду с арабским. При оценке нынешних многотысячных протестов не исключается, что их инициаторами являются США или Запад в целом. Это чем-то напоминает «руку Москвы», на которую Запад ссылался всякий раз, когда события разворачивались не в его интересах. Заместитель директора Института

Африки РАН Л. Фитуни предполагает, что «это могут быть и радикальные мусульманские движения»²¹³. Ссылка на исламистов неудивительна.

Иная обстановка сложилась в Ливии, где уровень жизни был достаточно высок, но в феврале 2011 г. произошли антикаддафистские выступления молодежи, берберских племен, жителей Киренаики, сенуситов, чей вождь — Мухаммад Идрис аль Махди ас-Сануси был королем Ливии в 1951–1969 гг. и, по существу, основателем независимого государства, однако был свергнут молодыми офицерами во главе с М. Каддафи. К противникам М. Каддафи подключились исламисты, развернувшие боевые действия. Они получили помощь от блока НАТО, создавшего бесполетную зону над Ливией во исполнение Резолюции СБ ООН 1973 [128]. Антикаддафистское движение показало готовность действующих в Ливии исламистских отрядов фактически сотрудничать со смертельными врагами ислама — западными «крестоносцами». Весьма активна в Ливии местная группировка «Ансар аш-Шариа».

Ливийский вариант взаимодействия радикальных группировок в антикаддафистской борьбе позволяет сделать вывод о том, что сами по себе они, несмотря на близость религиозно-политических установок и целей, не способны создать единое политическое руководство, — слишком велики соблазны получения дохода от эксплуатации доставшегося куска прежней государственной собственности. Очевидно, что исламистские идеи в качестве средства консолидации, а не фрагментации общества могут усилиться только в случае появления всеми узнаваемой личности харизматического типа или явного возобладания одной исламистской группировки. Такого руководителя до сих пор в Ливии нет. Учитывая ситуацию, сложившуюся после гибели М. Каддафи и преобладания в некоторых государственных и особенно в общественно-политических структурах исламистов, боевики ИГИЛ в большом числе перебрались в эту страну, пытаясь превратить ее в еще один плацдарм террористического наступления под идеями халифата и уничтожения неверных²¹⁴. В антиигиловскую кампанию в Ливии официально вступили США (при Б. Обаме), чья авиация уже не раз бомбила лагерь подго-

²¹³ *Кривошеев К., Юсин М.* Марокко готовится к «весне» // Коммерсантъ. 2016. 2 нояб.

²¹⁴ *Строкань С.* «Исламское государство» перебирается в Ливию // Коммерсантъ. 2016. 1 марта.

товки боевиков. К американцам за помощью обратилось правительство национального согласия, власть которого, однако, распространяется лишь на западную часть страны, т. е. на Киренаику и Феццан, и оспаривается теми, кто ее контролирует. Разобщенность государственной территории Ливии, обусловленная подчинением ее секторов различным группировкам, в том числе религиозного характера, остается еще существенной. Вполне оправданны в связи с этим суждения о ее фактической дезинтеграции. Сможет ли ислам стать мощным объединительным фактором — вопрос существования ливийского государства.

Таким образом, Ливия с ее политико-территориальными и социально-политическими проблемами неожиданно для многих государственных деятелей и аналитиков выдвинулась вновь на первое место в международном процессе формирования нового мирового порядка. Если первоначально этот процесс завершился гибелью ливийского лидера М. Каддафи, торжеством тех стран, которые приложили к этому руку, то впоследствии — признанием катастрофичности и ошибочности своего участия в антигосударственном движении. Это произошло потому, что в стране возросли радикально-исламистские тенденции, включая боевые действия между различными группировками. Набирает политический вес в Ливии маршал Х. Хафтар, командующий Ливийской национальной армией, расквартированной в Киренаике, преимущественно в Тобруке, где также находится парламент и пока не признаваемое никем правительство. Однако официально действующее правительство расположено в Триполи: оно признано ООН, и его главой является Ф. Сарадж. К нему настороженно относятся США (при президенте Д. Трампе), ибо, как считается, Ф. Сарадж имеет тесные связи с исламистами. В западных СМИ распространяются сведения о поставках оружия Египтом в Ливию для Ливийской национальной армии маршала Х. Хафтара, в обход эмбарго, введенного СБ ООН, и о намерении России снабжать оружием того же самого маршала. Если Египет, как только появились сообщения, тотчас откrestился от них, то, по свидетельству российского журналиста Р. Мустафина, МИД России «пока по этому поводу хранит молчание, оставляя простор для догадок и сомнений»²¹⁵. Между нашими дипломатами и маршалом Х. Хафтаром в январе

---

²¹⁵ Мустафин Р. Россию и Египет подозревают в нелегальных поставках оружия в Ливию // Независимая газета. 2017. 1 февр.

2017 г. велись переговоры. Эта информация западных СМИ не могла пройти мимо внимания ливийских исламистов, вызвав у них не только настороженность, но и еще большую убежденность в необходимости расширения антиправительственных действий²¹⁶. Спецпосланник Генсека ООН по Ливии М. Коблер убежден в том, что российская позиция по Ливии очень конструктивна²¹⁷. Особую заинтересованность в ней, в целом позитивную, проявляет сейчас Италия. Меняется подход к Ливии и со стороны ЕС, что связано с попытками ограничить нелегальную иммиграцию. Это значит, что будет предотвращено проникновение исламистов в ЕС.

К поддержке маршала Х. Хафтара склоняется и Великобритания, которая принимает реальный расклад сил в Ливии. Лондон к тому же опасается усиления позиций России в зоне влияния этого военного руководителя, на которого возлагаются большие надежды по восстановлению страны. Известно, что он обратился к правительству Великобритании за поддержкой²¹⁸. В. Матузов отмечает, что «все больше государств сходится на том, что необходимо делать ставку на Халифу Хафтара»²¹⁹, «если его поддержат, то негативный сценарий для Ливии будет крайне маловероятным»²²⁰. На наш взгляд, это слишком оптимистичная оценка.

В международных политических кругах убеждены, что маршал — национально ориентированный человек, выступающий за территориальное единство Ливии и за упразднение в стране хаоса²²¹. Однако на пути реализации планов Х. Хафтара «избавить страну от исламистов всех мастей»²²² немало трудностей, в том числе то, что его противники ведут активные боевые действия. В апреле 2017 г.

---

²¹⁶ *Онтиков А.* «Хафтар должен занять место в политическом будущем Ливии». Интервью с спецпосланником Генерального секретаря ООН по Ливии // *Известия.* 2017. 22 февр.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ *Онтиков А.* Лондон меняет ставки в ливийской игре // *Известия.* 2017. 27 марта.

²¹⁹ *Онтиков А.* Новую карту Ливии нарисовали на салфетке // *Известия.* 2017. 13 марта.

²²⁰ Там же.

²²¹ См.: *Мустафин Р.* 1) Армия Хафтара атакует «третью силу» // *Независимая газета.* 2017. 11 апр.; 2) Исламисты атакуют Хафтара // *Независимая газета.* 2017. 10 марта.

²²² *Онтиков А.* Триполи просит международного вмешательства // *Известия.* 2017. 21 апр.

Ф. Сарадж, ощущая рост имиджа маршала Х. Хафтара, развернул вооруженную борьбу против него и обратился за поддержкой в ООН, ЕС и Лигу арабских государств. Ф. Сарадж пытается втянуть в войну иностранные войска, но международные организации пока не откликнулись на его просьбу. Исламисты, в свою очередь, продолжают биться за свои идеи в Ливии. Как считает директор Арабского центра исследований и анализа в Женеве Р. ас-Сайдауи, Москва может взять на себя посредническую роль и способствовать сближению позиций Х. Хафтара и Ф. Сараджа. Первый контролирует значительную часть территорий, имеет народную поддержку, а правительство, возглавляемое вторым, признается мировым сообществом. Почвой для сближения между ними может стать неприятие террористов из числа ИГИЛ и «Братьев-мусульман» [129]²²³.

В Москве, Брюсселе и Вашингтоне, несмотря на имеющиеся между ними противоречия, в Ливии пытаются действовать сообща еще по двум причинам, отмеченным Р. Мустафиным. Во-первых, в Ливию «в поисках убежища могут устремиться как террористы, так и часть сирийской вооруженной оппозиции, которая откажется от примирения. Кто-то из них, возможно, “ассимилируется” с местными исламистами и обыкновенными бандитами, кто-то попытается пробраться в Европу. Найдутся и такие, кто направится дальше в Африку, захватывая новые территории, сея по пути панику, смерть и разрушения»²²⁴. Во-вторых, «Ливия сама является источником угроз и проблем как для соседей, так и для Европы. Действующим против египетского правительства террористам с территории Ливии поступают оружие, финансы и живая сила. Существует опасность дестабилизации и без того сложной обстановки в Алжире и Тунисе. Через Ливию проходят потоки контрабанды. Доходы от наркоторговли достигают 1 млрд долл. Еще столько же зарабатывают на контрабанде сигарет, спиртного, лекарств»²²⁵. Во всем этом, включая противодействие с нелегальной иммиграцией в Европу, сказывается необходимость совместной борьбы с терроризмом. На Западе опасаются поддержки, оказываемой радикалами Ливии товарищам в Судане.

---

²²³ *Онтиков А.* Москва помирит ливийцев // Известия. 2017. 1 марта.

²²⁴ *Мустафин Р.* Москва и Брюссель близки к консенсусу по Ливии. Сумеют ли конкурирующие центры власти в Триполи и Тобруке договориться между собой // Независимая газета. 2017. 13 февр.

²²⁵ Там же.

Власти Хартума до сих пор весьма успешно противостоят влиянию «арабской весны», упреждая потенциальные массовые акции гражданского неповиновения полицейскими и организационными мерами. Политические бури, пронесшиеся почти над всеми арабскими странами в 2011–2017 гг., посеяли опасения за свою судьбу у большей части политической и военной элиты. По этой причине правительство Судана решило присоединиться к созданной Саудовской Аравией коалиции для борьбы с восставшими в Йемене хуситами, группировкой шиитского вероисповедания, и направило туда 400 военнослужащих. Кроме того, спецслужбы и правоохранительные органы Судана ведут работу по нейтрализации любых элементов радикального ислама в стране, используя для этого развитую агентурную сеть в исламистских организациях и движениях, включая отделения ИГИЛ.

В суданской политической жизни центральную роль играет симбиоз суфийских орденов, в которых состоит не менее 60% суданцев, и политических партий, зачастую являющихся выразителями интересов того или иного тариката. Подобные тандемы оставляют слишком мало возможностей для политических инициатив исламистов. Серьезную роль в снижении потенциальных идеологических возможностей внесистемных исламистских организаций играет созданная властями Судана Академия исламского фикха (права). В преподавательском корпусе Академии числятся известные в Судане специалисты в области исламских наук, представляющие суфийские ордена, умеренных салафитов, членов умеренного «Исламского движения». Академия обладает правом издавать фетвы, обязательные для всех суданских мусульман, и контролировать деятельность и содержание проповедей имамов официальных мечетей.

Таким образом, Судан, переживший в последней четверти XIX в. грандиозную исламскую революцию под руководством махди М. Ахмада (посланника Пророка Мухаммеда), превратился в цитадель союзника монархических режимов, надежно препятствующего проникновению неправительственных, внесистемных исламских течений. Однако на втором десятилетии XXI в. страна пережила трагедию отделения от нее южных районов, население которых создало свое государство. И это, судя по всему, на общественном сознании суданцев сказалось весьма отрицательно.

Самым кровавым местом действия исламистов, после Сирии и Ирака, стал Йемен, где шииты захватили власть, а сунниты, под-

держиваемые Саудовской Аравией и ее союзниками по коалиции, стремятся восстановить прежний порядок. Вооруженный конфликт между центральными властями во главе с президентом Абд Раббо Мансуром Хади и повстанцами начался в 2014 г. Повстанцы контролируют обширные территории севера и запада Йемена. В их руках находится столица страны Сана. Будучи в Йемене в 2004 г. в составе делегации Совета Федерации, я уже тогда обратил внимание на неспокойную атмосферу в стране. На каждом перекрестке центральных улиц столицы находились военные патрули. Йеменцы говорили, что они опасаются боевиков, оставшихся верными свергнутому королю Аль-Бакуру и укрывавшихся на севере. Все эти несогласия, даже ненависть и неудовлетворенность жизнью, выплеснувшись на просторы страны, углубили шиитско-суннитские противоречия, когда разгорелись военные действия. Против шиитов действуют и ИГИЛ, и «Аль-Каида». В столкновениях участвуют также десятки мелких повстанческих группировок, еще в большей степени негативно влияющих на ситуацию в Йемене. Шиитское движение «Ансар» поддерживается Ираном, который, как полагают суннитские власти Йемена, поставляет своим единоверцам оружие, финансирует их и стимулирует их повстанческие действия. Тегеран опровергает эти обвинения. Саудовская Аравия со своими арабскими союзниками — на стороне суннитских властей Йемена, которые недавно обратились к Генеральному секретарю ООН с призывом официально признать повстанцев террористами. Йеменская война, продолжающаяся уже более двух лет, добавляет немало новых трудноразрешимых проблем, если возможно вообще их решить военным путем. Неизменно одно — идет наращивание взрывоопасных ресурсов по всему Большому Ближнему Востоку, в результате может запылывать весь этот обширный регион.

Конечно, ни на Иордании, ни на государствах Залива не могла не сказаться война, развернувшаяся в Сирии, Ираке и Йемене. В СМИ за 2016 г. появилось немало статей о росте радикализма в Иордании²²⁶. В результате парламентских выборов в нижнюю палату «Фронт исламского действия» получил 16 мест из 130 в высшем законодательном органе этого королевства. «Фронтвиков» не было среди иорданских депутатов с 2007 г. Ситуацию в стране обострила смерть христианина Н. Хаттара, оскорбившего религиозные чувства

---

²²⁶ Степанов Г. Иордания впадает в радикализм // Коммерсантъ. 2016. 27 сент.

мусульман, поместив в соцсети карикатуру, которая извращала их быт. Обстановка осложнилась из-за договоренностей правительства о поставках в страну 45 млрд куб. м газа с израильского месторождения Левиафан, что рассматривается исламистами и целым рядом других оппозиционеров как участие иорданских властей в краже газа у палестинских арабов, находящихся под пятой израильских оккупантов²²⁷.

ИГИЛ распространило свою агитацию и на Грузию, используя жителей-мусульман Панкисского ущелья²²⁸. Не обходится без радикальных проповедников в Аджарии, однако грузинские власти совместно с Турцией практически перекрыли «канал» движения экстремистов из Грузии в Сирию. Для противодействия росту экстремизма в Тбилиси широко используют мягкую силу. «Власти стараются вести работу с проповедниками “умеренного ислама”, предоставляют им доступ к СМИ (в Панкисском ущелье создан специальный радиоканал), оказывают помощь в строительстве и ремонте мечетей. Жителям выделяются специальные кредиты для ведения малого бизнеса. Цель — обеспечить работой как можно больше людей из “неблагополучного региона”. Молодым выходцам из Панкисского ущелья предлагаются выгодные контракты в вооруженных силах Грузии и правоохранительных органах. Одним из наиболее “креативных” методов стало приглашение проповедников “умеренного ислама” в армию в качестве “исламских капелланов”. С весны 2015 года имамам предлагают там огромную по местным меркам зарплату и другие привилегии»²²⁹. Всех этих мер тем не менее недостаточно, чтобы покончить с аджаро-панкисскими вызовами.

В России, на Северном Кавказе, и прежде всего в Чечне, более 20 лет тому назад появилась экзотическая вера, сочетающая в своей основе некоторые принципы суфизма и шиитской практики татбира (ритуального самобичевания), ничего не имеющего близкого к суннизму, да и к шиизму тоже. Последователи этой веры называют себя суфиями. Надо отдать должное главе Чечни Р.Кадырову, кото-

²²⁷ Степанов Г. Иорданскому королю отключают газ // Коммерсантъ. 2016. 3 окт.

²²⁸ Двали Г.: 1) «Исламское государство» ведет агитацию в Грузии // Коммерсантъ. 2016. 7 июля; 2) Панкисское ущелье отрезали от Сирии // Коммерсантъ. 2016. 25 июля.

²²⁹ Двали Г.: 1) «Исламское государство» ведет агитацию в Грузии; 2) Панкисское ущелье отрезали от Сирии.

рый резко выступил против этого экзотического самоистязания. Он твердо заявил, что оно искажает ислам и тем самым раскалывает умму. Чеченский руководитель, оценив это квазиучение, усмотрел в нем причину возможного конфликта сирийского типа: «Я не хочу, чтобы в Чечне была Сирия»²³⁰.

Межгосударственные противоречия между Узбекистаном и Киргизией, Узбекистаном и Туркменистаном, Афганистаном и Туркменистаном отрицательно влияют на внутривнутриполитическое и этноконфессиональное положение этих стран. Исламистские выступления проникли и в Центральную Азию. Нелегально существующие радикальные группировки порой весьма активны в этих государствах. Наибольшей эффективностью характеризуются их связи с афганским «Талибаном», несмотря на то, что сам «Талибан» в Афганистане отмежевался от ИГИЛ, а местные центральноазиатские талибы нередко ничего общего с настоящим «Талибаном» не имеют. Но попытки подключиться к деятельности ИГИЛ ими все же предпринимались.

В военной системе «Талибан» проходят подготовку боевики Исламистского движения Узбекистана, среди них есть и граждане России, связавшие свою судьбу отнюдь не со страной, гражданство которой они имеют. Да и среди некоторых командиров «Талибана» еще совсем недавно были выпускники военных вузов Советского Союза. Признавая за Афганистаном ключевую роль в распространении исламистского радикализма в соседних центральноазиатских странах, С. Багдасаров отмечает, что в Узбекистане в наведении жестокого порядка большое значение имела деятельность президента И. Каримова. Вместе с тем он сетует на то, что Россия там потеряла влияние: нас теснят китайцы, европейцы, даже Южная Корея и Япония²³¹. Ссылка на наших соперников на рынке, видимо, связана с выявленными им ограничениями возможностей России в борьбе за безопасность в Центральной Азии.

Мне представляется, что в памяти местного населения не забыты еще события 20-30-х годов XX в., когда, по словам писателя А. Р. Трушновича, волею судеб оказавшегося вне России, «спокой-

---

²³⁰ *Приймак А.* Рамзан Кадыров изобличил суфиев-членовредителей // Независимая газета — Религии. 2017. 15 февр.

²³¹ Визит президента России В. В. Путина в Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан был направлен на углубление российского влияния на всю Центральную Азию.

ную песню Востока уже перебивало таракхение социализма», сопровождавшееся непрерывным насаждением «прелестей» новой неофеодальной жизни²³². Особенно это помнится тем, кто бежал из Казахстана, Таджикистана и Узбекистана и осел в Афганистане и, конечно, их потомкам. Из них в прошлом пополнялись отряды моджахедов, воевавшие против советских войск в Афганистане.

Слабым звеном в антитеррористической борьбе в Центральной Азии является Кыргызстан, хотя С. Багдасаров считает таковым Таджикистан²³³. 30 августа 2016 г. в Бишкеке произошел очередной теракт, притом на территории посольства Китая. Посольства США и Великобритании сообщили о готовящейся в октябре 2016 г. целой серии террористических актов в этой стране. Бишкек отреагировал резкой критикой в адрес этих дипломатических миссий, заявив, в частности, что им следовало обратиться за информацией к государственным органам Киргизии.

Самым заметным событием в Центральной Азии в 2016 г. явилась, как назвал ее бывший президент Казахстана Н. А. Назарбаев, «террористическая вылазка группы последователей нетрадиционного религиозного течения салафизм»²³⁴. Она получила широкое освещение в СМИ как «цветная революция»²³⁵, но без связи с ИГИЛ. В ответ на серию нападений, связанных отчасти с религиозным фактором, в Казахстане не исключили законодательного запрета салафизма.

Самым громким и кровавым является нападение, произошедшее в г. Актобе, на западе Казахстана, когда вооруженная группа людей совершила налет на два оружейных магазина и воинскую часть национальной гвардии. В результате погибли 17 человек и около 40 были ранены. Протесты, их размах в спокойной стране, побудили Н. А. Назарбаева, считающего, что джихадистский террор в Актобе стал частью проекта цветной революции в Казахстане, заявить, что он не допустит повторения украинского майдана²³⁶. Как полагают

²³² Волос А. Кто оплатит ворона? // Новый мир. 2012. № 7. С. 157.

²³³ Глазнова Л. Что принесла Афганистану «Нерушимая свобода». Интервью с директором Центра изучения Ближнего Востока и Центральной Азии С. Багдасаровым // Российская Федерация сегодня. 2016. № 10. С. 45.

²³⁴ Цит. по: Князев А. Среднеазиатское радикальное подполье просыпается // Независимая газета — Дипкурьер. 2016. 20 июня.

²³⁵ Панфилова В. В Казахстане предотвратили цветную революцию // Коммерсантъ. 2016. 23 мая.

²³⁶ Комраков А. Казахстан пытается погасить мини-майдан // Независимая газета. 2016. 13 мая.

Госкомитет Казахстана по делам религий и силовые структуры этого государства, за нападавшими в Актобе стояли радикал-исламисты. Казахстанские дипломаты не исключили, что «это были скорее всего боевики из криминально-ваххабитского альянса или что-то подобное»²³⁷. Выяснилось, что в Актобе еще в марте 2011 г. был теракт. А в июне 2016 г. террористы совершили нападения в Караганде и месяц спустя — в Алма-Ате.

Все эти события могли всколыхнуть исламистское наступление во всей Центральной Азии. В этом регионе насчитывается около десяти мусульманских организаций, готовых свершить «среднеазиатскую весну»: «Исламское движение Узбекистана», «Партия исламского возрождения Таджикистана», «Хизб ут-Тахрир» и другие. «Все они, — по мнению Е. Сатановского (ничего иного от него и не стоило ожидать. — *Авт.*), — подконтрольны Катару, Саудовской Аравии и Турции, и курируются США при поддержке Великобритании и Франции»²³⁸, к которым следовало бы, видимо, добавить и Израиль, но на это у эксперта не хватило духу.

Данный эксперт не сослался на ИГИЛ. Относительно позиции США в Центральной Азии следует напомнить, что в 2015 г. госсекретарь Дж. Керри инициировал создание формата «С5+1» («Центральноазиатские страны + США»). Предложение нашло понимание у коллег в Центральной Азии. В ведение этой группы входят четыре актуальные сферы: безопасность, политика, экономика и экология. Еще до встречи в августе 2016 г. этой группы в Самарканде Вашингтон заверил Астану, что «поддержит Казахстан в борьбе с терроризмом и окажет всю необходимую помощь»²³⁹. В июне 2016 г. прошел саммит ШОС в Ташкенте, где речь шла о совместной борьбе против терроризма и сепаратизма. Принятые решения по ним ограничиваются призывами общего характера необходимости совместной борьбы с терроризмом и не предусматривают конкретики. Кстати, такой результат неслучаен, например, для Ташкента приоритетным в вопросах безопасности пока остается двусторонний диалог: «Мно-

---

²³⁷ *Приймак А.* Пробуждение спящих ячеек в Актобе // Независимая газета. 2016. 15 июня.

²³⁸ *Цой Д.* В Казахстане наступает «среднеазиатская весна» // Известия. 2016. 7 июня.

²³⁹ *Ибрагимов Г.* США заходят в Центральную Азию со стороны Афганистана // Коммерсантъ. 2016. 3 авг. См. также: Средняя Азия превращается в штаты Америки // 24 часа. 2016. 14 июля.

гостороннее взаимодействие внутри одной организации часто разбивается на блоки. Сейчас такие блоки существуют и внутри ШОС: Китай вовлекает Бишкек и Душанбе в совместное противодействие исходящим из соседнего Афганистана угрозам. А Москва пытается показать, что эти страны как члены ОДКБ вопросы безопасности должны согласовывать с Россией»²⁴⁰.

Представляется, что подобная ситуация складывается и в других крупных международных организациях. Так, Китай, заявляя о необходимости глобальной борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, прежде всего, конечно, беспокоится за безопасность в Уйгурском автономном районе и в Тибете. В этих китайских регионах большинство населения исповедуют разные религии: ислам (уйгуры) и буддизм (тибетцы), но устремления среди тех и других направлены на обретение независимости и отделения от Китая. Хотя в последнее время всё чаще тибетцы начинают говорить о получении широкой автономии в пределах Китайской Народной Республики. Но стремление тибетцев к независимости содержится в их думах, надеждах и даже в ощущениях на вегетативном уровне. Кстати, бороться с висцеральным эмоциональным эффектом чрезвычайно трудно, если вообще возможно его победить. В России, да и не только в нашей стране, следовало бы задуматься о висцеральности. Религиозный фактор в таких делах играет далеко не последнюю роль.

Россия чрезвычайно заинтересована в стабильности в Центральной Азии, в снижении накала исламизма в этом регионе мира, что не случайно: здесь присутствуют интересы глобальной и региональной безопасности, ЕАЭС и, конечно, внутривосточной дерадикализации ислама. В одной из официальных статей в «Независимой газете» особо подчеркивается, что «война в Сирии — не российский вектор» и что «если бы Кремль никак не отреагировал на “Исламское государство” (запрещено в РФ), арабская весна уже бушевала бы на Кавказе и в Средней Азии»²⁴¹. Определенную стабилизирующую роль по укреплению позиций России в Центральной Азии в 2016–2017 гг. сыграли визиты президента В.В. Путина в Казахстан, Таджикистан, Киргизию и Узбекистан. В совместном российско-цен-

²⁴⁰ *Ибрагимова Г., Строкань С.* Центральную Азию защитят от трех зол // Коммерсантъ. 2016. 23 июня.

²⁴¹ От редакции. Главную задачу в Сирии американцы выполнили // Независимая газета. 2016. 24 сент.

трально-азиатском противостоянии радикальным исламистским движениям — путь преодоления этих угроз. Тем самым будет выстраиваться уникальная ценностная парадигма, которая окажется плодотворной для всего мирового сообщества.

В Таджикистане в августе 2016 г. была запрещена партия исламского возрождения, в связи с чем были арестованы 23 ее руководителя, закрыты отделения партии во всех 58 городах и районах республики. Эта партия в 1992–1997 гг. активно участвовала в гражданской войне, в ходе которой погибли десятки тысяч человек и более одного миллиона людей покинули свои обжитые места, став мигрантами, многие уехали в Россию. В самой республике как проявление борьбы с исламизмом шли дебаты по поводу замены у таджиков арабских имен на таджикские и устранения из таджикского языка арабских заимствований, готовился список рекомендуемых имен. В 2011 г. вышел закон, запрещающий детям до 18 лет посещать мечеть по пятницам. С 2015 г. людям до 35 лет запрещено отправляться в Хадж. Женщинам запрещено носить черную одежду, для уменьшения «шиитского эффекта» не разрешен импорт одежды и материала черного цвета. Во всех этих решениях Душанбе присутствует стремление ограничить влияние ислама в стране и особенно радикальных организаций.

В Афганистане власти Кабула в силу своих возможностей продолжают антиисламистские боевые действия. Время от времени из Кабула поступает информация о боевых столкновениях с талибами, «Аль-Каидой» и прочими антиправительственными радикальными группировками. Среди них, однако, есть группы, которые желают участвовать в переговорах с официальным Кабулом²⁴². Официальный же Кабул не раз пытался возобновить переговоры с США, Китаем и Пакистаном о выработке дорожной карты по установлению мира. Да и отсутствие России на таких переговорах вряд ли целесообразно. Официальный «Талибан» не назывался среди участников в подобных мероприятиях, а это, на наш взгляд, не предвещает успеха. Не следует отвергать заявление «Талибана», хотя оно и двусмысленно, о том, что «[мы] хотим иметь добрые отношения со всеми странами и расширять их далее. Лучше иметь прямые контакты друг с другом и обмениваться взглядами касательно наших

---

²⁴² Four-Country Talks on Taliban to Begin in Pakistan // Daily Sabah. 2016. January 11.

целей и ценностей»²⁴³. Например, позиция Пакистана предусматривает участие «Талибана» в переговорах, хотя сам «Талибан» «хочет и не хочет вести переговоры по окончании пятнадцатилетней войны». Пакистан заявил также, что «те, кто заинтересован в мире, могут присоединиться к этому диалогу, но те, кто желает продолжить воевать, будут подвергнуты совместным контртеррористическим действиям»²⁴⁴. Гражданская война в Афганистане, в основе которой заметное место занимает религиозный фактор, продолжается по сей день. Теракты следуют один за другим. Крупнейшим с 2001 г. было нападение на военную базу в апреле 2017 г., жертвами которого стали не менее 140 афганских военнослужащих. Президент Афганистана А. Гани, комментируя эту акцию талибов, заявил: «...мы должны понять, что война в Афганистане изменилась. После поражения на полях сражений враги атакуют мирное население, мечети, религиозных деятелей, женщин, молодых людей и детей»²⁴⁵. После этого Вашингтон отправил в Афганистан еще 5 тыс. своих военнослужащих к тем 9 тыс., оставшимся в стране после вывода почти 100 тыс. американских солдат и офицеров. По этому поводу экс-президент Афганистана Х. Карзай сказал: «Афганистану не нужны ничьи войска на своей территории. Мы надеемся, что политика нового президента США по отношению к Афганистану изменится. Очень важно, чтобы он начал по-настоящему сотрудничать с Россией в афганском направлении и в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом»²⁴⁶. Для стабильности и мира в Афганистане «необходимо усиление контактов (США. — *Авт.*) со всеми странами региона: Россией, Китаем, Индией и Ираном», «успешное противостояние терроризму без кооперации с этими странами невозможно»²⁴⁷. Он посетовал на то, что США отказались участвовать в Московской конференции по Афганистану 14 апреля 2017 г., в которой принимало участие 11 стран. Конференция «обратилась к движению “Талибан” с призывом отказаться от силового решения внутриафганского конфликта в пользу налаживания прямого диалога с правительством Афганистана по

²⁴³ Ibid.

²⁴⁴ Four-Country Talks on Taliban to Begin in Pakistan.

²⁴⁵ Цит. по: *Строкань С.* Афганистан ответил на бомбу бойней // Коммерсантъ. 2017. 24 апр.

²⁴⁶ Цит. по: *Богданов Ю.* США направят в Афганистан 5 тысяч военных // Известия. 2017. 10 мая.

²⁴⁷ Цит. по: *Асатрян Г.* Деньги от наркотиков идут в западные банки // Известия. 2017. 17 апр.

вопросу национального примирения. В ответ группировка заявила, что встреча в Москве — одно из многих обсуждений афганского вопроса, которые не приносят никаких результатов»²⁴⁸.

В Москве в феврале 2017 г. состоялась встреча с участием Афганистана, Пакистана, Китая, Индии и Ирана. Формат был расширен в сравнении с декабрьскими (2016 г.) консультациями между Россией, КНР и Пакистаном. Такой подход к увеличению участников встречи объясняется, в частности, недовольством целого ряда стран, в том числе Афганистана и США, прежним форматом. И те и другие обвинили Москву в поддержке талибов. Все упомянутые страны заинтересованы в уничтожении экстремистских исламистских движений, но между ними (этими странами) немало противоречий: однако в одиночку ни одна из них не в состоянии покончить с радикалами ни у себя, ни в Афганистане, рассматриваемом многими из них в качестве рассадников терроризма. Так, в Северном Пакистане действует «Мирамшахская шура Талибана», засылающая своих джихадистов против исламских религиозных храмов и молящихся в них мусульман, неугодных по воззрениям экстремистам. «Что касается отношений Москвы с талибами, то тут есть две фазы. До начала нынешнего года мы часто слышали о контактах Москвы с ними. Западная пресса писала, что Россия собиралась оказать им помощь и содействие. Но это было на деле попыткой помешать усилению влияния Москвы на Кабул. Помощи не было, — пояснил директор Центра изучения современного Афганистана О. Нессар, — вторая фаза началась с приходом Трампа в Белый дом. После этого Россия смягчила свою позицию, пригласив на переговоры Кабул. Я думаю, что это сигнал Трампу с призывом договариваться по афганскому вопросу»²⁴⁹.

Я не вижу ничего плохого в том, что кто-то из соседней с Афганистаном страны стремится наладить контакты с умеренными талибами во избежание широкомасштабной войны, хаоса и кровопролития. На наш взгляд, нынешняя радикальная исламистская ситуация, развивающаяся по нарастающей траектории, чревата серьезными последствиями для всего Большого Ближнего Востока и Центральной Азии. Не исключается также перестройка государственных

---

²⁴⁸ Паниев Ю. Тиллерсон стал любимчиком Трампа // Независимая газета. 2017. 17 апр.

²⁴⁹ Скосырев В., Пудовкин Е. Россия пытается сыграть роль посредника в Афганистане // Независимая газета. 2017. 16 февр.

границ. Обращает на себя внимание вывод, сделанный М. Вайсом и Х. Хасаном, согласно которому организация «ИГИЛ, произведшая сенсацию и в то же время недооцененная, жестокая и эффективная, стерла границы современных национальных государств и провозгласила воссоздание исчезнувшей исламской империи» [15, с. 32].

В июне 2016 г. американец афганского происхождения О. Матин учинил кровавую бойню, погибло 50 человек в Орландо, в штате Флорида, и 50 было ранено. ИГИЛ взяло на себя ответственность за это преступление. А. Малашенко так прокомментировал: «Этот случай не первый и не последний, можно даже назвать его неизбежным. Противостояние идентичностей обострилось по всему миру, а все разговоры о том, что можно принять какие-то меры или реализовать концепцию интеграции или адаптации, — пустословие. Но это не тупик, а нормальное развитие субглобального сообщества, любители потрепаться про мультикультурный мир его сейчас, собственно, и получили»²⁵⁰. Отметив, что ситуация на Западе и развитие общества в мусульманском мире взаимосвязаны, А. Малашенко добавил к сказанному: какая-то часть игроков мусульманского мира пытаются реализовать исламскую альтернативу, но мы не можем подражать Западу, поэтому реализуем свой сценарий и посмотрим, что получится. Такие попытки уже предпринимались в Иране, Афганистане и на уровне субрегиона движением «Хамас». Сами американцы, как нация мигрантов, научились друг с другом взаимодействовать, но теперь на авансцену выступил религиозный фактор и им придется думать, как с этим явлением справиться.

Исламизм в экстремистской форме набирает силу в Тропической Африке. Радикальные события уже имели место в Мали, Сомали, Кении, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуаре, Нигерии и некоторых других государствах южнее Сахары. Зверства, чинимые нигерийской «Бoko Харам» и сомалийской «Харакат аш-Шабаб аль-Муджахиддин», вызывают негодование в африканских обществах. Еще опаснее становится ситуация в африканских государствах, когда приходят сообщения о договорных отношениях многих радикальных организаций с ИГИЛ или Аль-Каидой. Группировка «Аль-Каида» в странах исламского Магриба действует не только в Алжире, где она была создана в 1997 г., и Марокко, но и в Мали, Мавритании, Чаде, Нигере, Кот-д'Ивуаре, Сомали.

²⁵⁰ Цит. по: Ильин Н. Одиночный террор // Ведомости. 2016. 14 июня.

В Африке на повестку дня выходит новый конфликтный регион — ЮАР, где из-за закона об экспроприации сельскохозяйственных земель у белых фермеров не исключены антигосударственные выступления, к которым может подключиться ИГИЛ, хотя эта мера коснется христиан, но почему не подключить к своей террористической деятельности иноверцев²⁵¹.

Возросло число исламистских выступлений в Индии, где в целом этноконфессиональная обстановка оставляет желать лучшего. Отношение к мусульманам ухудшилось в связи с приходом к власти премьер-министра Н. Моди и его партии. И не стоит в обострении ситуации в Индии винить только мусульман. Любой их протест в этой стране, как правило, воспринимается как акт исламистов. Даже силы, стремящиеся освободиться от индийского правления в штате Джамму и Кашмире, именуется исламистскими. Вот как оценивает ситуацию в Индии руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Т. Шаумян: «Кашмирская проблема не решена, и это используется силами, которые хотят раскачать ситуацию. Границы нет, есть линия контроля, которую в горной местности всегда можно перейти. Это порождает соблазн для экстремистов прибегать к террору, то есть условия для трансграничного терроризма вполне подходящие. Есть принципиальное различие между позициями Индии и Пакистана в отношении Кашмира. Индия считает проблему в принципе решенной, но Пакистан незаконно оккупирует часть индийской территории и считает, что кашмирская проблема не решена. Требуется провести плебисцит под международным контролем. Это два диаметрально противоположных подхода»²⁵². Мусульмане индийского штата, которых подавляющее количество в его населении, не хотят пребывать под властью Дели. Вот это-то забывают все апологеты индийской позиции. Забывают и условия раздела Британской Индии при получении ею независимости: вначале на правах доминиона, а потом с провозглашением республики. Зачинщиками протестных движений является молодежь, которая не желает смириться с индийским господством.

Конечно, нельзя сбрасывать со счетов настроения в самом Пакистане, откуда время от времени делают вооруженные набеги те,

---

²⁵¹ См.: *Кривошеев К.* Южная Африка дошла до предела // *Коммерсантъ*. 2016. 9 июня.

²⁵² Цит. по: *Скосырев В.* В Кашмир накатил волна насилия // *Независимая газета*. 2016. 19 сент.

кто не может смириться с потерей части Кашмира. Террористические акции, осуществляющиеся группами с пакистанской территории, срывают намечающееся потепление межгосударственных отношений между этими ядерными державами. Не стоит забывать, что Индия и Пакистан — ядерные государства, «их ядерный статус — это фактор сдерживания, иначе это была бы катастрофа. До войны дело не дойдет. Есть и еще один фактор. СССР и США раньше соперничали в борьбе за влияние на Южную Азию. А сегодня Москва и Вашингтон при всех их противоречиях все сделают, чтобы две соседних страны не подходили к роковой черте»²⁵³. Тем не менее политико-территориальное соперничество в Кашмире и ракетно-ядерное вооружение обеих стран продолжается. В январе 2017 г. Пакистан провел испытания крылатой ракеты, заметно меняющее военно-политическую расстановку сил в Южной Азии, а незадолго до этого события пограничные силы безопасности Индии заявили, что «уничтожили» 14 пакистанских пограничных постов в штате Джамму и Кашмир. Со стороны Исламабада не последовало каких-либо комментариев²⁵⁴.

Индия, превосходящая Пакистан и численностью населения, и оснащением боевой техникой, опасается, однако, не только Китая, который патронирует Исламабад, но и мощи всего исламского мира, который вряд ли будет в стороне, если Дели отправит свои войска против Пакистана. Словом, и здесь исламский фактор выступает в качестве сдерживающего начала.

Учитывая ядерные обстоятельства, следовало бы и Исламабаду, и Дели не вступать в бесконечные переговоры и встречи руководителей, а создать более действенный механизм по решению кашмирской и прочих проблем, в том числе и касающихся положения мусульман в самой Индии, которых в ней не менее 100 млн человек. Может быть, принятие этих государств в ШОС послужит становлению такого механизма.

Опасность распространения террористической деятельности ИГИЛ на Индию имеется. Тем более что и Пакистан, и Афганистан, соседствующие с Индией в этом регионе, подвержены мощным атакам ИГИЛ, «Аль-Каиды» и других террористических организаций. Проиндийские силы в США и ряде других стран пытаются склонить

---

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Коротко. Индия-Пакистан // Независимая газета. 2016. 21 нояб.

Вашингтон к предоставлению той поддержки, какую Белый дом, несмотря на усиление своих связей с Дели, в том числе военных, продолжает оказывать Пакистану. При этом политическая игра идет на кашмирском поле, на котором весьма активны исламистские силы, базирующиеся в Пакистане, и вольно или невольно Исламабад снисходителен к ним. Примечательно мнение Т. Шаумян, согласно которому «даже под нажимом США Пакистану трудно изменить политику в Кашмире. Это длительный процесс. Некоторое снижение напряженности может произойти. Но все равно останутся те люди, которые организуют террористические акции. Они никуда не денутся, так что противоречия сохраняются»²⁵⁵. В Пакистане имеются силы, и немалые, которые выступают за присоединение индийской части Кашмира, притом они ссылаются не только на этноконфессиональную общность населения, но и на логику исторического раздела Британской Индии после Второй мировой войны, когда в ходе обретения ею независимости в основу политики территориального выделения земель был положен религиозный фактор.

Индийский премьер (характеризующийся непредсказуемостью и воинственностью. — *Авт.*), не называя Пакистан, указал, что «по соседству с Индией располагается гнездо террористов, и добился осуждения кругов, которые их вскармливают»²⁵⁶. Тем самым проявилось не только его стремление бороться с терроризмом, но и попытки изолировать Пакистан на мировой арене. В свою очередь Исламабад такая позиция Индии не устраивает, и пакистанские власти не могут снисходительно смотреть на индо-государственные замыслы.

---

²⁵⁵ Цит. по: *Скосырев В.* Вашингтону предлагают нажать на Исламабад // Независимая газета. 2017. 14 февр. — Отношения США и их стратегического союзника в Азии — Пакистана — столкнулись с серьезным испытанием. Глава пакистанского Сената Р. Раббани объявил об отказе от участия в заседании Межпарламентского союза (МПС), проходившего в Нью-Йорке под эгидой ООН, а также о прекращении контактов с посещающими Исламабад членами Конгресса США, дипломатами и представителями Белого дома. Поводом для этого стал фактический отказ во въездной визе в США вице-спикеру Сената М. Абдул-Гафуру Хайдери, представляющему радикальную исламскую партию «Джамиат Улема-и-Ислам». Пакистан стал первым исламским государством — союзником США, рискнувшим вступить в открытый дипломатический конфликт с администрацией президента Д. Трампа. См.: *Строкань С.* Пакистан заело за въездное // Коммерсантъ. 2017. 14 февр.

²⁵⁶ *Скосырев В.* Риск войны между Индией и Пакистаном возрастает // Независимая газета. 2016. 25 окт.

Получается, терроризм на руку и тем и другим: если пакистанское правительство не в состоянии контролировать исламистские группировки в стране, то в Дели террористические акции, исходящие из-за границы, используются в антипакистанской политике. На наш взгляд, миротворческую, в том числе антитеррористическую, роль должна сыграть ШОС. Но, даже подписав соглашение об обязательствах быть добрыми соседями, оба государства не избавят мир от угрозы столкновений, ибо, как говорил Дж. Неру, «кашмирская проблема — не болезнь, а симптом болезни», которой является «ненависть Пакистана к Индии», и к этому высказыванию С. Лунев добавляет «ненависть Индии к Пакистану». В. Скосырев, приводя эти высказывания, показывает на примере мирового опыта: «самая опытная форма взаимоотношений — это общая цивилизация при разных религиях»²⁵⁷. Важно при этом, что семья Дж. Неру происходит из среды кашмирских брахманов (брахманы пандиты), переселившихся из Кашмира еще в Средние века.

Очевидно, что в отношении мусульман не срабатывало положение о «широкой способности индуизма поглощать иноплеменные, инациональные культы, включать их в свою весьма пеструю систему» [130, с. 283]. Несомненно, на этноконфессиональных отношениях Индии и Пакистана сказываются обиды, нанесенные друг другу, откровенная вражда, порожденная участием Индии в вооруженной борьбе народа Восточного Пакистана за свою независимость и образование государства Бангладеш [131]. И ведь неслучайно в Бангладеш участились в последнее время нападения бенгальцев на живущих там индийцев²⁵⁸. По-видимому, это своеобразный отклик мусульман Бангладеш на притеснение их собратьев по религии со стороны неисламского населения Индии. Вероятно, память о военной помощи, предоставленной Индии в деле отделения Восточного Пакистана от Пакистанского государства и образования независимой, суверенной Бангладеш перед индийским натиском, ослабла и не дает прежнего благодатного эффекта.

Понимая всю ответственность за реальное примирение с мусульманами, премьер-министр Индии Н. Моди выступил на проходившем в Дели в марте 2016 г. Международном Суфийском форуме.

²⁵⁷ Скосырев В. ШОС может стать заложником индо-пакистанской вражды // Независимая газета. 2016. 23 июня.

²⁵⁸ Attacks on Hindus in Bangladesh // The New York Times. 2016. November 16.

В своей речи он призвал к любви и сплочению, чтобы спасти мир от насилия, терроризма. Индийский премьер особо подчеркнул, что независимо от этничности и вероисповедания «мы — одна семья», и что в ниспосланном Богом Коране человечество обозначается единым. Он высоко оценил этот форум, на котором рассматривались актуальные вопросы критической ситуации насилия, в которой «человечество оказалось само», а «вы — суфии, являете в ней свет надежды». Н. Моди, высказывая суждения о суфизме, выдвинул интересные мысли: «Начиная со времени своего происхождения в Египте и Западной Азии, суфизм распространился в далекие страны, высоко воздевая знамя веры и гуманитарных ценностей, вбирая духовные идеи других цивилизаций, привлекая людей к жизни и посланий их святым. В различных местах Сахарской Африки или в Юго-Восточной Азии, в Турции или в Центральной Азии, в Иране или в Индии суфизм отражал свое универсальное гуманистическое желание идти, следуя практике и ощущениям религии для более глубокого единения с Богом»²⁵⁹.

Столь подробный отрывок из речи премьер-министра Индии Н. Моди был необходим, ибо таким образом появилась возможность полнее раскрыть взгляды индийского руководителя на ислам: они, оказывается, не столь антимусульманские, как о том нередко пишут. Более того, в своей аргументации выдвигаемых позиций в отношении суфизма он дополняет новыми чертами миссию ислама как религии, образа жизни и политики и разъясняет ее ответственность перед вызовами современности. Для понимания суфийских ценностей в исламе стоит, на наш взгляд, обратить внимание на посвящение книги К. С. Азими «Адаму, первому суфии во Вселенной» [132].

Пострановое исследование исламистских движений в различных регионах исламского мира позволяет прийти к выводу о том, что развитие радикализма в исламе выходит далеко за пределы только религиозных и политических изменений. Оно приобретает трансграничный характер, создавая зоны нестабильности вне политических и культурных границ. Характерная черта исламистских движений — хаос, разрушение сложившейся религиозной, правовой системы ислама, подрыв единства мусульманского общества.

---

²⁵⁹ Koca Z. E. Indian PM Modi: Love and Solidarity Will Save Us from Ascending Terror // Daily Sabah. 2016. March 23.

Радикализация исламистских движений ведет к формированию новой гецивилизационной и геополитической реальности в мире. Ее суть — осуществление исламистского религиозно-политического проекта, который в будущем, с завоеванием Мекки и Медины, должен реализовываться в создании всемирного халифата, стать альтернативой западной гецивилизации. В рамках такого проекта национальное государство утрачивает свое суверенное и независимое значение, становясь жертвой массовых исламистских течений радикального типа. Исламистское государство должно включать в себя территории всех мусульманских стран, объединяя мусульман любых национальностей по принципу единства веры, культуры, соблюдения шариата. Возможно, этот проект отражает глобальную тенденцию современности — интеграцию стран и народов. Тем более что интеграционные намерения присущи многим государствам мира, в том числе и в мусульманском сообществе. Предпринимались даже попытки объединения тех или иных государств. Одним из самых ярких последователей интеграции арабских государств был М. Каддафи. Об этом не в прямую, но косвенно писала Х. Клинтон²⁶⁰.

При любом варианте развития морально-религиозной ситуации, исламистский радикализм является долговременным структурным фактором, влияющим на обстановку во многих других мусульманских странах. В связи с этим США с союзниками по коалиции в антитеррористической борьбе в Ираке и Сирии усиливают свои операции с конца мая 2016 г. Заметный вклад в эту борьбу вносят договоренности, достигнутые министрами обороны России, Ирана и Сирии на переговорах в июне 2016 г.²⁶¹ Спустя некоторое время к ним присоединилась Турция. Возник влиятельный геополитический треугольник «Россия — Иран — Турция», целью которого стало умиротворение в Сирии. Несомненно, определенный позитив в разрешении сирийского кризиса сыграли встречи в Астане, проходившие в Казахстане в течение 2017 г., и в Женеве. Астанинская платформа послужила своеобразным прологом в договоренностях по созданию зон деэскалации (безопасности) в Сирии.

---

²⁶⁰ См. Никифоров О. КАРТ-БЛАНШ. Демократизация не всегда приводит к замирению. Предшественником арабской весны было насильственное насаждение западных ценностей в Ираке // Независимая газета. 2016. 1 февр.

²⁶¹ Строкань С., Кривошеев К., Сафонов И. Министры обороны обсудили наступление // Коммерсантъ. 2016. 10 июня.

Впереди, увы, еще немало сражений с радикальными исламистскими движениями, притом сражений военных, информационных, пропагандистских и идеологических. И вряд ли грубая сила, надуманные обвинения, вымыслы и наветы смогут помочь в предотвращении террористических актов, экстремистских вылазок исламистов или любых иных антицивилизационных действий. Необходимо также устранить причины, вызывающие жестокие поступки, прикрываемые исламским вероучением.

В заключение этой статьи приведу выдержку из газетного материала М. Б. Пиотровского, в котором его оценку ислама стоит признать верной: «Сегодня много острых вопросов связано с исламом. Есть люди, которые представляют историю ислама как борьбу мусульман с христианами, крестовые походы. Миграцию трактуют как крестовый поход ислама обратно в Европу. Аскетический, фанатичный ислам был всегда. Но этим не исчерпывается все, что в нем было. Забывают о красивой жизни, свободомыслии, о богословии и философии, которые уживались и воевали друг с другом... Сегодня два образа ислама противопоставляют»²⁶².

Литература

1. Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах. Вып. 1. 10 лет со дня «чёрного вторника» сентября 2001. М.: Грифон, 2012. 830 с.
2. Шлыков П. В. Альтернативные подходы к евразийской интеграции: сравнительный анализ турецкого евразийства // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 45–51.
3. Каграманов Ю. Два пути от Рокамадура. Европа между крестом и полумесяцем // Новый мир. 2015. № 7. С. 144–151.
4. Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-восточной Африки. Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН / отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М: URSS/ЛЕНАНД, 2015. 424 с.
5. Ягья В. С. Радикал-экстремизм в мире ислама: североафриканский ареал // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 1, т. 61. С. 121–128.
6. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в. / сост., пре-

---

²⁶² Пиотровский М. Б. Войны памяти будут всегда // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 29 марта.

- дисл., общ. ред. К. М. Антонова. 2-е изд. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014. 263 с.
7. *Грюнебаум Г. Э.* Классический ислам: Очерк истории (600–1258) [пер. с англ.] / [отв. ред., авт. предисл. и коммент. В. В. Наумкин. М.: Наука, 1988. 215 с.
  8. *Добаев И. П.* Истоки терроризма на Ближнем и Среднем Востоке и факторы, определяющие его современную активизацию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 2. С. 156–164.
  9. *Загорский А. В.* Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 118 с.
  10. *Яшлавский А.* Джихадисты из Европы на Ближнем Востоке: скрытая и явная угрозы // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 18–29.
  11. *Ярлыкапов А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 134. М.: Институт этнологии и антропологии. 21 с.
  12. *Шамир И.* Хозяева дискурса: американо-израильский терроризм. М.: Гилея, 2003. 207 с.
  13. *Мчедлова М. М.* Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире. 2015. № 11 (1). С. 93–102.
  14. *Мчедлова М. М.* Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77–84.
  15. *Вайс М.* Исламское государство: Армия террора / Майкл Вайс, Хасан Хасан; пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.
  16. *Акжюль А.* Справедливый порядок и новый мир / пер. с турецк. яз. Стамбул: [Б. и.], 2015. 376 с.
  17. *Игнатенко А. А.* Zenit исламской мысли. В 3 т. Т. 3. Зеркало ислама: становление исламского мистицизма. СПб.: Алетейя, 2016. 256 с.
  18. *Пономарева Е. Г., Рудов Г. А.* «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон, 2016. 309 с.
  19. *Набиев Р. А.* Власть и религиозное возрождение. Сер. Культура, религия и общество. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 304 с.
  20. *Шарипова Р. М.* Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги исламского мира. М.: Наука, 1986. 137, [3] с.
  21. *Аджиб Ш.* Геополитическая модель влияния исламского фактора на политический процесс на Ближнем Востоке // Власть. 2016. № 11. С. 209–212.
  22. *Модестов С. А.* Геополитика арабо-мусульманских стран и Израиль. М.: Центр оборонных проблем Академии военных наук, 2004. 287 с.
  23. *Мейер М. С.* Россия и исламский мир // Исторический вестник. 2015. Т. 11 (158). С. 12–37.
  24. *Ramadan T.* Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation. New York: Oxford University Press, 2009. 372 p.
  25. *Малашенко А.* Надо ли бояться ислама? М.: Весь мир, 2017. 144 с.
  26. *Чатри Хеманандха.* Дипломатия римской Католической церкви на современном этапе европейской интеграции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. 156 с.

27. *Архимандрит Августин (Никитин)*. Ислам в Европе. СПб.: Изд-во Центра Специального образования, 2009. 655 с.
28. *Наумкин В. В.* Мусульмане на Западе // *Международные процессы*. 2010. Т. 8, № 3 (24). С. 31–39.
29. *Глабб Дж. Б.* Арабская империя / пер с англ. А. П. Саниной. СПб.: Евразия, 2009. 526, [1] с.
30. *Васильев А. М.* Цунами революций // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 3. С. 2–18.
31. *Васильев А. М., Петров А. Н.* Рецепты Арабской весны: русская версия. М.: Алгоритм, 2012. 304 с.
32. *Хошев А. Ю.* Правовое положение христианских храмов в мусульманских государствах средневековья // *Власть*. 2016. № 6. С. 165–169.
33. *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М.: Наука, 1965. 280 с.
34. *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.; Л.: Наука, 1964. 336 с.
35. *Derbisali S. A. B.* Islam Religion of Peace and Creation. [Almaty]: ND. 455 p.
36. *Хамидов Е. Н.* О неизвестной рукописи шейха Зайнуллы Расулева // *Kazan Islamic Review*. 2015. № 1. С. 106–114.
37. *Шагавиев Д. А.* Предание о 73 сектах (хадис ал-ифтирак) в вероучении суннитов: наследие и современность // *Kazan Islamic Review*. 2015. № 1. С. 116–130.
38. *Джемаль Г.* Освобождение ислама. М.: Умма, 2004. 413 с.
39. *Джемаль Г.* Революция пророков. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.
40. *Гайнутдин Р. И., Мухетдинов Д. В.* Взгляды ал-Газали на проблему правверия // *Ислам в современном мире*. 2016. 12 (1). С. 21–38.
41. *Игнатенко А. А.* Эндогенный радикализм в исламе // *Центральная Азия и Кавказ*. 2000. № 2 (8). С. 112–128.
42. Ислам и христианство: на пути к диалогу. К 40-летию принятия декларации «Nostra aetate» / под ред. А. Журавского. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. 75 с.
43. *Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н.* Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. М.; СПб.: Ин-т Африки РАН, 2016. 640 с.
44. *Примаков Е. М.* Мысли вслух: попытка осмыслить пережитое страной в XX веке и мнение о ее способности вписаться в реалии XXI столетия. М.: Российская газета, 2011. 207 с.
45. *Atos Elon.* The Israelis: Founders and Sons. New York: Penguin, 1983. 359 p.
46. *Ливен А.* Анатомия американского национализма / пер. с англ. А. Мовчан. М.: Изд-во «Э», 2015. 509 с.
47. *Хобсбаум Э.* Нация и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильев. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
48. Аллах не любит Америку / под ред. А. Парфрея. М.: Ультра; Культура, 2003. 432 с.
49. *Гаджимурадова Г. И.* Женская миграция из арабо-мусульманских стран в Европу: причины, современное состояние и перспективы // *Власть*. 2016. № 2. С. 147–149.

50. Маноило А. «Мягкая сила» террористов // Стратегия России. 2016. № 5. С. 51–60.
51. Дьков Н. Н. Рецензия на коллективную монографию: Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Страны Северной и Северо-Восточной Африки / Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН; отв. ред. А. Д. Саватеев, Э. Ф. Кисриев. М.: ЛЕНАНД, 2015. 424 с. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Востоковедение. Африканистика. 2015. Вып. 4. С. 127–133.
52. Иванишина М. П. Религиозный мир Петербурга. Православное христианство. Ислам. Иллюстрированный справочник-путеводитель. М-во культуры РФ, Гос. музей истории религии / под ред. Л. А. Мусиенко, Е. А. Терюковой. СПб.: Гос. музей истории религии, 2014. 95 с.
53. Дербисали А. Б. Религиозное возрождение как феномен духовного развития казахстанского общества // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти: Международная научная конференция. Казань, 29–30 мая 2015 г.: сб. материалов / сост. и отв. ред. Р. А. Набиева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 22–32 (сер. Культура, религия и общество. Вып. 27).
54. Мчедлова М. М. Российская цивилизация: ценностная консолидация и солидарные основания // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти / Международная научная конференция, Казань, 29–30 мая 2015 г.: сб. материалов / сост. и отв. ред. Р. А. Набиева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 12–21 (сер. Культура, религия и общество. Вып. 27).
55. Коран / пер. и коммент. Д. Н. Богуславского; сост. Е. А. Резван; вступит. ст. А. Н. Вейрауха. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», Восточная литература, 1995. С. 517–554.
56. Резван Е. А. Коран и его мир. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 608 с.
57. Грязневич П. А. Предисловие ко второму изданию // Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М.: Наука, 1986. С. 3–14.
58. Крачковский И. Ю. Испытание временем. Мысли к 45-летию научной работы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. Вып. 8. С. 564–596.
59. Said E. W. Covering Islam. Revised Edition. New York: Vintage Books, Random House Inc., 1997. 200 p.
60. Олбрайт М. Религия и мировая политика / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 352 с.
61. Сотниченко А. А. Сборник научно-исследовательских и аналитических материалов по межнациональным отношениям для населения и муниципальных служащих. ИГИЛ: угроза для России и пути ее преодоления. СПб.: [Б. и.], 2015. 68 с.
62. Примаков Е. М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012. 402 с.
63. Шумовский Т. А. Слово о Коране // Священный Коран: страницы вечных мыслей / поэтич. пер. с араб. Т. А. Шумовского. М.; СПб.: АСТ: Северо-Запад Пресс, 2002. 534 с. С. 3-26.

64. Кириллина С. А., Мейер М. С. Священная книга мусульман: Коран в трудах отечественных исламоведов // Исторический Вестник. 2015. Т. 11 (158). С. 256–282.
65. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука, 1991. 219 с.
66. Зину Мухаммед ибн Джамиль. Столпы ислама и веры / пер. с араб. М.: ПК «Сантлада», 1992. 153 [4] с.
67. Порохова В. М. Вступление (от переводчика) // Коран / пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. М.: Аль-Фуркан, 1997. 800 с. С. 7–16.
68. Yagya V. S. Current policy of Ethiopia: new challenges (XXI century) // Abstracts, XVII International Conferences of Ethiopian Studies / comp. by Akilla Yilma. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies. 2009. P. 197–198.
69. Ягья В. С. Церковь Эфиопии и ее влияние на общественно-политическую жизнь страны // Атеизм. Религия. Современность: сб. научн. статей / гл. ред. В. Н. Шердаков. Л.: Наука, 1973. С. 136–149.
70. Ибрагим Т. К. Коранический гуманизм. М.: ИД «Медина», 2015. 576 с.
71. Фролова Л. Н. Лексико-семантические особенности перевода Корана // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 208–211.
72. Fuller G. E. A world without Islam. New York; Boston; London: Back Bay Books Little, Brown and Company, 2012. 385 p.
73. Мухетдинов Д. Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации. М.: ИД «Медина», 2016. 84 с.
74. Мельков С. А., Ряжалов Н. Х. ИГИЛ под микроскопом экспертов // Власть. 2015. № 12. С. 163–165.
75. Гаджиев К. С. Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей // Власть. 2015. № 3. С. 5–13.
76. Пасандиде С. Взгляды Абу-ль-Хасана аль-Маварди на государство и власть // Власть. 2016. № 1. С. 188–191.
77. Примаков Е. М. Россия: надежды и тревоги. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015. 180 с.
78. Ислам в XXI в.: программа обновления (сб. докладов) / отв. ред. Дамир Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2016. 196 с.
79. Музалёв А. А. Территориальная организация инфраструктуры религиозных геосистем в Республике Адыгея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: Философия, история, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология. 2007. № 1. С. 411–416.
80. Памук О. Турция. Биография Стамбула / [пер. с тур. Тофик Меликли и Михаил Шаров]. СПб.: Амфора, 2009. 499, [1] с.
81. Абу Амина Биляль Филипс. Эволюция Фикха. Исламский Закон и Мазхабы / пер. с англ. Уфа: ООО «Салом», 2001. 224 с.
82. Луис Б. Ислам и Запад / пер. с англ. яз. С. Кулланда. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. 317 с.
83. Хаим бен Яаков. Еврейский вопрос в Еврейском государстве: опыт формирования национального характера современного демократического государства / при участии З. Ханина. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2015. 186, [1] с.

84. Ягья В. С., Гладкий Ю. Н. Лев Гумилев: трудная судьба учения. (К 100-летию со дня рождения автора) // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 2 (27). С. 174–178.
85. Antić Ć., Kestanović H. The History of the Republic of Srpska. Belgrade, 2016. 584 с.
86. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.
87. Видяева М. Ф., Гасанбекова Т. И. Двуликий Янус умеренного исламизма. Постереволюционная борьба в Турции и Египте. М.: Ин-т стран Азии и Африки Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2013. 140 с.
88. Каплан Р. Место в географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ М. Котова. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.
89. Международный терроризм: политический анализ рисков и стратегий обеспечения безопасности: [в 3 т.] / Артемчук Г. В. [и др.]; гл. ред. А. А. Оводенко; науч. ред. В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко, С. В. Орлов. СПб.: Наука, 2008. 450 с.
90. Ягья В. С. На повестке дня G-3 // Международные отношения и диалог культур: сб. научн. статей / гл. ред. С. Н. Погодин. СПб.: Изд-во Политех. ун-та СПб., 2016. № 4 (2015). С. 9–65.
91. Авдеев Ю. И. Современный международный терроризм: новые угрозы и актуальные вопросы противодействия // Актуальные проблемы Европы. 2003. № 1. С. 10–26.
92. Барышников Д. Н. Международный терроризм в условиях глобализации. <http://anthropology.ru/ru/text/baryshnikov-dn/mezhdunarodnyu-terrorizm-v-usloviyah-globalizacii>.
93. Косов Ю. В. О терроре и терроризме // Россия в глобальном мире. 2002. С. 300–302.
94. Mirsky G. Islamic fundamentalism and International Terrorism // Russia and the Modern World. 2002. Vol. 3. P. 2–15.
95. Джаббари Насир Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4. С. 665–676.
96. Мирский Г. И. Смерч от Океана до Залива // Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. Научно-литературный альманах. Вып. 1. 10 лет со дня «черного вторника» сентября 2001 года. 2-е изд. доп. М.: Грифон, 2012. 500 с.
97. Тарик Али. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность / [пер. с англ. яз. Старосты А. В.]. М.: АСТ; Астрель, 2006. 528 с.
98. Одилов Н. Идеиное пространство Гюлена. Стамбул; М.: Новый свет, 2010. 243 с.
99. Gülen F. Toward global Civilization of Love and Tolerance. New Jersey: Tughra Books, 2009. 291 p.
100. Васильев А. М. Цунами революций не спадает // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 2–9.
101. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. Моск. Центр Карнеги. М.: Весь мир, 2006. 221 с.
102. Жилинский Е. В. Убыль населения и реформа населения // Власть. 2016. № 5. С. 89–90.

103. *Добаев И. П.* Истоки терроризма на Ближнем и Среднем Востоке и факторы, определяющие его современную активизацию // Ученые записки. 2016. № 2. С. 156–164.
104. *Маккарти Дж.* Турки и армяне: Национализм и конфликт в Османской империи / пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 311 с.
105. *Ночвина Б. А.* Вызовы глобализации в концепции современного католицизма // Власть. 2015. № 12. С. 124–128.
106. *Ягья В. С.* Мысли нараспашку. СПб.: Европейский Дом, 2008. 620 с.
107. Рассвет над Петербургом. Санкт-Петербург в мировом сообществе / отв. ред. В. С. Ягья. СПб.: Европейский Дом, 2005. 269 с.
108. *Церницкая О. Л.* Православная духовная миссия и глобальные модернизационные процессы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 248 с.
109. *Дружинина К. С.* Концепция прав и свобод человека в Русской Православной Церкви в контексте мировой политики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 344 с.
110. Православие и власть: традиция и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, проведенной общественной организацией «Собор православной интеллигенции» во имя святого преподобного Серафима Вырицкого в рамках Форума «Православие и суверенитет». 19–21 апреля 2007 г. / отв. ред. А. Н. Швечиков, ред. Т. Н. Федорова. СПб.: СПГУТД (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна), 2007. 399 с.
111. *Френкель И.* Пророчество и политика: социализм, национализм и русское еврейство, 1867–1917 / под общ. ред. В. Левина; [пер. с англ. С. Ильин]; Ассоциация «Мосты культуры / Гишрей тарбут», Русское общество друзей Еврейского ун-та в Иерусалиме [и др.]. Иерусалим; Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 846, [1] с.
112. *Avineri Sh.* The Making of Modern Zionism: The Intellectual Origins of the Jewish state. New York: Basic books, 2017. 244 с.
113. *Идрисов Р., Пещеров Г.* Миграционная политика государства: поиск рационального пути в условиях геополитического переустройства мира // Власть. 2017. № 1. С. 126–129.
114. *Ягья В. С., Чернов И. В., Ковалевская Н. В.* Лингвистическое измерение мировой политики. 2-е изд. Берлин: Golden Mile Germany, 2013. 256 с.
115. Ислам в Западной Африке / отв. ред. А. М. Васильев. М.: Наука, 1988. 268 с.
116. *Мальшева Д. Б.* Религия и политика в странах Восточной Африки. М.: Наука, 1974. 168 с.
117. *Тарвердова Е. А.* Распространение ислама в Западной Африке (XI–XVI вв.) / отв. ред. М. А. Коростовцев. М.: Наука, 1967. 88 с.
118. *Халтурина Д. А.* Мусульмане Москвы. Факторы религиозной толерантности: (по материалам опроса в мечетях): [монография]. М.: Инст-т Африки РАН, 2007. 164, [1] с.
119. *Тагирджанова А. Н.* Мусульмане в жизни и культуре Петербурга. (XVIII–XIX вв.). СПб.: Изд-во Полторака, 2013. 81 с.

120. Ягья В. С. Триада «география-история-международные отношения» // Смыслы географии (экономические, социальные и политические аспекты): сб. научных трудов / ред. кол. Ю. Н. Гладкий, В. Д. Сухоруков, В. С. Ягья. СПб.: НОУ «Амадеус», 2002. С. 54–90.
121. Матвеев В. А. Российская идентичность мусульман Северного Кавказа: исторические особенности формирования и проявления в кризисных условиях на рубеже XIX — начала XX вв.: монография. Ростов н / Д: Изд-во ЮФУ, 2015. 158 с.
122. Архитектура интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Россия — Украина — Белоруссия: пути интеграции. Ялта-2011 // Международная жизнь. 2012. № 1. С. 96–140.
123. *Lazzerini E. J.* Rethinking the Advent of Jadidism // *Kazan Islamic Review*. 2015. № 1. P. 132–147.
124. Мухетдинов Д. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и концептуализации. М.: ИД «Медина», 2015. 164 с.
125. Арабский кризис: угрозы большой войны / под общ. ред. А. М. Васильева; отв. ред. А. Д. Саватеев, А. Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД, 2016. 344 с.
126. Дьяков Н. Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. (Средние века, новое время). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 344 с.
127. Сапронова М. А. Роль Абдель Азиза Бутефлики в урегулировании внутриаляжирского конфликта // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2016. Т. 16, № 3. С. 567–577.
128. Ходынская-Голенищева М. «Ливийский» урок. Цель оправдывает средства? М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 253, [3] с.
129. Прозорова Г. К. Запад перед лицом ливийского хаоса // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2016. № 3 (9). С. 70–85.
130. Токарев С. А. Религия в истории народов мира / [общ. ред. и предисл. А. Н. Красникова]. 5-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 2005. 542, [1] с.
131. *Drong A.* India's Role in the Emergence of Bangladesh as an Independent State // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. 2016. Т. 16, № 4. С. 736–744.
132. Азими К. С. Суфизм / ред. А. Г. Кудряшова. СПб.: «Диля», 2016. 288 с.
133. Жуковец Р. В присутствии Бога. Самопознание и мистический Путь в современном суфийском учении. М.: ИД «Свет», 2016.– 77 с.
134. Балдок Дж. Суфизм. Традиции. Основы. Учения / пер. А. Архипов; ред. А. В. Солдатов. М.: ИПЛ, 2016. 240 с. (сер. Мудрость Востока).

Контактная информация:

Ягья Ватаняр Саидович — д-р истор. наук, проф.; v.yagya@spbu.ru

Notes about Islam, Muslim World and Its Neighbors

Yagya Vatanyar S.

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The growth of Islamophobia in the world, especially in Western Europe and the USA, causes hostility of Muslims to the host countries. The claims of a number of researchers about the endogeneity of extremism inherent in Islam are wrong. Terrorism is used not only by Muslims but also by members of other religions. The war in Syria, generated by the Islamic state (an organization banned in Russia), is currently the main object of the fight against international terrorism.

Keywords: Islam, Koran, mercy, peacefulness, terrorism, Russia, war on terrorism, Western Europe, Islamic world, USA, Middle East, megacontinent of Euro-Afro-Asia.

References

1. *Trinity: Russia facing the Middle East and the West*. Nauchno-literaturny'i al'manax. Iss. 1. 10 let so dnia "chornogo vtornika" sentiabria 2001. Moscow, Grifon Publ., 2012, 830 p. (In Russian)
2. Shlykov P.V. Alternative Approaches to Eurasian Integration: Comparative of Turkish Eurasianism. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2016, no.9 (100), pp.45–51. (In Russian)
3. Kagramanov Yu. Two Ways from Rokamadur. Europe of the Cross and a Crescent. *Novyi mir*, 2015, no.7, pp. 144–151. (In Russian)
4. *Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. North and Northeast Africa*. Centr civilizacionny'kh i regional'nykh issledovaniy Instituta Afriki RAN. Eds A. D. Savateev, E. F. Kisriev. Moscow, URSS / LENAND Publ., 2015, 424 p. (In Russian)
5. Yagya V.S. Radical Extremism in Islamic World: North African Area. *Mirovaia e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, no.1, vol.61, pp.121–128. (In Russian)
6. "Science about Religion", "Scientific Atheism", "Religious Studies": Current Problems of Scientific Studying of Religion in Russia the 20 of the 21st Century. Comp., intr., ed. by K.M.Antonova. Moscow, Ortodox St. Tikhon's University Press, 2014, 263 p. (In Russian)
7. Gryunebaum G. E'. *Classical Islam*. [Transl. from English]. Ed., Intr., Comments by V. V. Naumkin]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 215 p. (In Russian)
8. Dobayev I.P. The Origins of Teorrorism in the Middle East and the Factors, Determining its Modern Revitalization. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski*, 2016, no. 2, pp.156–164. (In Russian)
9. Zagorskiy A.V. *International Peace Operation and Regional Security Governance*. Moscow, IMEMO Publ., 2015, 118 p. (In Russian)

10. Yashlavskiy A. The Jihadists from Europe in the Middle East: Phantom and Real Menace. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2015, no. 10, pp. 18–29. (In Russian)
11. Yarlykapov A. The Wahhabism Problem in the North Caucasus. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii*, no. 134. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 2000. 21 p. (In Russian)
12. Shamir I. *Owners of a Discourse: American-Israeli Terrorism*. Moscow, Gileia Publ., 2003. 207 p. (In Russian)
13. Mchedlova M. M. Islam and the Unity of the Russian Society: Modernity and Historical Experience. *Islam in the Modern World*, 2015, no. 11 (1), pp. 93–102. (In Russian)
14. Mchedlova M. M. Religions' Role in Contemporary Russian Society. *Sociologicheskie issledovaniia*, 2009, no. 12, pp. 77–84. (In Russian)
15. Vajs M., Hasan H. *ISIS: Inside the Army of Terror*. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2016. 346 p. (In Russian)
16. Akgyul' A. *Just Order and New World*. Transl. from Turkish. Stambul, [S. n.], 2015, 376 p. (In Russian)
17. Ignatenko A. A. *Zenith of an Islamic Thought*. Vol. 3. Zerkalo islama: Stanovlenie islamskogo misticizma. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2016, 256 p. (In Russian)
18. Ponomareva E. G., Rudov G. A. "Domino Effect": *World Politics at the Turn of the Century*. Moscow, Kanon Publ., 2016, 309 p. pp. 90–106. (In Russian)
19. Nabiev R. A. *Power and Religious Revival*. Ser. Kultura, religiia i obshchestvo. Kazan', Kazan' University Press, 2014, 304 p. (In Russian)
20. Sharipova R. M. *Pan-Islamism Today: Ideology and Practice of League of the Islamic World*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 137 p. (In Russian)
21. Ajib Sh. Geopolitical Model of Influence of Islamic Factor on the Political Process in the Middle East. *Vlast'*, 2016, no. 11, pp. 209–212. (In Russian)
22. Modestov S. A. *Geopolitics of the Arab-Muslim Countries and Israel*. Moscow, Centr oboronny'kh problem Akademii voenny'kh nauk Publ., 2004, 287 p. (In Russian)
23. Meyer M. S. Russia and the Islamic World. *Historical Vestnik*, 2015, vol. 11 (158), pp. 12–37. (In Russian)
24. Ramadan T. *Radical Reform: Islamic Ethics and Liberation*. New York, Oxford University Press, 2009, 372 p.
25. Malashenko A. *Should We Fear Islam?* Moscow, Ves' mir Publ., 2017, 144 p. (In Russian)
26. Chatri Xemapandxa. *Diplomacy of the Roman Catholic at European current stage of integration*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2010, 156 p. (In Russian)
27. Arximandrit Avgustin (Nikitin). *Islam in Europe*. St. Petersburg, Centr Special'nogo obrazovaniia Publ., 2009, 655 p. (In Russian)
28. Naumkin V. V. Muslims in the West. *Mezhdunarodny'e processy*, 2010, vol. 8, no. 3 (24), pp. 31–39. (In Russian)
29. Glabb Dzh. B. *The Empire of the Arabs*. [Transl. from English by A. P. Sanina]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2009, 526, [1] p. (In Russian)
30. Vasil'ev A. M. Tsunami of Revolutions. *Aziia i Afrika segodnya*, 2011, no. 3, pp. 2–18. (In Russian)

31. Vasil'ev A. M., Petrov A. N. *Recipes of the Arab Spring: Russian Version*. Moscow, Publ. Aloritm Publ., 2012, 304 p. (In Russian)
32. Khoshev A. Yu. Legal Status of the Christian Churches in the Muslim States in the Middle Ages. *Vlast'*, 2016, no. 6, pp. 165–169. (In Russian)
33. Belyaev E. A. *Arabs, Islam and the Arab Caliphate in the Early Middle Ages*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 280 p. (In Russian)
34. Pigulevskaya N. V. *Arabs Near Byzantine and Iranian Borders (4th — 6th cent.)*. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964, 336 p. (In Russian)
35. Derbisali S. A. B. *Islam Religion of Peace and Creation*. [Almaty], ND, 455 p.
36. Khamidov E. N. About Unknown Manuscript of Sheikh Zaynulla Rasulev. *Kazan Islamic Review*, 2015, no. 1, pp. 106–114. (In Russian)
37. Shagaviev D. A. The Tradition about 73 Sects (Hadith al-Iftiraq) in Sunni Muslim Creed: Heritage and Contemporaneity. *Kazan Islamic Review*, 2015, no. 1, pp. 116–130. (In Russian)
38. Dzhemal' G. *The Release of Islam*. Moscow, Umma Publ., 2004, 413 p. (In Russian)
39. Dzhemal' G. *Revolution of Prophets*. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ., 2003, 368 p. (In Russian)
40. Gaynutdin R. I., Muxetdinov D. V. Al-Ghazali's Conception of Faith. *Islam in the Modern World*, 2016, 12 (1), 21–38. (In Russian)
41. Ignatenko A. A. Endogenous Radicalism in Islam. *Central'aia Aziia i Kavkaz*, 2000, no. 2 (8), pp. 112–128. (In Russian)
42. *Islam and Christianity: to Dialogue. Adoption of the Declaration "Nostra aetate"*. Ed. by A. Zhuravskii. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut Sv. apostola Andreia Publ., 2006, 75 p. (In Russian)
43. Bekkin R. I., Tagirdzhanova A. N. *Muslim St. Petersburg. Historical Guide. Life of Muslims in the City on Neva and in Its Vicinities*. Moscow; St. Petersburg, Institut Afriki Publ., 2016, 640 p. (In Russian)
44. Primakov E. M. *Thinking Aloud*. Moscow, Russian newspaper Publ., 2011, 207 pp. (In Russian)
45. *Amos Elon. The Israelis: Founders and Sons*. New York: Penguin, 1983, 359 p.
46. Liven A. *An Anatomy of American Nationalism*. Transl. from English by A. Movchan. Moscow, «E» Publ., 2015, 509 p. (In Russian)
47. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. Transl. from English A. A. Vasil'ev. St. Petersburg, Publ. Aleteiia Publ., 1998, 305 p. (In Russian)
48. *Allah Does not Love America*. Ed. by A. Parfrei. Moscow, Publ. Ul'tra; Kul'tura Publ., 2003, 432 p. (In Russian)
49. Gadzhimuradova G. I. Women's Migration from the Arab-muslim Countries to Europe: Causes, Current Status and Prospects. *Vlast'*, 2016, no. 2, pp. 147–149. (In Russian)
50. Manojlo A. Soft power of terrorists. *Strategiia Rossii*, 2016, no. 5, pp. 51–60. (In Russian)
51. Diakov N. N. A Review of the Collective Monograph "Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World. North and Northeast Africa". Centr civilizacionny'kh i regional'ny'x issledovanii Instituta Afriki RAN. Eds A. D. Savateev, E. F. Kisriev. Moscow, URSS / LENAND Publ., 2015, 424 p. *Vestnik of St. Peters-*

- burg State University. Ser. Vostokovedenie. Afrikanistika, 2015, vol. 4, pp. 127–133. (In Russian)
52. Ivanishina M. P. *Religious World of St. Petersburg. Orthodox Christianity. Islam. The Illustrated Reference Book Guide*. Eds L. A. Musienko, E. A. Teryukova, Ministerstvo kul'tury RF, Gos. muzei istorii religii. St.Petersburg, Gos. muzei istorii religii Publ., 2014, 95 p. (In Russian)
  53. Derbisali A. B. *Religious Revival as a Phenomenon of Spiritual Development of Kazakh Society. Interconfessional Cooperation in the Area of Historical Memory*. Kazan', Kazan' University Press, 2016, 588 p. (In Russian)
  54. Mchedlova M. M. Russian Civilization: Value Consolidation and Solidarity Foundation. Interconfessional Cooperation in the Area of Historical Memory. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferenciia, Kazan', 29–30 maia 2015: sb. materialov*. Ed. by R. A. Nabiev. Kazan', Kazan' University Press, 2016, pp. 12–21 (Ser. Kul'tura, religiia i obshhestvo, vol. 27). (In Russian)
  55. *Koran*. Transl. and comments by D.N. Boguslavskii; ed.-comp. E. A. Rezvan; introductory article A.N. Veiraukh. Moscow; St. Petersburg, Vostochnaia literatura Publ., 1995, 576 p. (In Russian)
  56. Rezvan E. A. *The Koran and Its World*. St. Petersburg, Peterburskoie vostokovedenie Publ., 2001, 608 p. (In Russian)
  57. Gryaznevich P.A. *Preface to the second edition. Koran*. Transl. and comments I. Yu. Krachkovskii; ed. by V.I. Belyaev. Moscow, Nauka Publ., 1986, 727 p. (In Russian)
  58. Krachkovskii I. Y. the *Test of time. Thoughts to the 45th anniversary of scientific work*. Iss. 8. St. Petersburg: Peterburg Oriental studies, 1996. P. 564–596. (In Russian)
  59. Said E. W. *Covering Islam. Revised Edition*. New York, Vintage Books. A Division of Random House, Inc., 1997, 200 p.
  60. Albright M. *The Mighty and the Almighty. Reflections on America, God, and World Affairs*. Transl. from English. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2007, 352 p. (In Russian)
  61. Sotnichenko A. A. *The Collection of Research and Analytical Materials on the International Relations for the Population and Municipal Employees. ISIL: Threat for Russia and a Way of Its Overcoming*. St. Petersburg, [s.n.], 2015, 68 p. (In Russian)
  62. Primakov E. M. *Confidential: The Middle East on the Stage and Behind the Scenes*. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2012, 402 p. (In Russian)
  63. T. Shumovskii. The word of the Koran. *Koran [Tekst]*. Poetic Translation from Arabic by T. Shumovskii. St. Petersburg, AST: Severo-Zapad Press, 2002, pp. 3–26. (In Russian)
  64. Kirillina S. A., Meyer M. S. Muslims' Sacred Book: the Quranic Studies by Russian Islamic Scholars. *Historical Vestnik*, 2015, vol. 11 (158), pp. 256–282. (In Russian)
  65. Piotrovskii M. B. *Koranic legends*. Moscow, Nauka, 1991. 219 p. (In Russian)
  66. Zinu Muxammed ibn Dzhamil'. *Pillars of Islam and Faith*. Transl. from Arabian. Moscow, Santlada Publ., 1992, 153 [4] p. (In Russian)
  67. V. M. Porokhovaia. Introduction (by the Translator). *Koran: Semantic Translation with Comments Imam*. [Transl. from Arabian by V. M. Porokhovaia]; chief ed. Muxammed Said Al' Roshd. Moscow, Al'-Furkan, 1997, 800 p., pp. 7–16. (In Russian)

68. Yagya V.S. Current Policy of Ethiopia: New Challenges (XXI Century). *Abstracts, XVII International Conferences of Ethiopian Studies*. Compiled by Akilla Yilma. Addis Ababa, Publ. Institute of Ethiopian Studies Publ., 2009, pp. 197–198.
69. Yagya V.S. *Church of Ethiopia and Its Influence on Social and Political Life of the Country*. Ateizm. Religiya. Sovremennost'. Sb. nauchnykh statei. Chief ed. V.N.Sherdakov. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 136–149. (In Russian)
70. Ibragim T.K. *Koranic Humanity*. Moscow, Publ. Medina Publ., 2015, 576 p. (In Russian)
71. Frolova L. N. Lexical-semantic Features of the Koran Translation. *Vestnik of Adyge State University Press. Ser: Philology and History of Art*, 2009, no. 2. pp. 208–211. (In Russian)
72. Fuller G.E. *A World without Islam*. New York; Boston; London, Back Bay Books Little; Brown and Company, 2012, 385 p.
73. Muxetdinov D. *Russian Moslem: Traditions of Ummah in the Conditions of the Eurasian Civilization*. Moscow, Medina Publ., 2016, 84 p. (In Russian)
74. Melkov S.A., Ryazhchapov N.Kh. ISIL under the Microscope. *Vlast'*, 2015, no. 12, pp. 163–165. (In Russian)
75. Gadzhiev K.S. Fundamentalism in the Intersection of the Western and Islamic Values. *Vlast'*, 2015, no. 3, pp. 5–13. (In Russian)
76. Pasandide S. The views of Abu Al-Hasan-Mawardi on the state and authority. *Vlast'*, 2016, no. 1, pp. 188–191. (In Russian)
77. Primakov E.M. *Russia: Hopes and Alarms*. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2015, 180 p. (In Russian)
78. *Islam in the 21st Century: Program of Updating*. Ed. by Damir Muxetdinov. Moscow, Publ. Medina Publ., 2016, 196 p. (In Russian)
79. Muzalev, A. A. Territorial organization of the religious infrastructure of geosystems in the Republic of Adygea. *Vestnik of Adyge State University Press. Ser. Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies*, 2007, no. 1, pp. 411–416. (In Russian)
80. Pamuk O. *Turkey. Biography of Istanbul*. [Transl. from Turkish by Tofik Melikli and Mixail Sharov]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2009, 499, [1] p. (In Russian)
81. Abu Ameenah Bilal Philips. *The Evolution of Fiqh (Islamic Law and The Madh-habs)*. Transl. from English. Ufa, Publ. Salom Publ., 2001, 224 p. (In Russian)
82. Luis B. *Islam and West*. Transl. from English by S. Kulland. Moscow, Publ. Bibleisko-bogoslovskii institut Sv. apostola Andreia Publ., 2003, 317 p. (In Russian)
83. Khaim ben Yaakov. *Jewish Problem in the Jewish State: Experience of Formation of National Nature of the Modern Democratic State / Xaim ben Yaakov pri uchastii 3. Xanina*. Moscow; Ierusalim, Mosty kul'tury; Gesharim Publ, 2015, 186, [1] p. (In Russian)
84. Yagya V.S., Gladkii Yu.N. Lev Gumilev: the Difficult Fate of the Doctrine. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*, 2013, no. 2 (27), pp. 174–178. (In Russian)
85. Antič Č., Kecmanobuč H. *The History of the Republic of Srpska*. Belgrade, [S.n.], 2016, 584 p.
86. Primakov E.M. *World without Russia? Where Does the Political Myopia*. Moscow, Rossiiskaia gazeta Publ., 2009, 239 p. (In Russian)

87. Vidyayeva M. F., Gasanbekova T. I. *Two-faced Janus of Moderate Islamism. Postrevolutionary Fight in Turkey and Egypt*. Moscow, Moscow State University Press, 2013, 140 p. (In Russian)
88. Kaplan R. *The Revenge of Geography. What the Map Tells Us about Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. Transl. from English by M. Kotov. Moscow, Publ. KoLibri; Azbuka-Attikus Publ., 2015, 384 p. (In Russian)
89. *International Terrorism: Political Risk Analysis and Security Strategy* [Artemchuk G. V. etc.]. Chief ed. A. A. Ovodenko; eds V. N. Lukin, T. V. Musienko, S. V. Orlov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, 450 p. (In Russian)
90. Yagya V. S. On the Agenda of G-3. *Mezhdunarodnye otnosheniia i dialog kul'tur*. Sb. nauchnykh statei. Chief ed. S. N. Pogodin. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Press, 2016, no. 4 (2015), pp. 9–65. (In Russian)
91. Avdeev Yu. I. Modern International Terrorism: New Threats and Topical Issues of Counteraction. *Aktual'nye problemy Evropy*, 2003, no. 1, pp. 10–26. (In Russian)
92. Baryshnikov D. N. *The International Terrorism in the Conditions of Globalization*. <http://anthropology.ru/ru/text/baryshnikov-dn/mezhdunarodnyy-terrorizm-v-usloviyah-globalizacii>. (In Russian)
93. Kosov Yu. V. About Terror and Terrorism. *Rossiiia v globalnom mire*, 2002, pp. 300–302. (In Russian)
94. Mirsky G. Islamic Fundamentalism and International Terrorism. *Russia and the Modern World*, 2002, vol. 3, pp. 2–15.
95. Dzhabbari Nasir X. Iran's Potential in Fighting International Terrorism. *Vestnik of the Peoples Friendship University of Russia (RUDN). Journal International Relations*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 665–676. DOI: 10.22363/231306602016164665-676. (In Russian)
96. Mirskii G. I. A Tornado from the Ocean to the Gulf. *Trinity: Russia Facing the Middle East and the West*. Nauchno-literaturnyi al'manax, iss. 1. Moscow, Grifon Publ., 2012, 500 p. (In Russian)
97. Tarik Ali. *Clash of Civilizations: Crusades, Jihad, Modernity*. [Transl. from English by A. V. Starosta]. Moscow, AST; Astrel' Publ., 2006, 528 p. (In Russian)
98. Odilov N. *Gulen's Ideological Space*. Stambul; Moscow, Novyi svet Publ., 2010, 243 p. (In Russian)
99. *Gülen F. Toward Global Civilization of Love and Tolerance*. New Jersey, Tughra Books, 2009, 291 p.
100. Vasil'ev A. M. The Tsunami of Revolutions Does Not Fall Down. *Aziia i Afrika segodnia*, 2011, no. 6, pp. 2–9. (In Russian)
101. Malashenko A. V. *Islamic Alternative and Islamic Project*. Moskovskii Centr Karnegi. Moscow, Ves' mir Publ., 2006, 221 p. (In Russian)
102. Zhilinskii E. V. Population Decrease and Health Care Reforms. *Vlast'*, 2016, no. 5, pp. 89–90. (In Russian)
103. Dobaev I. P. Terrorism in the Middle East: sources and factors of modern activation. *Uchenye zapiski*, 2016, no. 2, pp. 156–164. (In Russian)
104. Makkarti Dzh. Turks and Armenians. Transl. from English by L. Yu. Pantina. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2017, 311 p. (In Russian)
105. Nochvina B. A. The Globalization Challenges in the Modern Conception of Catholicism. *Vlast'*, 2015, no. 12, pp. 124–128. (In Russian)

106. Yagya V. S. *Thoughts Wide Open*. St. Petersburg, Publ. Evropeiskii Dom Publ., 2008, 620 p. (In Russian)
107. *Dawn over St. Petersburg. St. Petersburg in the International Community*. Chief ed. V. S. Yagya. St. Petersburg, Publ. Evropeiskii Dom Publ., 2005, 269 p. (In Russian)
108. Cerpiczkaya O. L. *Pravoslavnaia dukhovnaia missiia i global'nye modernizatsionnye processy*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2011, 248 p. (In Russian)
109. Druzhinina K. S. *The Concept of the Rights and Freedoms of the Person in Russian Orthodox Church in the Context of World Politics*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2013, 344 p. (In Russian)
110. *Orthodoxy and Power: Tradition and Present*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, provedennoi obshchestvennoi organizatsiei "Sobor pravoslavnoi intelligentsii" vo imia sviatogo prepodobnogo Serafima Vyritskogo v ramkakh Foruma "Pravoslavie i suverenitet". 19–21 apreliia 2007 g. Chief ed. A. N. Shvechikov, ed. by T. N. Fedorov. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (SPGUTD) Press, 2007, 399 p. (In Russian)
111. Frenkel' J. *Prophecy and Policy: Socialism, Nationalism and Russian Jewry, 1867--1917*. Ed. by V. Levin; [Transl. from English by S. Il'in]. Assotsiatsia "Mosty kul'tury / Gishrei tarbut", Russkoe obshchestvo druzei Evreiskogo unstituta v Ierusalime [etc.]. Ierusalim; Gesharim; Moscow, Publ. Mosty kul'tury Publ., 2008, 846 [1] p. (In Russian)
112. *Avineri Sh. The Making of Modern Zionism: The Intellectual Origins of the Jew State*. New York, Basic books, 2017, 244 c.
113. Idrisov R. F., Pescherov G. I. *Migration Policy: Search for a Rational Way in Terms of Geopolitical Reorganization of the World*. *Vlast'*, 2017, no. 1, pp. 126–129. (In Russian)
114. Yagya V. S., Chernov I. V., Kovalevskaya N. V. *Linguistic Dimension of Global Politics*. Berlin, Golden Mile Germany Publ., 2013, 256 p. (In Russian)
115. *Islam in the Western Africa*. Ed. by A. M. Vasil'ev. Moscow, Nauka Publ., 1988, 268 p. (In Russian)
116. Malysheva D. B. *Religion and Policy in the Countries of East Africa*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 168 p. (In Russian)
117. Tarverdova E. A. *Distribution of Islam in the Western Africa (the 11–16th Centuries)*. Ed. by M. A. Korostovcev. Moscow, Nauka Publ., 1967, 88 p. (In Russian)
118. Khalturina D. A. *Muslims of Moscow. Factors of Religious Tolerance*. Moscow, Institut Afriki RAN, 2007, 164, [1] p. (In Russian)
119. Tagirdzhanova A. N. *Muslims in Life and the Culture of St. Petersburg (XVIII–XIX vv.)*. St. Petersburg, Poltorak Publ., 2013, 81 p. (In Russian)
120. Yagya V. S. *Triada "geography — history — the international relations". Smysly geografii (ekonomicheskie, social'ny'e i politicheskie aspekty)*. Sb. nauchnykh trudov. Ed. board: Yu. N. Gladkii, V. D. Suxorukov, V. S. Yagya. St. Petersburg, NOU "Amadeus" Publ., 2002, pp. 54–90. (In Russian)
121. Matveev V. A. *Russian Identity of Muslims of the North Caucasus*. Rostov-na-Donu, Southern Federal University Press, 2015, 158 p. (In Russian)

122. Architecture of Integration Processes in the Former Soviet Union. Russia — Ukraine — Belarus: Ways of Integration. Yalta-2011. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2012, no. 1, pp. 96–140. (In Russian)
123. Lazzerini E. J. Rethinking the Advent of Jadidism. *Kazan' Islamic Review*, 2015, no. 1, pp. 132–147.
124. Muxetdinov D. *Russian Moslem: an Appeal to Judgment and Conceptualization*. Moscow, Medina Publ., 2015, 164 p. (In Russian)
125. *Arab Crisis: Threats of Big War*. In the Release of A. M. Vasil'ev; eds A. D. Savateev, A. R. Shishkina. Moscow, URSS / LENAND Publ., 2016, 344 p. (In Russian)
126. Dyakov N. N. *Muslim Maghreb. Sheriffs, Tariqas, Marabuta in the History of North Africa. (Middle Ages, Modern Times)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2008, 344 p. (In Russian)
127. Sapronova M. A. Abdelaziz Bouteflika's Role in the Settlement of the Internal Algerian Conflict. *Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). Journal of International Relations*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 567–577. (In Russian)
128. Khodynskaia-Golenishcheva M. *Libyan Lesson: the End Justifies the Means?* Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2013, 253, [3] p. (In Russian)
129. Prozorova G. K. The West Facing the Libyan Chaos. *Vestnik of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, 2016, no. 3 (9), pp. 70–85. (In Russian)
130. Tokarev S. A. *Religion in the History of People of the World*. Moscow, Respublika Publ., 2005, 542 [1] p. (In Russian)
131. Drong A. India's Role in the Emergence of Bangladesh as an independent state. *Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). Journal of International Relations*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 736–744.
132. Azimi K. S. *Sufizm*. Ed. by A. G. Kudriashov. St. Petersburg, Dilia Publ., 2016, 288 p. (In Russian)
133. Zhukovecz R. *In the Presence of God. Self-knowledge and a Mystical Way in the Modern Sufi Doctrine*. Moscow, Svet Publ., 2016, 77 p. (In Russian)
134. Baldok Dzh. *Sufism. Traditions. Bases. Exercises*. Transl. by A. Arxipov, ed. by A. V. Soldatov. Moscow, IPL Publ., 2016, 240 p. (Ser. "Mudrost' Vostoka"). (In Russian)

Author's information:

Vatanyar S. Yagya — Dr. Sci. in History, Professor; v.yagya@spbu.ru

УДК 327

The theory of regional security complexes in the Middle Eastern dimension

Jaroslaw Jarzabek

Institute of International Studies, University of Wrocław, Poland

The theory of regional security complexes assumes that security problems rarely impacts on large distances and the similar dangers occur mostly in specific regions. According to the original theory the Middle East is a typical conflict formation, with the Israeli-Palestinian conflict and Iraqi/Syrian crisis being the biggest problems and most serious threats to the regional security. The author argues however, that the Israeli-Palestinian conflict does no longer play a major role for the regional security, and the recent crisis in Iraq, though important, is of completely different character. The security of the Middle Eastern regional complex is now shaped and threatened by a different set of factors. The latter include primarily the arising Sunni-Shia hostility, growing popularity and importance of Islamic fundamentalism as well as the instability and unpredictability of local political regimes.

Keywords: *Regional security complex theory, Middle East, conflict formation, security threats, securitization, Israeli-Palestinian conflict, Iraqi crisis, Sunni-Shia hostility, Islamic fundamentalism, instability of political regimes.*

Introduction

The original theory of regional security complexes was developed by B. Buzan. O. Waever describes the Middle Eastern regional security complex as a standard one, with polarity determined by regional powers. It is also considered to be a typical conflict formation in terms of amity and enmity, where security politics is mainly shaped by the interrelations between the regional powers [1, p. 55–62]. At the same time, because of its global importance as a world leading oil and gas supplier as well as its geo-strategic location, it has drawn much attention from global powers and many great powers. The security of the region is also characterized by a much greater, than in most other regions, dynamics and variability of the main issues of conflict.

This is clearly seen when we take a look at the main sources of instability in the region and the reasons of conflicts in the Middle Eastern states

---

* Results of a research were also published in the magazine "Wschodnioznawstwo 2018" (Wrocław)

during the last few decades. Since the end of the Second World War and during the era of decolonization the Israeli-Arab conflict became a central security question. In the following years it has in some measure absorbed and prioritized all other security issues. Since the decade of 1970s it became, however, less intense and important. The modern-day Israeli-Palestinian conflict has a completely different character and its actual position in the hierarchy of regional security issues is incomparably lower. Much greater importance is now paid to such problems and threats as the ideology of Islamic fundamentalism and the activity of armed and terrorist groups which base on it. Other central issues include sectarian and ethnic violence, instability of political regimes and weakness of state structures, internal economic and social problems in individual countries, regional arms race, or conflicts for resources and raw materials.

The theory of regional security complexes

The theory of regional security complexes has been developed by B. Buzan, O. Waever and is one of the main issues marking out the so called Copenhagen School. The theory assumes that security issues can be grouped around geographically separated regional complexes. As the authors note, “anarchy plus the distance effect plus geographical diversity yields a pattern of regionally based clusters, where security interdependence is markedly more intense between the states inside such complexes than between states inside the complex and those outside it” [1, p. 46]. The regional security complex (RSC) is qualified around a group of states with a certain degree of security interdependence, which both, links them internally and differentiate them from surrounding regions. As such the boundaries of RSCs do not have to correspond to the boundaries of traditional geographical or geopolitical regions. B. Buzan and O. Waever note that “...RSCs define themselves as substructures of the international system by the relative intensity of security interdependence among a group of units, and security indifference between that set and surrounding units” [1, p. 48].

The geographical proximity plays a major role here, as security issues rarely affect more distant regions and security interactions are strongest between adjacent states. Sometimes, even internal armed conflicts start spreading from one neighboring state to another through the mechanism of contagion of organized violence [2]. The interdependence and intensity of security interactions between states within one security complex is

most visible in the military, political, societal and environmental sectors and to a lesser extent in the economic one. Likewise, the similar dangers and security threats occur mostly in specific regions and rarely impacts on large distances. Although "...all the states in the system are to some extent enmeshed in a global web of security interdependence" [1, p. 46], still interdependence between actors in the same region is much stronger than between actors from the different regions or between the whole regions.

The theory of regional security complexes distinguishes four levels of analysis on the study of regional security: domestic, regional, interregional and global. The domestic level covers the issues of internal security and stability as well as security threats and vulnerabilities generated by the sub-state actors and their interrelations. On the regional or state-to-state level, are the security interactions between states within one security complex? This is the level which, in theory, plays the major role in defining the security and where most interactions take place. The interregional level is on the other hand less important, because of the nature of the system, where interactions between states of different regional complexes are relatively limited. Finally, the global level resembles the influence of global and great powers on a given region and their interplay with regional security structures [1, p. 51].

The main theoretical tool of the theory of regional security complexes used to describe the regional differences is the concept of securitization [3]. Generally, it assumes that some decision-making centers, described as securitizing actors (governments, political leaders, lobbies, bureaucratic apparatus etc.) start the process of securitization. They do that by declaring that the object of security, which is some particularly protected value (like the state, society, territory, ideology, culture, economy, identity, environment etc.), is existentially threatened. This in turn sanctions the use of exceptional measures to protect the object of security. The undertaken actions, so called securitization move, are addressed to the specific recipient. The recipient needs to be convinced that the object of security is indeed existentially threatened and that measures to be undertaken are reasonable, necessary and appropriate to avert the danger [3].

Global and regional powers in the post-Cold War world (changes to the system)

The authors draw attention to distinction between superpower, great power and regional power. In their view, only *superpowers* influence the

system globally, being active in all or almost all regions of the world. Not only are they required to possess the greatest military capabilities and powerful economies to support and exercise their global interest. They also need to recognize themselves as a superpower and be accepted as such by other actors of the international system. They need to play an active role in the process of securitization and desecuritization, as well as to be the source of universal values and ideas they spread out on the global scale [1, p.34–35]. The *great powers* are the states able to affect a few selected regions. They do not possess first-class capabilities in all sectors, although they are usually characterized by high and balanced level of development of different sectors or unbalanced development of capabilities, with some sectors developed extremely well and others rather poorly. Beside possessing an appropriate military, economic and political potential and being able to influence developments in more than one region, great powers must be recognized as such by other actors and think of themselves as more than just regional powers or a potential superpower. *Regional powers* possess limited capabilities and are usually able to affect developments in only one region. They tend to play a crucial role in securitization and desecuritization processes in their particular region but are excluded from the decision-making processes related to other regions (even though some of them may think or wish otherwise) [1, p. 35–39].

According to B. Buzan and O. Waever one of the most important changes in the post-Cold War era is the evolution of the global security system. Of the 2+3 system, with two superpowers (USA and the Soviet Union) and three great powers (China, Europe and Japan), it has turned into the 1+4 system, with the USA as the only remaining superpower and a group of four great powers, which consist of China, the European Union, Japan and Russia [1, p. 445-446]. The authors believe that during the next decades this structure will not change. In their opinion, there is a small probability that the United States could be deprived of its status of the superpower, which in turn would lead to creation of a system without a nominal global superpower, but with a number of powers of equal rank. Even smaller is the probability that China or the European Union could raise to the role of global superpower, which would result in the reemergence of the system with two superpowers and a number of great powers [1, p. 446–447].

Consequences for the Middle East

The region of the Middle East for many centuries was marginalized in the world politics. Circumvented by the main land and sea trade routes and insignificant for the economic and political interests of the other region's states, it plunged into backwardness and underdevelopment. The renaissance of European interest in the region, which took the form of orientalism in the 19th century, started to slowly rebuild the ties between the Middle East and the rest of the world. The construction of the Suez Channel and discovery of the huge resources of oil, which in the 20th century became the main energy resource, had significantly accelerated this process. In the course of the Second World War and by the end of 1940s, the Middle East had become a main source of oil for Western Europe and Japan. At the same period of time, American oil companies took over control over a large portion of region's oil fields and oil production, primarily in the states like Saudi Arabia, Iran, Iraq, Bahrain, Qatar, Kuwait, United Arab Emirates or Libya [4, p. 65–66]. Even though between the 1950s and 1970s most of the region's states nationalized their oil resources, it did not significantly change the situation. The U.S., European and Japanese markets remained their main customers and the technical assistance from Western oil companies was still needed to drill and refine oil [5, p. 55–69]¹.

The clash of ideologies that accompanied the Cold War and divided many parts of the world into two sides fighting each other did also changed the geopolitics of the Middle East. The Soviet Union sought to protect its southern flank by installing there as many pro-Soviet regimes as possible and tried to undermine the influences of the Western bloc, initially mainly Great Britain and then the United States, by exploiting the growing anti-colonial sentiments. The United States in its turn, building on the assumptions of the Truman doctrine, tried to rebuff the Soviet attempts. The Middle East became a crucial area of interest clash of both sides. The United States had built its regional influences around a group of allied, dependent or client states, which included primarily Saudi Arabia, Turkey, Iraq (until 1958), Iran (until 1979), Israel (since the late 1960s), and Egypt (since the late 1970s). Of secondary importance were the smaller states aligned or dependent directly on the U.S. or on one of its major allies in the region, like Jordan, Morocco, Tunisia (until 1969), Oman,

---

¹ The agreements between Western oil companies and Arab governments were renegotiated and oil price had raised significantly after the Oil Crisis in 1973, but the shares and links remained strong in most cases to this day.

Kuwait, UAE, Qatar, Bahrain, North Yemen. The Soviet Union supported pro-Soviet or anti-Western regimes and its client states in Egypt (until mid-1970s), Syria, Iraq (since 1958), Algeria and South Yemen. Soviet efforts to build a coalition of aligned states in the Middle East were severely undermined by the invasion of Afghanistan in 1979, when a large part of the Muslim world, even the one earlier strongly anti-Western, turned against the Soviet Union [6, p. 65]².

While the network of pro-Soviet regimes did not survive the war in Afghanistan and the subsequent collapse of the Soviet Union, the system of alliances and coalitions created by the United States proved to be far more durable. Though designed primarily to deter the rise of Soviet influence in the Middle East during the Cold War, it proved to be as useful in extending the U.S. interests in the region after its end. In the initial period of post-Cold War era, Moscow tried to save the last remnants of their regional influences on regional security by attempts to play an active role in the Israeli-Palestinian peace process (Madrid Conference in 1991), by support US-led coalition of states against Saddam Hussein after his invasion of Kuwait and by developing economic cooperation with some of the region's states (though limited mainly to the arms sales) [6, p. 65–66]. All the Russian efforts had a very limited effect and throughout 1990s the whole region was affected by the growing influence of the United States.

Exceptionally important is the fact that the reduction of the number of existing superpowers from two to one resulted in the increase in the dynamics of regional security in the different parts of the world. On the regional level, actors obtained more space to act on their own without the interference by competing superpowers. However, the results of this process are very different depending on a particular region of the world. In case of the Middle East, it seems that the external pressure had not decrease, though the region was not affected by the Cold War-style superpower rivalry any more. On the contrary, it seems that the only remaining superpower, the United States, has come to be more than ever concerned by the security dynamics in the region.

The nature of the Middle East security complex

The Middle East security complex is described by B. Buzan and O. Weaver as a typical conflict formation. They draw the boundaries of

---

² After that the only Middle Eastern state with more intensive security cooperation with the Soviet Union remained Saddam Hussein's Iraq.

the region rather commonly, including all Arab states plus Israel and Iran. Afghanistan and Turkey play a role of isolators between the Middle East and respectively South Asia and Europe. They exclude Sudan from the Middle East, and consequently from the Middle Eastern regional security complex, which may raise some concern, especially after the partition of Sudan in 2011 on Arab-Islamic northern part and Negro-African, predominantly Christian South Sudan. The Middle East security complex is subsequently divided on three sub-complexes. The first one is Maghreb, consisting of the North African Arab states, including Morocco, Algeria, Tunisia and Libya. The Levant sub-complex includes Egypt, Israel with the occupied Palestinian Territories, Lebanon, Syria, Iraq and Jordan. Finally, the Gulf sub-complex includes Iran and all the states of the Arabian Peninsula: Saudi Arabia, Kuwait, Bahrain, Oman, Yemen, Qatar and United Arab Emirates [1, p. 187–189].

The Middle East regional security complex is characterized by high dynamics of local conflicts and by omni-presence of the United States. The end of the Cold War and the transformation of the global security system into 1+4 induced a significant change to this regional security complex, as it started the era of unipolar U.S. domination. This domination seriously changed the balance of power in the region, leading first and foremost to the tremendous rise of power of Israel, isolation of Iraq and Iran, as well as to the impairment of the former Soviet Union client states (in particular Syria). In the beginning of the 21st century, the security of the Middle East regional complex was in transition and was influenced mainly by the rising dynamics of regional and domestic conflicts and a constant domination of the United States on a global level, which was superimposed on a regional one. The peace process in the Levant sub-region and the policy of dual containment of Iraq and Iran in the Gulf were the central issues. It seemed very likely though that the probable defeat of both of them (the peace process and dual containment) might lead to the end of the transition phase and might intensify internal dynamics in the Middle East regional security complex [1, p. 203–205, 210–213]. Further developments seem to have proved those predictions.

The strategy of dual containment was announced in 1993 by Martin Indyk, at the time a special assistant of Near East and South Asian Affairs to President Bill Clinton. It proved to be a failure, as it eventually led to the Shia majority taking over the power in Iraq and consequently to rapprochement between Iraq and Iran. Similarly, the Israeli-Palestinian peace process, which had stalemated by the end of 1990s and since has

not looked like it could be resolved in the predictable future. The Israeli-Palestinian/Israeli-Arab conflict is anyway considered, by the authors of the theory, as a central element in the conflict dynamics in the Middle East, to some extent marginalizing other potential sources of conflict and security concerns. The authors notice that "...it is no longer the epicenter of region's violence" but conclude that it "... still remains politically and symbolically central" [1, p.215]. Although they see the various religious, ideological, political, ethnic or territorial differences and disputes as a source of many local conflicts and threats to security, they still tend to underestimate their importance.

This seems to be a mistake, as is focusing mainly on the global, interregional and regional level while considering most of political and military threats in the post-Cold War era. Meanwhile, the threats on the domestic level did not diminish but, to the contrary, became more important than ever before. Both during the Cold War, during the period of U.S. unipolar domination as well as during the transitional period, a large number of conflicts had ethnic, religious or social background and occurred on the domestic level. This is clearly demonstrated by many examples. To give just a few, consider the fact that the Iraqi government, led by Saddam Hussein, not only waged war against Iran and invaded neighboring Kuwait, but also performed ethnic cleansing of the Kurdish minority as well as oppressed and murdered members of the Shia Muslim majority in their own state. The Alawis, ruling Syria since 1970s did not hesitate to massacre the Sunni Muslims in their own country to stop the spread and rise of the Muslim Brotherhood [7, p. 113–114]. The Lebanese Civil War started as a conflict between local and Palestinian Sunni Muslims and Christians then took the form of multifaceted war, in which members of Lebanese Shia and Druze communities were also involved [8, p. 251–255]. Besides, the Shia communities in the Gulf states, discriminated and oppressed for a long time, despite previously receiving substantial political and organizational support from Iran in the 1980s, did not have enough strength to increase resistance and enable more serious actions.

Subsequent developments in the Middle Eastern RSC

Recent developments of the security situation in the Middle Eastern regional complex have been characterized first and foremost by its increasing dynamics. The period of U.S. unipolar domination has come to an end, and in the present transitional period we observe the significant

decrease in the importance of traditional security issues. The Israeli-Arab and Israeli-Palestinian conflicts had been efficiently managed and selectively desecuritized by Israel [9, p. 120–124]. Today Israel has definitely the most powerful conventional armed forces in the region and is the only Middle Eastern state possessing nuclear weapons [10, p. 353–414]³. It is also a strategic ally of the militarily most powerful state in the world, the United States. Altogether it makes a threat of a direct attack on Israel by any state or a coalition of states completely abstract. On the other hand, Israel has undertaken efficient antiterrorist actions aimed at destroying the command structures and military capabilities of the Palestinian militant groups. In combination with construction of the security wall between Israel and the West Bank, isolation of the Gaza Strip and full control over the land, maritime and air borders of the Palestinian territories, Israeli authorities have also definitely minimized the threats posed by Palestinian national liberation movement. It looks as if over the last years the Israeli-Arab and Israeli-Palestinian conflicts have lost even its previous political role and symbolic importance and are now only occasionally addressed by anyone else than the Palestinians themselves.

Likewise, the other traditional security issue in the Middle East regional complex, the threats generated by aggressive and unpredictable dictators and authoritarian regimes, seems to have started fading away. With Saddam Hussein ousted in 2003 and several other potentially dangerous authoritarian leaders overthrown or cornered by the wave of popular revolts in the Middle East since 2011, the danger they posed to the system is no longer a central problem. The most troublemaking dictatorships and single party regimes as the ones in Egypt, Libya, Syria, Tunisia or Yemen, classified as „bunker states” and “bully praetorian states” [11, p. 113, 162] were destroyed or significantly weakened, though this trend would later be stopped and partially reversed. It has become obvious, that the overthrown dictators are not likely to be substituted by more peaceful or stable political regimes. In fact, this seems to be the case only in Tunisia, where after the deposition of president Zine el-Abidine Ben Ali, the new leadership was able to hold just and fair elections. Except for some protests triggered by economic conditions, new Tunisian authorities seem to cope relatively well so far, and the Tunisian revolt is the only one which has brought some positive change [5, p. 93–96]. In

---

³ The Israeli military superiority over any of the Arab states, as well as over any possible coalition of them is clearly shown by the statistical data, available.

most other Arab Spring cases, the destruction or weakening of ruling authoritarian regimes has generated more security threats to the regional complex, then it has eliminated.

In Egypt after the first in its history democratic election, the power was acquired by the moderately transformed Islamist group, the Muslim Brotherhood, and one of its leaders, Mohammed Mursi became a new president. However, in June 2013 they were deprived of power in a military coup by the group of officers related to the old regime. The leader of the coup, General Abdul Fattah as-Sisi, became a new president⁴. The Muslim Brothers were declared a terrorist group, thousands of members were arrested and hundreds sentenced to capital punishment. This had only temporarily pacified the situation in the country, but it may easily get out of control.

Iraq has for a long time oscillated on the brink of civil war between the rivaling Sunni, Shia and Kurdish groups. Consecutive governments that took power in Libya after the overthrow of Qaddafi have been hardly able to control the capital city, not to mention the rest of the country. The state plunged into chaos and internal fights between different armed gangs and militant groups. In Yemen, where president Salah was replaced by his deputy, Abd Rabbuh Mansur Hadi, meant that the old regime merely changed its face but maintained in power. Still, it struggles for the control of large parts of the country with the Iran-aligned Houthi rebels, a militant Islamist group known as Al-Qaeda in the Arabian Peninsula (AQAP), and even southern separatists. Syria, where Basher al-Assad remained in power, has since 2011 been torn by a bloody internationalized civil war.

One of the most challenging problems is undoubtedly the new impulse these developments have given to the renaissance and rising popularity of Islamic fundamentalist ideologies, which more and more often take the form of religious radicalism that morphs into violent actions. The immediate post-colonial era and the period of decolonization in the Middle East had been ideologically dominated by pan-Arabism and various other socialist and nationalist movements. Most of those secular ideologies were discredited, both in economic and political dimension, as they were unable to offer any credible solutions to the most serious problems of Middle Eastern societies. This opened an ideological gap, which since the late 1970s started to be filled in by already existing but so far marginal-

---

⁴ Egypt: Abdul Fattah al-Sisi profile, BBC. <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-19256730>.

ized ideologies based on politicized forms of religion [12, p. 154–174]. The politicization of religion and its exploitation as a tool of ideological struggle led to rising tensions between religious and secular societal groups in many parts of the region, as well as to the outbreak of hostilities between believers of different sects. Many of those animosities, like the Sunni-Shia enmity, were traditional patterns of rivalry, but for a time being remained a marginal problem. One of the first victims of this new and increased outbreak of Sunni Muslim radicalism turned to be Middle Eastern Christians, who became target of many attacks mainly in Iraq, Syria and Egypt⁵.

On the interregional and global level one of the most important recent developments in the Middle East, is the rising influence of the other external powers. The growing oil import and concerns about energy security in China and other Asian states had brought their interests to the sub-region of the Gulf. In the coming years this will presumably become a serious challenge for the present U. S. domination there [13, p. 241–261]. So far, besides its political influence in the Gulf states, the United States also maintain significant military presence in the region. This is underlines the region's importance for U. S. interests for ensuring American domination. Spread between various military bases and other temporary and undisclosed locations in the Middle East, permanently stationed American personnel amounts to some 30 to 50 thousand soldiers [10, p. 353–410].

The case study of Sunni-Shia rivalry as a rising threat in the Middle East RSC

One of security issues underestimated in the original consideration on the Middle East RSC, which definitely needs to be reconsidered and treated more seriously, is Sunni-Shia hostility. It is not a new phenomenon in the Middle East, but for a long time it was not a key problem or a main line of division neither within nor between region's societies. A significant increase of its importance can be observed more or less since the end of 1970s, and it is explained by various reasons. Relations between Sunni and Shia communities are influenced by many factors, including social and religious composition of regional countries, current domestic and international political situation, and actions undertaken by external actors among others.

---

⁵ *Flamini R.* Forced Exodus: Christians in the Middle East // *World Affairs*. 2013. November/December. <http://www.worldaffairsjournal.org/article/forced-exodus-christians-middle-east>.

Of huge importance has undoubtedly been the Islamic Revolution in Iran in 1979, which resulted in Ayatollah Ruhollah Khomeini coming to power and in a theocratic regime based on the rule of Shia clergy. In Iran, Shia Muslims constitute a majority of 89% of almost 80 million of its population⁶. As the world's biggest Shia state Iran is a natural leader for the Shia Muslims in other states and maintains a close relationship with them. This provokes numerous tensions on the regional scale and causes mistrust of Iran, especially by governments in neighboring Arab states inhabited by Shia minorities. The situation of Sunni minority in Iran itself did not deteriorate significantly since the Islamic Revolution, as Ayatollah Khomeini consistently preached for the need for unity among all Muslims. Occurring cases of repressions and discriminations were more often an offshoot of the of Iraqi-Iranian War in the year 1980-1988, or had rather an ethnic than religious background [8, p. 68–69]⁷.

In recent years, the Sunni-Shia conflict has had its most bloody manifestations in Iraq. The country is inhabited by three different ethno-religious groups: the majority of Shia Muslim Arabs, who constitute 60 to 65% of the population and two minorities of Sunni Muslim Arabs (around 20%) and Kurds who are mostly Sunni as well. During the Ottoman period, British Mandate and since the Iraqi independence, the ruling regime had been dominated by Sunni Arabs, who controlled the state apparatus and military forces. Iraqi Shia were discriminated against and marginalized, particularly since the beginning of 1980s, when Saddam Hussein consolidated his power [8, p. 144]. After the deposition of Saddam Hussein in 2003, the U.S. government imposed a new constitution and attempted a top-down democratization of the state. Consequently, the power in the country was taken over by Shia majority, which easily won the elections. The government led by Prime Minister Nuri al-Maliki, who ruled the country between 2006 and 2014, was not only incompetent and inefficient, but also eager to repay all the wrongdoings to the Shia Muslims by discrimination and marginalization of the Sunni minority. This was one of the main reasons for the rising tensions, increasing number of terrorist attacks and outbreak of armed struggles that morphed into a full-fledged civil war in 2014.

---

⁶ CIA Factbook, Iran. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>.

⁷ Mainly due to a fact, that most of the Sunni Muslims living in Iran, belong to Kurdish or Balochi ethnic groups, and their relations with Persian majority were occasionally tense.

These developments led to the rising power of the radical Sunni militant group known as Islamic State in Iraq and the Levant (ISIL). The organization, which originates from a number of insurgent groups established in Iraq after U.S.-led invasion in 2003, was initially a small terrorist cell. It was able to strengthen and develop its military capabilities after 2011 during the civil war which broke out in Syria⁸. Although the Islamic State has suffered significant blows and was militarily weakened in 2016–2017, as a source of radical Islamist insurgency it still poses a major threat.

Syria itself is another regional front where Sunni-Shia dynamics played a role as one of the factors driving the bloody civil conflict. The country has been inhabited mainly by the Sunnis (74%), with significant minorities of Shia sect — Alawites (12%), Christians of various denominations (10%) and Druze (3%) [14, p.214]. The Alawites minority played a key role in ruling the country ever since the times of French Mandate and totally took over the power since 1970, when Hafez al-Assad became prime minister and then the president of Syria. Marginalized politically and disadvantaged economically Syrian Sunnis tried to oppose the government with varying intensity. But only the events of the Arab Spring in 2011 ignited the mass wave of social protests, which then turned into a full scale civil war still being fought in Syria up to this day.

The increasing tensions between Sunni and Shia Muslims lead to an intensification of conflicts in other states of the Middle East. The situation in Bahrain resembles somewhat the one in Iraq from the times of Saddam Hussein. The Shia majority (70%) is ruled by a royal family of Al-Khalifa from the dynasty belonging to Sunni minority. Not allowed to take more important positions in state apparatus and in the army, Shias became second-class citizens [8, p.174–175]. Their discontent is rising and increasing anti-government protests are brutally suppressed. In other Gulf states, Shia Muslims constitute a minority, which varies from 25% in Kuwait, 20% in Qatar, 16% in United Arab Emirates, to 10% in Saudi Arabia. In each of these states, the power remains in the hands of Sunni majorities and the Shias are to a greater or lesser extent discriminated in political, economic and social life. Over recent years, those Shia minorities have also come to be under the rising influence of Iran which intensifies the distrust between them and local governments and increases antagonisms.

---

⁸ Bilger A. ISIS Annual Reports Reveal a Metrics-driven Military Command, ISW. http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISWBackgrounder_ISIS_Annual_Reports_0.pdf.

In Lebanon, the main line of religious division traditionally run between local Sunni Muslim and Christian groups. The Lebanese Shia, a mainly rural community with a low level of internal organization, for a long time were not involved in religious conflicts. Since the outbreak of the Lebanese Civil War in 1975, the growing numbers and higher political activity of Shias led to the increase of hostility between them and other religious groups. In recent years, the situation worsened further because of the support of Lebanese Shias and Sunnis to the opposite sides of the war in neighboring Syria.

The Sunni-Shia hostility is one of the most underestimated security problems in the literature on the Middle East RSC. Although important mainly for just two of its three sub-regions (Levant and the Gulf), it is a growing threat for security both at domestic and regional levels. From the perspective of the theory of securitization, the Sunni-Shia hostility may take slightly different forms in individual states but shares many common features and patterns of enmity. The securitizing actors are usually represented by political and spiritual leaders, governments of regional states, the clergy, radical political and religious organizations or traditional and conservative social groups. The object of security, which is endangered and needs to be exceptionally protected, is Sunni or Shia religious identity of a given society, threatened by ostensible actions or intentions of the opposite side of the divide. This justifies the use of extraordinary measures, from special supervision over followers of other religious sects to their political, economic or social discrimination, to the use of force and possible physical extermination.

References

1. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers. The Structure of Regional Security*. Cambridge University Press, 2003, 570 p.
2. Golubev D. Diffusion of Internal Armed Conflicts through the Kermack-McKendrick Epidemic Model: Is the Conceptual Analogy Justified? *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2016, vol. 6, no. 6A, pp. 7–17. (In Russian)
3. Buzan B., Waever O., Wilde J. de. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Lynne Rienner Publishers Inc., 1998, 239 p.
4. Sluglett P. *The Cold War in the Middle East. International Relations of the Middle East*. Ed. by L. Fawcett. Oxford, Oxford University Press, 2013, 406 p.
5. Bahgat G. *United States Oil Diplomacy in the Persian Gulf*. Florida, University of Florida Press, 230 p.
6. *Strategic Interests in the Middle East*. Eds J. Covarubias, T. Lansford. Farnham, Burlington, 2010. 272 p.

7. Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy / Ed. By Rubin B., Keaney T. London, Routledge, 2006, 280 p.
8. *The Government and the Politics of the Middle East and North Africa*. Ed. by M. Gasiorowski. Boulder, Westview Press, 2011, 544 p.
9. Golubev D. International conflicts and conflict management. *Russia and the World: Understanding International Relations*. Ed. by N. A. Tsvetkova. Latham; Maryland, Lexington Books Publ., 2017, pp. 103–144.
10. *The Military Balance 2013*. London, Taylor&Francis Publ., 2013, 510 p.
11. Henry C. M., Springborg R. *Globalization and the Politics of Development in the Middle East*. New York, Cambridge University Press, 2011, 241 p.
12. Owen R. *State, Power and Politics in the Making of the Modern Middle East*. London; New York, Routledge, 2004, 279 p.
13. *Great Powers and Regional Orders. The United States and the Persian Gulf*. Ed. by M. Kaim. Aldershot; Burlington, Routledge, 2008, 290 p.
14. Milton-Edward B. *Contemporary Politics in the Middle East*. Cambridge, Polity Publ., 2008, 320 p.
15. Selvik K., Stensile S. *Stability and Change in the Modern Middle East*. London, Routledge Publ., 2011, 212 p.

Author's information:

Jaroslaw Jarzabek — PhD in Policy; jaroslaw.jarzabek@uni.wroc.pl

Теория региональных комплексов безопасности в Ближневосточном измерении

Ярослав Яжабек

Институт международных исследований, Вроцлавский университет, Польша

Теория комплекса региональной безопасности предполагает, что проблемы и угрозы безопасности редко воздействуют на больших расстояниях, а похожие угрозы чаще всего появляются в отдельных регионах. Автор, в рамках своей оригинальной теории, полагает, что Ближний Восток — типичное конфликтогенное образование, в котором самыми серьезными проблемами и самыми большими угрозами для безопасности в регионе становятся израильско-палестинский конфликт и кризисы вокруг Ирака. Однако израильско-палестинский конфликт уже не играет главной роли в безопасности региона, сегодняшний кризис в Ираке выступает очень важным ее элементом, хотя имеет совсем иной характер. Опасность региональному ближневосточному комплексу несут растущая враждебность между суннитами и шиитами, популярность идеологии исламского фундаментализма, а также нестабильность и непредсказуемость местных политических режимов.

Ключевые слова: теория региональных комплексов безопасности, Ближний Восток, образование конфликта, угроза безопасности, секьюритизация, израильско-палестинский конфликт, иракский кризис, враждебность между суннитами и шиитами, исламский фундаментализм, нестабильность политических режимов.

Контактная информация:

Ярослав Яжабек — канд. полит. наук; jaroslaw.jarzabek@uni.wroc.pl

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

УДК 327.56 + 94

Европа без России

Б. А. Ширяев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Противостояние славянской и англосаксонской цивилизаций в Европе насчитывает века, поэтому споры о том, является Россия Европой или нет, выглядят не более чем схоластическими упражнениями. На протяжении тысячелетней истории славянская цивилизация спасала Европу. Однако в ответ получала вражду и постоянное стремление возвести на ее границах то «железный занавес», то санитарный кордон или что-либо еще в каких-нибудь вариантах санкций или изоляции. Россия никоим образом не должна позволить себе быть втянутой в какие-либо европейские коллизии. С не принимающей ее Европой нужно «дружить на расстоянии», торговать и сотрудничать по отдельным проблемам, но не следует стремиться в европейские структуры. Россия — самодостаточная цивилизация.

Ключевые слова: Россия, Европа, славянская и англосаксонская цивилизации, культурно-цивилизационные различия, политика изоляции, санкции.

*Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...*

Н. А. Некрасов.
«Блажен незлобивый поэт»

Напряженные отношения между Россией и Европой уходят корнями в далекую историю. Существует много объяснений такого явления, однако ни одно из них не раскрывает подлинных его причин. Автор считает, что без учета феномена культурно-цивилизацион-

ного различия понять состояние этой исторической проблемы невозможно. Конечно, одной из важнейших причин неприятия между Западной и Восточной Европой является религиозный раскол внутри христианской церкви, имевший место в середине XI столетия (1054 г.). Русь вместе с Византийской империей стала оплотом православной, восточно-христианской религии. После падения Византийской империи Московская Русь оказалась единственной твердой православия, которая противостояла католической Европе. Ситуация несколько изменилась после бракосочетания великого князя московского Ивана III с племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога. Западная Европа надеялась, что московский правитель начнет борьбу за воцарение по праву наследства на константинопольский трон. В Европе полагали, что таким образом она отведет от себя смертельную опасность турецкого вторжения.

Однако вместо ожидаемой борьбы за Константинополь Иван III провозгласил «первейшей заботой государства Московского возвращение земель отцов и дедов наших». Земли отцов и дедов — это западные и юго-западные территории Руси, которые были захвачены соседями, Литвой и Швецией во время Ордынского погрома. Иван III принадлежал к племени российских политиков, которые понимали замыслы Европы относительно России как орудия реализации европейских интересов, и отказался воевать с Турцией ради спасения Европы. Однако такая политика закончилась с эпохой Петра I. В последующем все войны в Европе, за исключением Крымской, Россия вела — так или иначе — во имя чужих интересов.

Законные намерения восстановить захваченные территории Запад бесцеремонно изобразил как агрессивные намерения со стороны варварских московитов. Общими усилиями католической церкви и правящих домов Европы был создан образ хищной, агрессивной Руси — образ чуждый Европе, которому имманентно присущи злоба и агрессия.

Запад всегда выступал против России солидарно, в рамках альянсов и поодиночке, особенно когда Россия начинала подниматься в своем развитии. Сначала на Западе стремились не пустить московитов в Европу. Западные соседи Москвы дружно объединились, чтобы предотвратить выход Руси к морю во время Ливонской войны. Польша упорно не хотела возвращать исконно русские земли, что привело к череде русско-польских войн в XVII в.

При Петре I Россия, по выражению А. С. Пушкина, «ворвалась в Европу под грохот пушек и стук топора». Европа смирилась с этим, но не более. Несмотря на все попытки российской верхушки «слиться» с Европой, Россия всегда воспринималась в ней как нечто чуждое, полудикое. Вопреки историческим фактам Россия издавна рассматривалась и рассматривается поныне как страна, несущая угрозу Европе. Однако история не знает ни одного случая вторжения России в Европу с целью ее завоевания, между тем известно несметное количество вторжений Запада с целью завоевания России.

Есть смысл снова обратиться к идее цивилизационного противостояния — противостояния между славянским и англо-саксогерманским мирами. Лозунг *Drang nach Osten* является не просто выражением агрессивных намерений Германской империи в отношении восточных земель, он отражает исторический процесс, начавшийся более полутора тысяч лет назад. Это был процесс выдавливания славян из долины Эльбы (славянское название — Лаба), с территории нынешней Померании и Пруссии, процесс захвата территорий нынешних прибалтийских государств. В его рамках следует рассматривать поход ливонских рыцарей на Новгород (1242), войну Германской империи против России (1914), поход на Москву (1941) и множество вторжений, которые оставляли кровавые раны на теле России.

Европа всегда стремится или отгородиться от России, или выдавить ее на обочину европейской политики как чужеродное тело. Но по иронии судьбы (история часто не прочь иронизировать) удаление России с театра европейской политики оборачивалось печальным, а иногда трагическим результатом для Европы.

Россия четыре раза за истекшие два столетия спасала Европу. Она освободила Европу от Наполеона, спасла Францию от «узурпатора». В 1849 г. Николай I после длительных колебаний откликнулся на слезные мольбы австрийского двора и направил в Австрию экспедиционный корпус для подавления венгерского восстания. В случае победы венгров Австрийская империя неминуемо распалась бы на множество враждующих осколков, что, без сомнения, подорвало бы основы европейского миропорядка. Однако спаситель европейских устоев получил в либеральных кругах кличку «жандарм Европы».

В 1853 г., в результате очередной русско-турецкой войны, Османская империя оказалась на грани распада. Россия имела реальный шанс утвердиться на берегах черноморских проливов и освободить

балканские народы от османского ига. Реакция Западной Европы не заставила себя ждать. Англия и Франция выступили на стороне Турции и сумели нанести России поражение в ходе Крымской кампании. Россия вынуждена была подписать унижительный для себя мирный договор и в результате дружных усилий Запада оказалась в изоляции.

Удаление России с театра европейской политики обернулось для Европы весьма неприятными результатами. Больше всего пострадали Франция и Австрия, ради спасения которых Россия понесла многочисленные материальные и человеческие жертвы. В 1866 г. усилиями Пруссии Австрийская империя потерпела крах в борьбе за гегемонию в политике объединения Германии. В Пруссии понимали, что от позиции России в германских делах зависит очень многое. «Россия могла бы парализовать наши действия или позднее, после нашей победы, лишить нас ее плодов. Малейшего сближения с Францией было бы для этого достаточно», — писал генерал Ганс Лотар фон Швейниц, прусский военный атташе в Петербурге, о возможностях России повлиять на исход австро-прусского конфликта (цит. по: [1, с. 54]).

Правительство России понимало, что усиление Пруссии кардинально изменит ситуацию в Европе. Однако враждебное отношение Франции и Австрии к России не оставляло для России выбора. В разразившейся в 1870 г. франко-прусской войне Россия заняла позицию стороннего наблюдателя, что привело к сокрушительному поражению Франции. После разгрома Франции было провозглашено создание Германской империи, которая представляла угрозу прежде всего для Франции и Англии. В последующем, в 1873 и 1875 гг., Германия дважды пыталась развязать новую войну с Францией с целью окончательного ее разгрома. Однако жесткого предупреждения из Петербурга было достаточно для того, чтобы остановить Германию и спасти Францию от окончательной катастрофы.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Германия, следуя своей стратегии молниеносной войны, всей мощью военной машины обрушилась на Францию. Французская армия была совершенно не готова к войне и под натиском железного кулака Германии панически отступала. Казалось, гибель Франции была неизбежна. Германское военное командование исходило из того, что России понадобится не менее трех месяцев для того, чтобы начать действия на восточной границе Германии. За это время предполагалось окончательно раз-

громить Францию и затем всю военную армаду перебросить против России.

Из Парижа в Петроград летели слезные депеши, в которых правительство Франции умоляло Россию начать военные действия. Правительство России, верное, как всегда, своему союзническому долгу, начало выступление против немецких войск в Восточной Пруссии, не завершив необходимой для этого всесторонней подготовки. Русское наступление в Восточной Пруссии оказалось полной неожиданностью для германского командования. Оно было вынуждено снимать войска с французского фронта и перебрасывать их на восток.

Наступление на Париж было остановлено, и Франция была спасена. Таким образом, решительное вмешательство России в начавшийся европейский конфликт изменило не только ход Первой мировой войны, но и, без преувеличения, ход мировой истории. Легко представить, как разворачивались бы события мировой истории, если бы Франция была разгромлена в августе 1914 г. В очередной раз Россия спасла Европу.

Четверть века спустя подобная ситуация возникла вновь. В мае 1940 г. уже нацистская Германия обрушилась на Францию, в итоге Франция была разгромлена в считанные недели. В то время СССР в силу известных обстоятельств остался в стороне. И снова нетрудно представить, что могло произойти (это, конечно, фантастическое предположение), если бы Россия стала наступать на восточные границы Германии. Таким образом, недальновидное, предвзятое и недоброе отношение к России ввергло Европу в пучину самой страшной в истории человечества войны.

Такой исход в конечном итоге был результатом изоляции, в которой находился СССР в 1920–1930-е гг. Политика изоляции имела два негативных результата. Во-первых, у правительства СССР не было иного выбора, кроме как идти на сближение и сотрудничество с Германией, которая тоже находилась под прессом изоляции, во-вторых, Европа оставалась глухой к настойчивым призывам СССР создать в Европе систему коллективной безопасности. И причина здесь не в коммунистической идеологии, которая в те времена утвердилась в России, а в уверенности в том, что доктрина *Drang nach Osten* будет вновь реализована.

Ситуация 2000-х гг. чем-то напоминает 1930-е. Поднимается новая волна «наступления на Восток». На этот раз в ударные отряды

движения зачислены Балтийские республики, Польша и Украина. Главная роль в данном наступлении, безусловно, отводится Украине, однако она явно провалилась.

Европа относилась к России доброжелательно только в двух случаях.

Во-первых, когда Россия становилась слабой и стояла на грани распада. Так было в 1917 г.: распад Российской империи на несколько частей был самой реальной ее перспективой. Страны Антанты в декларациях осуждали политику правительства большевиков, но втайне предпочитали их победу. В Западной Европе руководящие круги были твердо убеждены, что политика большевиков приведет к развалу России. Закономерно возникает вопрос, почему Великобритания не инициировала создание европейской антибольшевистской коалиции в 1919–1920 гг.? А во время Наполеоновских войн Англия создала пять антифранцузских коалиций, ибо победа Наполеона и создание Французской империи угрожали Британской империи.

Весьма примечательно, что вместо общеевропейского похода против большевизма в период Гражданской войны Англия выдвинула идею созыва конференции всех воюющих в России сил. Это известный в истории дипломатии проект конференции на Принцевых островах в Мраморном море. По замыслам Великобритании, инициатора конференции, все воюющие в России стороны должны были заключить мир, сохраняя политический контроль на занимаемой территории. Нетрудно видеть, что в случае реализации данного проекта Россия как единое государство просто перестала бы существовать. И только решительная оппозиция лидеров белого движения, которые следовали лозунгу «единая и неделимая», сорвала реализацию этого хитроумного плана.

Так же благосклонно Европа относилась к России в 1991 г., когда развалился Советский Союз и были сильны ожидания, что распадется и Россия. Однако Россия, вопреки ожиданиям Запада, не распалась, что возбудило новую волну неприязни, несмотря на то, что она отказалась от коммунистической идеологии.

Во-вторых, Европа выказывала благосклонное отношение к России, когда в ней крайне нуждалась. Это обстоятельство было отмечено давно. Например, император Александр II после доклада министра иностранных дел А. М. Горчакова воскликнул: «Они (т. е. европейцы. — *Авт.*) вспоминают о нас только тогда, когда им плохо».

Так было и в 1945 г., когда Европа со слезами на глазах и с цветами встречала советские танки. Сегодня советская армия той поры — Красная армия — в глазах европейцев предстает как армия оккупантов. В Польше, например, детям в школах говорят о том, что Польшу освободили американцы, хотя во время войны на территории Польши не было ни одного американского солдата.

Жители современной Польши не знают и не хотят знать, что стремительное наступление Красной армии по территории Польши спасло население этой страны от полного физического истребления. В боях за освобождение Польши погибло 600 тыс. советских солдат и офицеров, но современные польские власти повсеместно сносят памятники своим освободителям. Совершенно чудовищной выглядит история с памятником советским воинам в Кракове. В соответствии с директивой Гитлера Краков должен был быть уничтожен как один из центров славянской культуры. Весь исторический центр города был заминирован, как и все исторические памятники. Советское командование направило в город специальную оперативную группу, которая должна была вывести из строя системы разрушений. Эта группа погибла, но выполнила задание. И Краков как памятник польской культуры был спасен. Недавно польские власти приняли кощунственное решение: памятник советскому солдату-освободителю снесли, а на его месте был установлен памятник американскому солдату.

Постепенно сложилось так, что Россия воспринимается Европой в двух ипостасях. Во-первых, как полудикое, агрессивное государство, от которого всегда исходит опасность. Отсюда — восприятие России в качестве «козла отпущения», «мальчика для битья», неважно, виновата она или нет. Не будет преувеличением считать, что Европа внутренне не может принять то, что эта полуварварская страна спасала Европу много раз. Во-вторых, Россия многие десятки лет была для Европы орудием в ее политике «вытаскивания каштанов из огня чужими руками». Как часто, чтобы доказать свою «европейскость», правители России в ущерб себе «таскали каштаны из огня» для Европы!

Все так называемые агрессивные войны в Европе Россия вела исключительно в интересах европейских держав. Например, это семилетняя война 1756–1763 гг.; участие России в антинаполеоновских коалициях также не имело никакого отношения к ее интересам. Империя Наполеона представляла опасность для Британской империи,

но не для России. В конечном итоге вовлечение России в европейские дела было главной причиной вторжения Наполеона на ее территорию в 1812 г. Первым из российских правителей, осознавших, что Россия — просто инструмент в чужих играх, был император Павел I. Он попытался проводить политику не в интересах Британской империи, а в интересах России, и эта попытка закончилась для него трагически.

Проевропейские мотивы были особенно сильны в политике Александра I и Николая I, когда Россия выступала в защиту мнимых интересов Европы в ущерб собственным. Эта политика патронажа и покровительства вызывала только раздражение в европейских странах и закончилась крахом во время Крымской войны, когда против России выступили ее бывшие союзники. После поражения в Крымской войне престиж Российской империи упал, она оказалась в международной изоляции. А. Ф. Тютчева, дочь дипломата и славянофила, дает следующую характеристику внешней политики Николая I: «В течение стольких лет своего царствования он направлял всю внешнюю политику не столько в интересах своей родины, сколько в интересах якобы Европы, считая себя призванным защищать принципы порядка. Народы ненавидят его, как представителя деспотизма, а государи, которых он защищал, заставляют его теперь дорого расплачиваться за самолюбие, уязвленное сознанием его превосходства»¹.

Подавление венгерского восстания в 1849 г., как отмечалось выше, никоим образом не отвечало интересам России. Война 1914 г. была для России также чужим мероприятием. Главными соперниками того периода в борьбе за мировое господство были Великобритания и Германия. Британская империя сумела втянуть Россию в совершенно чуждое и ненужное России столкновение, которое оказалось роковым для Российской империи. В конечном итоге и Вторая мировая война была прежде всего войной европейской, и Россия оказалась втянутой в это гигантское глобальное пожарище из-за трагического стечения обстоятельств, ибо главным стержнем, вокруг которого вращались судьбоносные события той поры, являлось все-таки англо-германское противостояние, к которому Россия/СССР имела весьма отдаленное отношение.

---

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник, 1855–1882: в 2 т. / пер. Е. В. Герье, примеч. С. В. Бахрушина. М.: М. и С. Сабашниковы, 1929. Т. 1. С. 63.

За два последних столетия Россия не единожды находилась в состоянии изоляции и блокады, к которым Европа всегда прибегала, когда Россия слабела или терпела поражение. Первый раз Россия оказалась в весьма ощутимой изоляции после поражения в Крымской войне. Самый пик этой политики изоляции падает на 1863 г., когда в Варшаве произошло антирусское восстание. Тогда Россия подвергалась громкому и всеобщему осуждению. Особенно активно в этой атмосфере вели себя Англия и Франция. Франция пыталась организовать европейский конгресс, который должен был сыграть роль европейского суда над Россией. В английском парламенте звучали гневные речи, авторы которых требовали навсегда исключить Россию из европейского сообщества. Так что идея «железного занавеса», которую огласил У. Черчилль в своей знаменитой, так называемой фултонской речи в 1946 г., не является его изобретением. Идеи блокады, санкций, организации санитарных кордонов вокруг России существуют десятки лет.

Мы живем в состоянии санкций и изоляций практически весь XX в. В основе такого подхода лежит вековая русофобия, и концепция борьбы против идеологии коммунизма — это только оправдание такой политики. Верность данного вывода стала очевидной, когда Россия в 1991 г. отказалась от коммунистической идеологии. В противостоянии против России вместо «коммунистической» угрозы мгновенно появилось новое идеологическое обоснование — борьба против мифического российского неоимпериализма.

На Западе, собственно, и не скрывают того, что подлинной причиной неприязненного отношения к России являются не какие-то идеологии или ее политика, а сам факт ее существования. Вот, например, мнение одного из крупнейших экспертов в сфере мировой политики: «Проблема состоит в том, что само существование единой России представляет значительный потенциальный вызов для Европы» [2, р. 101]. Окончание холодной войны никоим образом не повлияло на вековой характер отношений между Европой и Россией. «Это только кажется, что холодная война решила русский вопрос. Если бы Российская Федерация развалилась в 1990-е гг., и регион распался бы на множество маленьких государственных образований, тогда бы Российская империя исчезла, и вместе с этим исчез бы вызов, который представляет Россия для Европы» [2, р. 102].

Европа и Россия подходят к своим взаимоотношениям с позиций, далеких от реальности. Европа считает Россию вечной про-

блемой и угрозой, хотя в реальности угрозу России несет Европа, и Россия вынуждена, как мы знаем, ее спасать (и не один раз). Россия же лелеет вековую мечту интегрироваться в Европу, и, как ни странно, большинство россиян верит в такую возможность. Однако весь многовековой опыт отношений с Европой убеждает, что Россия для Европы — чуждое и даже опасное образование. Подобное восприятие находится глубоко в подкорках европейского менталитета, и не считаться с этим абсурдным явлением нельзя.

Данный феномен был очевиден для многих выдающихся умов России. Так, Ф. М. Достоевский писал, что у России фактически нет шансов переубедить европейцев и изменить их мнение о нашей стране: «Во-первых, по всей вероятности, французы не подпишутся на “Время” (журнал. — *Авт.*), хотя бы нашим сотрудником был сам Цицерон... Следственно, не прочтут нашего ответа; остальные немцы и подавно. Во-вторых, надо признаться, в них действительно есть некоторая неспособность нас понять. Они и друг друга-то не совсем хорошо понимают»². Еще более категорично высказывается известный российский исследователь Н. Я. Данилевский. «Не надо себя обманывать, — пишет он в знаменитом своем исследовании «Россия и Европа». — Враждебность Европы слишком очевидна: она лежит не в случайных комбинациях европейской политики, не в честолюбии того или иного государственного мужа, а в самих основаниях ее интересов» [2, с. 340]. Следуя цивилизационному подходу, Н. Я. Данилевский считает, что Европа является продуктом романо-германской цивилизации, и дает ответ на вопрос, на который у России не было ответа более трехсот лет: «Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или несчастью, — нет, не принадлежит» [3, с. 48–49].

С того момента, когда были написаны эти строки, прошло более ста лет. В Европе, России и во всем мире многое переменялось кардинально, но не изменилось восприятие России Европой. И по сей день не утратили свою актуальность слова Н. Я. Данилевского: что бы ни делала Россия на благо Европы, она «слыла за льва рыкающего, ищущего кого бы проглотить» [3, с. 339]. Более ста лет тому назад российский исследователь пришел к выводу о том, что Россия не может быть членом европейской системы.

² Достоевский Ф. М. Записки о русской литературе. М.: Эксмо, 2006. С. 84.

Исторический опыт общения с Европой в XIX–XX вв., особенно в начале XXI в., убеждает нас в правоте этих суждений. Очевидно, что Европа не помышляет об интеграции и не допустит Россию в свое пространство. С ней нужно «дружить на расстоянии», торговать и сотрудничать по отдельным проблемам, но не следует стремиться в европейские структуры. Русофобия — исторически сложившийся и очень сильный фактор, который надо всегда учитывать во взаимоотношениях с Западом. Самым разумным было бы следовать наставлению американского президента Т. Джефферсона, высказанному в начале XIX в.: «Мирные отношения, торговля и дружба со всеми народами, но обязывающих союзов — ни с кем» [4, р. 17].

Пора осознать, что противостояние между славянской и англосаксонской цивилизациями в Европе длится уже много веков. Западные славяне, принявшие католицизм, были и политически, и культурно поглощены англосаксонским миром. Восточные славяне благодаря православию сохранили свою цивилизационную самобытность. В лобовых, военно-силовых столкновениях восточные славяне всегда одерживали верх. Вот почему Бисмарк завещал правителям Германии не воевать с Россией: «Даже самый благополучный исход войны никогда не приведет к распаду России, которая держится на миллионах верующих русских»³. Однако в коварстве, тайных интригах и хитросплетениях англосаксы всегда переигрывали славян. Так было много раз в истории. Так же случилось и в роковые 1990-е гг.

Учитывая многовековой трагический опыт, Россия никоим образом не должна позволять себе быть втянутой в какие-либо европейские коллизии, которые, кажется, маячат на горизонте. Россия не единожды на протяжении тысячелетней истории спасала Европу, так же, как не единожды доказывала, что она может обойтись без нее. В 1930-е гг., вопреки блокаде и изоляции, СССР сумел войти в разряд ведущих индустриальных держав мира, фактически в одиночку разгромил самую сильную военную машину в истории чело-

---

³ Ответ Бисмарка на письмо принца Генриха VII Рейсса. Письмо № 349. Доверительно (секретно) Берлин. 03.05.1888 год // *Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn-Bartholdy, Friedrich Wilhelm Karl Thimme*. Nr. 1340. Der Reichskanzler Fürst von Bismarck an den Botschafter in Wien. Prinzen Heinrich VII. Reuß // *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1922. Т. 6. P. 303.

вечества. Во время холодной войны Советский Союз также фактически в одиночку противостоял всему миру.

Все это говорит о том, что Россия обладает огромным материальным, культурным и интеллектуальным потенциалом, который не всегда используется рационально. Длинная цепь исторических примеров демонстрирует, что Россия самодостаточна, и все споры о том, является она Европой или нет, выглядят как схоластические упражнения. И стоит ли долго и настойчиво стучаться в плотно закрытые ворота чужой крепости? Получать в ответ на предложения и просьбы вражду и постоянное стремление возвести на наших западных границах то «железный занавес», то санитарный кордон, то еще какой-нибудь вариант санкций или изоляции?

Литература

1. Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря, 1856–1871 гг.: к истории Восточного вопроса / отв. ред. О. В. Орлик. М.: Наука, 1989. 222 с.
2. Friedman G. The Next 100 Years. A Forecast for the 21st century. New York: Doubleday, 2009. 255 p.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Плагол; Изд-во СПб. ун-та, 1995. 514 с.
4. Thomas Jefferson. *Quotations of Thomas Jefferson*. Bedford, MA: Applewood Books, 2003. 35 p.

Контактная информация:

Ширяев Борис Анатольевич — д-р ист. наук, проф.; b.shiryayev@spbu.ru

Europe without Russia

Boris A. Shiryayev

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

There is an age-old confrontation between the Slavic and Anglo-Saxon civilizations in Europe. That's why all discussion about the "European" nature of Russia seems as scholastic exercises. Not once during the world history Russia saved Europe. Meanwhile Europe responds with hostility and permanent desire to built an "iron wall" or "sanitary" corridor or something else in

order to isolate Russia. Taking into account this dramatic experience Russia shouldn't allow itself to be included in any European collisions. It's better to be "friends in distance" with Europe, develop a trade and cooperate on separate issues, but Russia shouldn't tend to be a part of European institutions. Russia is a self-sustained civilization.

Keywords: Europe, Slavic and Anglo-Saxon civilizations, cultural and civilizational differences, isolation policy, sanctions.

References

1. Narochniczka L. I. *Russia and Cancellation of Neutralization of the Black Sea, 1856–1871: to History of East Question*. Ed. by O. V. Orlik. Moscow, Nauka Publ., 1989, 222 p. (In Russian)
2. Friedman G. *The Next 100 Years. A Forecast for the 21st century*. New York: DoubleDay, 2009, 255 p.
3. Danilevskiy N. Ya. *Russia and Europe. A View of the Cultural and Political Relations of the Slavic World to German-Romance*. St. Petersburg, "Glagol' " Publ., St. Petersburg State University Press, 1995, 514 p. (In Russian)
4. Thomas Jefferson. *Quotations of Thomas Jefferson*. Bedford, MA, Applewood Books, 2003. 35 p.

Author's information:

Boris A. Shiryaev — Dr. Sci. in History, Professor; b.shiryaev@spbu.ru

УДК 325.1+323.1

Дискурс о миграции в Европейском Союзе: защита национальной или европейской идентичности?

О. А. Лисий

*Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет,
Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8*

Как политики разных стран Европейского Союза конструируют дискурс о миграции в ЕС? Какие представления сложились о миграции в ЕС у простых граждан этих стран? Как превратить дискурс о миграции в ЕС в реально действующий инструмент формирования европейской идентичности? Все эти вопросы связаны с пониманием европейской идентичности, точнее — способов ее конституирования, а они у представителей «старой» и «новой» Европы разные. Идеи ориентализма, которыми пользовалась «старая» Европа, не выдерживают напора контрдискурсов, усиленных их включением «внутри» Европейского Союза после последних волн расширения ЕС. Выходом из сложившегося положения видится волевое решение стран Западной Европы принять страны Восточной Европы как часть европейского «мы» не только на бумаге, но и в пространстве воображаемой географии.

Ключевые слова: европейская идентичность, Европейский Союз, миграция, формирование дискурса.

Вопросы миграции давно превратились в важный пункт экономической и политической повестки дня Европейского Союза (ЕС). С одной стороны, уровень жизни в Европе — один из наиболее высоких в мире, что традиционно привлекает сюда выходцев из Эритреи, Сомали и других беднейших стран Африки, предпринимающих дорогие, длительные и часто опасные для жизни путешествия через Средиземное море к берегам европейского континента в поисках лучшей жизни. С другой стороны, в последние годы стремительному многократному увеличению притока беженцев в Европу способствовали непрекращающиеся гражданские войны в Сирии и Ливане. Причем количество мигрантов растет не только за счет непосредственно жертв войны из числа мирных жителей указанных стран, но также за счет экономических мигрантов из других африканских государств, которым политическая нестабильность в реги-

оне предоставляет дополнительную возможность попасть в Евросоюз. Плохо охраняемая сирийско-турецкая граница облегчает путь в направлении Греции и Балкан, а через Ливию можно добраться в Италию, морской путь от Триполи составляет всего 450 км.

Европейский Союз всеми силами пытается справиться с вызовами миграции, однако его действия по урегулированию миграционного кризиса регулярно подвергаются критике со стороны стран — членов ЕС, не выдерживающих наплыва беженцев, все чаще имеют место неприятные столкновения между иммигрантами и гражданами принимающего государства. Все это обостряет интерес научного сообщества к изучению тех сложностей в развитии интеграционных процессов, с которыми столкнулся Евросоюз в контексте миграционного кризиса, а также к поиску возможностей преодоления выявленных препятствий. Критика миграционной политики ЕС в последнее время все чаще используется его членами для защиты национальных интересов, не случайно наиболее резкие суждения в адрес Европейского Союза можно услышать от политиков, представляющих правые партии.

В нашей статье мы попытаемся проанализировать, как политики разных стран Европейского Союза конструируют дискурс о миграции, в частности в ЕС, какие представления сложились о ней у простых граждан стран — членов ЕС, с тем чтобы выявить препятствия, не позволяющие данному дискурсу стать действующим инструментом формирования европейской идентичности. Для этого, в свою очередь, необходимо выявить различия между двумя дискурсивными потоками, на пересечении которых и происходит формирование европейской идентичности: между *потоком «сверху вниз»* (представления о миграции, которыми руководствуется политическая элита Евросоюза в решении проблемы миграционного кризиса), и *потоком «снизу вверх»*, смыслом, которым наделяют понятие «европейскости» при формулировании предложений об урегулировании миграционного кризиса представители конкретных государств — членов ЕС, испытывающие на себе влияние его исторического и культурного контекста (специфического для каждой страны, группы стран, составляющих регион).

Профессор политической философии Э.Балибар еще в начале 1990-х гг. обращал внимание на то, что феномен демонстрации агрессии в отношении иммигрантов имеет под собой глубокие исторические корни, поскольку иммигранты в Европе, к которым чаще

всего относились иммигранты-рабочие и воспринимаемые как потенциальные рабочие беженцы, приехавшие из слаборазвитых стран, главным образом бывших колоний или полуколоний, в течение длительного периода считались «низшими из низших» [1, p. 45]. По его словам, в последнее время этот феномен просто стал более заметным, выйдя за пределы места работы и относительно обособленного примыкающего к нему пространства, которые его ограничивали. Французский философ отмечает также, что проявление агрессии можно наблюдать не только в отношении групп «внешнего» по отношению к единой Европе происхождения, но и «внутренних», которые, однако, по неведению или намеренно также относят к категории иммигрантов или мигрантов [1, p. 45].

Отличной иллюстрацией последнего тезиса может служить культивирование в странах «старой Европы», прежде всего во Франции, с середины 2000-х гг. образа польского сантехника как символа дешевой рабочей силы, которая «обрушится» из стран Восточной Европы на «старую Европу» после принятия Директивы по услугам на внутреннем рынке. После вхождения в Европейский Союз в 2004 г. группы стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) только три государства — члена ЕС — Великобритания, Швеция и Ирландия — открыли свои двери для трудовых мигрантов из этих стран сразу же, а не через семь лет так называемого «адаптационного» периода. Стоит отметить, что различия в отношении к мигрантам в таких странах ЕС, как Франция и Великобритания, служат иллюстрацией двух разных подходов к иммиграционной политике. Усилия Франции были направлены на ассимиляцию мигрантов, поэтому она создавала различные программы интеграции приезжих во французское общество, включая обучение французскому языку. В конечном итоге эта политика не оправдала себя, свидетельством чему могут служить, по меньшей мере, известные по всему миру неоднократные уличные беспорядки, инициаторами которых выступили владеющие французским языком выходцы из семей бывших иммигрантов. Великобритания интеграцией мигрантов не занималась, пойдя по второму пути — мультикультурализма. Выбор политики мультикультурализма для Великобритании был обусловлен во многом исторически и связан с ее колониальным прошлым. Именно выходцы из бывших британских колоний составили большую волну иммиграции после Второй мировой войны, в 1940–1950-е гг.

Иммигранты этой волны были приняты, поскольку, с одной стороны, считались подданными британской короны и по этой причине им трудно было отказать во въезде, а, с другой стороны, Великобритания нуждалась в рабочей силе для послевоенного восстановления страны, и дополнительные рабочие руки оказались как нельзя кстати. Очевидно, что политика Великобритании в отношении мигрантов из стран Центрально-Восточной Европы формировалась в русле сложившейся к тому времени иммиграционной политики, опробованной на выходцах из стран Британского Содружества наций. Референдум о выходе Великобритании из Евросоюза, главной причиной проведения которого стало требование возвращения контроля над миграцией, и, самое главное, его положительные результаты доказали, что курс на проведение политики мультикультурализма тоже не привел к желаемым результатам. Более того, практически сразу же после того, как Великобритания проголосовала за выход из Европейского Союза, в стране были отмечены случаи проявления ксенофобии в отношении поляков, наиболее многочисленного иммигрантского меньшинства, проживающего на ее территории. К таким случаям относились требования покинуть Великобританию (в листовках, направляемых полякам анонимными активистами; устно — во время уличных столкновений; в виде надписей на здании Польского культурного центра в Лондоне).

На размышления о проявлении агрессии преимущественно в отношении иммигрантов из бедных стран, занимающих самое низкое положение на социальной лестнице (по Э. Балибару), может навести конкретный эпизод: жестокое нападение в ФРГ на группу турецких рабочих-мигрантов. Незадолго до нападения в немецких городах прошли первые крупные демонстрации против фашизма и ксенофобии. Нетрудно провести параллели с текущей ситуацией в Великобритании, обратив, однако, внимание на важные нюансы. Турки не были гражданами страны — члена Европейских Сообществ, как и сейчас они не являются гражданами Европейского Союза, в связи с чем их можно было отнести к категории «иммигрантов» с последствиями, близкими к тем, которые порождает подобная категоризация иммигрантов в национальном государстве. Например, в случае необходимости национальное государство может регулировать поток иммигрантов, ужесточая или ослабляя миграционный режим. Поляки — граждане Европейского Союза, в основе функционирования которого лежат четыре свободы: свободное перемещение

товаров, услуг, капитала и свободное передвижение рабочей силы. И если на политику Европейского Союза в отношении «внешних» мигрантов национальные государства еще могут как-то воздействовать, то требование ограничения миграции из стран ЕС, которого добивался Д. Кэмерон в преддверии референдума, создает неразрешимое противоречие между критериями категоризации иммигрантов, которыми пользуется Европейский Союз, и теми, которые использует Великобритания, поскольку они противоречат одному из базовых принципов, без которых ЕС становится невозможным.

По данным опроса, проведенного Pew Research Center в июле 2016 г. в 10 странах Европейского Союза, в которых проживает 80 % населения ЕС и доля которых в ВВП ЕС составляет 82 %, на вопрос о том, как повлияет рост количества людей других рас, этнических групп, национальностей в их стране на условия жизни в ней, относительно мало европейцев ответило, что такое многообразие будет иметь позитивное влияние [2, p. 8]. Наиболее оптимистично смотрят на увеличение числа мигрантов в своей стране жители Швеции, 36 % из них уверены, что возрастающее разнообразие в шведском обществе делает их страну лучшим местом для жизни. Интересно, что сразу вслед за Швецией по этому показателю располагается Великобритания с 33 % граждан, убежденных в пользе иммиграции. Вместе с тем более половины греков и итальянцев, а также четверо из десяти граждан Венгрии и Польши считают, что рост многообразия ухудшает условия жизни в их стране. Большинство жителей Венгрии (82 %), Польши (75 %), Греции (72 %), Италии (65 %) и Франции (53 %) в качестве самого большого опасения в контексте роста миграции называют то, что беженцы отнимут у них рабочие места и социальные пособия [2, p. 31].

В последнее время большая часть беженцев приезжает из стран с преобладающим мусульманским населением. Как свидетельствуют результаты опроса, восприятие беженцев среди европейцев отчасти обусловлено негативным отношением к мусульманам, уже живущим в Европе. Большинство населения в Венгрии (72 %), Италии (69 %), Польше (66 %) и Греции (65 %) заявили о своем неблагоприятном отношении к мусульманам, проживающим в их стране, их мнение разделяет, по меньшей мере, каждый четвертый житель других государств, в которых проводилось исследование [2, p. 4]. При этом большинство европейцев связывают свое негативное отношение к мусульманам с их стремлением обособиться от остального обще-

ства вместо того, чтобы усваивать местные традиции и образ жизни [2, р. 5].

Данные опроса относительно мусульман лежат в русле одной из наиболее критикуемых концепций Дж. Сартори о «неинтегрируемости» мусульман, которых он характеризует как «наиболее далеких от любых других индивидов и от культуры и системы западных ценностей и взглядов» (цит. по: [3, с. 160]). По мнению философа, религия ислама является той силой, которая сплачивает мусульман, задавая вектор развития общества, политики, права в направлении, противостоящем западным ценностями, а значит, работающей на их подрыв и уничтожение: «Проблема изоляции и маргинализации иммигрантов-мусульман стоит особенно остро. Даже их культурный уровень оказывается обычно ниже, чем у индийцев и азиатов в целом. Это означает, что вне своей веры и религиозной идентичности у них нет культурной защищенности. Но покровительствующая религия приходит им на помощь» (цит. по: [3, с. 161]).

И. С. Семененко полагает, что стимулом укрепления принадлежности к единой Европе может стать развитие европейского регулирования на общих «проблемных» для нынешней Европы направлениях [4, с. 85]. И первым среди примеров таких проблемных направлений она называет регулирование иммиграции и интеграцию инокультурных сообществ. При этом далее исследовательница, ссылаясь на теоретика мультикультурализма Ч. Тейлора, указывает на необходимость закрепления реализации конкретных программ Европейского Союза в общем большом нарративе, который, создавая пространство диалога вокруг долгосрочных целей развития, мог бы служить препятствием воплощению частных, партикуляристских устремлений вопреки общему благу [4, с. 88]. В этом контексте, возвращаясь к результатам опроса, важно отметить, что опасения в отношении беженцев далеко не всегда связаны с реальным количеством мигрантов, приезжающих в страну. Например, Польша, в которой 73 % населения называет беженцев главной угрозой, в 2015 г. получила всего несколько тысяч прошений о предоставлении убежища [2, р. 29], а процент иммигрантов в этой стране — самый низкий из всех государств выборки и составляет 1,6 % [2, р. 12]. В то же самое время Германия получила несколько сотен тысяч таких прошений, однако только 31 % немцев выражают беспокойство по поводу приезжих [2, р. 29]. Как видим, вполне возможно, что идея объединения против мусульманского «другого» как «не-я» и явля-

ется для единой Европы тем самым потенциальным объединяющим большим нарративом, который она будет усиливать с целью достижения единства взглядов на вопросы миграции, от которого пока так далеки 28 государств — членов ЕС.

Идея противопоставления Запада и Востока, который, согласно приведенным выше данным опроса общественного мнения, на сегодняшний день наиболее явно ассоциируется в сознании граждан ЕС с мусульманским «другим», не нова. В своей знаменитой работе Э. Саид рассматривал ориентализм как стиль мышления и даже как стиль доминирования и осуществления власти Запада над Востоком, благодаря которому стало возможным понимание Западом себя [5]. Иными словами, понятие Востока было необходимо Западу для собственной самоидентификации, поэтому оно было сконструировано, будучи элементом скорее дискурсивной реальности, нежели эмпирической. Смысл ориентализма можно свести к следующему: великие достижения восточных цивилизаций остались в прошлом, а в настоящем только европейцы могут говорить от их имени и быть их продолжателями [6, с. 5], теперь Европа является тем стандартом, на который должен ориентироваться весь остальной мир. В донесении до незападных культур этой «истины» и состояла важная функция ориентализма [7]. А поскольку наиболее близкие отношения с Востоком имели Великобритания и Франция, осваивавшие эти земли в рамках колониальной экспансии, то ориентализм является прежде всего франко-британским культурным проектом.

Л. Вульф, развивая идеи Э. Саида, описывает процесс создания образа Восточной Европы, который использовался для закрепления новой концепции «цивилизации», противопоставляемой «варварству». При этом американский исследователь обращал внимание на то, что «Восточная Европа вовсе не была антиподом цивилизации, не находилась в самой бездне варварства, но скорее помещалась на шкале сравнительной развитости, которая измеряла дистанцию между варварством и цивилизацией» [8, с. 46–47]. То есть если Восток создавался через дискурс ориентализма, то Восточная Европа была проектом полуориентализации. Т. Диц отмечает, что процесс расширения ЕС на страны Восточной Европы сопровождался добавлением к традиционной для единой Европы дискурсивной логике противопоставления себя своему прошлому, связанному с войнами и национализмом, географического измерения. Воплощением того прошлого, которое преодолела Европа путем объединения, те-

перь становилась Восточная Европа. Логика этого дискурса не только легитимизировала расширение ЕС, но также укрепляла власть ЕС по предписыванию странам Восточной Европы определенного будущего и позиционирование Западной Европы как региона, преодолевшего угрозы войны и действующего как сила, выступающая за мир [9, р. 326].

Здесь уместно вспомнить, что в отношении стран Восточной Европы и, в частности, Польши, на мигрантов из которой в Великобритании после референдума о ее выходе из ЕС, как мы уже упоминали, обрушилась волна недовольства, присоединение в 2004 г. к единой Европе воспринималось как «возвращение в Европу», от которой в силу обстоятельств этот регион был оторван, но частью которой всегда являлся. Из этого противоречия, которое наилучшим образом можно проследить на примере Великобритании, и рождаются, на наш взгляд, проблемы разобщения стран ЕС в отношении миграции. Поскольку большинство мигрантов, как и прежде, приезжает в Европу из слаборазвитых стран, соглашается на непрестижную, низкооплачиваемую работу, то это подкрепляет исторически сложившиеся представления европейцев о мигрантах как о людях низшего сорта. Вместе с тем резкий рост количества мигрантов делает их «заметными» для европейцев, например, потому, что сплочение в общины понижает для приезжих значимость изучения языка принимающего государства, его традиций. Именно поэтому иммиграция в Европейский Союз, особенно иммиграция из мусульманских стран, все чаще воспринимается европейцами как угроза «западным ценностям». Эти дискурсы, по справедливому замечанию И. Барберо, можно обозначить как неоориенталистские [3, с. 153].

Формальное присоединение стран Восточной Европы и, в частности, Польши к Европейскому Союзу в силу специфики конституирования европейской идентичности не сделало из них полноправных участников политического объединения. В результате можно наблюдать парадоксальную ситуацию, когда для того, чтобы конституировать европейское «мы», необходимо признать какую-то свою часть не соответствующей представлениям об этом «мы». Неудивительно, что в восточноевропейских странах стремятся к элиминации данного дискурса. Причем такие попытки можно проследить как на уровне политической элиты, так и на уровне простых граждан. Политическая элита стремится найти для своих стран новое место в воображаемой географии Европы, в частности, ис-

пользуя Россию в качестве конституирующего «инога» для создания своего видения единой Европы, при этом государства Восточного партнерства, на создании которого в свое время очень сильно настаивала Польша, включаются в новый полуориенталистский проект. Граждане стран Восточной Европы, как это показывают цифры опроса, демонстрируют одну из наиболее высоких негативных оценок влияния миграции на условия жизни в их стране. И если через Венгрию проходит достаточное количество беженцев и мигрантов, чтобы предположить, что такое мнение граждан могло сложиться в результате взаимодействия с ними, то для Польши, как мы продемонстрировали выше, угроза носит не столько реальный, сколько метафизический характер. Иными словами, выражаясь в терминах Копенгагенской школы, поляки секьюритизируют угрозу со стороны мигрантов-мусульман для демонстрации окружающим, прежде всего партнерам по ЕС вроде Великобритании, собственной европейской идентичности.

В заключение, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, отметим, что дискуссии о миграции в ЕС, безусловно, направлены на защиту европейской идентичности. Другое дело, что понимание европейской идентичности, а точнее, способов ее конституирования у представителей «старой» и «новой» Европы разное. Идеи ориентализма, которыми пользовалась «старая» Европа, не выдерживают напора контрдискурсов, усиленных их включением «внутри» Европейского Союза после последних волн расширения ЕС. Свидетельством серьезных проблем ориентализма как дискурса, работающего на поддержание европейской идентичности, стал референдум о выходе из ЕС Великобритании — одной из стран — создательниц ориентализма, оказавшейся неспособной беспрепятственно адаптировать его идеи к новым условиям. В свете вышесказанного выходом из сложившегося положения может стать волевое решение стран Западной Европы, если они сделали ставку на развитие проекта единой Европы, принять страны Восточной Европы как часть европейского «мы» не только на бумаге, но и в пространстве воображаемой географии. Это позволит вывести «других» за границы единой Европы, сохранив тем самым ее единство.

Новый большой нарратив должен учитывать фактор глобализации, который оказывает существенное влияние на повышение транспарентности физических границ, поэтому использование Востока в конституировании европейской идентичности, на наш взгляд,

уже не будет настолько мощным. Может быть, в эпоху глобальных проблем Европейскому Союзу стоит сосредоточить свои усилия на борьбе с угрозой их неразрешения.

Литература

1. *Balibar E.* Politics and the Other Scene. London, Verso, 2002, 192 p.
2. *Wike Richard, Stokes Bruce, Steward Rhonda.* Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs // Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. 2016. July 11. <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs>.
3. *Барберо И.* Ориентализация мигрантов в Европейском союзе // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 2. С. 153–168.
4. *Семененко И. С.* Метаморфозы европейской идентичности // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 80–96.
5. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Мирь, 2006. 640 с.
6. *Сотов А. А.* «Ориентализм»: постколониальная критика Э. Саида. СПб.: Изд-во Центра изучения современного Ближнего Востока, 2006. 23 с.
7. *Башарова Г. Ф.* «Теория ориентализма» Э. Саида: подход к осмыслению проблемы Восток — Запад. http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm
8. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
9. *Diez T.* Europe's Others and the return of geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. 2004. July. Vol. 17, no. 2, pp. 319–335.

Контактная информация:

Лисий Олеся Александровна — ст. преп.; olesya_lis@mail.ru

The discourse on migration in the European Union: protection of National or European Identity?

Olesya Al. Lisiy

*Pavlov First St. Petersburg State Medical University,
6–8, Leo Tolstoy str., St. Petersburg, 197022, Russian Federation*

How do politicians from different countries of the European Union construct a discourse on migration to the EU? What are the perceptions about migration to the EU shared by ordinary citizens of these countries? Is there a way to turn the migration discourse into a real tool for building a European identity? The representatives of the so called “old” and “new” Europe have

different understanding of the European identity, or rather of the ways for its construction. The ideas of Orientalism employed by the “old” Europe do not withstand the pressure of counter-discourses, which were reinforced by their incorporation “into” of the EU polity after the latest waves of the EU enlargement. As a way out of this contradiction, we suggest there should be a strong-willed decision by Western European countries to accept the countries of Eastern Europe as an integral part of the collective European “Us” not merely on paper, but also within the space of imaginary geography.

Keywords: European identity, European Union, migration, discourse formation.

References

1. Balibar E. *Politics and the Other Scene*. London, Verso, 2002, 192 p.
2. Wike Richard, Stokes Bruce, Steward Rhonda. Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs. *Pew Research Center. Global Attitudes and Trends*, 2016, July 11 <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs>.
3. Barbero I. Oriyentalization of Migrants in the European Union. *Zhurnal issledovaniï social'noi politiki*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 153–168. (In Russian)
4. Semenko I. S. Metamorphoses of the European identity. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2008, no. 3, pp. 80–96. (In Russian)
5. Said E. *Orientalism. Western Concepts of the East*. St. Petersburg, Russkii Mir Publ., 2006, 640 p. (In Russian)
6. Sotov A. A. “Orientalism”: *Post-Colonial Criticism of E. Said*. St. Petersburg, Centr izucheniia sovremenogo Blizhnego Vostoka Publ., 2006, 23 p. (In Russian)
7. Basharova G. F. “Theory of orientalism” of E. Said: Approach to Judgment of a Problem the East — the West. http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/vostok_basharova.htm (In Russian)
8. Vulf L. *Inventing Eastern Europe*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, 560 p. (In Russian)
9. Diez T. Europe’s Others and the Return of Geopolitics. *Cambridge Review of International Affairs*, 2004, July, vol. 17, no. 2, pp. 319–335.

Author’s information:

Olesya A. Lisiy — Senior Lecturer; olesya_lis@mail.ru

УДК 325.1

О миграционной политике Европейского Союза

В. С. Ягья, А. С. Матвеевская

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

В статье рассматривается политика Европейского Союза, реагирующая на новые вызовы и угрозы миграционного кризиса современности. Обострение миграционного кризиса в Европе, сопровождающегося многотысячными нелегальными пересечениями границ ЕС, гибелью мигрантов, терпящих бедствие в Средиземном море при попытке добраться до европейских берегов, а также изменениями в системе предоставления убежища, является актуальной темой данного исследования. Авторы анализируют принятые институтами ЕС постановления и документы, а также совместные действия стран — членов ЕС.

Ключевые слова: миграционная политика ЕС, международная миграция, миграционный кризис, вынужденные мигранты.

Миграционная политика стран-реципиентов и стран-доноров является важным политическим инструментом реализации социальных целей в сфере экономики, демографии, этнических разнообразий и безопасности. Степень государственного взаимодействия в этой области играет важную роль в определении потоков, условий и последствий международной миграции. Одним из ярких примеров такого сотрудничества стран является Европейский Союз. Европейский регион по праву считается одним из главных мировых центров притяжения международных мигрантов. Европейские государства принимают у себя как выходцев из стран Восточной Европы, так и представителей стран третьего мира.

С начала XXI в. Европейский Союз активно занимается регулированием миграционных процессов. Евросоюз сосредоточился на формировании так называемой «всеобъемлющей миграционной политики», которая включает в себя привлечение представителей развивающихся стран, с одной стороны, и обеспечение охраны общих границ ЕС — с другой¹.

---

¹ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The Global Approach to Migration and Mobility (COM (2011) 743 final). 18.11.2011. Brussels. P. 4.

Меры по регулированию миграционных потоков начиная с 2000-х гг. отражены в Шенгенском кодексе о границах (2006 г.), визовом кодексе ЕС (2011 г.) и коммюнике «Укрепление глобального подхода к миграции», где уточнены принципы иммиграционной политики (2008 г.). Условия въезда и права таких категорий мигрантов, как студенты, члены семей переселенцев, высококвалифицированные специалисты, были также прописаны в ряде законодательств. Положения о возвращении на родину нелегальных иммигрантов, взыскания с тех предпринимателей, которые незаконно используют иностранную рабочую силу, также были прописаны в ряде директив².

Однако конец первого — начало второго десятилетия XXI в. ознаменовались рядом событий, которые неизбежно отразились на миграционной политике Евросоюза. Мировой экономический кризис, «арабская весна», обострение военных действий в Ливии, Афганистане, Ираке и Йемене, террористические акции в Турции и Западной Африке и, конечно же, война в Сирии заставили государства европейского континента пересмотреть свою политику по приему и расселению иммигрантов по странам — членам ЕС. К этому их принудили также жесткие террористические акты во Франции и Великобритании, совершенные выходцами из Азии и Африки. В Париже, Лондоне, Брюсселе и других столицах государств — членов ЕС остро встает вопрос об обеспечении национальной, региональной и глобальной безопасности.

Ситуация еще больше обострилась, когда поток мигрантов буквально хлынул в страны ЕС. По данным CNN, в 2015 г. в Европу прибыло 1,2 млн мигрантов³. Число беженцев в Европу возросло и в первые месяцы 2016 г., что осложнило внутрисоюзные отношения. Фактически ЕС переживает острый иммиграционный кризис, серьезно влияющий на политические, экономические, геодемографические и геостратегические позиции этого интеграционного объединения, считающегося наиболее успешным в глобальном интеграционном процессе в современном мире. Начался пересмотр целого ряда его устоев, включая гуманитарные, геополитические и международно-правовые.

² Например, Директива об установлении минимальных стандартов в отношении санкций и мер к работодателям незаконно пребывающих граждан третьих стран. Директива 2009/52 Европейского парламента и Совета от 18 июня 2009.

³ Migrant crisis in Europe. Published 3 of March, 2016. CNN. <http://edition.cnn.com/europe>.

Международная организация по миграции констатировала, что в 2013 г. более 3 тыс. мигрантов, переправлявшихся через Средиземное море, погибли⁴. Средиземноморский миграционный путь к берегам Европы считается одним из самых коротких, но наиболее опасных. За последние два десятилетия здесь погибло более 20 тыс. человек. Основные потоки переселенцев — это выходцы из Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Гамбии, Сомали, Эритреи, Мали и других азиатских и африканских государств, которые, пользуясь незаконной деятельностью перевозчиков, пересекают Средиземное море в надежде найти пристанище в Евросоюзе. На сегодняшний день именно Ливия является основным местом организации контрабанды людей через Средиземноморье. Трагедия у берегов острова Лампедуза, унесшая в октябре 2013 г. жизни 300 африканских мигрантов, в корне изменила отношение европейских политиков к пересмотру миграционной политики ЕС.

На проходившем в Брюсселе саммите глав государств и правительств Европейского Союза 24–25 октября 2013 г. обсуждались трагедия Лампедузы и попытка недопущения повторения данного бедствия. На саммите была сформирована группа экспертов для разработки ряда эффективных мер по урегулированию данной ситуации с беженцами в Средиземноморье. Основой для конкретных мер и эффективности работы по-прежнему остаются принципы миграционной политики ЕС: сотрудничество со странами-донорами переселенцев, усиление пограничного контроля и препятствия торговле людьми.

Европейская комиссия предложила эффективные меры по пяти основным направлениям:

- укрепление контроля на общей границе;
- поддержка южных государств — членов ЕС;
- увеличение возможностей для въезда на территорию Евросоюза легальным путем;
- распределение лиц, ищущих убежище, по государствам — членам ЕС;
- кооперация со странами — донорами мигрантов, а также странами транзита переселенцев.

---

⁴ International Organization for Migration. <http://www.iom.int>.

Немаловажным аспектом в иммиграционной политике, проводимой ЕС, является международное сотрудничество глав европейских и африканских государств [1]⁵, которое заключено в декларации о мобильности и миграции в апреле 2014 г. «План действий 2014–2017» из пяти пунктов основывается на противодействии нелегальным миграционным потокам, что укрепит всестороннее партнерство. Он включает в себя: препятствие и предотвращение торговли людьми; содействие по устранению последствий трагических попыток переправы нелегальным путем; укрепление связи мобильности и миграции; стимулирование легальной миграции; активизация международной защиты. Ряд соглашений о мобильном партнерстве был также подписан с другими государствами — Кабо-Верде (2008 г.), Молдавией (2008 г.), Грузией (2009 г.), Арменией (2011 г.), Азербайджаном (2013 г.), Марокко (2013 г.), Тунисом (2014 г.).

Стоит отметить, что, несмотря на все предпринятые попытки и усилившееся желание ЕС урегулировать нелегальную иммиграцию в Европу, эта проблема остается наиболее сложной для принятия политического решения, а также особо злободневной для мировой общественности. По данным агентства Фронтекс, координирующего усилия стран — членов ЕС по охране сухопутных и морских границ, в 2013 г. поток нелегальных мигрантов достиг цифры в 107 тыс. человек, что на 50 % больше по сравнению с предыдущим годом. В докладе агентства было выделено три значимых фактора, усиливающих приток нелегальных мигрантов: возросшая втрое численность нелегальных сирийцев, массовый приток североафриканских нелегалов в Италию и высокий уровень числа задержаний на западно-балканском пути. Доклад Европейской комиссии о функционировании шенгенского пространства также свидетельствует об увеличении на 48 % за 2014 г. числа нелегальных переходов границ ЕС. Большинство пересечений было зафиксировано на границах Греции, Венгрии, Италии, Испании и Болгарии. Основными представителями нелегальных пересечений границ были сирийцы, афганцы, эритрейцы и албанцы⁶.

Важным этапом в международном сотрудничестве стран — членов ЕС следует считать «Европейскую повестку дня по миграции»,

⁵ См. также: *Абашидзе А., Киселёва Е.* Радмиссия в отношениях России и ЕС // *Обозреватель.* 2004. № 2. С. 48–54.

⁶ Frontex. Annual Risk Analysis 2014. <http://frontex.europa.eu>. P.7.

которую 13 мая 2015 г. в Брюсселе представила Европейская комиссия. Данная повестка включает в себя четыре основных пункта:

- помощь в спасении терпящих бедствие в Средиземном море;
- предотвращение нелегального пересечения границ Евросоюза;
- модернизация интеграционной политики для легальных мигрантов;
- реорганизация системы предоставления убежища⁷.

Данный документ был взят за основу для разрешения современного миграционного кризиса в Европе. Однако стремительные изменения, а именно увеличение количества беженцев на территории ЕС, серия терактов в Париже потребовали от руководства дополнений, а некоторые из пунктов даже подверглись пересмотру и изменениям. На наш взгляд, необходимо проанализировать реализацию основных пунктов «Повестки дня».

Во-первых, задача по спасению терпящих бедствие переселенцев в Средиземном море была решена в кратчайшие сроки агентством Фронтекс, которое выступает посредником между институтами и странами — членами ЕС. Созданное в 2005 г. агентство занимается координацией усилий стран — членов по охране границы и патрулированию прибрежной зоны. Проводимая Фронтекс морская операция «Тритон» получила дополнительное финансирование. Участие в операции других судов от стран — членов ЕС, в том числе британского «Булворк», позволило спасти почти 3 тыс. жизней в Средиземноморье.

Миграционную ситуацию усугубило отсутствие договоров между ЕС и африканскими странами о реадмиссии, так как спасенных переселенцев сразу отправили в Италию, куда те и направлялись из Ливии [2]⁸.

Во-вторых, в выступлении перед Европейским парламентом 9 сентября 2015 г. президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер заявил: «Единая политика для беженцев требует от нас серьезных совместных усилий для обеспечения безопасности на наших внешних границах. К счастью, отказавшись от пограничного контроля

---

⁷ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A European Agenda on Migration. Brussels, 13.5.2015.COM (2015) 240 final. P. 22.

⁸ См. также: Frontex. Annual Risk Analysis 2014. <http://frontex.europa.eu>.

между государствами — членами Шенгенской зоны, мы гарантируем свободное передвижение людей, что явилось своеобразным символом европейской интеграции. Но другой стороной медали такого свободного передвижения является и то, что мы должны работать совместно, в тесном сотрудничестве управлять нашими внешними границами. Это то, чего от нас ждут граждане Европы. Комиссия заявила об этом еще в мае, я говорил об этом во время моей избирательной кампании: нам необходимо значительно усилить Фронтекс и развивать его в полном объеме на всех европейских границах и системах охраны побережья»⁹.

По данным Европейской комиссии, с января по ноябрь 2015 г. европейские границы пересекло более 1,5 млн нелегальных иммигрантов. В период с июля по сентябрь 413 800 человек попросили международной защиты в странах — членах ЕС, что вдвое больше, чем во втором квартале 2015 г.

Произошедшие в Париже ноябрьские теракты, а также растущая угроза со стороны иностранных террористических боевиков, подтолкнули комиссию к оперативному принятию мер по осуществлению безопасности внешних границ ЕС, что было сделано 15 декабря 2015 г. в Страсбурге¹⁰. Данные предложения включают в себя:

- систематические проверки баз данных для всех лиц, пересекающих границы ЕС;
- увеличение технического оборудования и количества персонала для охранного агентства Фронтекс;
- расширение полномочий охранного агентства в праве на вмешательство в пограничный конфликт, даже при условии, что страна — член ЕС не в состоянии или не желает принимать необходимые меры по его урегулированию;
- проведение операций-наблюдений путем эксплуатации беспилотных авиационных систем (дронов) в Средиземном море;
- созданное в рамках агентства Европейское Бюро по возврату беженцев будет ответственно за возвращение незаконно прибывающих граждан из третьих стран на родину.

---

⁹ State of the Union 2015 by European Commission President Jean-Claude Juncker. 9 September 2015. P.10. www.ec.europa.eu/soteu

¹⁰ Securing Europe's external borders a European border and coast guard. http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/securing-eu-borders/fact-sheets/docs/a_european_border_and_coast_guard_en.pdf.

В-третьих, на сегодняшний день интеграционная политика в основном развита в европейских странах, однако при нынешних условиях этот пункт «Европейской повестки дня» пока несколько отходит на второй план. Для большей эффективности данного направления каждое отдельное государство должно найти свой собственный подход с учетом своих конкретных обстоятельств. В зависимости от того, как принимающая страна и общество рассматривают вопросы национальной принадлежности и культурного своеобразия, должен быть сформирован подход к интеграции, взятый в конкретном контексте.

В 2004 г. при совместной работе Британского Совета и Брюссельской группы миграционной политики впервые был обнаружен «Индекс интеграционной политики» (Migrant Integration Policy Index — MIPEX), на основе которого ежегодно проводится определение рейтинга государств для выявления стран-лидеров в мировой интеграции иммигрантов. Сначала этот рейтинг проводился только среди стран Евросоюза, но, получив высокую оценку у правозащитных организаций по всему миру, стал охватывать большее количество стран. Так, например, рейтинг MIPEX в 2014 г. учитывал не только членов Европейского союза, но и Норвегию, Исландию, Швейцарию, Турцию, Австралию, Канаду, США, Японию, Южную Корею и Новую Зеландию.

Для точного расчета данного индекса интеграции используются 167 различных показателей, которые должны отобразить объективную картину в шести основных областях, влияющих на быстроту и успешность интеграции иммигрантов в новой среде. К ним относятся такие показатели, как доступность рынка труда, возможность воссоединения семьи, получение вида на жительство, возможность участвовать в политической жизни, выборах, референдумах, получение гражданства, равенство прав иммигрантов и местных жителей.

По результатам исследования 2014 г. первенство, как и прежде (в 2007 и 2010 гг.), принадлежало Швеции [3]. Данный индекс интеграции составил здесь 78 %. Страна заняла лидирующие позиции по всем шести основным критериям, и, таким образом, подтвердила статус самой благоприятной страны с идеальными условиями для интеграции иммигрантов. Следом за представительницей Скандинавских стран идет Португалия (индекс — 75 %). В последней десят-

ке рейтинга интеграции находятся страны с самыми неблагоприятными для иммигрантов условиями: Латвия, Литва и Турция¹¹.

В-четвертых, противоречия между европейскими странами по вопросам распределения беженцев с помощью системы квот усилились. Одни страны во главе с Германией и Францией пытаются отстоять идею справедливого распределения беженцев по странам ЕС. Другие, во главе с Австрией и Словакией, считают, что с этой проблемой они справятся самостоятельно.

В речи Европейскому парламенту Жан-Клод Юнкер заявил: «... уверен, правительства таких государств, как Италия, Греция и Венгрия, выступающие отправной точкой передвижения беженцев по Европе, не смогли противостоять столь масштабному миграционному кризису самостоятельно. В виду этого в мае этого года (2015) Еврокомиссия предложила экстренный план распределения 40 тыс. беженцев, которые на тот момент уже находились в Греции и Италии, по странам ЕС. Именно поэтому сегодня мы предлагаем второй план распределения 120 тыс. беженцев, которые находятся на территориях Италии, Греции и Венгрии. Данный план квот должен быть осуществлен безотлагательно, иначе Евросоюз ждет бесконтрольное и деструктивное разрастание этой проблемы»¹². Как в «Европейской повестке дня по миграции», критериями, объективными данными, отражающими потенциал государств — членов для расселения на своих территориях беженцев, являются следующие: численность населения стран ЕС; общий объем ВВП; количество уже полученных прошений об убежище и принятых беженцев; уровень безработицы. Комиссией особо подчеркивается, что подлежать расселению будут лишь претенденты, действительно нуждающиеся в международной защите. Те, кому не удастся получить статус беженца, будут отправлены домой.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на приоритетное внимание институтов ЕС к проблемам миграции и несомненные достижения в этой сфере, миграционная политика Евросоюза, на наш взгляд, не может считаться особо эффективной и продуктивной. Статистические данные, новая роль праворадикальных популистских партий в странах — членах ЕС, а также такие меры по

¹¹ MIPEX — Migrant Integration Policy Index. <http://www.mipex.eu>

¹² State of the Union 2015 by European Commission President Jean-Claude Juncker. 9 September 2015. P.9. www.ec.europa.eu/soteu.

противодействию бесконтрольного наплыва мигрантов, как заборы из колючей проволоки, свидетельствуют о сложной миграционной ситуации в Европейском Союзе. Все большее число жителей европейских стран не согласны с проводимой в их государствах политикой. Избиратели все больше обвиняют свои правительства в том, что они потеряли контроль над миграционными потоками и не имеют возможности регулировать их перемещения, а также интеграцию в европейское общество приезжающих.

Во многих странах Европы за последние двадцать лет проявляется усиление праворадикальных националистических партий, которые представлены как в органах центральной, так и местной власти. Эти праворадикальные партии, привлекая к себе избирателей, видят главную угрозу развитию современных европейских государств в наплыве иммигрантов из стран с иной цивилизацией и культурой.

Праворадикальные националистические партии, будучи в коалиции с центристскими движениями или же в оппозиции к ним, оказывают политическое и идеологическое влияние на решения властей. Недовольство результатами деятельности традиционных политических партий, а также страх перед увеличивающимися потоками мигрантов отразился на последних выборах в Европарламент, проходивших в мае 2014 г., где успех одержали партии евроскептиков и крайне правых движений.

Таким образом, можно предположить, что в обозримой перспективе праворадикальный национализм будет играть значимую роль в политической жизни всей Европы. Весьма вероятно, что эта роль будет возрастать в условиях развития процессов региональной интеграции, глобализации и негативных последствий увеличения иммиграционных потоков и определять следующий этап развития иммиграционной политики Евросоюза.

Литература

1. *Кажаева О. С.* Сотрудничество Европейского Союза и стран Африки в области реадмиссии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2014. № 2. С. 357–367.
2. *Салаконе А.* Миграционный кризис в Европе: взгляд из Италии // Вестник Российского гуманитарного университета. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2017. № 2. С. 25–38.
3. *Лялина А. В.* Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 128–145.

Контактная информация:

Ягья Ватаняр Саидович — д-р ист. наук, проф.; v.yagya@spbu.ru
Матвеевская Анна Сергеевна — канд. геогр. наук, ст. преп.;
a.matveevskaya@spbu.ru

Migration policy in European Union

Vatanyar S. Yagya, Anna S. Matveevskaya

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article discusses the EU's migration policy, which reacts to new threats and challenges of our time migration crisis. The aggravation of the migratory crisis in Europe, accompanied by many thousands of illegally crossing the borders of the EU, the death of migrants in distress in the Mediterranean Sea while attempting to reach European shores, as well as changes in the asylum system is a hot topic of research. The authors studied the decision taken by the EU institutions and documents, as well as analyzes the joint action of the EU member countries in dealing with the current migration problems.

Keywords: the migration policy of the EU, international migration, migration crisis, forced migrants.

References

1. Kazhaeva O.S. Cooperation between European Union and Africa in the Shpere of Readmission. *Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)*. Ser. Law, 2014, no. 2, pp. 357–367. (In Russian)
2. Salakone A. Migration Crisis in Europe: A View from Italy. *Vestnik of Russian State University for the Humanities. Political science. History. International relations*, 2017, no. 2, pp. 25–38. (In Russian)
3. Lyalina A. V. Supranational Policy of Migrant Integration in the EU. *Baltiiskii region*, 2014, no. 2 (20), pp. 128–145. Doi: 10.5922/2074-9848-2014-2-8. (In Russian)

Author's information:

Vatanyar S. Yagya — Dr. Sci. in History, Professor; v.yagya@spbu.ru
Anna S. Matveevskaya — PhD in Geographical Sci., Senior Lecture;
a.matveevskaya@spbu.ru

УДК 94+327.56+341.1/8

Kosovo and Metohija — history and current developments in the region

Aleksa Filipović

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Author is describing history of Serbian land of Kosovo and Metohija and its modern situation after NATO aggression and installing a semi-recognized Kosovo state which was set against interests of peoples of Serbia and became a political present to representatives of Muslim Albania. Special attention is paid to the analysis of historical process of development these Serbian lands and on the basis of this analysis modern Serbian tragedy when the country lost a part of its territory and how it influenced European events an international relations.

Keywords: *Kosovo*, Metohija, aggression, Albania, historical, Muslim, Middle Ages, orthodox, islamization, World war, Yugoslavia, clashes.

Kosovo and Metohija and ethnic conflicts between Serbian and Albanian population living there are once again in the headlines of the world news. For many, “Kosovo” is connected with the aggression of NATO forces against Yugoslavia in 1999, for what was the first military action of this bloc, conducted without approval of the UN Security Council. For others, it was a region that for 20 years was sight of sporadic clashes of ethnic Serbs and Albanians, with the always-worried comments made by international community tasked to police the region. But the question of Kosovo and Metohija runs further in history, as it is connected to ambitions of great powers for more than 100 of years, along with the vast mineral and hydrological wealth, as well as strategic position in the South-Eastern Europe.

The name of the region, Kosovo and Metohija, comes from the two words — Serbian word *Koc* (“Blackbird”) and Greek word *Metoh* — “church property”. Literal translation would be “the land of blackbirds and church lands”. In the middle ages, Kosovo and Metohija was a predominantly Serbian-inhabited area, and it was center of the Serbian state from 12th to 14th century. In the 13th century, the Serbian Orthodox Patriarchate was established here under the rule of the Emperor Stefan Dušan. During that time, there was a vast effort by the rulers of Serbia to create a network of Orthodox monasteries and churches in the region. During the

14th century, threat of the Ottoman Empire was growing, and in 1389, a “Battle of Kosovo” occurred, where invading Ottoman forces clashed with the combined might of Serbian nobility. This marked a first step of Turkish conquest of the Balkans, and it created an eternal myth of sacrifice and suffering for Serbian people. Although historians argue that the battle was a draw, nevertheless, it caused a blow to the already fragmented Serbian state, and by the mid-15th century, the Balkans was almost under full Ottoman occupation [1; 2]¹.

On the south of the region, a vast mountains divide land of Kosovo and Metohija from the lands of what is today Albania. These mountains were home to a cattle-breeding nomadic people that Serbs called “Arbanas” — ancestors of modern-day Albanians. Under Ottoman rule, islamization of the Arbanas tribes started, and by the 17th century, they became a ruling class in the region with distinct social and political privileges [1; 3]. After massive emigration of Serbs from the region in the 18th century, the abandoned lands were settled by the Albanian tribes in their first colonization effort [1; 4]. During that time, the Albanian nationalism was slowly developing from the tribal organization. The event that was responsible for shaping the national idea of Albanian population in Kosovo and Metohija was establishment of “The League of Prizren” in 1878, in the city of Prizren, a former capital of the Serbian Empire. It called for a resolution of the Albanian question within the frameworks of the Ottoman Empire, but this movement was fully destroyed with the military action from the side of the Ottomans [1; 5].

After the annexation of the Bosnia and Herzegovina in 1878, Austro-Hungarian Empire had plans to penetrate further into the Balkans, all the way to the bay of Salonika. Wishing to create loyal clients in the region, which at the same time would keep the growing ambitions of the newly-proclaimed Kingdom of Serbia in check, Vienna launched important cultural initiatives: books about Albanian history were printed and distributed, national coats-of-arms were invented and various grammars were written in order to create a unified Albanian language. The most important cultural initiative was the Illyrian theory about the Albanians' origin, which was launched from the cabinets of Viennese and German scientists and it was skillfully propagated in a simplified form. According to this theory, for which reliable scientific evidence has not been found

---

¹ См. также: *Ratković Bojan*. The Battle of Kosovo: Defeat or Victory? // Serbianna. 2009. 22.08. <http://serbianna.com/analysis/archives/110>.

to the present day, the Albanians are the oldest nation in Europe created through a mixture of pre-Roman Illyrian and Pelasgian tribes from an Aryan flock (*Volksschwarm*). Thus, a questionable scientific thesis about the ethno-genesis of a nation was turned into the mythological basis for national integration, which in time, became the main pillar of the Albanians' modern national identity [1; 6].

In 1912, following the Balkan wars, Kosovo and Metohija were liberated from the Ottomans, and territory re-joined Serbian kingdom once again. After the First World War and the dissolution of the Austro-Hungarian Empire, the new protector of Albanian interests became Italy, which desired to limit the dominance of the eastern Adriatic coast for the newly established Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (renamed Kingdom of Yugoslavia in 1929). The “Kosovo committee” was established by the Albanian emigrants who struggled for a “Greater Albania”, and it was financed by the Italian government. Under Mussolini's patronage, Albanian emigrants from Kosovo and Metohija, the pro-Bulgarian IMRO movement and the Croatian Ustashe forces, coordinated their actions against Yugoslav kingdom and finally during the fascist invasion, helped in its speedy defeat in April 1941. After its defeat, Yugoslavian territories were given to a number of satellite pro-Nazi states, with Kosovo and Metohija, and a part of western Macedonia becoming a part of Albania, which was under Italian occupation since 1939. The Serbian population found itself victims of the punitive actions of various Albanian militias, with especially murderous violence coming from the infamous Albanian SS “Scanderbeg” division [1; 7].

With the liberation of Yugoslavia by Josip Broz Tito's communist partisan movement and Soviet Red Army, ethnic Albanians started a rebellion at the beginning of 1945. After the rebellion was crushed, Tito decided that Kosovo and Metohija will remain a part of Serbia within the new Soviet type federal system. Communist Yugoslavia was organized as a federation on the Soviet model, with establishment of new nations after 1945, such as Macedonians, Montenegrins and Bosnian Muslims, as a way to establish ethnic balance opposed to the political and military domination of the Serbs in the Kingdom of Yugoslavia. Kosovo and Metohija was at first an autonomous region, as defined by 1946 Constitution, and then autonomous province within Serbia, as per 1963 Constitution². Finally,

---

² Устав Федеративне Републике Југославије, 1946. http://www.arhivyyu.gov.rs/active/sr-latin/home/glavna_navigacija/leksikon_jugoslavije/konstitutivni_akti_jugo-

it became an autonomous province only formally linked with Serbia, as per constitutional amendments 1968–1971 and 1974 Constitution, with competencies that were hardly any different from those of the republics (lacking only the right for self-determination) [1]³.

The systematic Albanization of the province of Kosovo in the administration, the judiciary and the police was followed by education of ethnic-Albanian population on school manuals imported from Albania, imbued with nationalist mythology and hate towards Yugoslavia. The theory of the Albanians as descents of Illyrians, the oldest people in the Balkans and therefore natives in Kosovo, became a simplified political program of national discrimination — all the non-Albanian population were considered as intruders on indigenous Albanian soil [1; 6; 2].

This all led to the frustration by the Serbian population, and provided a basis for Slobodan Milosevic's rise to power in 1987, who presented himself as a protector of Serbian national interests. The ethnic Albanians responded with a relentless series of strikes and demonstrations aware of the fact that the abolition of the autonomy based on the 1974 Constitution, meant, in fact, the abolition of all elements of Kosovo statehood. Their actions only strengthened Milosevic positions as the Serb national leader. The results were the limitation of autonomy, unrest and police repression in Kosovo and Metohija [1].

Starting in the 1990s, ethnic Albanian separatists waged a campaign of terrorism against Yugoslavian security forces and non-ethnic Albanian civilians in Kosovo, forming the armed terrorist group called “Kosovo Liberation Army” (KLA). The Yugoslavian government crackdown against the KLA was not criticized initially because even the U.S. State Department recognized it as a terrorist organization, given its attacks on Serbian police, military, and civilians [8]. Nevertheless, even though the KLA engaged in attacks on Serbian population in Kosovo, conducted reprisals against ethnic Albanians who “collaborated” with the Serbian government, and bombed police stations and cafes known to be frequented by Serb officials, (killing innocent civilians in the process), by 1999, the KLA received financial and logistical support from United States and other Western countries [9].

---

slavije/ustav_fnrj.html; Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije, 1963. <http://mojustav.rs/wp-content/uploads/2013/04/Ustav-SFRJ-iz-1963.pdf>.

³ Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije, 1974. <http://mojustav.rs/wp-content/uploads/2013/04/Ustav-SFRJ-iz-1974.pdf>.

In February 1999, NATO proposed so-called Rambouillet Agreement, which initial idea was to broker peace between Yugoslavia and ethnic Albanians living on Kosovo and Metohija land. Soon, it was apparent that it was used as ultimatum of United States towards the Yugoslavia as the “Appendix B” of the treaty demanded full access of NATO military personnel on the territory of Yugoslavia, full legal immunity of NATO forces for any crimes committed on the territory of the Yugoslavia, access to full telecommunication and radio service of the country, as well right to impose change to any infrastructure they see fit [10]⁴. The Yugoslavian side decided to refuse this ultimatum, as it was nothing less than a full occupation of Yugoslavia by the NATO forces, and not at all peace deal between Serbs and Albanians, as it was originally presented. This was used as a pretext of Western governments and media to show that Yugoslavia rejects diplomatic solution, and that only military intervention is a valid option to stop the “humanitarian” crisis on Kosovo and Metohija [11].

On 24th March of 1999, NATO forces started operation “Merciful Angel”, that lead to 78 days of war with Yugoslavia⁵. NATO aggression was responsible for the war crimes committed against the civilian population of Yugoslavia, with more than 2500 dead and 14.000 wounded. NATO forces launched 1.300 cruise missiles and dropped over 37.000 cluster bombs, targeting TV stations, schools, hospitals, residential buildings, bridges, trains and buses⁶. In addition, NATO forces dropped around 10 to 15 tons of depleted uranium on the territory of Yugoslavia, which is responsible for massive epidemic of cancer among the population of Serbia and Montenegro [12]. War ended with signing of so-called “Kumanovo agreement” between NATO and Yugoslavia, which saw retreat of Yugoslavian security forces from the territory of Kosovo and Metohija, and establishment of the KFOR (“Kosovo Force”), NATO-led security force⁷.

---

⁴ См. также: Appendix B from the Interim Agreement for Peace and Self-Government in Kosovo Rambouillet, France, 1999. February 23. https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/990123_RambouilletAccord.pdf.

⁵ Хабаров А. Операция «Милосердный ангел»: уран для Косово // Вести.ru. 02.03.2014. <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1339216>.

⁶ Janković Andriana, Božović Nenad, Latas Aleksandar, Janačković Branko. Da se ne zaboravi: 19 godina od NATO bombardovanja Jugoslavije // Blic. 2018. March 24. <https://www.blic.rs/vesti/drustvo/da-se-ne-zaboravi-19-godina-od-nato-bombardovanja-jugoslavije/mxn3wx6>.

⁷ Bataković Dušan T. Surviving in Ghetto-like Enclaves: The Serbs of Kosovo and Metohija, 1999–2007. http://www.batakovic.com/en/full-story/21/2012/02/22/surviving-in-ghetto-like-enclaves_-the-serbs-of-kosovo-and-metohija_-1999-2007.html.

Kosovo and Metohija were soon divided between ethnic Albanians and Serb-dominated north, and isolated enclaves south of the river Ibar⁸. United States military base on Kosovo, “*Camp Bondsteel*”, was established shortly after the war near the city of Uroševac (Урошевац), and it is considered second largest U. S. military base in Europe⁹. Besides being strongpoint of United States armed forces in South-Eastern Europe, it also served as a CIA “black site” for holding suspected terrorists, with the knowledge of leading EU member states¹⁰.

Besides heavy presence of international peacekeeping and security forces, incidents between Serbian and ethnic Albanian population on Kosovo and Metohija continued to occur¹¹. In March 2004, during the full presence of 20.000 members of international forces in Kosovo, ethnic Albanian population initiated a pogrom of ethnic Serbian population. 4,012 Serbs were driven from their homes, more than 900 houses belonging to Serbs, Romas and other minorities were set on fire, six towns and ten villages were ethnically cleaned, while 35 Serbian Orthodox churches and monasteries from medieval times were destroyed and desecrated¹².

In 2008, ethnic Albanians declared unilateral independence in 2008 without referendum, but with the support of USA and majority of EU countries. Serbia Russia and China were among the majority of countries that rejected this move, and Serbia sought international validation and support for its stance — that the 2008 Kosovo declaration of independence is “illegal” at the General Assembly of the United Nations. In 2010, International Court of Justice (ICJ) ruled out that “that the adoption of the

---

⁸ Ibid.

⁹ Camp Bondsteel: Inside Look at US Military Enclave in Balkans // Sputnik News. 2016. March 28. <https://sputniknews.com/europe/201603281037105115-camp-bondsteel-serbia-kosovo-military-camp>.

¹⁰ Clandestine Camps in Europe Everyone Knew What Was Going On in Bondsteel // Spiegel Online. 2005. December 5. <http://www.spiegel.de/international/ clandestine-camps-in-europe-everyone-knew-what-was-going-on-in-bondsteel-a-388556.html>.

¹¹ *Chamberlain Gethin, Pancevski Bojan*. Ethnic ‘cleansing’ threat to Serbs in Kosovo // The Telegraph. 2007. December 2. <https://www.telegraph.co.uk/news/world-news/1571265/Ethnic-cleansing-threat-to-Serbs-in-Kosovo.html>; *Fisk Robert*. Serbs murdered by the hundred since ‘liberation’ // The Independent. 1999. November 24. <https://www.independent.co.uk/news/world/serbs-murdered-by-the-hundred-since-liberation-1128350.html>; *Bird Chris*. Serbs flee Kosovo revenge attacks // The Guardian. 1999. June 12. <https://www.theguardian.com/theguardian/1999/jul/21/guardianweekly.guardianweekly11>.

¹² 11 years since “March Pogrom” of Serbs in Kosovo // B92. 2015. March 17. https://www.b92.net/eng/news/politics.php?yyyy=2015&mm=03&dd=17&nav_id=93505.

declaration of independence of 17 February 2008 did not violate general international law, Security Council resolution 1244 (1999) or the Constitutional Framework [adopted on behalf of UNMIK by the Special Representative of the Secretary-General]”, and that “consequently the adoption of that declaration did not violate any applicable rule of international law”¹³.

Following several years of sporadic clashes between the ethnic-Serbs and the Albanians in the province, EU brokered a treaty between Serbian government and the “government of the Republic of Kosovo”, the so-called “Brussels agreement” in 2013, by which Serbia was bound to withdraw its parallel institutions from municipalities with Serbian majority. In return, Association of Serbian Municipalities was to be established, which would give limited self-governance to Serbs within legal framework of “Republic of Kosovo”¹⁴. This agreement came under lot of critic, as it looked like that Serbia indirectly recognized independence of “Republic of Kosovo”¹⁵.

The “Republic of Kosovo” is today recognized as an independent state by 112 members of the United Nations, and 23 members of the European Union. Countries that are not recognizing Kosovo independence, besides Serbia, include Russia, China, and India, majority of African and South American countries, as well as Spain, Slovakia, Cyprus, Romania, and Greece as EU member states. It also became a member of IMF and World Bank Group in 2009, European bank for reconstruction and development in 2012 and South-East European Cooperation Process in 2015¹⁶. Never-

---

¹³ ICJ rules on Kosovo's Declaration of Independence // The Hague Justice Portal. <http://www.haguejusticeportal.net/index.php?id=11906>.

¹⁴ *Nasković Đorđe, Cimili Zana*. Tri godine Briselskog sporazuma, još dosta otvorenih pitanja // N1. 2016. April 19. <http://rs.n1info.com/a/153319/Vesti/Vesti/Tri-godine-Briselskog-sporazuma.html>; Haradinaj želi da ospori Briselski sporazum // PTC. 2017. November 29. <http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/9/politika/2954785/haradinaj-zeli-da-ospori-briselski-sporazum.html>.

¹⁵ *Karabeg Omer*. Da li je Srbija Briselskim sporazumom indirektno priznala Kosovo // Radio Slobodna Evropa. 2013. April 21. <https://www.slobodnaevropa.org/a/most-rse-da-li-je-briselskim-sporazumom-srbija-indirektno-priznala-kosovo/24964279.html>.

¹⁶ Press Release: Kosovo Becomes the International Monetary Fund's 186th Member // IMF. 2009. June 29. <http://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/14/01/49/pr09240>; Kosovo Joins World Bank Group Institutions // World Bank Group. 2009. June 29. <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/NEWS/0,contentMDK:22230081~pagePK:34370~piPK:34424~theSitePK:4607,00.html>; Shareholders and Board of Governors // European Bank for Reconstruction and Development. <http://www.ebrd.com/shareholders-and-board-of-governors.html>; *Maccarty Charles*. Kosovo becomes

theless, “Republic of Kosovo” is still not member of the UN, which would fully confirm its legal status as an independent country.

There are opinions that the real value of this region for the Western interests lies in its mineral wealth, with just the deposits of the lignite coal estimated to be around 14.7 billion metric tons¹⁷. It is followed by Lead and Zinc deposits (58.7 million tons), Nickel (13 million tons), Bauxite (2.7 million tons), and Magnesite (3 million tons)¹⁸. Back in 1998, American journalist and political writer Sara Flounders wrote that the conflict that was brewing on Kosovo and Metohija was “the war about the mines” and “mineral wealth”, and that this was the primary reason why KLA was trained, financed and equipped with high-tech weapons by U.S. and Germany¹⁹. In 2016, Canadian-based energy firm Envidity Energy Inc, chaired by retired US General and commander of NATO bombing of Yugoslavia Wesley Clark, got the permit from “Government of Republic of Kosovo” search for coal on more than a third of Kosovo’s total territory²⁰. This can be seen as one of the evidence that some of the war goals of US and NATO were indeed mineral riches of Kosovo region, and that the retired commander of NATO forces got his reward for the part he played in these events.

In January 2018, one of the most prominent leaders of Serbs on Kosovo and Metohija, Oliver Ivanović, was shot dead in front of his office in the town of Kosovska Mitrovica, which once again raised the tensions between the Serbian and the Albanian population²¹. After the NATO aggression in 1999, Oliver Ivanović took up senior position in the newly-formed Serb National Council, where he stayed until 2001. He later served in Serbia's Kosovo Coordination Center and as state secretary in Serbia's

---

South-East Coop. Process member. 2015. May 23. <http://news.videonews.us/kosovo-becomes-south-east-coop-process-member-2318649.html>.

¹⁷ 2014 Minerals Yearbook: KOSOVO [ADVANCE RELEASE] // U.S. Department of the Interior/U.S. Geological Survey. 2016. <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/country/2014/myb3-2014-kv.pdf>.

¹⁸ *Tzanetakou Nefeli*. Kosovo: Attention focused on mineral wealth // IBNA. 2018. February 22. <http://www.balkan.eu.com/kosovo-attention-focused-on-mineral-wealth>.

¹⁹ *Flounders Sara*. Kosovo: 'The war is about the mines' // Межведомственный аналитический центр. 30.07.1998. https://iacenter.org/folder04/kosovo_mines.htm.

²⁰ Brothers in Profit: How to Make Money on NATO Bombings of Yugoslavia // Sputnik News. 2016. September 17. <https://sputniknews.com/europe/201609171045409350-kosovo-clark-albright>.

²¹ Oliver Ivanovic shot six times, dies of his wounds // B92. 2018. January 17. https://www.b92.net/eng/news/crimes.php?yyyy=2018&mm=01&dd=16&nav_id=103274.

specially designated Kosovo Ministry. He has also served as a deputy in Kosovo “parliament”. In 2014, he was detained by “Republic of Kosovo” authorities on suspicion of war crimes. He was convicted to 9 years in prison, but his conviction was overturned on appeal. Ivanović had spent over three years in jail before being released. He was also a leader of the “Freedom, Democracy, Justice” Initiative, a political organization active in Serbian-dominated areas in Kosovo. His political activity has led him into conflict with officials of “Republic of Kosovo” government, but he also didn’t support the policies of the current government of Serbia²².

The regional media reported that Mr. Ivanović came under pressure, intimidation and smear campaign created by the official Belgrade during the “Republic of Kosovo” parliament elections at the end of 2017. Four members of Ivanović’s party withdrew from the candidate list, while the Srpska Lista (officially supported by the president of Serbia) became dominant political representative of the Serbian population. Few months before his death, he publicly expressed concerns about the heavy presence of criminal elements in his hometown of Kosovska Mitrovica, and threats he faced from them²³.

Even though there were political disagreements between Mr. Ivanović and official Belgrade, his assassination was called “an act of terrorism” by the president of Serbia, Aleksandar Vučić²⁴. Unfortunately, eight months after the assassination of Oliver Ivanović, there are no suspects nor it is known who might have ordered the assassination.

The latest developments in the region suggest that there is a possibility of both Serbian and ethnic-Albanian representatives to negotiate “territorial exchange” between Serbia and “Republic of Kosovo”, as it is evident from president Vucic’s speeches²⁵. The idea of land-swaps includes Serbia receiving back under its controls smaller, northern part of Kosovo and

---

²² Janjevic Darko. Who was Oliver Ivanovic, the murdered Serb politician in Kosovo? // Deutsche Welle. 2018. January 16. <http://www.dw.com/en/who-was-oliver-ivanovic-the-murdered-serb-politician-in-kosovo/a-42168200>.

²³ Top Kosovo Serb politician Oliver Ivanovic shot dead // BBC. 16.12.2018. <http://www.bbc.com/news/world-europe-42701712>; Glavne Vučićeve poruke u Kosovskoj Mitrovici: Ne priznajemo Kosovo, rešenje ni na vidiku! // Sputnik Srbija. 2018. September 9. <https://rs-lat.sputniknews.com/politika/201809091117124203-vucic-mitrovica-trg-obracanje>.

²⁴ Glavne Vučićeve poruke u Kosovskoj Mitrovici: Ne priznajemo Kosovo, rešenje ni na vidiku!

²⁵ Vučić: Neće dozvoliti podelu Kosova // N1. 2018. July 25. <http://rs.n1info.com/a406756/Vesti/Vucic-o-podeli-Kosova.html>; *Wagener Volker*. Serbia and Kosovo moot

Metohija which is settled by majority of ethnic-Serbs still living in the province, while the “Republic of Kosovo” would receive two or three bordering Serbian municipalities where ethnic-Albanians constitute a majority of population²⁶. Surprisingly, the main patrons of ethnic Albanians and “Republic of Kosovo”, the United States, signaled a shift in their “no border change” policy recently, as John Bolton, the US national security advisor, stated that “if Kosovo and Serbia reach an agreement that is satisfactory to both of them, I think that we (US) would unquestionably support them”²⁷. Around same time, several news reports and opinion pieces published in the New York Times, Washington Post, BBC and Politico are in their message supportive to the idea of the partition, stating that establishing borders on the principle of ethnic division could be solution in this case to the frozen conflict between the Serbians and the Albanians²⁸. On the other hand, Serbian Orthodox Church, opposition parties and a part of the Serbian public strongly oppose any such deals, as it would lead to final recognition of “Republic of Kosovo”, loss of any right to re-integrate the whole province back to Serbia, loss of national and cultural heritage and potential exodus of Serbian population that reside in the ethnic-Albanian dominant parts of the province²⁹. Additionally, German Chancellor Angela Merkel for now expressed her disagreement for any border change

---

map redraw in historic land swap // Deutsche Welle. 2018. September 6. <https://www.dw.com/en/serbia-and-kosovo-moot-map-redraw-in-historic-land-swap/a-45389705>.

²⁶ Ibid.

²⁷ Bolton: U.S. would support agreement between Serbia and Kosovo // The Washington Post. 2018. August 24. https://www.washingtonpost.com/video/world/bolton-us-would-support-agreement-between-serbia-and-kosovo/2018/08/24/a76a4126-a7bd-11e8-ad6f-080770dcddc2_video.html?utm_term=.db947135d64e.

²⁸ *Kupchan Charles A.* An Offensive Plan for the Balkans That the U.S. Should Get Behind // The New York Times. 2018. September 13. <https://www.nytimes.com/2018/09/13/opinion/kosovo-serbia-land-swap.html> commentsContainer; *Johnson Carter.* Kosovo and Serbia might redraw their border. Could this keep them from going to war? // The Washington Post. 2018. September 10. https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/09/10/kosovo-and-serbia-might-redraw-their-border-could-this-keep-them-from-going-to-war/?utm_term=.856abdd1a930; *Prelec Marko.* A Balkan border change the West should welcome // Politico. 2018. August 23. <https://www.politico.eu/article/a-balkan-border-change-the-west-eu-should-welcome-kosovo-serbia-land-swap/>; *Delauney Guy.* Kosovo-Serbia talks: Why land swap could bridge divide // BBC. 06.09.2018. <https://www.bbc.com/news/world-europe-45423835>.

²⁹ *Knezevic Gordana.* 'Cybermonk,' Bane of Nationalists, Likens Serbia-Kosovo Territory Swap To 'Ethnic Cleansing' // Radio Free Europe. 06.09.2018. <https://www.rferl.org/a/serbian-abbot-likens-territory-swap-to-ethnic-cleansing-/29475725.html>; Mitropolit Amfilohije odgovorio na pitanje: Šta znači podela Kosova // Sputnik Srbija.

in the Balkans, while Russian ambassador to Serbia, Alexander Chepurin, stated that for Russia, any agreement between two sides is agreeable, as long as it is understood that Russian Federation is strongly adhering to the Resolution 1244 of the UN Security Council, that only Belgrade and representatives of ethnic Albanians can agree about status and the degree of autonomy of the province and that the Belgrade has to be free from the pressure coming from the West³⁰.

The question about future of Serbia and its province of Kosovo and Metohija remains as open as ever. Any decision made by the leadership about potential land-swap agreement has to be confirmed by a referendum from both sides, Serbian and the ethnic-Albanian — and for now, parts of both publics are vocal against such agreement. Perhaps the time has not yet come to propose definite option for resolution of this territorial and ethnic conflict, which is rooted much farther in the past than just a few decades, which is the usual perception of this conflict. Nevertheless, it is perhaps needed to say that if Serbia recognizes the independence of Kosovo and Metohija, it will not lose only its holy land and cradle of Serbian state, but also a vast mineral wealth that, if exploited properly and with care for the environment, can bring much needed revival to Serbian economy and standard of living. But for that, Serbia needs more political and possibly financial support in the form of increased investments from its traditional allies in safekeeping of its sovereignty and territorial integrity — Russia and China, as they are the only countries that can successfully provide the counter-balance to the Western influence and ambitions in this region.

References

1. Ratković Bojan. Kosovo-Metohija: The Serbo-Albanian Conflict. *ЕЛЕКТРОНСКА БИБЛИОТЕКА КУЛТУРЕ КОСОВА МЕТОХИЈЕ. Пројекат Растко*. https://www.rastko.rs/kosovo/istorija/batakovic/batakovic-kosovo_eng.html.
2. Batakovic Dusan. The Kosovo Chronicle — Kosovo and Metohia, a historical survey. *ЕЛЕКТРОНСКА БИБЛИОТЕКА КУЛТУРЕ КОСОВА МЕТОХИЈЕ Пројекат Растко*. https://www.rastko.rs/kosovo/istorija/kosovo_chronicles/kc_part1b.html.

2018. June 28. <https://rs-lat.sputniknews.com/politika/201806281116279851-amfilohije-kosovo-podela>.

³⁰ Cerovina Jelena. Kosovska “crvena linija” podelila Zapad // Политика. 2018. September 11. <http://www.politika.rs/sr/clanak/410976/Kosovska-crvena-linija-podelila-Zapad; Cepurin: Kosovo da se vrati u pravno i državno polje Srbije // Sputnik Srbija. 2018. September 10. https://rs-lat.sputniknews.com/rusija/201809101117135186-kosovo-cepurin-srbija>.

3. Radovanović Milovan. Kosovo and Metohia — A Geographical and Ethnocultural Entity in the Republic of Serbia. 1995. *Пројекат Растко*. <https://www.rastko.rs/istorija/srbi-balkan/mradovanovic-kosovo.html>.
4. Terzic Slavenko. Kosovo and Metohija in the Serbian history / Historical institute of the Serbian Academy of Sciences and Arts. *Пројекат Растко*. <https://www.rastko.rs/kosovo/istorija/sanu/Kosovo.html>.
5. Bogdanović Dimitrije. The Kosovo Question — Past and Present, Old Serbia and Albanians. 1999. *Пројекат Растко*. <https://www.rastko.rs/kosovo/istorija/sanu/old-serbia.html>.
6. Dimitrije Bogdanovic. Книга о Косову. Serbian Academy of Sciences and Arts Monographs. Vol. DLXVI. Belgrade, 1986. *Пројекат Растко*. http://novi.uciteljnjeznalica.org/PDF/arhiva%20autora/991_Bogdanovi%C4%87,%20Dimitrije%20-%20Knjiga%20o%20Kosovu.pdf.
7. Terzic Slavenko. Kosovo, Serbian Issue and the Greater Albania Project / Historical institute of the Serbian Academy of Sciences and Arts. *ЕЛЕКТРОНСКА БИБЛИОТЕКА КУЛТУРЕ КОСОВА МЕТОХИЈЕ*. *Пројекат Растко*. <https://www.rastko.rs/kosovo/istorija/sanu/GrtAlb.html>.
8. *Fulton John R.* NATO and the KLA: How the West Encouraged Terrorism. *Global Security Studies*. Fall 2010, vol. I, issue 3. <http://globalsecuritystudies.com/NATO%20and%20the%20KLA%20TWO.pdf>.
9. *Scott Peter Dale*, The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America. Berkley; Los Angeles: University of California Press, 2007. https://books.google.ru/books?id=op39ymd2um0C&pg=PA131&redir_esc=yv=onepage&q&f=false.
10. Becker Richard. *Chapter 22. The Rambouillet Accord: Pretext for a War of Aggression*. Межведомственный аналитический центр. https://iacenter.org/warcrime/22_rambo.htm.
11. Sotirović Vladislav B., Kosovo's "Independence": Dilemmas of NATO's Aggression in 1999. *Global Research*, 2018, March 7. <https://www.globalresearch.ca/kosovos-independence-dilemmas-of-natos-aggression-in-1999/5631283>.
12. Hänsel Rudolf. Aftermath of the US-NATO War on Yugoslavia. The Unspoken Impacts of Radioactive Depleted Uranium Ammunition". *Global Research*, 2017, December 24. <https://www.globalresearch.ca/aftermath-of-the-us-nato-war-on-yugoslavia-the-unspoken-impacts-of-radioactive-depleted-uranium-ammunition/5623803>.

Author's information:

Aleksa Filipovich — Master of IR; aleksa.filipovic89@gmail.com

Косово и Метохија — историја и современно развојје региона

Алекса Филиповић

*Санкт-Петербургски државни универзитет,
Росијска Федерација, 199034, Санкт-Петербург, Универзитетска наб., 7–9*

В статье представлена история сербских земель Косово и Метохия и их современное состояние после агрессии НАТО, что привело к появлению признанного государства Косово, которое было создано вопреки интересам народов Сербии и по сути стало политическим подарком представителям мусульманской Албании. Большое внимание уделено анализу исторического развития сербских земель, на основе этого анализа раскрыта трагедия современной Сербии, которая потеряла часть своей исторической территории, показано, как это отразилось на событиях европейского региона и международных отношений.

Ключевые слова: Косово, Метохия, агрессия, Албания историческая, Албания мусульманская, Средние века, православие, исламизация, мировая война, Югославия, столкновения.

Контактная информация:

Алекса Филипович — магистрант; aleksa.filipovic89@gmail.com

БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ

УДК 327.8

Китайское экспертное сообщество о «возвышении» Китая и трансформации международной системы*

Я. В. Лексютина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

В статье выделяются превалирующие среди ведущих китайских экспертов-международников представления о «возвышении» Китая, об основном содержании и направленности трансформации международной системы. Констатируя относительный упадок США и «возвышение» развивающихся стран, китайские эксперты достаточно скромно оценивают вероятность превращения Китая в доминирующую в мире великую державу и становление незападного мира в обозримом будущем.

Ключевые слова: Китай, США, международная система, международный порядок, мировой порядок, глобальное управление, «возвышение» Китая, сверхдержава, баланс сил.

«Возвышение» Китая — проявившийся со второй половины 1990-х гг. процесс усиления комплексной национальной мощи Китая, сопровождаемый расширением роли этого крупнейшего восточноазиатского государства в мировой экономике и политике, усилением его влияния на международные процессы. Этот процесс является одним из принципиальных факторов, формирующих геополитический и геоэкономический ландшафт в XXI в. и влияющих на трансформацию международной системы. Важным содержанием трансформации современной международной системы в связи с этим выступает завершение возникшего после окончания холодной войны однополярного непродолжительного периода в эволюции международной системы, когда США, оставшись единственной

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в рамках научного проекта 17-07-50016-ОГН.

сверхдержавой на планете, выступали в роли абсолютного мирового лидера, способного диктовать свою волю другим странам.

Направленность трансформации международной системы трактуется разными экспертами по-разному: кто-то отстаивает концепцию многополярности, другие — биполярности, третьи — бесполярности, выдвигаются разнообразные иные сценарии развития ситуации.

Китайская официальная риторика однозначно характеризует преобладающую ныне тенденцию как движение в сторону многополярности. Китайское экспертное сообщество не столь категорично и весьма активно занимается разработкой этих и смежных вопросов. Концептуализации процесса «возвышения» Китая и трансформации международной системы посвящены многочисленные труды китайских исследователей, разделяющих как общие взгляды на данное проблемное поле, так и выдвигающих порой весьма специфичные идеи. Однако в характеристике современной международной системы как претерпевающей сущностную трансформацию китайские исследователи единодушны. При этом в процессе эволюции международной системы с конца 1980-х гг. китайские ученые выделяют два периода: 1) «период после окончания холодной войны» и 2) современный этап, в качестве точки отсчета которого, как правило, берется мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Как указывает профессор Фуданьского университета У Синьбо, мировой финансово-экономический кризис формально завершил сложившуюся вслед за окончанием холодной войны однополярную эру, определяющими чертами которой выступали превосходство мощи США над другими государствами, универсальность американской политико-экономической модели развития и не имевшее аналогов международное влияние США. Приобретающая очертания новая эра отмечена развитием многополярности, плюрализмом политико-экономических моделей, множественностью игроков на международной арене [1, р. 155]. На смену краткому однополярному периоду пришла «эра поляризации» [2, р. 7].

Определяя основное содержание нового этапа развития международной системы, другой известный китайский эксперт, профессор Института международных отношений Народного университета Китая Ши Иньхун, пишет о «возвышении остальных» (стремительном подъеме Китая, Индии, Бразилии и ряда других крупных развивающихся государств) и об относительном падении мощи США

и западного мира, дальнейшее относительное ослабление которых неизбежно [3, p. 11].

Директор Центра американских исследований Института современных международных отношений Ван Хунган отмечает такие изменения в международной системе, как относительное снижение глобального влияния и отсутствие уверенности в себе промышленно развитых стран (США, Японии и некоторых европейских государств), утрату Вашингтоном своего статуса верховного арбитра мирового порядка при одновременном увеличении роли на мировой арене развивающихся государств. Ван Хунган вместе с тем отмечает отсутствие должных изменений в институтах глобального управления (а именно прекращение доминирования в них западных стран) и указывает на кризис существующей системы глобального управления, проявляющийся в ее неупорядоченности и неэффективности [4]. Ван Хунган утверждает, что в связи с изменением баланса сил на мировой арене и снижением американского влияния в мире Вашингтон более не может поддерживать так называемый «Рах-Американа» и руководить реформированием глобальных институтов. Активное участие в этом процессе должны принять «возвышающиеся» государства и в особенности Китай [4].

Одним из центральных тезисов в работах китайских исследователей все чаще становится тезис о кризисе существующей системы глобального управления, т. е. о неадекватности текущей модели мирового управления новой обстановке, характеризующейся быстрым экономическим ростом развивающихся государств и увеличением числа нетрадиционных вызовов безопасности. Ответственными за дезорганизацию глобального мироустройства, которая характеризуется возникновением множества кризисных ситуаций в мире, нередко открыто называют США как доминирующую после окончания холодной войны страну. Китайские эксперты пишут о том, что на фоне мирового финансово-экономического кризиса возникли и стали функционировать новые механизмы глобального управления, завершился этап развития международной системы, когда один механизм (например, G-7) мог контролировать международный экономический порядок, а крупнейшая военно-политическая организация (НАТО) могла доминировать в области глобальной безопасности [5, p.6].

При этом китайские эксперты четко разграничивают экономическую и политическую составляющие международной системы.

Положительно оценивая происходящие изменения в международной экономической системе, они с недовольством отмечают многочисленные препятствия и сложности в реформировании международной политической системы и международной системы безопасности, которые рассматриваются ими как более существенные ее составляющие по сравнению с экономической. Китай, достигнув значительных успехов в своем экономическом развитии и увеличив свою роль в глобальном экономическом управлении, не смог до сих пор укрепить позиции в международной политической системе. В ней до сих пор доминируют США и западные страны. Трансформация международной экономической системы протекает быстрее, чем трансформация международной системы безопасности [6, р. 24].

Важным содержанием происходящих изменений в современном миропорядке китайские эксперты называют изменение баланса сил в мире. Данное изменение проявляется двояко: в пользу развивающихся стран сравнительно с развитыми, а также в виде перераспределения сил среди развитых стран (в частности, наблюдается относительный упадок США на фоне «возвышения» Германии) [7, р. 6].

Основной движущей силой трансформации международной системы китайские исследователи называют «возвышение» развивающихся стран, изменение мирового баланса сил в пользу «возвышающихся» государств. Президент Института современных международных отношений Ма Чжэньган указывает, что группа развивающихся государств стремительно наращивает международное влияние, западный мир в целом на спаде, а США испытывают сложности как во внутренней, так и во внешней политике, роль США как единственной сильнейшей мировой державы в значительной степени ослабла. Подъем целой группы развивающихся стран китайский исследователь называет беспрецедентной вехой в истории человечества, способной оказать положительное влияние на эволюцию всей системы международных отношений. Ма Чжэньган выражает убежденность в том, что в отдаленной перспективе эти страны в конечном итоге догонят и превзойдут США и другие западные державы [8, р. 64–65].

Профессора Университета Цинхуа Чу Шулу и Чэнь Сунчуань подчеркивают, что хотя сложившаяся после окончания холодной войны архитектура «одна сверхдержава, много сильных держав», остовами которой составляют США, Япония, ЕС и другие традиционные державы, продолжает существовать, однако тенденция развития

диверсификации международных сил становится все отчетливее, а расстановка международных сил приобретает большую сбалансированность. Складывающаяся международная система определяется ими как «архитектоника двух групп», ядро которой образуют традиционные державы (США, ЕС, Япония, Россия) и лишь приобретающие статус держав (Китай, Индия, Бразилия и некоторые другие развивающиеся государства) [9, p. 6–7].

Несколько по-иному смотрит на этот вопрос Директор комиссии по международным делам ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей) Фу Ин, определяя ЕС, Японию и Россию как промежуточные державы, находящиеся где-то между устоявшимися державами (*established powers*) и приобретающими статус держав: хотя их экономики достигли высокого уровня развития и у них есть опыт активной роли в международных делах, на данный момент они не стремятся расширить свою роль в глобальном управлении, сконцентрировавшись на решении собственных проблем [10, p. 3].

Профессор Шанхайской академии общественных наук Хуан Жэньвэй в качестве ключевых сил в современном мире выделяет западные державы и страны БРИКС. Основной характеристикой протекающей трансформации международной системы он называет одновременное соперничество и сближение традиционной западноцентричной международной системы (с доминированием США) с международной системой нового типа, где основными акторами становятся страны БРИКС [6, p. 24]. Общим трендом трансформации международной системы он называет отход от однополярности в сторону бесполярности через многополярность. Под бесполярностью, или «ровностью», он подразумевает такую структуру международной системы, когда отдельные страны или группы стран обладают превосходством в отдельно взятых сферах, а сотрудничество и сосуществование являются определяющим трендом (в противовес конкуренции и конфронтации, характерным для полярных типов международной системы).

Между тем китайские эксперты далеки от утверждений о возможности становления незападного мира или международной системы при доминирующем влиянии развивающихся стран. Констатируя сокращение разницы экономических потенциалов развитых и развивающихся стран (она уже менее 10%), китайские эксперты указывают на сохраняющееся сильное качественное отставание развивающихся стран (включая Китай) в сферах экономики, финансов,

высоких технологий, в военной сфере, в мягкой силе, в вопросах идеологии, социальной системы и стиля жизни [11, р. 19; 6, р. 24]. Развитые западные страны, и в особенности США, еще в течение длительного времени будут сохранять свое превосходство в этих областях.

Отмечая стремительный рост развивающихся стран, китайские эксперты подчеркивают их неготовность заполнить вакуум силы в международной системе и сохраняющееся отсутствие консенсуса среди них относительно путей реформирования международного порядка [10, р. 3]. Развивающиеся страны, включая группу БРИКС, не являются монолитной силой, они не способны сформировать оппозиционный блок для конфронтации с Западом [12, р. 72].

Более того, становление нового международного порядка рассматривается большинством китайских экспертов как очень длительный постепенный процесс, требующий не только фундаментального изменения баланса сил, но, что более существенно, изменения правил и рамок, на которых международный порядок зиждется. Без фундаментального изменения правил и рамок появление нового международного порядка невозможно [13, р. 20].

Важным вектором китайских дискуссий о характере международной системы на новом этапе являются определение роли в ней США, оценка американской мощи и ее соотнесение с китайской.

Несмотря на определенные расхождения в оценке американской мощи, среди авторитетных китайских ученых превалирует мнение о маловероятности упадка США в среднесрочной перспективе¹, хотя и признается тенденция ослабления их относительной мощи. Чу Шулун и Чэнь Сунчуань, например, отмечая обозначившуюся после событий 11 сентября и продолжившуюся вслед за мировым финансово-экономическим кризисом тенденцию снижения относительной мощи США, указывают на ее локальный и ограниченный характер. По их расчетам, экономический и научно-технологический потенциал, военная мощь, международное политическое влияние, мягкая сила и прочие аспекты американской мощи не претерпели фундаментальных изменений, США до сих пор остаются единственной «комплексной» сверхдержавой в мире. Указывая на локальность и кратковременность стоящих перед США затруднений и проблем,

---

¹ Следует заметить, что в Китае высказываются и прямо противоположные мнения, но они скорее являются исключением из общего правила.

эти китайские исследователи отрицают тенденцию долговременного упадка Америки [14, р. 1]. Директор Центра мировой политики Института современных международных отношений Гао Цзугуй, указывая на существенное ослабление комплексной мощи США по сравнению с рубежом тысячелетий (когда мощь США была на пике) и предвещая сокращение разрыва между США и другими основными центрами силы, а также дальнейшее ослабление международного статуса США и их способностей контролировать международную систему, тем не менее утверждает, что американское доминирование и их положение «единственной сверхдержавы» будут сохраняться еще длительное время [15, р. 35]. Авторитетный китайский ученый Ван Цзисы считает, что в течение определенного периода положение США в качестве сверхдержавы будет трудно поколебать, и хотя «возвышение» Китая и других развивающихся государств будет оказывать сдерживающее влияние на США, эти государства не обладают ни мощью, ни условиями для замещения США в реконструкции мирового порядка [16, р. 17]. Чжан Вэйин полагает, что как такого упадка США не будет, но будет «сползание» США по наклонной относительно международного контекста и собственной истории [16, р. 18–20].

В тесной взаимосвязи с вопросом вероятности упадка США китайскими учеными рассматривается тематика «возвышения» Китая, оценка потенциала выхода Китая на ведущие позиции в мире и обретения сверхдержавного статуса. Подавляющее большинство китайских исследователей хотя и называет Китай основной «возвышающейся» державой в мире, идущей в авангарде развивающихся государств, достаточно скромно оценивает возможности Китая составить конкуренцию США и способность Китая занять положение доминирующей державы в мире в обозримом будущем. При признании очевидного прогресса, достигнутого Китаем за время реализации политики «реформ и открытости», китайские эксперты указывают на многочисленные вызовы, вставшие перед Китаем, отмечают сохраняющиеся черты отсталости и несбалансированности в его развитии. В качестве примера приводятся низкие показатели ВВП на душу населения (они ниже среднемирового уровня; по показателю ВВП на душу населения Китай едва входит в первую сотню стран мира), значительное число бедного населения (на 2017 г. в Китае проживало свыше 43 млн бедных), углубляющийся разрыв в доходах населения, несбалансированное развитие восточных

и западных, городских и сельских районов и пр. Китай еще только достигает статуса среднеразвитой страны. Долгосрочные прогнозистические оценки развития китайской экономики, основанные на линейном анализе экономического развития, некоторые китайские эксперты считают слишком оптимистичными и методологически ошибочными [17, р. 1]. За завоеванными Китаем первыми и вторыми позициями в мире по отдельным показателям скрываются весьма существенные диспропорции и слабости Китая. Например, за вторым местом Китая в рейтинге стран мира по военным расходам скрывается сильнейшее отставание Китая от США: 191,8 млрд долл. против 622 млрд долл. в 2016 г.²

Китайские исследователи указывают также на то, что если по целому ряду количественных показателей (ВВП, размер международных резервов, внешнеторговый оборот, размер оборонного бюджета, расходы на НИОКР и пр.) Китай занимает первые и вторые места в мире, то качественные характеристики основных составляющих комплексной национальной мощи весьма низки. Разрыв между США и Китаем в качестве экономики, уровне развития науки, технологической и военной мощи, масштабах признания в мире ценностей и в мягкой силе огромен.

Среди других показателей, по которым Китай существенно уступает целому ряду западных стран, китайские исследователи называют индексы национальной конкурентоспособности (рассчитываемые, в частности, Всемирным экономическим форумом или базирующимся в Лозанне Институтом развития менеджмента), уровень развития высшего образования, науки и технологических инноваций. В качестве омрачающих перспективы становления Китая как мирового лидера отмечаются зависимость Китая от иностранных технологий, включая военные, сохраняющееся превосходство США и России в сфере ядерных вооружений [18, р. 59].

Обращаясь к вопросу достижения Китаем паритета с США, китайские эксперты в целом достаточно скромно оценивают шансы Китая. Так, Лю Липин убежден, что если Вашингтон будет поддерживать крепкую экономику и не допустит серьезных политических ошибок, вероятность достижения Китаем паритета с США в обо-

---

² The world's 20 biggest military spenders in 2016 // BusinessTech. 2016. December 13. <https://businesstech.co.za/news/business/147559/the-worlds-20-biggest-military-spenders-in-2016>.

зримом будущем ничтожна [17, р.3–4]. При обычных условиях, утверждает китайский ученый, Китаю может понадобиться около века, чтобы достичь экономического паритета с США [17, р. 14]. Лю Цзяньфэй обращает внимание на сохраняющееся и непреодолимое даже за несколько десятилетий отставание Китая от США по показателю комплексной национальной мощи: только в экономической сфере Китаю потребуется как минимум 30–50 лет, чтобы достигнуть уровня США, а в остальных областях задачи, стоящие перед Пекином, еще сложнее. Более того, как утверждает китайский ученый, даже достижение превосходства над США в экономической сфере не будет свидетельствовать о становлении Китая как доминирующей в мире силы. В качестве подтверждения своей позиции он обращается к примеру США, превзошедших в экономическом развитии Великобританию в 1895 г., но занявших положение гегемона лишь спустя полвека, после окончания Второй мировой войны [19, р. 257–258]. Как указывает известный китайский исследователь Лю Липин, Китай хотя и «возвышающаяся» держава, однако пока не наблюдается процесс превращения его в сверхдержаву, способную управлять всем миром: китайская цивилизация будет оказывать влияние на мир, но она не эволюционирует в универсальную модель; развитие Запада замедляется, однако оно не достигло степени упадка [20, р. 5].

Другой признанный китайский эксперт в области международных отношений Фу Мэнцзы подчеркивает, что Китай обладает определенным весом всего лишь как участник, но не проектировщик существующей глобальной экономической системы и соответствующих механизмов. Наблюдающееся на современном этапе расширение возможностей Китая играть более важную конструктивную роль в построении будущего международного экономического порядка, увеличение его права голоса в МВФ и Всемирном банке, по мнению Фу Мэнцзы, имеет скорее символическое значение и не может изменить или даже повлиять на руководящее положение США и Европы в глобальной экономической системе. В подтверждение своих слов китайский исследователь указывает на то, что Китай уступает даже Индии по количеству высших представителей и праву голоса при принятии правил в такой организации, как ВТО [21, р. 35].

В целом, китайские исследователи все чаще размышляют о том, какую роль в международной системе должен играть Китай, оценивают возможные последствия ее расширения. Нередко отмечается дихотомия в отношении Китая к существующему международному

порядку: с одной стороны, Китай выступает бенефициаром международной системы, но с другой — предпринимает меры по ее реформированию. Отмечается рост мотивации и способности Китая играть большую роль на мировой арене [18, р. 57]. Весьма интересна характеристика современных американо-китайских отношений как «соперничества дискурсов», под которым понимается конкуренция в реструктурировании современной международной системы [18, р. 61]. Речь идет о предпринимаемых Пекином усилиях по созданию новых финансовых институтов (таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС) и разработке новых международных торгово-экономических правил (путем расширения сети соглашений о создании зон свободной торговли или создания новых интеграционных группировок, например ВРЭП — Всестороннее региональное экономическое партнерство). В связи с этим можно говорить о протекающем сейчас американо-китайском соперничестве за институциональную гегемонию. Создание глобального дискурса, базирующегося на определенных нормах, правилах и институтах, рассматривается как позволяющее государству занять доминирующее место в международной системе. В таком контексте Китай предстает как страна, стремящаяся сформулировать новый дискурс, а США — как держава, пытающаяся удержать текущий или переформатировать его в своих интересах (что нашло отражение в выдвинутых Вашингтоном проектах создания ТТП и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства или в поддержке усилий Японии снять конституционные ограничения по использованию права на коллективную оборону).

Оценивая шансы Китая стать державой — мировым лидером, профессор Народного университета Китая и член Госсовета Ши Иньхун пишет о таком важном пререквизите утверждения в роли великой державы, как внесение инноваций в транснациональную (глобальную) систему ценностей. Китай, по его мнению, пока мало что сделал в этом направлении, хотя китайская идея «мирного развития» потенциально может стать подобной ценностной инновацией, вносящей существенный вклад в мировую историю [22, р. 68]. Другой ценностной инновацией может стать китайская концепция «особости», согласно которой будущее нации определяется стремлением ее граждан руководствоваться не универсальной моделью развития, а исходить из присущих этой нации особых условий и специфики. Успех китайской модели модернизации доказал, что западная

модель социально-экономического развития не является единственно возможной [22, p. 71].

Слабость Китая в области распространения своих ценностей в мире, придания им общемирового статуса отмечается большинством китайских экспертов как одна из принципиальных в контексте перспектив превращения Китая в великую державу с глобальным влиянием. Как отмечает Линь Лиминь, большинство стран не поддерживает, не понимает и не имитирует китайские ценности и уникальную модель развития [23, p. 68]. Помимо ограниченного масштаба распространения своих ценностей и идеологии в мире в качестве слабостей Китая китайские исследователи также отмечают отсутствие системы союзнических отношений (или, по меньшей мере, сети тесных партнерских отношений) [18, p. 59].

Таким образом, практически все авторитетные китайские эксперты выражают скептицизм относительно окончательного упадка США, вероятности становления Китая в роли доминирующей державы в мире и наступления в обозримом будущем новой эры незападного международного порядка. Даже после превращения Китая в крупнейшую мировую экономику США еще очень долгое время будут сохранять свое превосходство в таких ключевых для поддержания статуса мирового лидера сферах, как военная мощь, технологии, инновации, глобальная система ценностей, создание институтов, формулирование дискурса, определение международных правил и норм. Американское мировое лидерство, подкрепленное широкой сетью союзнических отношений и особой ролью США в системообразующих институтах, будет трудно поколебать.

Литература

1. *Wu Xinbo*. Understanding the Geopolitical Implications of the global financial crisis // *The Washington Quarterly*. 2010. October. Vol. 33, no. 4. P. 155–163.
2. *Cui Liru*. Changes in the International Pattern and Construction of the International Order in an Age of Multi-polarization (Part I) // *Contemporary International Relations*. 2016. March–April. Vol. 26, no. 2. P. 1–10.
3. *Ши Иньхун*. Ситуация в китайско-американских отношениях, повторное лицензирование [时殷弘 中美之局, 新发牌] // *Китайский экономический еженедельник*. 2010. № 1. С. 11–12.
4. *Wang Honggang*. How can the U.S. and China Build a “Cooperative partnership” // *Contemporary International Relations*. 2011. July–August. Vol. 21, no. 4. <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=2934>.

5. Фу Мэнцзы. Размышления на тему международного влияния Китая. [傅梦孜 关于中国国际影响力问题的若干思考] // Современные международные отношения. 2011. № 1. С. 1–13.
6. Huang Renwei. Characteristics and Trends of the Transformation // Contemporary International Relations. 2014. July–August. Vol. 24, no. 4. P. 23–27.
7. Su Changhe. Evolution of International Order // Contemporary International Relations. 2014. July–August. Vol. 24, no. 4. P. 5–7.
8. Ma Zhengang. China — U.S. Relations: a Sober-minded Assessment with High Expectations // China International Studies. 2009. September–October. Iss. 5. P. 57–75.
9. Чэнь Сунчуань, Чу Шулуи. Основные тенденции мирового развития в начале XXI в. [陈松川, 楚树龙 21世纪初叶世界发展大趋势] // Современные международные отношения. 2010. № 6. С. 5–17.
10. Fu Ying. 2014: A Turning Point in the Global Order // Contemporary International Relations. 2015. March–April. Vol. 25, no. 2. P. 1–6.
11. Chu Shulong. Changing and Unchanging Elements in the Global Order and China's Strategy // Contemporary International Relations. 2013. May–June. Vol. 23, no. 3. P. 18–21.
12. Lin Limin. New Theories for New World Architecture // Contemporary International Relations. 2013. May–June. Vol. 23, no. 3. P. 70–73.
13. Hu Shisheng. Reflection on Changes to the International Order // Contemporary International Relations. 2014. July–August. Vol. 24, no. 4. P. 17–22.
14. Чу Шулуи, Чэнь Сунчуань. США на спаде? [楚树龙, 陈松川 美国在走向衰退吗?] // Современные международные отношения. 2011. № 4. С. 1–6.
15. Gao Zugui. Transforming Sino-U.S. strategic relations // Contemporary International Relations. 2010. May–June. Vol. 20, no. 3. P. 31–40.
16. Ван Цзуси. Будущие 10 лет: упадок США еще маловероятен [王缉 未来10年, 美国还不像会衰落] // Международный экономический обзор. 2011. № 3. С. 15–35.
17. Liu Liping. U.S. Misperceptions and China's chances // Contemporary International Relations. 2010. July–August. Vol. 20, no. 4. P. 1–14.
18. Wang, Wenfeng. An Analysis of China's Power Status and International Standing // Contemporary International Relations. 2014. September–October. Vol. 24, no. 5. P. 53–65.
19. Лю Цзяньфэй. Большая игра: китайский тайцзицюань против американского бокса. Hangzhou, Chzhetszyansky People's Publishing House, 2005. 240 с. (на кит. яз.)
20. Liu Liping. China Can Hardly Rule the World // Contemporary International Relations. 2011. January–February Vol. 21, no. 1. P. 1–14.
21. Фу Мэнцзы. Китай влияет на мир: путь и американский фактор [傅梦孜 中国影响世界: 路径及美国因素] // Международные отношения. 2010. № 4. С. 34–41.
22. Shi Yinhong. China's Rise and the International Pattern // Contemporary International Relations. 2014. July–August 2014. Vol. 24, no. 4. P. 66–71.
23. Lin Limin. Go Ahead Steadily and Avoid Eagerness // Contemporary International Relations. 2015. March–April. Vol. 25, no. 2. P. 66–69.

Контактная информация:

Лексютина Яна Валерьевна — д-р полит. наук, доц.; ya.leksyutina@spbu.ru

Chinese experts on China's rise and transformation of international system

Yana V. Leksyutina

St. Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article identifies the prevailing thoughts among leading Chinese IR experts on China's rise, the substance and the direction of the ongoing transformation of international system. Speaking of the US' relative decline and the rise of emerging powers, Chinese experts are very modest in their estimates on China's possible transition into the great power dominating the world and the establishment of a non-Western world in the foreseen future.

Keywords: China, US, international system, international order, world order, global governance, China's rise, superpower, balance of powers.

References

1. Wu Xinbo. Understanding the geopolitical implications of the global financial crisis. *The Washington Quarterly*, 2010, October, vol. 33, no. 4, pp. 155–163.
2. Cui Liru. Changes in the International Pattern and Construction of the International Order in an Age of Multi-polarization (Part I). *Contemporary International Relations*, 2016, March–April, vol. 26, no. 2, pp. 1–10.
3. Shi In`xun. Situation in the Chinese-American relations, repeated licensing. *China Economic Weekly*, 2010, no. 1, pp. 11–12. (In Chinese)
4. Wang Honggang. How can the U.S. and China build a “Cooperative partnership”. *Contemporary International Relations*, 2011, July–August, vol. 21, no. 4. <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=2934>.
5. Fu Me`nczzy. Reflections on the International Influence of China. *Contemporary International Relations*, 2011, no. 1, pp. 1–13. (In Chinese)
6. Huang Renwei. Characteristics and Trends of the Transformation. *Contemporary International Relations*, 2014, July–August, vol. 24, no. 4, pp. 23–27.
7. Su Changhe. Evolution of International Order. *Contemporary International Relations*, July–2014, August, vol. 24, no. 4, pp. 5–7.
8. Ma Zhengang. China — U.S. Relations: a Sober-minded Assessment with High Expectations. *China International Studies*, 2009, September–October, iss. 5, pp. 57–75.
9. Che`n` Sunchuan, Chu Shulun. Trends of World Development at the Beginning of the 21st Century. *Contemporary International Relations*, 2010, no. 6, pp. 5–17. (In Chinese)

10. Fu Ying. 2014: A Turning Point in the Global Order. *Contemporary International Relations*, 2015, March–April, vol. 25, no. 2, pp. 1–6.
11. Chu Shulong. Changing and Unchanging Elements in the Global Order and China's Strategy. *Contemporary International Relations*, 2013, May–June, vol. 23, no. 3, pp. 18–21.
12. Lin Limin. New Theories for New World Architecture. *Contemporary International Relations*, 2013, May–June, vol. 23, no. 3, pp. 70–73.
13. Hu Shisheng. Reflection on Changes to the International Order. *Contemporary International Relations*, 2014, July–August, vol. 24, no. 4, pp. 17–22.
14. Chu Shulun, Che'n Sunchuan. The USA on Recession? *Contemporary International Relations*, 2011, no. 4, pp. 1–6. (In Chinese)
15. Gao Zugui. Transforming Sino-U.S. Strategic Relations. *Contemporary International Relations*, 2010, May–June, vol. 20, no. 3, pp. 31–40.
16. Van Czzisy. Next 10 Years: Decline of the USA is Still Improbable. *International economic review*, 2011, no. 3, pp. 15–35. (In Chinese)
17. Liu Liping. U.S. Misperceptions and China's Chances. *Contemporary International Relations*, 2010, July–August, vol. 20, no. 4, pp. 1–14.
18. Wang Wenfeng. An Analysis of China's Power Status and International Standing. *Contemporary International Relations*, 2014, September–October, vol. 24, no. 5, pp. 53–65.
19. Lyu Czzyan`fe`j. *Big Game: Chinese Tajcziczzyuan against the American Boxing*. Hangzhou, Chzhetszyansky People's Publishing House, 2005. 240 p. (In Chinese)
20. Liu Liping. China Can Hardly Rule the World. *Contemporary International Relations*, 2011, January–February, vol. 21, no. 1, pp. 1–14.
21. Fu Me`nczzy. China Influences the World: Way and American Factor. *International Relations*, 2010, no. 4, pp. 34–41. (In Chinese)
22. Shi Yinhong. China's Rise and the International Pattern. *Contemporary International Relations*, 2014, July–August, vol. 24, no. 4, pp. 66–71.
23. Lin Limin. Go Ahead Steadily and Avoid Eagerness. *Contemporary International Relations*, 2015, March–April, vol. 25, no. 2, pp. 66–69.

Author's information:

Yana V. Leksyutina — Dr. Sci. in Politics, Associate Professor; ya.leksyutina@spbu.ru

УДК 327+339

История создания китайского проекта «Один пояс, один путь»

Погодин С. Н., Ли Цзинчэн

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29*

В статье рассматриваются предпосылки создания китайского проекта «Один пояс, один путь». Анализируются этапы его развития, дается общая характеристика проекта. Особое внимание уделено вопросу пяти направлений в развитии проекта. Рассматриваются предложенные китайской стороной пять приоритетов сотрудничества: координация политики, инфраструктурная взаимосвязь, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и содействие пониманию между народами.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Проект «Один пояс, один путь», экономический пояс Шелкового пути, Морской Шелковый путь, Центральная Азия.

Инициатива «Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века» (кит. 丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路), сокращенно — «Один пояс, один путь» (кит. 带一路), была обнародована Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. вместе с общей концепцией «Экономического пояса Шелкового пути»¹. В октябре того же года он расширил сферы сотрудничества с Экономического пояса до Морского Шелкового пути XXI в.² Этот проект стал концептуальной основой многонационального и межрегионального сотрудничества.

После изучения в течение двух лет «Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» был сформирован комплексный план реализации данного проекта. Он получил название «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”». План был обнародован в ходе ежегодной конференции «Боаоского Азиатского форума»

¹ Полный текст выступления Си Цзиньпина в Назарбаев-Университете см.: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/08/c_117273079.htm.

² Полный текст выступления Си Цзиньпина в парламенте Индонезии см.: http://www.gov.cn/ldhd/2013-10/03/content_2500118.htm.

в марте 2015 г. Национальной комиссией по развитию и реформам, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции Китайской Народной Республики с утверждением Государственного Совета КНР³.

Великий Шелковый путь — древнейшая торговая и культурная дорога, которая соединяла Китай со странами Средиземного моря, позволив тем самым наладить коммуникации с Европой через Центральную Азию. В 139 г. до н. э. по приказу императора Лю Чэ из династии Хань министр Чжан Цянь был послан на Запад в качестве посла Ханьского императора. Целью его поездки стало посещение азиатских государств. Чжан Цянь стал первым китайским путешественником в западные регионы, а его экспедиция положила начало Великому Шелковому пути, который появился в 1 г. до н. э.⁴

Торговое и культурное взаимодействие на всем протяжении Шелкового пути сыграло важную роль в объединении различных древних цивилизаций, а также способствовали формированию современных континентальных международных отношений.

Термин «Шелковый путь» был введен в 1877 г. немецким географом Ф. фон Рихтгофеном (F. von Richthofen). Он совершил семь экспедиций в Китай с 1868 г. по 1872 г. Название «Шелковый путь» стало широко использоваться для описания древнего исторического торгового маршрута с XIX в. [1, р. 4].

Инициатива «Один пояс, один путь» — это открытый развивающийся проект. Он представлен совместным сотрудничеством не только азиатских и европейских стран, но и африканских. Проект направлен на осуществление пяти основных векторов, три из которых сухопутные:

1. «Китай — Европа» — через Центральную Азию и Россию;
2. «Китай — Персидский залив» — через Центральную Азию;
3. «Китай — Юго-Восточная Азия, Южная Азия и Индийский океан».

---

³ Центр внимания Китая: видение и действие «Одного пояса, одного пути» горячо обсуждаются на Беоаском форуме. http://news.xinhuanet.com/fortune/2015-03/28/c_1114795287.htm.

⁴ Лю Чэ (на кит. яз.). <http://baike.baidu.com/subview/25139/18498609.htm>; Династия Хань (на кит. яз.). <http://baike.baidu.com/view/23861.htm>; Чжан Цянь (на кит. яз.). <http://baike.baidu.com/item/张骞/660225>.

Два маршрута водные:

1. «Китай — Европа» — через Южно-китайское море и Индийский океан;
2. «Китай — южная часть Тихого океана» — через Южно-китайское море⁵.

Эти пять направлений являются ключевыми, создают тесные связи с региональными центрами по всем экономическим коридорам на евразийском пространстве (концепция развития региональных коридоров). Основополагающим инструментом пространственной организации выступают экономические коридоры:

- «Новый Евразийский сухопутный мост»;
- «Китай — Монголия — Россия»;
- «Китай — Центральная Азия — Западная Азия»;
- «Китай — полуостров Индокитай», «Китай — Пакистан»;
- «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма»⁶.

Рассмотрим их возможности.

Коридор «*Новый Евразийский сухопутный мост*» был создан в 1992 г. и стал вторым на азиатском и европейском континентах. Он берет начало из самых восточных портов Китая и заканчивается в портах Западной Европы. Одним из конечных пунктов является порт Роттердам в Нидерландах. Протяженность моста составляет 10 870 км, он проходит через 40 стран мира. Сухопутный мост охватывает 26,6 % земельной площади и 36 % населения мира. Особенность его состоит в том, что все транспортные грузопотоки могут быть оформлены «одной декларацией, одной инспекцией и одним выпуском груза». В настоящее время мост уже включен в проект «Один пояс, один путь»⁷.

Экономический коридор «*Китай — Монголия — Россия*» был определен в качестве основополагающей концептуальной основы инициативы «Один пояс, один путь» во время XIX саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Душанбе, проходив-

---

⁵ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Сайт Посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 2015.04.23. <http://ru.china-embassy.org/chn/eyxxs/t1257322.htm>.

⁶ Там же.

⁷ Введение в механизм координации Нового Евразийского сухопутного моста (на кит. яз.). http://www.caac.gov.cn/L1/L5/L5_10.

шего в сентябре 2014 г. Монголия имеет природные географические ограничения в развитии экономики. Учитывая эту особенность, Монголия пытается быть ключевым посредником между Китаем и Россией. Более того, три государства договорились о совместной работе в Евразийском экономическом союзе и в программе «Степной путь»⁸.

В экономическом коридоре «Китай — Центральная Азия — Западная Азия» участвуют пять стран Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Страны подтвердили свое участие в «Совместной декларации о совместном строительстве экономического пояса Шелкового пути». Данный документ был принят на III форуме сотрудничества «Китай — Центральная Азия», состоявшемся в Китае в провинции Шаньдун в июне 2015 г.⁹ Данный коридор соединяет Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая со странами Персидского залива, Средиземного моря и Аравийского полуострова международной железнодорожной сетью.

Экономический коридор «Китай — Пакистан» составляет часть проекта «Экономическое сотрудничество в субрегионе Большого Меконга». Данный субрегион является природно-экономической зоной, связывающей страны р. Меконга. Он охватывает 2,6 млн кв. км с населением около 326 млн¹⁰. В субрегион Большого Меконга входят: Камбоджа, Китай, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам. Сфера их сотрудничества включает строительство межрегиональной транспортной сети нового типа. Важный элемент совместной деятельности стран — содействие устойчивому развитию в социальной и экономической сферах¹¹.

Проект «Китай — Пакистан» был впервые предложен премьером Госсовета КНР Ли Кэцян в ходе визита в Пакистан в мае 2013 г.

---

⁸ The Brics Post: China, Russia, Mongolia to create economic corridor // The Brics post. <http://thebricspost.com/china-russia-mongolia-to-create-economic-corridor/>. Vk2ttvSl_

⁹ Торжественно открылся III форум сотрудничества «Китай — Центральная Азия» в городе Жичжао провинции Шаньдун (на кит. яз.). http://sd.china.com.cn/a/2015/sytt_0627/246614.html.

¹⁰ Overview of the Greater Mekong Subregion // Asian Development Bank. <http://www.adb.org/countries/gms/overview>.

¹¹ Ли Кэцян выступал с речью на открытии V совещания глав государств по экономическому сотрудничеству в субрегионе Большого Меконга (на кит. яз.). http://news.xinhuanet.com/world/2014-12/20/c_1113717408.htm.

Коридор ставит задачу соединить китайский северо-западный г. Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района с г. Гвадар в Пакистане путем совместного строительства железной дороги и транспортной системы, нефтегазопроводов, коммуникационной инфраструктуры и волоконно-оптических кабелей. Общий объем инвестиций достигнет 30 млрд долл. к 2030 г.¹² Порт Гвадар имеет важное географическое стратегическое значение для Китая. Это основной действующий нефтеимпортирующий маршрут Китая: «Персидский залив — Индийский океан — Малаккский пролив — Китай», который имеет ряд недостатков. К ним относятся, во-первых, высокая стоимость транспортировки сырья, во-вторых, отсутствие полной гарантии безопасности грузоперевозок. После окончательного введения порта Гвадар в эксплуатацию, стоимость транспортировки нефти и газа может уменьшиться более чем на 85 % по сравнению с имеющейся на действующем маршруте¹³.

Экономический коридор «*Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма*» изначально был предложен в 1999 г. на первой конференции по экономическому сотрудничеству этих стран, состоявшейся в городе Куньмине (Китай). На конференции была заключена совместная декларация о построении концептуальной структуры¹⁴. Однако данный проект начал действовать только после того как Китай предложил инициативу «Один пояс, один путь». В настоящее время четыре страны ведут переговоры и обсуждения, касающиеся перспектив развития, приоритетных направлений и механизмов работы для дальнейшего строительства экономического коридора.

Инициатива «Один пояс, один путь» открыта для всех народов и стран. Китайская сторона для успешного осуществления проекта определяет пять приоритетов сотрудничества: координация политики, инфраструктурная взаимосвязь, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и содействие пониманию между народами¹⁵. Рассмотрим их в названной последовательности.

¹² Инвестиция китайско-пакистанского экономического коридора в сумме 30 млрд долл. — флагманский проект «Одного пояса, одного пути» (на кит. яз.). <http://finance.qq.com/a/20150909/053996.htm>.

¹³ Там же.

¹⁴ Китай предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Росбалт. 2013. 3 окт. <http://www.rosbalt.ru/business/2013/10/03/1183011.html>.

¹⁵ Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI веке».

Координация политики направлена на сотрудничество в политическом аспекте и непосредственном взаимодействии. Страны, расположенные вдоль «пояса-пути», могут совместно проводить консультации, встречи, исследования по разработке планов и мер, позволяющие решать транснациональные и межрегиональные проблемы. Кроме того, координация политики сможет обеспечить возможности для углубления отношений с другими странами и улучшения результатов сотрудничества.

Инфраструктурная взаимосвязь означает всестороннее сотрудничество в строительстве инфраструктурных объектов, реорганизацию и обсуждение кросснациональных технических стандартов, создание новых международных каналов для улучшения связей между Азией, Европой и Африкой.

«Один пояс, один путь» дает возможности повышения энергетической инфраструктуры для кросснациональной безопасности и внутренней стабильности.

Беспрепятственная торговля является основным принципом проекта «Один пояс, один путь», она рассматривается как многосторонняя инициатива по сотрудничеству в экономической сфере. Экономическая ситуация в мире резко изменилась за последние годы. При такой ситуации ни одна страна не может изменить ее своими силами, но только с участием международного сообщества. В связи с этим проект «Один пояс, один путь» призывает все страны, находящиеся вдоль пояса и пути, работать вместе и быть едиными для преодоления торговых барьеров между странами и другого вида торгового протекционизма. Не менее важна политика экономического развития: разработка и продвижение совместных проектов, совместное использование ресурсов в ключевых отраслях промышленности, расширение положений по совместным инвестициям.

Финансовая интеграция означает сотрудничество в финансовой области. Проект «Один пояс, один путь» предполагает создание единой кредитно-денежной политики, углубление экономических связей, свободный обмен валюты в торговле, привлечение новых инвестиций.

В ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в октябре 2013 г. в Индонезию им было высказано предложение о создании «Азиатского банка инфраструктурных инвестиций» (АБИИ) (Asian Infrastructure Investment Bank, АИВ)¹⁶. Создание нового финансо-

---

¹⁶ Китай предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

вого учреждения было вызвано разочарованием Китая большими проблемами во всемирных финансовых организациях: Всемирном банке, МВФ, Азиатском банке развития, а также их полной подотчетностью США, Европе и Японии.

В Пекине 24 октября 2014 г. был заключен «Меморандум о взаимопонимании» (Memorandum of Understanding, MOU). Его подписало 21 государство, получив статус «потенциальных членов-учредителей» (Prospective Founding Members, PFM). Меморандум давал возможность другим государствам стать потенциальными членами-учредителями банка до 31 марта 2015 г. Российская Федерация стала страной-участницей 14 апреля 2015 г.¹⁷

Целью созданного банка является кредитование инфраструктурных проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Эта деятельность имеет большой потенциал и широкие возможности в рамках финансового сотрудничества и поддержки стран региона¹⁸.

Содействие пониманию народов — это последний важный принцип инициативы. Шелковый путь всегда, со времени своего создания в древности, был маршрутом, соединявшим разные народы и культуры. В настоящее время проект «Один пояс, один путь» уже привлечен к общему развитию человечества странами, находящимися вдоль «пояса-пути».

Ни одна страна не может жить в одиночестве без какой-либо интеграции с другими странами. Каждая страна участвует в современных процессах глобализации общества, в том числе в международных отношениях. Важный способ самосовершенствования стран — поделиться своими экономическими результатами с другими странами. От этого выиграют все участники, а победа будет способствовать лучшему взаимопониманию различных народов. Проект «Один пояс, один путь» является продвижением идей культурного диалога, укрепления взаимодействия дружественных отношений, сохранения традиционных ценностей каждого народа.

Контактная информация:

Погодин Сергей Николаевич — д-р ист. наук, проф.; pogodin56@mail.ru

Ли Цзинчэн — аспирант; lijc@yandex.ru

---

¹⁷ Russia officially joins \$50bn China-led infrastructure bank // RT. 2015. April 14. <https://www.rt.com/business/249481-russia-aiib-china-founder>.

¹⁸ What is the Asian Infrastructure Investment Bank? <http://www.aiib.org/html/aboutus/AIIB>.

The Chinese Project “One belt one road”: historical background

Sergey N. Pogodin, Jingcheng Li

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University,
29, Polytechnicheskaya, St. Petersburg, 195251, Russia,

The article discusses the prerequisites for the establishment of China “One Belt One Road”. Analyzes the stages of its development. The General characteristic of the project. Special attention was paid to the five directions in the development of the project. Considered by the Chinese side proposed five priorities for cooperation: policy coordination, infrastructure linkages, free trade, financial integration and promoting understanding between peoples.

Keywords: China, Russian Federation, The Project “One Belt One Road”, Silk Route, China’s Silk Road Economic Belt, Maritime Silk Road, Central Asia.

References

1. Waugh Daniel. Richthofen's “Silk Roads”: Toward the Archaeology of a Concept. *The Silk Road*, vol. 5, no. 1, 2007, pp. 1–10.

Author’s information:

Sergey N. Pogodin — Doctor Sci. in History, Professor; pogodin56@mail.ru
Jingcheng Li — Postgraduate; lijc@yandex.ru

УДК 327+339

Стратегическое партнерство между Россией и Монголией на современном этапе

И. В. Зеленева, С. Эрдэнэ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9*

Важной составляющей стратегического партнерства является создание совместными усилиями общего пространства внешней безопасности и общего экономического пространства в Центральной и Восточной Азии. Особое внимание уделяется отношениям между Россией, Монголией и Китаем.

Ключевые слова: внешняя политика России, внешняя политика Монголии, стратегическое партнерство, трехсторонние отношения между Россией, Монголией и Китаем.

Россия и Монголия в течение многих столетий были связаны исторически сложившимися дружественными и многосторонними отношениями.

В 1990-е гг. по целому ряду причин Монголия выпала из поля зрения Москвы. По верному выражению российского ученого С. Г. Лужанина, это было время, когда Россия почти потеряла Монголию [1, с. 384]. В начале 90-х гг. XX в. происходили интенсивные изменения во внутренней и внешней политике обеих стран: распад СССР и демократическая революция в Монголии (1990 г.). Именно в эти годы здесь начались радикальные демократические преобразования.

Первые изменения в Монголии в 1990 г. касались внешней политики. В основу внешней политики Монголии были положены принципы развития равноправных отношений со всеми странами мира, в том числе взаимовыгодное и дружественное сотрудничество с двумя соседними странами: Россией и Китаем (в области безопасности, торговли). В 1994 г. была сформулирована Концепция внешней политики Монголии. Одной из главных идей данной концепции является теория «третьего соседа», к которым относятся США, Япония, Южная Корея, ЕС, Индия, Турция¹.

¹ Концепция внешней политики Монголии на 20 лет // Министерство иностранных дел Монголии, Государственная дипломатическая академия иностранных дел. 2014. С. 135 (на монг. яз.).

12 февраля 1991 г. между правительствами РСФСР и МНР была подписана Декларация о дружбе и добрососедском сотрудничестве. Данная Декларация сыграла важную роль в формировании новых механизмов политических, экономических и других отношений. Тогда же было подписано и соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между странами, которое заложило фундамент формирования новых механизмов политических, экономических отношений и создания Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству².

20 января 1993 г. между Российской Федерацией и Монголией был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве. Он зафиксировал взаимовыгодный характер отношений между двумя странами, но без идеологических и военно-политических обязательств. Этот договор стал первым документом, подписанным на высшем уровне главами России (президентом Б. Н. Ельциным) и Монголии (президентом П. Очирбатом) и заложил правовую основу для развития сотрудничества в области политики, экономики, культуры, искусства, образования, науки и техники, а также в других сферах. С этого момента отношения между российскими и монгольскими государственными ведомствами были расширены и создали позитивную атмосферу для дальнейшего сотрудничества. В договоре было прописано, что стороны не будут участвовать в каких-либо военно-политических союзах, направленных друг против друга, и обязуются не заключать с третьими странами каких-либо договоров и соглашений, противоречащих интересам суверенитета и независимости другой стороны³. Договор о дружбе и сотрудничестве стал принципиально новым правовым фундаментом для формирования взаимоотношений двух стран в будущем.

5 апреля 1995 г. Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии были подписаны важные документы о сотрудничестве в сфере науки, образования и культуры, телекоммуникации, медицины, метеорологии и т. д. В Преамбуле Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области образования, культуры и науки от 5 апреля 1995 г. констатируется, что, «руководствуясь стремлением развивать традиционные дружественные от-

---

² Документы Монгольско-Российских отношений 1991–2004. Улан-Батор: [Б. и.], 2006. С. 5–10.

³ Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. http://www.mongolia.mid.ru/90years_1

ношения и многосторонние связи, включая культурное и научное сотрудничество», выражается уверенность в том, что «культурные и научные связи являются важным каналом углубления взаимопонимания и дружбы между народами двух стран». Страны подтвердили готовность «на основе принципов равенства и взаимной выгоды поощрять и поддерживать обмены и сотрудничество между соответствующими учреждениями двух стран в области науки, образования, культуры, литературы, издательского дела, музыки, театра, кинематографии, радиовещания, телевидения, здравоохранения, спорта и туризма» [2, с. 144]. Сегодня Межправительственное соглашение о сотрудничестве в области образования, культуры и науки служит правовой основой отношений в гуманитарной сфере.

Внешнюю политику России после 1991 г. можно условно разделить на два периода: с 1991 по 1999 гг. и с 1999 г. по настоящее время. Для первого периода была характерна не только глубочайшая дезинтеграция РФ с бывшими советскими республиками, но и серьезный кризис в отношениях с бывшими социалистическими странами, который по некоторым вопросам не преодолен до сих пор. Во время второго периода были внесены существенные коррективы во взаимоотношения России не только со странами СНГ, но и с бывшими социалистическими странами, провозглашен курс на стратегическое партнерство с ними, что позволило нормализовать отношения с большинством из этих государств [3, с. 46–47].

Начиная с 2000 г. в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом В.В. Путиным (28 июля 2000 г.), усиливалось значение азиатского направления во внешней политике России. В ноябре 2000 г. по приглашению президента Монголии Н. Багабанди состоялся официальный визит президента России В.В. Путина в Монголию. Эта встреча укрепила современные монголо-российские отношения. 15 ноября 2000 г. была принята Улан-Баторская декларация, ставшая реальным шагом в направлении обновления правовой основы сотрудничества двух стран. Декларация гласит, что сотрудничество двух стран в новом веке должно соответствовать положениям Устава ООН, международным правовым нормам, принципам суверенитета, равноправия, взаимовыгодности, уважения территориальной целостности. Также обе стороны подтвердили обязательства не использовать свою территорию для военных действий против другой стороны и не заключать с третьей стороной договоров и соглашений против другой сторо-

ны⁴. В ней была отмечена необходимость интенсификации и расширения торгово-экономического сотрудничества, установления льготных транспортных и таможенных тарифов, либерализации торговли в целом. Согласно Улан-Баторской декларации, Россия стала воспринимать Монголию как «мост» на Восток, имеющую хорошие отношения со многими странами [4, с. 73].

Народы двух стран имеют богатый многовековой исторический опыт политических, торгово-экономических и культурных отношений. Укрепление международных позиций России в начале XXI в., обновление и расширение ее связей со странами Азии создало новые возможности для развития российско-монгольских отношений, что полностью отвечает следующим положениям, сформулированным в Концепции внешней политики РФ:

- формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах и других районах мира;
- поиск согласия и совпадающих интересов с другими государствами и межгосударственными объединениями в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России, создание на этой основе системы двусторонних и многосторонних партнерских отношений, призванной обеспечить устойчивость международного положения страны к колебаниям внешнеполитической конъюнктуры.

Эти положения являются концептуальной основой российско-монгольского стратегического партнерства в XXI в. [3, с. 50–51].

В декабре 2006 г. в Москве на встрече В. В. Путина и Н. Энхбаяра была подписана Московская декларация. Данная Декларация стала важным шагом в российско-монгольских отношениях, поскольку в ней подчеркивалось постепенное перерастание добрососедских связей в стратегическое партнерство, предполагался выход многогранных связей между двумя странами на еще более высокий и качественно новый уровень. Таким образом, принцип стратегического

---

⁴ Улан-Баторская Декларация от 14 ноября 2000. Сайт Посольства Российской Федерации в Монголии. https://mongolia.mid.ru/k-95-letiu-ustanovlenia-diplomaticeskikh-otnosenij/-/asset_publisher/Xut60ySyPd60/content/ulan-batorskaa-deklaracia-ot-14-noabra-2000-g-?inheritRedirect=true.

партнерства был официально зафиксирован в российско-монгольских официальных документах в 2006 г.

Стратегическое партнерство — это отношения между странами, когда они руководствуются своими национальными интересами и в то же время уважают и соблюдают интересы своих партнеров, особенно непосредственных соседей, заинтересованы в развитии с ними долгосрочных, стабильных, дружественных, равноправных, взаимовыгодных отношений и всестороннего сотрудничества на прогнозируемую перспективу и готовы решать возникающие между ними проблемы путем мирных переговоров [5, с. 11], предполагают формирование механизма взаимодействия в различных областях. Окончательно стратегический характер российско-монгольских отношений был закреплён в результате подписания в Улан-Баторе Декларации о развитии стратегического партнерства.

В 2009 г. российско-монгольские отношения получили дальнейшее развитие. С 25 по 26 августа 2009 г. президент Российской Федерации Д. А. Медведев находился с двухдневным государственным визитом в Монголии по приглашению главы монгольского государства Ц. Элбэгдоржа. По итогам российско-монгольских переговоров главы государств подписали Декларацию о развитии стратегического партнерства между Россией и Монголией. В Декларации были заложены принципиальные механизмы стратегического партнерства. Наиболее важными из них представляются отмена визового режима и сотрудничество в области железнодорожного транспорта между Управлением железнодорожного транспорта Монголии и ОАО «Российские железные дороги» («О стратегическом партнерстве по модернизации и развитию Улан-Баторской железной дороги (УБЖД)»). Меморандум о взаимопонимании между ОАО «Аэрофлот» и авиакомпанией МИАТ (Монгольские авиалинии) предусматривает расширение сотрудничества в области гражданской авиации и сети авиамаршрутов и др.⁵

Принципиально важно, что Россия и Монголия, взяв курс на стратегическое партнерство, не ограничивают его рамками двусторонней выгоды, а нацеливают партнерство на мировые проблемы. Так, например, страны выразили убежденность в том, что основу

---

⁵ Декларация о развитии стратегического партнерства между Российской Федерацией и Монголией. Сайт Министерства иностранных дел Монголии. http://www.mongolia.mid.ru/90years_4.html.

миропорядка в XXI в. должны составлять такие принципы, как безусловное соблюдение норм международного права. В связи с этим стороны выразили твердую поддержку деятельности ООН по поиску взаимосвязанных решений вопросов безопасности, развития и обеспечения прав человека, также решительный настрой на продолжение тесного взаимодействия в обуздании новых вызовов и угроз на региональных площадках. Монголия в связи с этим заявила о поддержке усилий Шанхайской организации сотрудничества по утверждению в регионе атмосферы мира, безопасности и сотрудничества.

Российская Федерация и Монголия высказались за формирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) транспарентной и равноправной системы безопасности, которая основывалась бы на коллективных началах, нормах международного права и учете интересов всех стран региона⁶.

Важной составляющей стратегического партнерства является создание совместными усилиями общего пространства внешней безопасности и общего экономического пространства в Центральной и Восточной Азии. Также стороны договорились увеличить объем товарооборота с нынешних 1,3 млрд долл. до 10 млрд долл. к 2020 г., что будет означать достижение к этому времени одинакового уровня торговли Монголии с Китаем⁷.

В декабре 2013 г. в Улан-Баторе состоялось первое совещание представителей железнодорожных ведомств России, Китая и Монголии, на котором обсуждались актуальные вопросы сотрудничества в области транзитных перевозок, в частности, по международному транспортному «Северному коридору», являющемуся «естественным сухопутным мостом в направлении Азия — Европа».

В последние годы монголо-китайские отношения по многим показателям, главным образом в сфере экономики, развиваются более динамично, чем российско-монгольские отношения. Отношения между Россией и Монголией отличаются недостаточно быстрыми темпами развития, что стало особенно заметно на фоне динамично развивающихся отношений Монголии с другими ведущими странами, а также с Китаем. Например, в ноябре 2015 г. общий товарооборот между

---

⁶ Там же.

⁷ Россия и Монголия: от спада до стратегического партнерства // NovostiMira.net. 21.10.2014. http://novostimira.net/politic/98460rossija_i_mongolija_ot_spada_do_strategicheskogo_partnerstva.html.

Монголией и Россией составил 1 млрд 2,6 млн долл. США, а общий товарооборот между Монголией и Китаем — 4 млрд 831,9 млн долл. Таким образом, по сравнению с ноябрем 2014 г. товарооборот между Монголией и Китаем снизился на 21,9 %, а между Монголией и Россией — на 32,5 %.⁸

3 сентября 2014 г. в Улан-Баторе президент Российской Федерации В. В. Путин и президент Монголии Ц. Элбэгдорж обсудили вопросы развития двусторонних отношений. Главной темой переговоров, как в узком, так и в расширенном составе, стали вопросы развития торгово-экономических связей. Один из важнейших из них — соглашение о безвизовом режиме. В ноябре 2015 г. начал действовать безвизовый режим между двумя странами. Еще один важный документ о стратегическом партнерстве по модернизации и развитию Улан-Баторской железной дороги подписали РЖД и Министерство дорог и транспорта Монголии. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что эти договоренности позволят осваивать богатые месторождения и шире использовать транзитный потенциал. Также стороны условились об укреплении взаимодействия в сфере воздушного транспорта⁹.

15–16 февраля 2015 г. состоялся официальный визит председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина в Монголию. В ходе визита две стороны обменялись мнениями по вопросам повышения результатов двустороннего сотрудничества в торгово-экономической, культурной, научной, образовательной областях и приграничном сотрудничестве двух стран. Была обсуждена подготовка молодых ученых в институтах Российской академии наук, а также реализация совместных проектов и программ по истории и археологии.

В настоящее время Монголия развивает дружественные отношения и всестороннее взаимовыгодное сотрудничество с двумя соседними странами, Россией и Китаем. Монголия предложила России принять участие в стыковке оптоволоконной системы связи «Китайская Народная Республика — Монголия — Российская Федерация», а также согласилась содействовать дальнейшему росту объемов транзитных поставок нефти и нефтепродуктов из России в Китай

⁸ Торговый оборот между Россией и Монголией за 2015 год // Экспортеры России. 23.05.2016. <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4424>.

⁹ Россия и Монголия отменили визы // Российская газета. 2014. 03.09. <http://www.rg.ru/2014/09/03/vizit-site.html>.

через территорию Монголии. Это сотрудничество имеет большое значение не только для укрепления экономической безопасности Монголии, но и для реального осуществления нового экономического порядка в регионе [6, с. 300–303]. Отметим, что географическое положение, близость стран РФ, Китая и Монголии, способствует успешному сотрудничеству.

Например, в марте 2009 г. было заключено трехстороннее соглашение между руководством Торгово-промышленной палаты Восточной Сибири РФ, правительством города г. Эрлянь (КНР) и ООО «Идеал групп» (Монголия), предусматривающее развитие деловых связей между предприятиями трех стран, в том числе в продвижении продукции Восточно-Сибирского региона на рынке Монголии и Китая. По итогам трехсторонних консультаций между МИД России, Монголии и Китая в г. Янцзы в августе 2010 г. были названы перспективные сферы развития трехстороннего сотрудничества — добыча минеральных ресурсов, энергетика, строительство объектов инфраструктуры, транспорт, охрана окружающей среды, туризм, гуманитарные обмены [7, с. 171].

Страны сосредоточились на потребностях развития и решили, что экономическое сотрудничество должно стать ключевой сферой трехстороннего взаимодействия. Москва, Пекин и Улан-Батор выступают за состыковку экономического пояса Шелкового пути, Степного пути и проекта трансевразийской железной дороги, продвигают идеи делового сотрудничества в таких областях, как строительство экономического коридора, развитие земледелия и скотоводства. Одновременно с этим стороны расширяют политическое, гуманитарное, многостороннее взаимодействие¹⁰. Монголия придерживается политики укрепления добрососедских отношений и увеличения объемов экономического сотрудничества с двумя соседями.

В Душанбе 12 сентября 2014 г. на саммите ШОС состоялась первая трехсторонняя встреча между Россией, Монголией и Китаем. После первого трехстороннего саммита последовала вторая встреча в июле 2015 г. в Уфе между президентами трех стран — Российской Федерации, Монголии и Китая. В ноябре 2015 г. во время первой ки-

---

¹⁰ Широкие перспективы сотрудничества России, Китая и Монголии // Россия сегодня. 2015. 06.07. <http://inosmi.ru/foreast/20150706/228951563.html?id=228959245>.

тайско-монгольской ярмарки три страны подписали в целом десять трансграничных соглашений о сотрудничестве в туризме, которые были встроены в продолжающиеся усилия создания экономического коридора, связывающего эти страны. Экономический коридор, предназначенный для повышения инфраструктурной и торговой интеграции, соответствует целям всех трех стран: китайскому проекту «Один пояс, один путь», российскому проекту «Транс-Евразийский пояс развития» и монгольской программе «Степной путь»¹¹.

Россия и Монголия придают значение развитию взаимовыгодного сотрудничества со своим общим соседом Китаем. Монголия проводит политику сбалансированности интересов в отношениях между двумя странами.

* * *

Монголия всегда занимала и занимает одно из важных, приоритетных мест на восточном направлении внешней политики России. Надо отметить, что от основного стрежня дружественных отношений и взаимного уважения друг к другу страны никогда не удалялись. В целом традиционные добрососедские отношения между двумя странами полностью сохранились. Конец холодной войны, распад мировой социалистической системы в корне изменили внутреннюю ситуацию в обеих странах и их внешнюю политику. За эти годы одним из приоритетных направлений на пути социального обновления обеих стран стала быстрая адаптация к новым международным реалиям, что связано с таким общемировым явлением, как глобализация.

Последние годы встречи на высшем уровне между двумя странами играют особую роль в развитии их стратегического партнерства и стабильности двух стран. На современном этапе основными направлениями сотрудничества России и Монголии являются внешняя торговля, создание совместных предприятий, приграничная торговля, наука и техника, образование, здравоохранение, культура, промышленность, сельское хозяйство, сферы транспорта, строительства и инфраструктуры, прежде всего строительство новых и модернизация существующих железных дорог Монголии, топлив-

---

¹¹ Треугольник «Китай — Россия — Монголия» набирает силу // MixedNews. 2015. 10.11. <http://geo-politica.info/treugolnik-kitay-rossiya-mongoliya-nabiraet-silu.html>.

но-энергетический комплекс, разработка месторождений урана на территории Монголии, инвестиционное и кредитно-финансовое сотрудничество, сферы услуг и туризма.

Таким образом, в последние годы плодотворные официальные визиты и переговоры на высшем уровне, в результате которых были приняты важные документы по вопросам стратегического характера, сформировали генеральные направления российско-монгольского партнерства, определившие политические и экономические механизмы двусторонних отношений.

Литература

1. *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 448 с.
2. *Бойкова Е. В.* Культурное и научное сотрудничество / Международная научная конференция «Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI веке». Улан-Батор: Ин-т международных исследований Академии наук Монголии, 2009. 233 с.
3. *Батсайхан О.* Партнерские отношения России и Монголии в XXI в. // Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. Р. Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. М.; Улан-Батор: Ин-т востоковедения РАН; Ин-т международных исследований Академии наук Монголии, 2011. 440 с.
4. *Дэмбэрэл К.* Шаги по укреплению монголо-российского стратегического партнерства // Современные Российско-Монгольские отношения: модели и сценарии / отв. ред. В. А. Родионов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013. 248 с. С. 67–82.
5. Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. Р. Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. М.; Улан-Батор: Ин-т востоковедения РАН; Ин-т международных исследований Академии наук Монголии, 2011. 440 с.
6. *Оюунгэрэл Л.* Новые подходы Монголии и России к глобальным и региональным международным проблемам // Россия и Монголия на пути стратегического партнерства / отв. Р. Б. Рыбаков, Л. Хайсандай. М.; Улан-Батор: Ин-т востоковедения РАН; Ин-т международных исследований Академии наук Монголии, 2011. 440 с.
7. *Родионов В. А.* Региональный треугольник: от партнерства к союзу // Современные Российско-Монгольские отношения: модели и сценарии / отв. ред. В. А. Родионов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2013. 248 с. С. 67–82.

Контактная информация:

Зеленева Ирина Владимировна — докт. ист. наук, проф.; i.v.zeleneva@spbu.ru
Эрдэнэ Сувд — аспирант; suvdjewel@gmail.com

Strategic partnership between Russia and Mongolia at the current stage

Irina V. Zeleneva, Suvd Erdene

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

This paper presents political relations between Russia and Mongolia in the early 19th century when the countries became strategic partners. An important component of the strategic partnership is the creation of the joint efforts of the common space of external security and a common economic space in Central and East Asia. Particular attention devoting to the relations between Russia, Mongolia and China.

Keywords: foreign policy of Russia, foreign policy of Mongolia, strategic partnership, trilateral relationship between Russia, Mongolia and China.

References

1. Luzyanin S. G. *Vladimir Putin's Eastern Policy*. Moscow, Vostok-Zapad Publ.; AST, 2007, 448 p. (In Russian)
2. Bojkova, E. V. Cultural and Scientific Cooperation. *Mongoliia, Rossiia, Kitai: Vmeste k razvitiuu v XXI v.* Ulan-Bator, Institut mezhdunarodny'kh issledovaniia Akademii nauk Mongolii, 2009, 233 p. (In Russian)
3. Batsajkhan O. Partnership between Russia and Mongolia in the XXI Century. *Ros-siia i Mongoliia na puti strategicheskogo partnerstva*. Moscow; Ulan-Bator, Institut vostokovedeniia RAN, Institut mezhdunarodnykh issledovaniia Akademii nauk Mongolii, 2011, 440 p. (In Russian)
4. Dehmbehrehl K. Steps to Strengthen the Mongolian-Russian Strategic Partnership. *Modern Russia-Mongolia Relationship: Models and Scenarios*. Ulan-Udeh, Buryat State University Press, 2013, 248 p., pp. 67–82. (In Russian)
5. *Modern Russia-Mongolia Relationship: Models and Scenarios*. Ed. by V. A. Rodionov. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2013, 248 p. (In Russian)
6. Oyuungehrehl L. New Approaches of Mongolia and Russia to Global and Regional International Problems. *Rossiia i Mongoliia na puti strategicheskogo partnerstva*. Moscow; Ulan-Bator, Institut vostokovedeniia RAN; Institut mezhdunarodny'kh issledovaniia Akademii nauk Mongolii, 2011, 440 p. (In Russian)
7. Rodionov V. A. Regional Triangle: from Partnership to Union. *Modern Russia-Mongolia Relationship: Models and Scenarios*. Ed. by V. A. Rodionov. Ulan-Udeh, Buryat State University Press, 2013, 248 p., pp. 67–82. (In Russian)

Author's information:

Irina V. Zeleneva — Doctor Sci. in History Professor; i.v.zeleneva@spbu.ru
Suvd Erdene — Postgraduate; suvdjewel@gmail.com

УДК 327.56+355/359

Неприсоединение или противостояние: ревизия подходов к оборонной политике Индии

Ю. Г. Дунаева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

В современных условиях Индия и КНР соперничают друг с другом за лидерство в Азии. Угрозы и вызовы ведут к переделке сфер глобального и регионального влияния в мире и форсируют создание Индией мощного оборонного комплекса. Индия активно наращивает военный потенциал, поскольку США создают в Азии Тихоокеанское экономическое партнерство, Пакистан и Китай усиливают трансграничный терроризм, Афганистан остается зоной нестабильности. С приходом к власти «Бхаратия Джаната Парти» во главе с премьер-министром Н. Моди военный бюджет страны увеличился на 12 %. Кроме того, Республика Индия расширяет иностранные инвестиции в военную промышленность и увеличивает иностранную долю в акциях военных предприятий. Сотрудничество с Россией успешно проходит в рамках ООН, G20, БРИКС. Страны занимают схожие позиции по проблемам Сирии и Афганистана, создания антитеррористической коалиции под эгидой ООН. Основой российско-индийского взаимодействия является Долгосрочная программа военно-технического сотрудничества на 2011–2020 гг. Однако удерживать «привилегированное партнерство» в условиях жесткой конкуренции на мировых рынках России и Индии чрезвычайно сложно.

Ключевые слова: Программа «Делай в Индии», Индо-российская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству (IRIGC-МТС), Тихоокеанское экономическое партнерство США, российско-индийские экономические форумы.

Введение

Индия — одна из крупнейших военных держав мира, она занимает третье место в мире по численности армии (1,325 млн человек). Республика с 1970-х гг. является лидером Южной Азии, производя 79 % ВВП в своем регионе, ее валовой рост в 2014 г. составил 7,29 %¹. В распоряжении Индии находятся около 3,5 тыс. танков, 1500 бое-

---

¹ UNKTAD Stat. 2016. <http://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/356/index.html>.

вых самолетов и 3200 артиллерийских систем [1]. Бюджет индийской армии достигает 53 % (130 874 рупий) всего военного бюджета государства: значительная доля средств выделяется на воздушные силы (23 %) и флот (16 %)². Индия в период с 2011 по 2015 г. входила в число крупнейших импортеров оружия (наряду с Китаем, Саудовской Аравией, США, ОАЭ и Австралией) [2], ее военная доктрина считается одной из самых жестких доктрин мира³.

Российско-индийское сотрудничество развивается в таких приоритетных сферах, как военная промышленность (основой для него является Долгосрочная программа военно-технического сотрудничества на 2011–2020 гг.), машиностроение, нефтехимия, атомная энергетика, биотехнологии, телекоммуникации, фармацевтика.

Автор поставил задачу выявить объективные причины перехода российско-индийского диалога в сфере обороны на новый уровень — позиции равноправного партнерства и совместного производства. В ходе исследования были использованы официальные документы военных и экономических ведомств Индии и России, международная статистика стратегического потенциала, работы отечественных и зарубежных исследователей.

Национальный ответ на глобальные вызовы и региональные угрозы

Военная доктрина Индии 2004 г. считается поворотным пунктом в индийской военной политике: под влиянием терроризма Пакистана Республика заявила об отказе от обороны и переходе к активным военным действиям.

Индия стремится к созданию современного оборонного комплекса и снижению зависимости от иностранных поставок вооружений и военной техники, которые пока на 60 % удовлетворяются за счет импорта⁴. Основными экспортёрами индийской военной техники являются: Афганистан, Алжир, Тунис, Бельгия, Эквадор, Индонезия, Южная Корея, Судан, Израиль, Россия, Мьянма, Непал, Оман,

² Indian defence exports surged in 2015 // Hindustan times. 2016. <http://www.hindustantimes.com/homepage>.

³ Military doctrine. India. 2004. <http://mod.nic.in/forms/default.aspx&Id=0.D>.

⁴ Ibid.

Вьетнам и Великобритания⁵. Республика экспортирует патрульные судна, вертолеты, запчасти для радаров, турбонагнетатели.

Политика импортозамещения под названием «Делай в Индии»⁶, стартовавшая по инициативе премьер-министра Н. Моди в 2014 г., включает подготовку национальных квалифицированных кадров в 25 секторах экономики, увеличение доли промышленности в ВВП с 13 до 22 %, а также создание к 2022 г. новых рабочих мест (около 100 млн). Индия нацелена на прорыв в оборонной сфере, на увеличение производства и экспорт танков, кораблей, радаров, субмарин, истребителей [3]. К 2022 г. объем экспорта вооружений индийского производства может достичь 17 млрд долл., а военные расходы — 600 млрд долл.⁷

Индия является государством, де-факто обладающим ядерным оружием. Первые испытания ядерного оружия были проведены под землей в 1974 г. (полигон Покхран, штат Раджастан) в ответ на испытание в 1964 г. Китаем атомной бомбы и индийско-китайский конфликт 1962 г. [4], а также неоднократные конфликты с Пакистаном. Следует отметить, что Индия не входит в ДНЯО, отказ в 1983 г. подписать договор Республика объяснила нежеланием иностранного контроля над своими ядерными проектами⁸. В XXI в. политика Нью-Дели в ядерной области форсируется, особенно в отношении «достаточности ядерного сдерживания». В 2011 г. Организация оборонных исследований и разработок Министерства обороны Индии предложила правительству отказаться от добровольного моратория на разработку ракет с радиусом действия более 5 тыс. км⁹. Индия сейчас инициирует деятельность в сфере ядерных разработок, началось формирование национальной ядерной доктрины в общей стратегии национальной безопасности, которая необходима для гарантированного возмездия агрессору после крупномасштабного ядерного нападения. «Минимальное сдерживание» определяется как «создание оптимальной ядерной структуры, способной выдер-

---

⁵ Conference Counter Terrorism. Jaipur, Rajashtan, India. 2-3 February 2016. <http://www.kemlu.go.id/newdelhi/id/berita-agenda/berita-perwakilan/Pages/Delegasi-RI-hadiri-Conference-Counter-Terrorism-2016-di-Jaipur.aspx>.

⁶ Make in India. A Major New National Program 2016. <http://www.makeinindia.com/sector/defence-manufacturing>.

⁷ Military Doctrine. India. 2004. <http://mod.nic.in/forms/default.aspx&Id=0>.

⁸ Military Doctrine. India.

⁹ Ibid.

жать первый ядерный удар, представляющий угрозу для жизненно важных национальных интересов»¹⁰.

Среди достижений Индии в сфере военной техники и вооружений можно отметить баллистические ракеты «Агни» малой и средней дальности¹¹, тактические ракеты «Прихтви» и баллистические ракеты Dhanush класса «поверхность — поверхность»¹².

В феврале 2016 г. проведены испытания ядерной индийской подводной лодки класса Арихант (INS Arihant nuclear missile), единственной в своем роде¹³, — факт для Индии значительный, поскольку ранее на флоте Республика столкнулась с рядом неудач: в 2013 г. на субмарине «Синдуратна» произошло задымление, подлодка «Синдуракшак» затонула в порту Мумбаи после взрыва на борту, а «Синдугош» в 2014 г. села на мель.

Индия также производит собственные истребители. В 2014 г. были введены в эксплуатацию многоцелевые истребители четвертого поколения HAL Tejas, разработки которого начались еще в 1983 г., они составят основу авиации по программе «Делай в Индии»¹⁴. Но сегодня мир переходит на истребители пятого поколения, и пока существует только один такой истребитель — американский F/A-22, но КНР разрабатывает уже и квазипятое поколение [5], а соотношение китайской и индийской авиации, по утверждению специалиста из Индийского центра воздушных сил Ravinder Chhatwa, пока не в пользу Индии (2 200 самолетов КНР против 860 индийских) [6]. Включившись в гонку вооружений, Индия должна представлять все трудности лидерства в оборонной сфере.

---

¹⁰ Ibid.

¹¹ Indian Defence Exports Surged in 2015 // Hindustan Times. 2016. <http://www.hindustantimes.com/homepage>.

¹² Pandit R. Make in India: Plan to Develop 5th-generation Fighter Aircraft // The Times of India. 2015. Jan. 8. [ttp://timesofindia.indiatimes.com/india/Make-in-India-Plan-to-develop-5th-generation-fighter-aircraft/articleshow/45802270.cms](http://timesofindia.indiatimes.com/india/Make-in-India-Plan-to-develop-5th-generation-fighter-aircraft/articleshow/45802270.cms).

¹³ Pubby M. India's First Nuclear Submarine INS Arihant Ready for Operations, Passes Deep Sea Tests // The Economic Times. 2018. July 14. <http://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-first-nuclear-submarine-ins-arihant-ready-for-operations-passes-deep-sea-tests/articleshow/51098650.cms>.

¹⁴ Mishra S. N. Make in India. Challenges before Defence Manufacturing // IDR (Indian Defence Review). 2015. January–March, vol. 30.1. <http://www.indiandefencereview.com/news/make-in-india-challenges-before-defence-manufacturing>.

ВПК: трудности на пути создания оборонной мощи

Встав на путь создания мощного оборонного комплекса, Индия неизбежно столкнется с рядом трудностей и противоречий.

Производство военной техники требует значительных финансовых затрат, которые ложатся на плечи налогоплательщиков. Усиление оборонной сферы ведет к снижению социальных программ и, как следствие, усиливает диспропорции среди населения, снижает уровень жизни, порождает недовольство политикой правительства.

Военный бюджет всегда являлся и является средством борьбы политических партий в период избирательных компаний: с 1980-х гг. мы наблюдаем обвинения в адрес правящего Индийского Национального Конгресса [7], сейчас критический вектор будет направлен против правящей «Бхаратия Джаната Парти» во главе с премьером Н. Моди.

ВПК имеет высокую цену, что ни для кого не секрет, поэтому снижение финансирования в условиях экономического спада может привести к заморозке многих проектов.

Не только высокая цена в оборонной сфере, но и особенности политической системы Индии могут стать препятствием на пути военно-технического рывка: индийские штаты децентрализованы, они проводят различную налоговую политику, в них различаются условия труда, сфера занятости, судебные системы и уровни образованности населения. Многочисленные различия между регионами ведут к бюрократизации процесса создания военно-технического комплекса, доказательством служит 30-летний процесс создания индийского истребителя¹⁵.

Взаимодействие России и Индии в XXI в.

Новым этапом российско-индийских отношений в XXI в. стало соглашение о стратегическом партнерстве между Индией и Россией 2000 г.¹⁶: товарооборот с 1,4 млрд долл. к 2005 г. увеличился до 5,5 млрд, а в 2010 г. составил 8,5 млрд долл.¹⁷, т. е. возрос за 10 лет

---

¹⁵ Pandit R. Make in India...

¹⁶ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Индией. 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 11 (Ноябрь). <http://docs.cntd.ru/document/901783728>.

¹⁷ Indian Defence Exports Surged in 2015, Says Report.

в 6 раз за счет приоритетных сфер сотрудничества — оборонно-го сектора, металлургии, энергетики, транспорта и связи. Двусторонняя комиссия России и Индии, возглавляемая Д. О. Рогозиным и МИД Индии С. Хуршид постоянно ищут новые возможности для интенсификации наших связей по шести главным направлениям: модернизация, промышленность, наука и технологии, информационный сектор, энергоэффективность и культура.

Военно-техническое сотрудничество между государствами координирует *Индо-российская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству (IRIGC-MTC)*, которую возглавляют министры обороны Индии и России. Продукция российского военно-промышленного комплекса занимает лидирующие позиции на индийском рынке (36–54 % в 2010–2015 гг.), например, сборка на территории Индии танков Т-90С, самолетов Су-30МКИ, совместная разработка ракет «BraMos», создание первого индийского авианосца и перспективного самолета истребителя пятого поколения, подготовка с 2015 г. вооруженных сил Индии на базе российских военных учебных заведений. Индия в этих проектах выступает полноценным партнером и инвестором. Поставки финальных образцов российской техники сокращаются, а количество переданных лицензий, совместных НИОКР и предприятий для разработки, производства, модернизации и ремонта продукции военного назначения увеличивается.

К наиболее масштабным проектам относятся лицензионное производство истребителей Су-30МКИ, боевых танков Т-90С, а также авиадвигателей АЛ-55И разработки российского НПО «Сатурн». С 2012 г. «Рособоронэкспорт» совместно с Управлением артиллерийских заводов Индии создают на индийской территории снаряды к реактивной системе залпового огня «Смерч», противотанковые ракеты «Инвар» и «Конкурс-М», истребителей Су-30МКИ. В 2013 г. создано совместное производство танков Т-90 на заводе тяжелого машиностроения HVF (Heavy Vehicle Factory) в городе Авади. Центральным событием военно-технического сотрудничества России и Индии в 2013 г. стала передача Индии авианосца «Викрамадитья» «ПО «Севмаш». В настоящее время Россия оснащает строящиеся в Индии эсминцы, фрегаты и авианосец.

Сотрудничество в сфере машиностроения и нефтехимической промышленности также развивается на совместных предприятиях с равноправным участием. В 2011–2013 гг. на российско-индийских

экономических форумах были подписаны соглашения о создании российской компанией СИБУР первого индийского завода по производству бутилкаучука¹⁸ и сборке автомобилей «Урал» и «Камаз» в городах Хосур и Халдия [7].

Энергетическая безопасность Республики Индия обеспечивается атомными станциями, создаваемыми качественно и в срок с помощью корпорации «Росатом»: в 2014–2015 гг. энергоблоки вступили в строй, и Индия заключила договор о создании еще двенадцати ядерных реакторов¹⁹.

Перспективным направлением российско-индийского сотрудничества является развитие сферы связи и спутниковых коммуникаций: создано совместное предприятие под именем SSL из российской компании «АФК система» (известной на отечественном рынке как МТС) и индийской Shyam и совместное предприятие по навигации — российской ГЛОНАСС²⁰.

В 2011 г. две российские компании — ООО «Метрострой» и ООО «Трансстройтуннель» — начали проектирование и постройку 7 станций метрополитена в г. Чиннаи²¹. В Индии активно развивают свою деятельность также два крупнейших российских банка: ВТБ и «Сбербанк».

Индия в свою очередь поставляет в Российскую Федерацию фармацевтическую продукцию (25,5%), продовольственные товары (18,6%), машинотехнические изделия (23,7%) и текстиль (8,9%)²². Ряд индийских компаний ведет добычу газа на шельфе сахалинских островов, проект «Сахалин-1» на 20% принадлежит индийской ком-

---

¹⁸ «СИБУР» зарегистрировал в Индии дочернюю компанию SIBUR Petrochemical India. Сайт RusEmbIndia. <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/smi-o-dvustoronnikh-otnosheniyakh/103-smi-o-rossijsko-indijskikh-otnosheniyakh/4960-qq-sibur-petrochemical-india>

¹⁹ Кириенко С. В. Гендиректор Росатома: физпуск АЭС «Куданкулам» в Индии состоится до конца лета. Сайт RusEmbIndia. <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/smi-o-dvustoronnikh-otnosheniyakh/103-smi-o-rossijsko-indijskikh-otnosheniyakh/4823-2014-01-01-16-54-52>.

²⁰ Российско-индийский ГЛОНАСС. Сайт RusEmbIndia. <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/smi-o-dvustoronnikh-otnosheniyakh/103-smi-o-rossijsko-indijskikh-otnosheniyakh/4853-2012-07-20-16-51-43>.

²¹ Петербуржцы построят станции метро в Индии. Сайт RusEmbIndia. <http://rusembindia.com/rus/rossiya-i-indiya-dialog/smi-o-dvustoronnikh-otnosheniyakh/103-smi-o-rossijsko-indijskikh-otnosheniyakh/4751-2012-07-02-06-38-16>.

²² Make in India. A major new national program 2016.

пании ОНГС, компания также имеет 12 лицензий на добычу нефти в Томской области²³.

В совместном заявлении глав России и Индии 2010 г. российско-индийское сотрудничество названо «привилегированным», но при этом цифра торгового оборота в 20 млрд долл. в 2015 г. является более чем скромной и составляет всего лишь 1,3 % общего экспорта России и 0,9 % — Индии [2].

Российско-индийский диалог: анализ сложного периода

Позитивные тенденции и широкие возможности российско-индийского диалога за последние пять лет намеченных целей не достигли: товарооборот за пять лет вырос всего лишь на 1,7 млрд долл. За последние три года Индия заключила контракты с Россией на сумму 340 млрд рупий (более 5 млрд долл.), а с Соединенными Штатами — на 300 млрд рупий (около 4,4 млрд долл.), позволив США занять вторую позицию в списке индийских поставщиков [1]. Из 162 индийских контрактов на поставку вооружения на Россию приходится 18 договоров, на США — 13, Францию — 6 договоров²⁴, т. е. наша страна уступает неоспоримое в недавнем прошлом лидерство в торговле с Республикой Индия.

Индии и России не удалось продвинуться в реализации некоторых совместных проектов, включая военный многоцелевой транспортный самолет УАС/НАЛ П-214 и программу по разработке истребителя пятого поколения совместного российско-индийского производства. Спад российско-индийского сотрудничества происходит в трудные для России времена: в условиях западных санкций и падения мировых цен на нефть. Кроме того, Россия испытывает трудности участия в программе «Make in India», поскольку в условиях экономического кризиса модернизация российской армии затягивается на более длительный срок, а предприятия военно-промышленного комплекса, чтобы обеспечить серийное производство и финансирование научных исследовательских и опытно-конструкторских работ российского ВПК, опять, как и в 1990-е гг., выживают за счет зарубежных заказов. В результате крупные межгосударственные контракты с Индией оказались под угрозой срыва.

²³ Mishra S. N. Make in India...

²⁴ Military Doctrine. India. 2004.

Совместный проект России и Индии по созданию многоцелевого военно-транспортного самолета стоимостью в 1 млрд долл. затянулся из-за технических разногласий, тем временем индийские ВВС закупили в США несколько транспортных самолетов и модернизировали с помощью Украины свой парк из 104 самолетов Ан-32, окончательно потеряв при этом интерес к российскому проекту. Индия заключила ряд договоров с США (вертолеты и военно-транспортные самолеты), Южной Кореей (самоходные гаубицы) и Израилем (системы ПВО, беспилотники и противотанковые ракеты). В настоящее время Нью-Дели готовит контракт на закупку истребителей у Франции, которая значительно выигрывает в конкурентной борьбе с Россией, Швецией и США, французский палубный истребитель приобретается вместо российского МиГ-29К [7]. Кроме того, договор о поставке в Индию 100 российских легких вертолетов Ка-226Т, подписанный в декабре 2015 г. во время визита в Москву индийского премьер-министра Н. Моди, находится под угрозой в связи с тем, что Нью-Дели в соответствии с программой «Делай в Индии» потребовал изготовления 50 % комплектующих вертолета в Индии, две трети деталей и узлов которого поступают из третьих стран²⁵. Ясно, что Россия в таких условиях отказывается нести всю ответственность за конечный результат изделия, и высока вероятность того, что вся совместная программа по вертолетам будет свернута.

Главной задачей наших государств на современном этапе становится преодоление новых вызовов в российско-индийских отношениях и превращение накопленного ранее позитивного потенциала сотрудничества в реальный рост экономического взаимодействия благодаря «политической воле» российских и индийских лидеров.

Выводы

Современная Индия претендует на доминирующую роль в южноазиатском регионе и Азии в целом. При этом индийская военная доктрина считается одной из самых жестких военных доктрин в мире. Индия в XXI в. создает мощную оборонную промышленность, оснащает армию ракетным оружием, современной бронетехникой, системами реактивной артиллерии. Индия реализует доктрину единого информационного пространства управления операциями вооруженных сил.

---

²⁵ Ibid.

Военно-морская доктрина Индии до 2022 г. не удовлетворяется только морями «от Персидского залива до Малаккского пролива», индийский флот активно осваивает удаленные театры — порты стран Африки, Дальнего Востока, Антарктиды.

Республика стремится диверсифицировать поставки вооружения, в результате чего Россия постепенно теряет индийский рынок, уступая его западным компаниям. Количество государств, конкурирующих за поставки своей военной продукции на индийский рынок, растет, а господство российских оборонных производителей стремительно падает. Учитывая наличие альтернативных вариантов и серьезных возражений против проекта по созданию многофункционального военно-транспортного самолета совместно с Россией, с высокой долей вероятности можно предположить, что эта совместная работа России и Индии не состоится.

Индия, крупнейший в мире импортер военной техники, выделит в ближайшие 10 лет 250 млрд долл. на модернизацию оборонного комплекса²⁶. Но ключевая политика Республики — производство в Индии, а не за рубежом. Достижению геостратегической цели регионального лидерства в Южной Азии и прилегающей зоне Индийского океана во многом подчинены внешняя политика, экономика и военное строительство Республики.

Контактная информация:

Дунаева Юлия Генриховна — канд. ист. наук, ст. преп.; j.dunaeva@spbu.ru

Nonalignment or opposition: audit approaches to Indian Defense Policy

Yulia G. Dunaeva

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

India is a country that has consistently stood for peace and stability: since 1961, the Republic headed the Non-Aligned Movement, declared non-use of nuclear weapons, and the first non-participation in military blocs. In modern conditions of India and China compete with each other for the lead

²⁶ Military Doctrine. India. 2004.

in Asia. Threats and challenges lead to alteration of the global and regional spheres of influence in the world, and boost the creation of India's powerful defense complex. India is actively increasing its military capabilities because the US created in the Asia Pacific Economic Partnership, Pakistan and China strengthen cross-border terrorism (clashes in Tibet and the Himalayas in 2015), Afghanistan is saved as a zone of instability. With the advent in 2014 to power in India, "Bharatiya Janata Party" headed by the Prime Minister N. Modi military budget increased by 12 % and reached \$ 40 billion (in 2015 China has increased its military budget by 10 %). The Republic of India is expanding foreign investment in the military industry and increase the foreign share in the shares of military enterprises from 26 to 49 %. Since the mid-twentieth century, India has acquired the main Soviet ally status among third world countries. In modern conditions of Russia and India successfully cooperate in the UN, G20, BRICS and occupy similar positions on the issues of Syria and Afghanistan, the creation of the antiterrorist coalition under the aegis of the UN. The basis of the Russian-Indian cooperation is a long-term program of military-technical cooperation for 2011–2020 years, which is the core of the regional leadership of India in Eurasia. However, to hold a "privileged partnership" in the face of fierce competition in the global markets of India and Russia is extremely difficult.

Keywords: The "To do in India", the Indo-Russian Intergovernmental Commission on Military-Technical Cooperation (IRIGC-MTC), US Pacific Economic Partnership, the Indo-Russian forums.

References

1. Lakhman K. Behera. India's defence budget 2015–16. *Defence Science Journal. Institute for Defence Studies and Analyses (IDSA)*. 2016. <http://www.hindustantimes.com/india/indian-defence-exports-surged-in-2015-says-report/story-wl6r9WXF6a-ZmDZYCZMnt9N.html>.
2. Wezeman P., Wezeman S. *Trends in international arms transfers*. SIPRI (STOCKHOLM INTERNATIONAL PEACE RESEARCH INSTITUTE): Stockholm, 2015, March. <http://books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1602.pdf>.
3. Lakhman K. Behera. Defence budget 2016–17: the Bigger worry. *Defence Science Journal. Institute for Defence Studies and Analysis (IDSA)*, 2016, March 22, vol. 66, no. 3. <http://publications.drdo.gov.in/ojs/index.php/dsj>.
4. Katoch Dhruv C. *China's Defense Policy: Indian Perspectives*. Ed. by Kanwal Gurmeet. New Delhi: K W Publ. Pvt Ltd, 2011, 226 p. <http://opentrolley.co.id/BookDetails.aspx?BookID=13492155>.
5. Ravinder Chhatwal. *The Chinese Air Threat: Understanding the Reality*. New Delhi: KW Publ. Pvt Ltd, 2016, 270 p. <http://kwpub.com/BookDetails.aspx?titleId=1300&countryname=India>.

6. Shiv Kunal Verma. *1962: The War That Wasn't*. New Delhi, Aleph Book Company, 2016, 400 p. https://www.amazon.com/1962-Wasnt-Shiv-Kunal-Verma-ebook/dp/B01A4BKRVG/185-7298534-9955735?ie=UTF8&*Version*=1&*entries*=0.
7. Rao K. L. *History of the Indian Army*. New Delhi, Manas Publications, 2016, 428 p.

Author's information:

Yulia G. Dunaeva — PhD Sci. in History, Senior Lecturer;
j.dunaeva@spbu.ru

СОЦИАЛЬНОЕ, ГУМАНИТАРНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 323+327+81-26

Латинизация письменности в государствах Центральной Азии: исторические предпосылки и современная ситуация

Т. С. Немчинова, А. А. Музалёв

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9*

Результатом политического регулирования в языковой сфере является языковая реформа, которая может касаться графики, лексики, грамматики и других разделов языка. Однако она не может быть краткосрочной, как декларируется руководителями государств в программах перехода на латинский алфавит, и требует больших человеческих, финансовых, организационных ресурсов. Смена систем письменности связана с эпохальными историческими изменениями в развитии государств и символизирует ментальный разрыв с прошлым, вестернизацию обществ, декларируемый отказ от традиционных ценностей; успешная смена письменности возможна при низком исходном уровне грамотности населения и активном процессе борьбы с безграмотностью, развитии системы начального и среднего образования и, соответственно, затруднена при условии высокой доли грамотности населения и высокой доли лиц с высшим образованием. Попытки возвращения к бытовавшим ранее системам письменности как пример поиска национальной идентичности, конструирования государственности в странах Центральной Азии после распада СССР и получения суверенитета не всегда становятся закономерной стадией развития языка и культуры. Кроме того, такие попытки, не связанные со значительными историческими событиями смены систем письменности, обусловлены, как правило, внутривнутриполитическими процессами и направлены на внутреннюю мобилизацию политических систем и общества.

Ключевые слова: языковая политика, система письменности, латинизация алфавита, геополитические интересы, Центральная Азия.

Одной из важнейших составляющих языковой политики государства является определение и развитие системы письменности и алфавита. Выбор системы письменности, по сути, если не цивилизационный ориентир, то, как минимум, определение долгосрочного вектора развития культуры, образования, внешней политики. В период активного государственного строительства язык и система письменности, доставшиеся в наследство от предыдущей политической системы, по мнению элит, требовали коренного изменения, чтобы соответствовать изменившимся политическим и историческим условиям. В этой же парадигме (коренного исторического перелома общественной системы государств) существовала и смена графической основы письменности национальных языков на евразийском пространстве на протяжении XX столетия.

Дискуссии о смене алфавита в странах Центральной Азии, в основном принадлежащих к тюркскому культурному и лингвистическому миру, активно ведутся с начала прошлого века. До 1920-х гг. национальная интеллигенция пользовалась преимущественно арабской письменностью или адаптированной к особенностям национального языка письменностью на основе арабской графики (X–XX вв.), которая со временем переставала удовлетворять потребности развивающегося национального языка, а также была неудобна для использования в документации и обучении. В советский период большинство алфавитов народов СССР сначала прошли период латинизации, а потом были переведены на кириллическую письменность. В постсоветский период лидеры центральноазиатских тюркских республик в решении вопроса об изменении системы письменности стали ориентироваться на турецкий опыт и политику Мустафы Кемаля. Рассмотрим некоторые аспекты языковой политики Советского государства в 1920–1930 гг.

В латинизации систем письменности в СССР можно выделить три этапа:

1. До 1926 г. латинизация проводилась в отдельных республиках. В этот период движение за латинизацию алфавита фактически представляло собой борьбу с арабской графикой. Опыт перевода азербайджанского языка на латинизированный алфавит в 1922 г. стал основой дальнейшего развития латинизации письменности в Союзе.

2. В марте 1926 г. по инициативе Азербайджана был созван I тюркологический съезд в Баку, на котором было принято решение о применении опыта Азербайджана по латинизации в других республиках и автономных областях Советского Союза. Для координации и руководства этой работой был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА) под председательством Т. Шонанова. Первый пленум ВЦК НТА состоялся в Баку в 1927 г., где был принят проект унифицированного нового тюркского алфавита из 34 букв («Яналиф») с вводимыми по мере необходимости добавочными знаками к нему для отдельных языков. В августе 1929 г. постановлением ЦИК и СНК СССР «О новом латинизированном алфавите народов арабской письменности Союза ССР» (от 7 августа 1929 г.) процессу перехода на латиницу был придан официальный статус.
3. С 1930 г. наступает новый этап в развитии латинизации, когда после замены арабского алфавита тюркских языков объектами латинизации становятся другие формы письменности у народов других языковых групп (китайской, иранской, монгольской, семитской и др.). В широком масштабе начинают создаваться алфавиты для ранее бесписьменных языков малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, Кавказа, Центральной Азии и др. К 1931 г., после перехода на НТА большого числа нетюркских народов, алфавит переименовывается в Новый алфавит (НА).

Идеологически русский алфавит также необходимо было латинизировать. В 1929 г. Наркомпрос РСФСР образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита во главе с профессором Н. Ф. Яковлевым и с участием лингвистов, книговедов, инженеров-полиграфистов. Комиссия завершила работу в январе 1930 г. и представила итоговый документ, который предлагал три варианта русской латиницы. Резюмируя работу, комиссия пришла к заключению: «Переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит на латинской основе — неизбежен» [1].

Несмотря на сопротивление некоторых народов, например Крайнего Севера (ненцы, эвенки, ханты и др.), карелов, ижорцев, вепсов¹,

---

¹ Они не имели своей письменности, но активно использовали русский язык и, следовательно, кириллическую письменность.

к 1934 г. в СССР латинизированной письменностью пользовались 72 этноса (общей численностью свыше 22 млн человек), в том числе азербайджанцы (с 1922 г.), туркмены (1927 г.), узбеки (1927 г.), казахи (1928 г.), каракалпаки (1928 г.), киргизы (1928 г.), таджики (1928 г.) и уйгуры (1928 г.) (подробнее см.: [2, т. 5–6]). К слову, одним из самых ярких противников латинизации стал Казахстан, считавший, что опыт Азербайджана не убедителен и не заслуживает распространения среди тюркских народов, а все усилия следует направить на реформу уже существующего арабского алфавита.

Определенные достижения латинизации в СССР способствовали развитию подобного движению за рубежом: в 1928 г. под влиянием успехов латинизации в Азербайджане переходит с арабского на латинский алфавит Турецкая Народная Республика, в 1930 г. — Монгольская Народная Республика, в 1932 г. — Тувинская Народная Республика; в 1928–1929 гг. вопросы латинизации письменности обсуждаются в Персии [3]. В то же время переход дружественной Турции на латинизированный алфавит значительно облегчил деятельность советского правительства по дальнейшей латинизации алфавитов народов СССР.

По словам председателя Всесоюзного центрального комитета нового алфавита Агамали оглы, успех латинизации в Союзе «нагляднее всего означился победой ее в Татарской республике» [4, с. 3]. И действительно, здесь она больше всего встречала сопротивление как на идеологическом, так и на техническом уровне. Причин было несколько:

- на арабском была представлена более богатая и сильная национальная культура в сравнении с другими республиками;
- значительным было влияние духовенства;
- доля грамотных была сравнительно крупной — их насчитывалось более 30 %, в то время как в других республиках, исключая Крым, этот показатель составлял от 2 до 5 %;
- в Казани была хорошо развита полиграфическая промышленность, которая обслуживала соседние республики.

Но самым главным препятствием латинизации стал реформированный арабский алфавит: «...реформированный арабский алфавит обнадеживал народные массы об облегчении образования при помощи новой конструкции старого алфавита, не теряя якобы при этом связи со старой, накопленной литературой на арабском языке»

[4, с. 3–4]. Тем не менее, несмотря на все трудности внедрения латинского алфавита в таких обстоятельствах, латинизация победила и в этой советской республике, что означало «торжество революции в письменности в союзном масштабе над арабской дребеденью» [4, с. 4]. «Таким образом, 3-й Пленум [ВЦК НА] завершился завоеванием Казани, этого “Портартура” арабизма в пользу нового алфавита, в пользу революции» [4, с. 5].

Большевики всемерно способствовали латинизации, издавая постановления о национальных языках и обязательности их использования в делопроизводстве на местах, выделяя деньги на создание алфавитов, словарей, учебников и подготовку учителей.

Но вскоре в Москве стали замечать, что затраты слишком велики по сравнению с достигнутыми результатами. Здесь примечателен такой факт, который, безусловно, нигде кроме как в СССР наблюдать было нельзя: «пестрота и мозаичность языкового пространства, унаследованного российским, а затем и советским государством» [1, с. 7], различие «общественных функций языков в соответствии со степенью развитости самих народов, их численностью, наличием и давностью традиций письма» [5, с. 94]. Это приводило к тому, что одновременно существовавшие алфавиты было необходимо перевести на латиницу, многим народам письменность создавать с нуля и для этого печатать тысячные тиражи книг и учебников. Например, был создан алфавит для алеутов, которых во всем СССР тогда насчитывалось не более 400 человек. А после отказа от идеи «мировой революции» и принятия курса на построение социализма в одной стране, а также усиления патриотической составляющей в идеологии, латинские системы письменности начали рассматриваться как космополитические и были заменены на алфавиты на основе кириллицы. Навязывание же кириллицы в более ранний период — в 1920-е и первой половине 1930-х гг. — расценивалось центральными союзными органами власти как проявление «пережитков царского империализма». При этом было создано 68 латинизированных алфавитов.

Таким образом, в 1936 г. началась новая кампания — по переводу всех языков народов СССР на кириллическую графику, что было в основном закончено к 1940 г. («некириллизированными» из распространенных в СССР языков остались лишь немецкий, грузинский, армянский и идиш). Впоследствии не были переведены на кириллическую основу и остались на латинском алфавите польский, фин-

ский, латышский, эстонский и литовский языки. Пятьдесят с лишним лет кириллическая система письменности господствовала в Центральной Азии и Казахстане, Азербайджане, Молдавии, равно как и в национальных автономиях РСФСР. В Монголии кириллица была официально принята в 1941 г., делопроизводство полностью переведено на нее с 1950 г. Она сохраняется в настоящее время в качестве основной официальной системы письменности наряду с возвращенным в 1990-х гг. старомонгольским письмом, поскольку в Улан-Баторе думают о практических последствиях произвольного изменения системы письменности, его неудобстве для населения, которое может выразиться и в политических последствиях.

13 марта 1938 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали совместное Постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Главным противоречием времени оставался вопрос, как найти нужный алфавит, который, с одной стороны, сохранял бы независимость и индивидуальность национального алфавита, а с другой — сделал возможной всеобщую грамотность. Реформа алфавита использовалась для широкой постановки вопроса об общей борьбе с неграмотностью, поэтому начавшийся в 1939 г. переход на кириллицу, осуществлявшийся в некоторых местностях с гигантской скоростью (за три месяца), наносил удар по ликвидации безграмотности, «в ответ в 1937 г. ВЦК НА был распущен, его руководители — П. Мусабеков, С. Диманштейн, Г. Коркмасов были репрессированы» [1, с. 11].

После распада СССР три тюркские республики, желая дистанцироваться от российского культурного и политического влияния, перешли на латиницу: Азербайджан — в 1991 г., Узбекистан — в 1993 (с редактированием письменности в 1995 г.), Туркменистан — в 1993 (с несколькими редакциями алфавита, а в неизменном виде — с 2000 г.). Процесс перехода шел с разной скоростью и эффективностью.

Парадоксально, но спустя 70 лет азербайджанцы, подобно туркам, изучавшим в 1920-е гг. опыт Азербайджана по переходу на латиницу, обратились к опыту турок и заимствовали турецкий вариант латиницы с добавлением трех букв [6]. Но контекст оказался разным: к концу XX столетия с безграмотностью было покончено, и главный внутренний аргумент в пользу латинизации был исчерпан. Реформа письменности в начале столетия была необходима, так как грамотных в стране имелось лишь несколько процентов [6,

с. 28–29]. Было понятно, что на арабском алфавите книги в Турции не читаются, газеты имеют ничтожный тираж. Кемалисты сразу предупреждали, что для того чтобы читать старые книги, туркам придется учить арабский язык, также как многие изучают латынь, чтобы читать древнюю литературу. «Если среди миллионов найдутся 6000–7000 турок, желающих изучить разного рода древние писания, им никто препятствовать не будет. Держать же эти книги в библиотеках, любоваться на них и на этом основании отказываться от латинского алфавита по крайней мере смешно. Нужно заботиться о миллионах» [6, с. 23]. В связи с этим принятие латинского алфавита не было трудным.

Реформа рассчитывалась в двух временных измерениях:

- 1) быстрая реформа (в течение нескольких месяцев); она состояла в том, чтобы издать начальные книги для первых классов школ, подготовить учителей, в это же время готовить учебники для старших классов и одновременно распространять алфавит среди чиновников;
- 2) глубокая реформа, которая, по мнению кемалистов, была рассчитана на несколько лет или даже десятилетий, в течение которых газеты и книги следовало печатать и на арабском, и на латинском языках.

По-прежнему, как и 70 лет назад, серьезным аргументом в пользу латинизации письменности народов Центральной Азии оставался внешний фактор, который и теперь говорит о том, что необходимо встроиться в глобальный мир, который сложно организован, но прежде всего взаимосвязан. Сама логика реформирования письменности, «с ее стремлением к интернационализации социально-экономической жизни требовала значительного упрощения графической системы, нивелирования ее в общем множестве языков мира» [5, с. 94]. Обращаясь к истории, мы видим, что при латинском алфавите турки рассчитывали на то, что его быстро усваивать будут не только сами турки, но и иностранцы, «читая западные книги, турки поймут тогда, что их собственные книги не так уж ценны» [6, с. 22].

Туркмены и узбеки испробовали в 1990-е годы несколько вариантов алфавита. В Узбекистане возникли серьезные проблемы с переходом на латинский алфавит: первоначально датой окончательного перехода страны на новую графическую систему определили 1 сен-

тября 2000 г. Позже завершение процесса латинизации переносили еще два раза — на 2005 и 2010 гг. Со временем о полном переходе на латиницу перестали говорить вовсе. До настоящего момента около 70 % публикаций в стране осуществляется с использованием кириллицы; основные периодические издания выходят на кириллице, правда, зачастую с латинскими заголовками; крупнейшие издательства страны выпускают на кириллице более 50 % наименований книжных изданий. Система делопроизводства в Узбекистане до настоящего времени функционирует на основе кириллической графики. Кроме прочего, и узбекский, и туркменский языки в сопредельных государствах существуют и используются на кириллической графической основе, что не способствует культурному единству народов, разделенных государственными границами.

Казахстан и Кыргызстан не спешили с реформами письменности. В первом была высока доля русскоязычного населения, а главное, сами казахи, особенно городское население, были сильно русифицированы. Кыргызстан при президенте А. Акаеве ориентировался на Россию и не видел смысла в новациях, равно как и персоязычный Таджикистан, где после тяжелой гражданской войны правящим элитам было не до реформы алфавита.

Казахстан все постсоветские годы проводил последовательную политику усиления казахской идентичности. Первым шагом стало изменение топонимики. Уже в 1991 г. коренной русский город Гурьев, основанный казаками еще в XVII в., был переименован в Атырау. Далее последовала кампания по изменению названий значительного числа городов: Чимкент превратился в Шымкент, Кустанай — в Костанай, Актюбинск — в Актобе, Кокчетав — в Кокшетау, Алма-Ата — в Алматы. Продолжался процесс переименования: Джамбул стал Таразом, Целиноград — Астаной, Семипалатинск — Семейем. Следы русского колониационного проникновения в Казахстан старательно устранялись.

Вместе с тем начиная с 2006 г. в Казахстане на высоком уровне периодически инициировалось обсуждение вопроса о переводе казахского языка на латинскую графику. Далее, в декабре 2012 г., выступая с посланием к народу Казахстана, президент Н. Назарбаев заявил, что страна должна изменить алфавит в течение 15 лет. Завершающим этапом оформления перевода казахского языка на латинскую письменность стало подписание Н. Назарбаевым Указа от

26 октября 2017 г. № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику»², которым утверждался новый алфавит и конкретизировался срок перевода языка на новую графику — к 2025 г. «Переход на латиницу также имеет свою глубокую историческую логику. Это и особенности современной технологической среды, и особенности коммуникаций в современном мире, и особенности научно-образовательного процесса в XXI веке», — обосновывал данное решение Н. Назарбаев³. Предполагается, что это поможет получить дешевые инвестиции и кредиты, даст возможность присоединиться к тюркскому культурному пространству, пусть уже не общему, но экономически более состоятельной его части (прежде всего к Турции).

Возникает множество вопросов в обоснованности, целях и продуманности последствий принятого решения. Исторический опыт, описанный выше, и экспертное сообщество предупреждают о многих возможных проблемах, связанных с принятием решения о переводе казахской письменности на латинскую графику. Реформа письменности всегда чревата разрывом поколений и потерей накопленных знаний и культурных памятников, зафиксированных в языке прежней графики. Практически весь корпус казахской литературы существует на кириллице. Его перевод на латиницу займет длительное время, потребует гигантских усилий. Скорее всего, большинство книг не будет переиздано. Соответственно, будущие поколения казахов будут отсечены от доступа к ним, равно как и к СМИ XX в., архивным документам и т. д.

Снижение уровня грамотности населения и сложности в образовательной системе также станут неизбежными последствиями изменения графической основы государственного языка. Вместе с тем казахстанские эксперты отмечают, что «переход на латиницу — это цивилизационный выбор», «в Казахстане переход на латиницу взаимосвязан и взаимообусловлен другими реформами в сфере образования. То есть это часть большого национального образовательного

---

² Указ Президента Республики Казахстан № 569 от 26 октября 2017 г. «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33613600_pos=3;-157.

³ Н. Назарбаев. Статья Главы государства «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya

проекта, направленного на повышение конкурентоспособности нации в условиях новой глобальной реальности»⁴.

Фактически окончательное, пусть и в мягкой форме, исключение из сферы государственного управления второй по численности этнической общины страны, приведет к актуализации дремлющих и иллюминируемых из общественного дискурса противоречий, связанных с доступом к ресурсам различных групп населения. В рамках этой парадигмы особое значение получил вопрос владения государственным языком представителями неказахских этносов. Он становится маркером принадлежности к господствующему этносу, а невладение им отсеивает лиц нетитульной национальности от претензий на руководящие должности.

Переход на латиницу не способствует ни расширению сфер использования казахского языка, ни переходу на него русскоязычных граждан Казахстана, если преследуется подобная цель. Русский язык, так или иначе, будет доминировать в бытовом дискурсе из-за географии и истории, а английский язык содержательно не сможет вытеснить его в перспективе ближайших двух-трех поколений.

Кроме всего прочего, единства мнений нет и в ответе на вопрос, позволит ли латиница отразить на письме все звуки казахского языка. Так, в новой версии алфавита оказалось 32 буквы вместо 42 (в кириллическом варианте). Обоснованность данного аргумента подтверждена тем фактом, что после многочисленных заявлений лингвистов и политологов⁵ Н. Назарбаев подписал Указ от 19 февраля 2018 г. № 637 «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 г. № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику»»⁶ — с правками и дополнениями утвержденного ранее алфавита, в том числе были введены диграфы и уменьшено количество апострофов.

⁴ Ерлан Карин: переход на латиницу — это не самоцель. <https://ia-centr.ru/experts/e-karin-natsionalnoy-ideey-kazakhstan-stanet-kult-obrazovaniya>.

⁵ Kazakhstan Cheers New Alphabet, Except for All Those Apostrophes // New York Times. 15 Jan. 2018. https://www.nytimes.com/2018/01/15/world/asia/kazakhstan-alphabet-nursultannazarbayev.html?_r=0.

⁶ Указ Президента Республики Казахстан № 637 от 19 февраля 2018 г. «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан от 26 октября 2017 г. № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику»». https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34288412.

Переход на латинскую графику, кроме того, потребует значительных финансовых затрат, только в бюджете на 2018–2020 гг. на перво-степенные траты выделено 600 млн тенге (почти 2 млн долл. США)⁷, а общие же затраты оцениваются в сотни миллионов долларов США. Большую часть споров о смене письменности в Казахстане обесмысливает то, что в Узбекистане, Туркмении и Азербайджане эксперименту по изменению системы письменности уже практически 25 лет. Трудно судить о том, что это дало Туркменистану из-за закрытости страны, но ситуация в двух других бывших союзных республиках очевидна. В Узбекистане так и не удалось полностью перевести на латиницу даже государственное делопроизводство, а латиница и кириллица еще долго будут сосуществовать, вне зависимости от субъективных желаний властей. Опыт Азербайджана считается более позитивным, но эксперты отмечают, что тотальная латинизация привела к тому, что граждане стали меньше читать, а значительный пласт культурного наследия оказался фактически не востребован. Но это только «внутренние» последствия повторной латинизации казахской системы письменности.

Если говорить о «внешних» факторах, то здесь вопрос изменения графики перестает быть только «внутренним делом» Казахстана. Действия казахстанского руководства с самого начала были расценены внешними контрагентами как смена политического вектора и свидетельство постепенного ухода из сферы влияния Москвы. Но Президент Казахстана на подобные трактовки отвечал одинаково: «к русскому языку не перестанут относиться бережно, речь идет только о переводе на латиницу казахского языка»⁸. По данным на начало 2017 г., русские в Казахстане составляют 20,2 % населения [7]. Это вторая по численности национальная группа страны, а русский язык в Казахстане и вовсе является первым по распространенности, числу владеющих им людей. Для южных соседей Казахстана — Кыргызстана и Таджикистана — введение у соседей латинского алфавита приведет к фактической изоляции национальной письменности от общемирового ареала распространения кириллической системы письма. Наряду с Балканским эксклавом (Сербия, Черногория, Ма-

---

⁷ Кулмаганбетова Д. 600 миллионов тенге выделили в бюджете для перехода на латиницу // Сайт InformБЮРО. 2017. 12 сент. <https://informburo.kz/novosti/600-millionov-tenge-vydelili-v-byudzhet-dlya-perehoda-na-latinicu.html>.

⁸ Рощеный И. Зачем Казахстан перешёл на латиницу. 2018. 5 марта. <https://cyrillitsa.ru/sovremennost/60929-zachem-kazakhstan-pereshyol-na-latinicu.html>.

кедония, Болгария) в ближайшие годы появится и Тянь-Шанско-Памирский эксклав в ареале распространения кириллической письменности (Кыргызстан и Таджикистан).

Неудивительно, что перспектива скорого перехода на латинскую графику радует не всех как в Казахстане, так и в тюркском мире. Экс-президент Кыргызстана А. Атамбаев, выступая в июле 2017 г. на международном форуме «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи», критически расценил отказ от кириллицы тюркскими государствами, отметив, что Кыргызстан не намерен отказываться от кириллицы и будет продолжать углублять евразийскую интеграцию⁹. По его мнению, старая графика позволяет сохранять историческое наследие и находиться в одном культурном русле с Большой Евразией, отказ же от нее приведет к разрушению устоявшихся связей. «И постепенный переход на латиницу не объединяет, а наоборот, отделяет наши народы. И фактически этот переход под влиянием идей пантюркизма продолжает метод “разделяй и властвуй”, который использовался против наших народов и в Российской Империи, и в СССР», — отметил в своем выступлении А. Атамбаев¹⁰. Вместе с тем при новом президенте Кыргызстана С. Жээнбекове в общественном дискурсе стал обсуждаться вопрос о целесообразности перехода кыргызского языка на латинскую графику.

Сдержанная реакция России на принятие латинизированной системы письменности в Казахстане как на «внутренне дело государства» обусловлена приоритетами экономического и долгосрочного политического сотрудничества с Казахстаном, в том числе интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Однако такой шаг правительства Казахстана, несомненно, повлияет на позиции России в этом регионе. В обозримой перспективе латинский алфавит подорвет позиции русского языка и, вполне возможно, встанет вопрос об отмене его употребления в качестве обязательного в государственных органах управления и власти. Вместе с тем ряд политических

⁹ Обзор: международный форум «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи». 2017. 20 июля // Центральноазиатский портал. <http://www.ca-portal.ru/article:36411>.

¹⁰ Президент Кыргызстана: «Постепенный переход на латиницу не объединяет, а отделяет народы» // Власть. Интернет-журнал со своим мнением. <https://vlast.kz/novosti/24018-prezident-kyrgyzstana-postepennyj-perehod-na-latinicu-ne-obedinaet-a-naoborot-otdalaet-nasi-narody.html>

сил в России рассматривает переход Казахстана на новую графическую систему как шаг, направленный на практическую реализацию многовекторной внешней политики Казахстана, что должно активизировать деятельность российской стороны по сохранению своего ближайшего соседа в орбите своих экономических и культурных интересов. Сближение Казахстана с Турцией создаст основу для нового исторического конструирования и изменения баланса в пользу Турции. Россия же не может позволить себе, чтобы Казахстан вышел из орбиты ее влияния, так как примеру Казахстана могут последовать и другие страны Центральной Азии.

Для внутривекторного дискурса России введение латиницы в Казахстане не стало чем-то политически значимым, как не стали существенными раздражителями аналогичные реформы в других постсоветских государствах в начале 1990-х гг. Единственная проблема может заключаться в «заразительном» примере для экономически успешных тюркских республик РФ — Татарстана и Башкортостана. В Татарстане, где латиница официально использовалась в 1927–1939 гг., вопрос о релатинизации письменности поднимается с конца 1980-х гг. В сентябре 1999 г. Государственный совет Татарстана принял закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики»¹¹. Он вступил в силу 1 сентября 2001 г. Предполагалось, что переход с кириллицы на латинский алфавит будет проходить в течение десятилетия. В январе 2002 г. Государственная Дума России внесла поправку в федеральный закон «О языках народов РФ», установившую, что графической основой всех государственных языков республик РФ является кириллица. В ноябре 2004 г. Конституционный суд РФ подтвердил законность решения¹², тем самым отклонив попытки властей Татарстана официаль-

---

¹¹ Закон Республики Татарстан от 15 сентября 1999 № 2352 «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики» // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. <http://docs.cntd.ru/document/917005056>

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2004 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С. И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татар-

но установить в регионе письменность на основе латиницы. Однако определенные силы в среде национальных элит и интеллигенции не оставляют попыток перевода татарской письменности на латиницу до настоящего времени.

С воссоединением Крыма в 2014 г. обозначилась проблема крымско-татарского языка, который во времена Украины был переведен на латинский алфавит, а действующий российский федеральный закон запрещает использование такой графической основы. Кроме того, имеются близкие казахам по языку тюркские этносы Северного Кавказа — кумыки, ногайцы, карачаевцы и балкарцы. Но для последних более актуальной может быть перспектива возвращения к арабской письменности из-за активной реисламизации региона [8].

Анализ общих принципов и условий изменения системы письменности в государствах Центральной Азии позволяет выявить ряд определенных закономерностей.

Во-первых, смена систем письменности связана с эпохальными историческими изменениями в развитии государств. Массовый переход тюркских языков от систем письменности, основанных на арабской графике, базирующейся на коранической традиции и преимущественно исламской религиозности населения на евразийском пространстве, был связан с революционным движением и изменением системы общественных отношений в регионе. Опыт Турецкой республики, тюркских республик СССР, свидетельствует, что первоначальное обращение к латинизированной письменности было связано с принятием, как правило, республиканской формы правления и секуляризацией общества. Новая система письменности символизировала ментальный разрыв с прошлым, вестернизацию обществ, декларируемый отказ от традиционных ценностей. Пример: массовый отказ от арабского алфавита в пользу латинского в Турции, СССР. Интересно, что кемализм далеко не сразу стал на путь «чисто тюркизма» [6, с. 20].

Во-вторых, возможность успешной смены системы письменности возможна при низком исходном уровне грамотности населения и активной борьбе с неграмотностью, развитием системы началь-

---

стан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Законы. Кодексы, Нормативно-правовые акты Российской Федерации. <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16112004-n>.

го и среднего образования. Пример: массовый отказ от арабского/латинского алфавитов, активный переход к кириллической письменности и рост уровня грамотности населения; создание национальной литературы и массового книгоиздания на кириллической основе в СССР. Очевидно, что Кемалю Ататюрку было куда легче, чем И. Каримову или Н. Назарбаеву, перевести систему письменности на латинскую графику: в 1920-е гг. грамотных турок было немного, а к началу 1990-х практически все население центральноазиатских республик умело читать и писать, причем в кириллической графике.

В-третьих, возвращение к бытовавшим ранее системам письменности может рассматриваться как пример поиска национальной идентичности, конструирования государственности и героизации национальной истории. Пример: возвращение к латинскому алфавиту в постсоветских государствах Центральной Азии и Азербайджане после распада СССР и получения суверенитета, не всегда являвшегося закономерной стадией развития государственности. Однако здесь существуют серьезные аргументы против. Большая часть государств, Казахстан в том числе, декларирует целью вступления в группу стран, имеющих латинизированный алфавит, технологический прорыв. Упоная на латинизацию, многие зарубежные эксперты полагают, что государство добьется серьезных результатов на пути к прогрессу.

В-четвертых, переход (или возврат) к другой системе письменности осложняется при условии высокого уровня грамотности населения и доли лиц с высшим образованием. Пример: сосуществование на протяжении 25 лет двух систем письменности в Узбекистане, параллельные системы письменности у этносов, разделенных государственными границами (узбеки в Узбекистане и Кыргызстане; молдаване в Молдавии и Приднестровье; лезгины в России и Азербайджане).

В-пятых, уровень исторической укорененности системы письменности детерминирует вероятность появления новой системы и успешность ее внедрения. Пример: казахский язык на кириллице не имеет такой длительной культурной традиции, насчитывает немногим более 75 лет истории и потому не может восприниматься казахами как «исконная письменность» (стихи Абая все же записывались арабскими буквами).

В-шестых, не связанные со значительными историческими событиями смены систем письменности обусловлены, как правило, внутривосточными процессами и направлены на внутреннюю мобилизацию политических систем и общества. Пример: смена латинского алфавита кириллическим в СССР в 1936–1940 гг. (подробнее см. [9, с. 89]); переход Казахстана к латинице в 2017 г. Думается, основная причина того, что тема латиницы в Казахстане актуализирована именно сейчас, — это намерение Н. Назарбаева показать свою независимость от России, переключить часть общественной энергии на продвижение языковой темы в националистическом ключе, при котором лично он будет находиться в положении патриота, приверженца традиций и модернизатора одновременно.

Литература

1. Даудов А. Х., Мамышева Е. П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 2. С. 7–12.
2. Литературная энциклопедия / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929–1939. Т. 1–11.
3. Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР // Сб. статей / под общ. ред. Н. Нурмакова, изд-во «Власть советов». М.; Л., 1934 (ЦК НА при Президиуме ВЦИК).
4. Агамали-Оглы. Итоги 3-го Пленума всесоюзного центрального комитета по введению нового алфавита // Культура и письменность Востока. Баку: [Б. и.], 1929. 220 с. С. 3–6 // Национальная электронная библиотека: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_005509733/viewer/?page=9
5. Базарова В. Эксперименты языковой политики первой половины XX века // Власть. 2009. № 8. С. 94–97.
6. Юст К. Реформа алфавита в Турции // Культура и письменность Востока. Баку: [Б. и.], 1929. С. 18–48 // Национальная электронная библиотека: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_005509733/viewer/?page=24.
7. Тебиева Е. В., Амелина Д. О., Землякова Д. А. Русские в Казахстане // Молодой ученый. 2017. № 49 (183). 2017. С. 301–308.
8. Артемьев М. Что изменит переход Казахстана на латиницу // Московский центр Карнеги. <http://carnegie.ru/commentary/68667>.
9. Дятленко П. Языковые реформы в Центральной Азии: тренды — цели — итоги // Вестник Евразии. 2008. № 4. С. 80–109.

Контактная информация:

Немчинова Тамара Сергеевна — канд. полит. наук, доц.; t.nemchinova@spbu.ru
Музалёв Антон Александрович — ассистент; anton-muzalev@list.ru

Romanization of writing in Central Asia: historical background and contemporary situation

Tamara S. Nemchinova, Anton A. Muzalev

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The result of political regulation in the field of language is a language reform, which can concern graphics, vocabulary, grammar and other sections of the language. However, it cannot be short-term, as declared by the heads of state in the programs of transition to the Latin alphabet, and requires large human, financial, organizational and other resources. The change of writing systems is associated with epochal historical changes in the development of States and symbolizes the mental gap with the past, Westernization of societies, declared rejection of traditional values; a successful change of the written language is possible with a low initial literacy level and an active process of combating illiteracy, the development of primary and secondary education and, accordingly, is difficult given the high literacy rate of the population and the proportion of persons with higher education. Attempts to return to the previously existing systems of writing as an example of the search for national identity, the construction of statehood in Central Asian countries after the collapse of the USSR and the receipt of sovereignty, is not always a natural stage in the development of statehood language and culture. In addition, changes in writing systems that are not related to significant historical events are usually caused by internal political processes and are aimed at domestic mobilization of political systems and society.

Keywords: language policy, writing system, romanization of the alphabet, geopolitical interests, Central Asia.

References

1. Daudov A. X., Mamy'sheva E. P. On the History of Alphabet Latinization in the USSR. *Vestnik of Saint-Petersburg University*. Series 2. History, 2011, iss. 2, pp. 7–12. (In Russian)
2. *Literary Encyclopedia*. Eds V. M. Friche, A. V. Lunacharskii. Vols 1–11. Moscow, Kommunisticheskaia Akademiia Publ., 1929–1939. (In Russian)
3. *Alphabet of October. The Results of the Introduction of the New Alphabet Among the Peoples of the RSFSR*. Sb. statei. By general editorship N. Nurmakov. Moscow; Leningrad, Vlast' Sovetov Publ., 1934 (CzK NA pri Prezidiume VCIK). (In Russian)
4. Agamali-Ogly'. Results of the 3rd Plenum of the all-Union Central Committee on the Introduction of the New Alphabet. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*, Baku, [S. n.], 1929, pp. 3–6. National Electronic Library. [https://ne`b.rf/catalog/000199\\_000009\\_005509733/viewer/?page=9](https://ne`b.rf/catalog/000199_000009_005509733/viewer/?page=9). (In Russian)

5. Bazarova V. The Experiment of the Language Policy of the First Half of the Twentieth Century. *Vlast*, 2009, no. 8, pp. 94–97. (In Russian)
6. Yust K. Reform of the Alphabet in Turkey. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka*. Baku, [S. n.], 1929, pp. 18–48 / Nacional'naia e'lektronnaia biblioteka. https://ne'b.rf/catalog/000199_000009_005509733/viewer/?page=24. (In Russian)
7. Tebieva E. V., Amelina D. O., Zemlyakova D. A. Russians in Kazakhstan. *Molodoi uchonyi*, no. 49 (183), 2017, p. 301–308. (In Russian)
8. Artem'ev M. What will Change Transition of Kazakhstan to Latin. *Moskovskii centr Karnegi*. <http://carnegie.ru/commentary/68667>. (In Russian)
9. Dyatlenko P. Language Reforms in Central Asia: Trends — Purposes — Results. *Vestnik of Eurazia*, 2008, no. 4, pp. 80–109. (In Russian)

Author's information:

Tamara S. Nemchinova — PhD Sci. in Policy, Associate Professor;
t.nemchinova@spbu.ru

Anton A. Muzalev — Assistant Professor, anton-muzalev@list.ru

УДК 327+81+316.7

Сила слова (лингвополитическая критика концепции «Soft Power»)

И. В. Чернов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Если необходимо делить «силу» на мягкую и жесткую, то роль языкового фактора во всех его проявлениях скорее должна быть приравнена к «жесткой силе» (как в экономике). И принуждение, и война (как его экстремальная форма) — это только инструменты для реализации экономических и идеологических «желаний», социальных устремлений, которые формируются в языке и на базе языка. Язык не является простым нейтральным инструментом общения и средством накопления информации. Во многом именно он определяет направления социального взаимодействия. Прежде всего это касается сферы международных и межнациональных отношений.

Ключевые слова: язык, мягкая сила, жесткая сила, Дж. Най.

Мягко стелет, да жестко спатъ.

Русская народная поговорка

Цель исследования. Концепция «мягкой силы» Дж. Найа постепенно становится классикой международных отношений. Со страниц научных журналов и из залов ученых дискуссий она проникла в речи ведущих мировых политиков и в основополагающие внешнеполитические документы (например, в Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную в 2013 г.). Тем не менее данное профессором Дж. Наем определение языка и культуры в терминах «мягкой силы» вызывает некоторые сомнения. По мнению автора данной статьи, эта очевидная и общепризнанная «мягкая сила» языка является только видимой вершиной языкового «айсберга» и не может адекватно и всесторонне рассматриваться без своей «подводной части». По крайней мере, такое рассмотрение вряд ли может привести к принятию успешных решений в практической, а не в теоретической области.

Любое государство, по мнению Дж. Ная, борясь за власть и влияние в международных отношениях, использует в этой борьбе два инструмента — *hard power* и *soft power*. К «твердой силе», помимо военной мощи, основанной на принуждении, Дж. Най относит и экономические императивы. «Мягкую силу» образуют прежде всего богатая и интересная для всего мира культура, привлекательная политическая идеология и успешная дипломатия, и основывается она не на принуждении, а привлечении все новых и новых союзников и сторонников. Таким образом, Дж. Най описывает методы реализации внешнеполитических целей. Сами же цели могут задаваться экономическими интересами, идеологией (или религией как ее разновидностью) и в первую очередь — стремлением к самосохранению и развитию тех социальных структур, которые мы называем государством и обществом. Таким образом, экономический фактор одновременно выступает и в качестве цели, и в качестве метода ее достижения. А военная сила остается только методом, «жесткой силой» (так же как дипломатия — это только метод, «мягкая сила»). Язык, по нашему мнению, для любого языкового коллектива и на любом уровне является и целью, и методом. Поэтому цель нашего исследования — определить, насколько языковой фактор в мировой политике может рассматриваться исключительно в качестве «мягкой силы», т. е. метода достижения поставленных внешнеполитических целей. При этом наша гипотеза состоит в том, что если необходимо делить «силу» на мягкую и жесткую, то роль языкового фактора (во всех его проявлениях) скорее должна быть приравнена к «жесткой силе» (наподобие силы экономики). Языковые законы ничуть не более «мягки» и виртуальны, чем экономические.

Принуждение используется во внешней политике не ради принуждения. И принуждение, и война (как его экстремальная форма) — это только инструменты для реализации экономических и идеологических «желаний», социальных устремлений, которые формируются в языке и на базе языка. Язык далеко не только инструмент, но основа жизнедеятельности общества. Принуждение же используется только в качестве инструмента для достижения высших целей, задаваемых государством (порядок и безопасность), экономикой и триадой «язык — культура — цивилизация» (в которой язык выполняет несущую роль). В концепции «мягкой силы», как представляется, остается некоторая методологическая неясность, связанная с разграничением задач и методов достижения целей.

Данная статья призвана выяснить, насколько адекватно роль лингвистического фактора в международных отношениях может быть описана как «мягкая сила».

Методология. Лингвополитология рассматривает любой человеческий социум как языковой коллектив. При конструировании социальной теории мы можем абстрагироваться от этого факта, тем не менее именно язык лежит в основе человеческой коммуникации. Причем язык не является простым нейтральным инструментом общения и средством накопления информации. Во многом именно он определяет направления социального взаимодействия. Прежде всего, конечно, это касается сферы международных и межнациональных отношений, т. е. так или иначе политической сферы.

Все может стать объектом политического, да и само «политическое» может извлекать свою силу «из различных сфер человеческой жизни, из религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или в культурном смысле), хозяйственными или же мотивами иного рода, и в разные периоды они влекут за собой разные соединения и разъединения» [1]. Политика вторгается в любую социальную область и с легкостью делает ее полем своей деятельности. Разумеется, это касается и сферы международных отношений, где продвижение своих культурных и идеологических ценностей, а также своего языка играет важнейшую роль в межгосударственном соперничестве за лидерство и ресурсы. Глобальные и региональные изменения языковой карты мира идут вслед за перекраиванием политического ландшафта вследствие политических и военных катаклизмов. Но «лингвистическое разделение» человечества, на наш взгляд, — это не только побочный продукт международных процессов, оно является базовым для всех других разделений. «Ничто не сплачивает людей теснее, чем язык, и ничто не разделяет их столь же эффективно, как различие языков» [2, с. 174]. Причем в таком разделении «не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое, так

что в экстремальном случае возможны конфликты с ним, которые не могут быть разрешены ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм» [1]. И так, «враг, по меньшей мере эвентуально, т. е. по реальной возможности, — это только борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» [1].

Эта «совокупность» (в любой своей форме) прежде всего является языковым коллективом. Ведь никакая социальная организация невозможна без общения и языка. Как писал Л. Блумфилд, «языковой коллектив (speech community) — это группа людей, взаимодействующих посредством речи. Все так называемые высшие формы деятельности человека, т. е. специфические для него виды деятельности, порождены тесным сотрудничеством между людьми, которое мы называем обществом, и это сотрудничество в свою очередь осуществляется с помощью языка; таким образом, языковой коллектив — это наиболее значительная из социальных группировок» [3, с. 69–71]. Язык создает социальные общности на всех уровнях и отличает человеческий социум от любых других «социальных» организаций в природном мире. Любая социальная общность создается и воспроизводится языком. Язык определяет и маркирует внешние объективные границы этой общности.

Таким образом, главным методологическим принципом лингвополитического исследования является изучение любого социального коллектива прежде всего как языкового сообщества.

Лингвополитическая теория: от истоков к современности. Разумеется, любой процесс имеет свои истоки, как и наблюдение за этим процессом. И потому основы (или по крайней мере элементы) любой современной теории можно найти в прошлом. Подобно тому, как символом надежности банка служит почтенный год его основания, так и политическая теория ищет свою базу в глубокой древности. Особенно популярны в современной историографии ссылки на изречения китайских мудрецов. Даже теорию Дж. Ная пытаются обосновать ссылкой на древние китайские трактаты. Хотя стоит отдавать себе отчет в том, что приводимые изречения, написанные когда-то на китайском языке (даже оставляя в стороне вопрос о подлинной исторической древности этих произведений) — это только попытка изложить на европейских языках то, что было сказано на самом деле. Китайский (а тем более древнекитайский) язык имеет другую языковую картину мира, другие семантические значения, в нем зачастую действует другая логика. Абсолютно точный пере-

вод с языка на язык (особенно если они далеки друг от друга в своем происхождении и историческом развитии) невозможен.

Тем не менее очевидно, что истоки теории о ведущей роли лингвистического фактора в социальной истории человечества можно проследить начиная с Древнего мира. Видимо, данная теория вообще была первой с исторической точки зрения теорией международных отношений. Это не случайно. Древним исследователям казалось, что она наиболее естественно и очевидно объясняет причины несогласия между людьми. А как гласит правило «бритвы Оккама», самая достоверная истина та, к которой можно прийти самым коротким путем, отсекая все излишние силлогизмы и доказательства. Таким образом, самой популярной «социологической» (если так можно выразиться, несмотря на явный анахронизм) и «международной» теорией в позднеантичной и средневековой Европе была «стихийная» лингвополитология, рассматривающая язык как базис политического разделения.

Элементы этой теории можно найти как в греко-римском античном мире, так и в библейских текстах (созданных не позднее VI в. до н.э.). Эта же теория получила окончательное оформление и признание в ученом мире развитого Средневековья. Основным ее постулатом является тезис о том, что вся история человеческой цивилизации — это история развития, взаимодействия и противоборства различных языков (через образованные ими на всех уровнях языковые коллективы). Язык продвигается и распространяется вслед за войнами и экономикой. Он выступает как фактор интеграции и дезинтеграции на всех уровнях, определяет границы общества и его идеологический базис, а завершиться такое «лингвистическое противостояние» может только «концом истории», к которому приводит появление (восстановление) единого языка. Как писал Цицерон (I в. до н.э.):

«Существует много уровней (организации) человеческого общества... Наиболее естественным является то общество, что возникает на основе одного и того же рода, национальности, языка, которым люди объединяются в наибольшей степени. Еще сильнее связывает людей принадлежность к одному и тому же государству. Весьма разнообразно и общение граждан между собой...»¹.

---

¹ «Gradus autem plures sunt societatis hominum... proprius est ejusdem gentis, nationis, linguae, qua maxime homines conjunguntur. Interius etiam est ejusdem esse

При этом подчеркивание особой роли языка и, следовательно, коммуникации, в складывании и функционировании человеческого общества было в Античном мире общераспространенной концепцией. Так, древние греки, начиная с Геродота, определяли «эллинство» как единство общей крови и языка. Это еще раз показывает, «насколько важным средством определения их идентичности была в глазах греков способность “говорить по-гречески”... Для греков использование одного и того же языка было условием солидарности (единства)... Если же возникало непонимание, оно могло привести только к разногласиям и ненависти. Геродот прекрасно знал о проблемах коммуникации, вызванных разницей языков» [4].

Такое же восприятие языка мы находим и в библейской легенде о Вавилонской башне. Причем в иудейской традиции данная концепция, видимо, возникла еще раньше, чем в европейской. Интересно переработка данной легенды в позднеантичной латинской культуре. Так, например, можно отметить стихотворные комментарии к книге Бытия позднеантичного христианского поэта Клавдия Мариа Виктора, посвященные вавилонскому смешению языков:

Так как народ их един и одна у всех форма речи,
Не останутся в начатом деле...

...

Лишь языков разделение лучше всего обречет их на провал.

...

В то время как разобщенная кровная связь пропадает в племени этом,
Язык формирует народ...

...

И так вот на части единый народ себя рассекает,
И каждый род разновидности множит,
И получают в удел удаленные земли и наполняют
народами землю.

...

Остерегаться должно этим многим последствий от разрыва их союза.
Чтоб не коснулась тех, кто молча соглашался,
Вина застрельщиков немногих,
Неся всем общее нечестие: и чтоб в жестоких битвах
И с гневом бешеным, несущим смерть народу,
Война гражданская к ним не пришла: такую «пользу» принесло им

---

civitatis. Multa sunt enim civibus inter se communia...». — Cicero. De officiis. Liber primus. 53. www.thelatinlibrary.com/cicero/off.shtml.

И вот чем обернулось то разделение единства языка.

Claudius Marius Victor. «Commentariorum in Genesim»².

Ту же мысль неоднократно повторяли многие средневековые писатели и богословы. Но наиболее полно данная теория изложена в «Католиконе», созданном в XIII в. и ставшем на несколько веков самой популярной книгой Средневековья (даже после изобретения книгопечатания в XV в. данное произведение неоднократно издавалось и переиздавалось). «Католикон» выполнял одновременно функции и латинского толкового словаря, и энциклопедии и пользовался непререкаемым авторитетом среди всего европейского образованного общества. В статье «Язык» (Lingua) приводится следующее рассуждение, одновременно сочетающее в себе элементы теорий «столкновения цивилизаций» и «конца истории»:

«Прежде чем гордыня Башни их разделила, у всех национальностей был один язык — еврейский. Представляется также с большой степенью вероятия, что... и будет лишь один язык... Подобно тому как перед Вавилонской башней существовал один язык, еврейский, также некоторые ученые мужи полагают, что по совершению Суда, снова останется один язык. На самом деле, через множество языков существует разнообразие. А там, где разнообразие, там и несогласие. В Церкви же святых не будет несогласия. Следовательно, не будет и разнообразия языков... Один будет всем язык и неутомимое ликование. Единое чувство. Вечная любовь. И будут всеобщими для всех — всемогущество, мудрость, мир, справедливость, понимание. И не будет в этом мире разнообразия языков»³.

Даже в этой цитате мы видим явные элементы теорий «столкновения цивилизаций» и, одновременно, «конца истории». Взгляд на язык как на основной разделитель человеческого общества был характерен для всего Средневековья и Нового времени. В конце XVIII — начале XIX в. эта концепция получила научное оформление в трудах немецких мыслителей Гердера, В. Гумбольдта и многих других. Проблема заключалась в том, что данная теория стала восприниматься как сугубо лингвистическая, в то время как

---

² Claudius Marius Victor. Commentariorum in Genesim. [www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0385-0445__Claudius_Marius_Victor_\(Victorinus\)__Commentariorum_In_Genesim_Libri_Tres__MLT.pdf.html](http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0385-0445__Claudius_Marius_Victor_(Victorinus)__Commentariorum_In_Genesim_Libri_Tres__MLT.pdf.html) (перевод автора статьи).

³ Balbi Giovanni. The Summa grammaticalis quae vocatur Catholicon. CHRISTIES: <https://www.christies.com/lotfinder/Lot/giovanni-balbi-of-genoa-d1298-summa-grammaticalis-5138479-details.aspx>

социологи и политологи сосредоточились на экономике как главной движущей силе политики. С приходом XX в. роль языка опять начинает привлекать серьезнейшее внимание и в других социальных науках (например, в философии происходит настоящий «языковой переворот»). В лингвистике одновременно развивается и разрабатывается теория лингвистической относительности, возникает социолингвистика. В политологии появляется политическая лингвистика. Тем не менее роль языкового фактора в международных отношениях до сих пор не всегда принимается во внимание. Теория С. Хантингтона и его идея о решающей роли религии в создании цивилизации в свое время вызвала большой интерес и оживленные дискуссии. Но предложенная американским ученым схема опять-таки сосредоточивает внимание только на вершине айсберга. Социальные, культурные, идеологические конфликты, по своим истокам, лежат скорее в области языков, которые поддерживают соответствующие формы мышления, на их основе и формируются все «идеологические надстройки». К. Мангейм пишет, что «конкретно существующие формы мышления не вырываются из контекста того коллективного действия, посредством которого мы в духовном смысле открываем мир. Люди, живущие в группах, сосуществуют не просто физически, в качестве дискретных индивидов. Они воспринимают предметы окружающего мира не на абстрактном уровне созерцательного разума и не только в качестве отдельных индивидов. Напротив, они действуют совместно — друг с другом и друг против друга — в различных по своей организации группах и, совершая эти действия, мыслят друг с другом и друг против друга. Эти связанные в группы индивиды стремятся в соответствии с характером и положением группы, к которой они принадлежат, либо изменить окружающий их мир природы и общества, либо сохранить его в существующем виде... В соответствии со специфической коллективной деятельностью, в которой участвуют люди, они склонны различным образом видеть окружающий их мир» [5].

Soft power как «мягкая сила». Язык и идеология. Само словосочетание «мягкая сила» (калька с англ. *soft power*), очевидно, не характерно для русского языка. Существует много эпитетов «силы», но «мягкой» она стала только под влиянием английского языка. Таким образом, даже на этом примере мы видим, что языки несут с собой идеологию, свои схемы и структуры, культуру и логику, теории и концепции, созданные на этих языках и им свойственные. Язык

является первичной моделирующей системой, которая создает свою специфическую картину мира («модель мира») и определяет особенности национального мышления. Поэтому любая идеология обязательно вырастает на какой-либо языковой почве. «В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем и т. д. Сознание человека всегда этнически обусловлено» [6, с. 298]. Но, несмотря на препятствия, затрудняющие перевод, «каждому языку присуще замечательное свойство — быть «семиотикой», в которую могут быть переведены все другие семиотики» [7, с. 46]. «Языки различаются между собой не тем, что они могут или не могут выразить, а тем, что они обязывают или не обязывают высказывать» [7, с. 48].

Гораздо менее очевидный и намного более трудный для решения вопрос — определение связи некой отдельной политической идеологии и конкретного языка. Данная связь в своем чистом виде могла существовать (или не существовать) многие столетия назад. Насколько реально выявить ее следы на современном этапе, когда в эпоху глобализации и продолжающегося несколько столетий интенсивного культурного и политического взаимовлияния эта отдельная идеология выражается на всех языках и имеет своих представителей во всех странах? Ответ на этот вопрос невозможен без ответа на вопрос о причинах и закономерностях эволюции политической идеологии. На протяжении последних столетий много говорилось о материальных факторах, смене общественных формаций и множестве других важных вещей, но стоит отдавать себе отчет в том, что прежде чем попасть в политический дискурс, эти материальные факторы неизбежно проходят «языковую обработку». Причем язык, как и политическая идеология, также постоянно обновляется. Можно выдвинуть предположение о том, что, поняв причины языковых изменений, мы сможем точнее разобраться и с причинами политических мутаций. Вся человеческая история — это социальная история, и потому это история взаимодействия между разнообразными языковыми сообществами, имеющими разный уровень политической организации. Как писал К. Мангейм в своей работе «Социологическая теория культуры в ее познаваемости», любое мышление носит социальный характер, и, следовательно, в зависимости от того или иного языка, используемого в данном языковом коллективе, возможны разные типы мышления и понимания, которые являются

«живой функцией сообщества», которое выбирает и абсолютизирует свое направление познания.

Каждое языковое сообщество изначально обладало своей «языческой» (ее название в русском языке происходит от слова «язык», т. е. народ) идеологией и стремилось к своему политическому оформлению. Как религия, так и «языческая» идеология не предполагала свободного индивидуального выбора, но являлась социальным императивом. Каждая «языческая» религия не только возникала на базе того или иного языка, но и в значительной степени вытекала из него, использовалась политическими структурами внутри языкового сообщества для сохранения его единства. Если религию пыталась поменять чужая власть, то это обычно вызывало ожесточенную борьбу и противодействие (ведь «языческая» религия была нужна в том числе и для нейтрализации любых идеологических внешних воздействий, и для успешной внутренней мобилизации в случае внешней военно-политической угрозы). Если же религию меняла «своя» власть, то это часто воспринималось как ее законная прерогатива.

На международной арене сталкиваются между собой различные государства (и образующие их нации). Обычно они говорят на разных языках (в прямом и переносном смысле). Опираясь на свое видение мира (выраженное в своем языке), люди «формируют» окружающий мир и все социальные отношения. Нации ведут между собой борьбу за право «формирования» всего мирового порядка. Это происходит вследствие их непохожести друг на друга, разделения на «своих» и «чужих». Следовательно, сталкиваются различные «формы жизни» (и обосновывающие их идеологии). Следовательно, сталкиваются «несущие» эти «формы жизни» языки. Столкновение может происходить в мягкой («внутри сообщества») и жесткой («между обществами») форме. Внутри общества мягко сталкиваются между собой похожие («понимающие» друг друга) языки, находящиеся внутри «базового» языка. В таком конфликте не ставится под сомнение главный и общий интерес «мягко» конфликтующих сторон — сохранение целостности общества, обеспечение его выживаемости. Борьба же ведется за политическое господство в этом обществе и из-за экономических интересов. На международной арене мягко сталкиваются между собой похожие между собой языки, выражающие сходные универсальные «формы жизни». Эта «форма жизни» базируется на некоторых универсалиях и реализуется с помощью общего базового «сверхязыка». Таким «сверхязыком»,

по определению американского лингвиста Б. Уорфа, выступает некий абстрактный язык «среднеевропейского стандарта» (Standard Average European), служащий основой для всех современных европейских языков. Таким образом, английский, французский, немецкий и многие другие языки Европы образуют (посредством своих конструкций и общего греко-латинского словарного запаса) схожее видение мира, обеспечивают общее единство формы жизни, общую цивилизацию. Конкретным «рупором» этого метаязыка в современном мире является английский язык. Конфликты внутри метаязыка возможны и неизбежны, но, как и мягкие конфликты дискурсов внутри отдельного общества, они ведут не к разрушению системы, а к ее совершенствованию. Французский противоостоит английскому именно в этой мягкой форме (несмотря на обманчивую жесткость заявлений).

Современное соотношение идеологий, влияющих на современную мировую политику, представляется достаточно очевидным, что позволяет составить примерный Index World Ideology, определяющий склонность тех или иных наций к конкретной идеологии, претендующей на глобальность. Ведущее место в современном идеологическом мире занимает Standard West Ideology (SWI), поддерживаемая Standard Average European (SAE) как общей виртуальной языковой рамкой. Внутри этой идеологии есть вариации: SWI-English, SWI-French, SWI-Spaniard и т. д. (может быть, SWI-Russian). Очевидно, что «националистический» окрас тоже не может быть окончательно смыт, пока существуют разные языковые миры. Существует и Alternative West Ideology (AWI), но она, с одной стороны, базируется на тех же основных «языковых» принципах (европейские левые, антиглобалисты), а с другой стороны, все же маргинальна.

Среди претендентов на изменение баланса идеологических сил мы можем отметить китайскую Mao-Confucian Ideology (MCI) и арабскую Standard Islam Ideology (SII). Но вряд ли мы можем продолжить этот список в современном мире. Ведь вес «экспортных» идеологий невысок, пока невысок вес поддерживающих их языков. Успех Советской России во многом являлся триумфом Alternative West Ideology в отдельной стране, но чем более «русской» и менее связанной с SAE становилась эта идеология, тем ближе был ее крах.

Как бы то ни было, очевидно, что современный постбиполярный мир не является деидеологизированным (т. е. деполитизированным). Наблюдается скорее обратная тенденция. Очевидно, что внутри го-

сударства невозможно достичь деидеологизации, пока существует социальное разнообразие и, следовательно, политическая борьба. На международной арене деидеологизация невозможна, пока существуют разные языки. Ведь распространение конкретного языка в значительной степени отражает распространение «свойственной» данному языку идеологии. На этой основе могут быть сделаны долгосрочные прогнозы тенденций развития как отдельных стран, так и всего человечества.

«Мягкая сила» как жесткая структура. Лингвистические контуры будущего. Итак, языковое разделение всегда было значимым фактором в истории человечества. Как пишет французский исследователь Балибар: «начиная с 842 г., ни одно государство в Европе не могло быть определено лучше, чем через государственный язык, институт, возникший для того, чтобы объединить население внутри государства, и отделить его от внешнего мира» (цит. по: [8, p. 52]). Язык всегда выступал как основа нации и государства. Причем влияние языка всегда носило жесткий и в значительной степени без запятых определяющий мышление характер. Не случайна фраза Р. Барта: «Язык — это фашист» [9], в том смысле, что язык определяет, как нужно правильно говорить и мыслить, не предлагает свободы выбора, он тотален.

Языковой фактор в значительной степени влияет на два главных процесса в развитии современного человечества. Он сопровождает и глобализацию, и регионализацию. Система международных отношений — саморегулирующийся процесс, не зависящий от воли отдельных индивидов. Это борьба идеологий, базирующихся на разных языковых картинах мира. Государства, созданные на базе отдельного языкового сообщества, часто гибли из-за внутренних конфликтов или при столкновении с более сильными государствами (обычно к трагическому финалу приводит «удачное» сочетание двух этих факторов). Но языковое сообщество (и его «культура») не исчезает автоматически, политически подчинившись чужому государству, созданному другой культурой. Пока существует особое языковое сообщество, оно будет стремиться к возрождению своей политической самостоятельности, оно вновь политически «собирается» из осколков (как ртуть), политически оформляется. Государство — инструмент политической борьбы, которая не может быть сведена к цивилизационному противостоянию, скорее государство использует «цивилизационное», культурное противостояние в сво-

их целях. Но политическая борьба недолговечна по своим целям и редко приводит к устойчивому изменению лингвистических ландшафтов, которые остаются и в конечном итоге вновь определяют основные тренды цивилизаций.

На долгосрочную структуру современных международных отношений в решающей степени влияют четыре лингвистических фактора:

1. *Диалекты* нормативного государственного языка и *языки национальных меньшинств* внутри отдельного государства служат питательной почвой для процесса регионализации.
2. *Государственный язык* выступает в качестве основы для складывания политической нации на внеэтническом, языковом принципе и тем самым становится базой существования национального государства, которое продолжает борьбу за собственную «суверенность» и сохранение международных отношений в своей традиционной межгосударственной форме.
3. «*Священные*» языки *религий* и «несущие» языки глобальных идеологий создают основу для трансграничной и наднациональной языковой общности и в какой-то степени описаны С. Хантингтоном.
4. Необходимость общего инструмента для эффективного функционирования общемирового рынка и глобальной экономики ведет к укреплению позиций *универсального языка*, становящегося базой для процесса глобализации. Этот языковой феномен является одновременно и последствием глобализации, и катализатором дальнейшего ее ускорения.

Все перечисленные разнонаправленные процессы идут одновременно и накладываются друг на друга, и поэтому новые контуры мирового порядка носят лишь предварительный и неопределенный характер. Продолжается, если можно так выразиться, «глокализация на фоне столкновения цивилизаций и реанимации государственного суверенитета». Переходная эпоха в мировой политике еще не закончена. Но процесс складывания нового мирового порядка не только может быть описан в лингвистических терминах, но и имеет лингвистическую основу (по самой сути социального).

Современные международные отношения насквозь лингвистичны. Экономика и культура являются разнонаправленными факторами. Экономика (конкурентный дух капитализма) требует стирания

национальных и языковых границ и использует глобальный язык в создании глобального рынка. Традиционный тип мышления (лежащий в основе любой культуры) более консервативен. Иррациональное «национальное» чувство естественно проистекает из языковых и мыслительных особенностей, принятых в своем коллективе при столкновении с другими языковыми коллективами.

Мягкая сила языка — достаточно жесткая структура, в значительной степени определяющая контуры современного миропорядка и лежащая в основе постановки внешнеполитических целей. Язык выступает скорее как *hard power*. Как *soft power* национальный язык можно эффективно использовать, только если уже существует необходимый базис, т. е. необходимость этого языка для экономики, его распространение на завоеванных или зависимых территориях (следствие применения «военной силы»), использование именно этого языка в новых технологиях и перспективных научных отраслях, для создания продуктов глобальной масс-культуры и т. д. В противном случае мы вряд ли можем рассчитывать на большую эффективность, распространяя по миру учебники русского языка. Президент Российской Федерации В. Путин в своей речи 22 ноября 2013 г. призвал «сделать... русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире»⁴, в основе которого верное по своей сути представление о языке. Однако одного волевого усилия здесь, к сожалению, недостаточно. Можно лишь «способствовать» и «создавать условия» для того, чтобы язык стал мощным фактором идейного влияния. Язык выходит на новые рубежи (и становится важнейшей идеологической и политической силой) на волне расширения зоны экономического и политического влияния, экономического взлета, культурного и идеологического прорыва. Лишь в этих условиях языковой фактор в наибольшей степени проявляет себя и постепенно меняются долговременные лингвистические ландшафты. Процесс этот долгосрочный и нелинейный, одновременно требующий (как и экономика) не столько призывов, сколько значительных капиталовложений и прорывных новых технологий.

Разумеется, распространение за границей учебников русского языка и текстов классической русской литературы тоже играет свою

---

⁴ Владимир Путин: «Наша задача — сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире». www.narodsobor.ru/events/politics/18235.

роль, но значимость подобного рода мероприятий в складывании нового мирового порядка, видимо, не столь велика. Языковой фактор гораздо мощнее по своему потенциалу. Это *hard power*. Однако приносить ощутимые внешнеполитические дивиденды она может только в тесной связке с ростом экономического и политического влияния и на их основе. Как говорится, «деньги всегда приходят к деньгам». Таким образом, языковой фактор сопоставим с экономическим. И так же, как в случае с экономикой (которая тоже может выступать в качестве «мягкой силы», например, в виде гуманитарной помощи после катастроф), потенциал языкового фактора значительно выше, чем использование его в качестве инструмента «мягкой силы».

Литература

1. Шмитт К. Понятие политического / пер. с англ. // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37–67.
2. Мизес Людвиг фон. Всемогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война / пер с англ. Челябинск: Социум, 2006. 476 с.
3. Блумфилд Л. Язык / пер. с англ. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
4. Rochette B. La langue comme facteur d'intégration ou d'exclusion. L'Athènes de Périclès et la Rome de Cicéron. orbi.ulg.ac.be. <https://orbi.uliege.be/handle/2268/25827>.
5. Мангейм К. Идеология и утопия / пер. с англ. // Электронная библиотека. ModernLib.net http://modernlib.net/books/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya/read.
6. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Вопросы психолингвистики. 2016. С. 296–299.
7. Ажеж Клод. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 301 с.
8. Eloy J.-M. La constitution du picard: une approche de la notion de langue. Louvaine-Neuve, Peeters Publishers, 1997. 259 p.
9. Voisset-Veysseyre C. Violence dans la langue: le cran d'arrêt vu par Roland Barthes. www.fabula.org/colloques/document1957.php.

Контактная информация:

Чернов Игорь Вячеславович — канд. ист. наук, доц.; i.v.chernov@spbu

Words in World (The Language as “Hard Power”)

Igor V. Chernov

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

If it is necessary to divide the “force” into soft and hard, the role of the language factor (in all its manifestations) should rather be equated to the “hard power” (as in the economy). And coercion and war (as its extreme form) are only tools for the realization of economic and ideological “desires”, social aspirations that are formed in the language and on the basis of language. Language is not just a neutral tool for communication and information accumulation. In many ways, it determines the direction of social interaction. First of all, it concerns the sphere of international and inter-ethnic relations.

Keywords: Language, “hard Power”, “soft power”, J. Nay.

References

1. Shmitt K. The concept of the Political / transl. from English. *Voprosy sotsiologii*, 1992, no. 1, pp. 37–67. (In Russian)
2. Mizes Lyudvig fon. *Omnipotent Government: The Rise of Total State and Total War* / transl. from English. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2006, 476 p. (In Russian)
3. Blumfeld L. *Language* / transl. from English. Moscow, Progress Publ., 1968, 608 p. (In Russian)
4. Rochette B. La langue comme facteur d'intégration ou d'exclusion. *L'Athènes de Périclès et la Rome de Cicéron. Open repository and Bibliography*. <https://sur.ly/o/orbi.ulg.ac.be/AA000014>.
5. Mangeim K. *Ideology and Utopia* / transl. from English. National Electronic Library / DcnfdbnmModernLib. http://modernlib.net/books/mangeym_karl/ideologiya_i_utopiya/read (In Russian)
6. Leont'ev A. A. Language consciousness and image of the world. *Voprosy` psixolingvistiki*, 2016, pp. 296–299. (In Russian)
7. Azhezh Klod. *The person speaking. Linguistics contribution to humanitarian*. Transl. from Franch. Moscow, Editorial Publ., 2003, 301 p. (In Russian)
8. Eloy J.-M. *La constitution du picard: une approche de la notion de langue*. Louvaine-le-Neuve, Peeters Publishers, 1997, 259 p.
9. Voisset-Veysseyre C. *Violence dans la langue: le cran d'arrêt vu par Roland Barthes*. www.fabula.org/colloques/document1957.php.

Author's information:

Igor V. Chernov — PhD Sci. in History, Assistant Professor; i.v.chernov@spbu

УДК 327

Внешняя культурная политика Германии как фактор «мягкой» силы

Содержательный и институциональный аспекты

Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Статья посвящена внешней культурной политике Германии с точки зрения теории «мягкой силы». Основное внимание авторы акцентируют на содержательной стороне документов внешней культурной политики ФРГ, в которых разработаны ее основные направления и формы. Авторами проанализированы участники внешней культурной политики Германии, отдельно рассмотрена роль акторов «общественного уровня», обозначены основные проблемы внешней культурной политики ФРГ на современном этапе.

Ключевые слова: Германия, внешняя культурная политика, «мягкая сила», международное культурное сотрудничество, институт им. Гёте, общественные организации и фонды.

Роль культуры в международном сотрудничестве сегодня по достоинству оценена многими государствами. Повышенное внимание к фактору культуры в международных отношениях начала XXI в. во многом связано с достижением ведущими державами определенного паритета в военной и экономической мощи [1, с. 7]. В свою очередь, это приводит к тому, что наравне с применением традиционных методов демонстрации силы, основанных на военно-политических и экономических достижениях, государства стали постепенно использовать и новые инструменты влияния, основанные на культуре, гуманитарной деятельности, продвижении национальных ценностей и образования. Эти «несиловые» методы политического влияния, получившие последовательную разработку в концепции «мягкой силы», охотно используются многими странами как эффективное дополнение к традиционным инструментам осуществления внешней политики и приобретают все большее и большее число приверженцев. Основанная на идее убеждения, а не принуждения или давления, «мягкая сила» призвана располагать к себе, «завоевывать сердца и умы людей».

Преимущества методов «мягкосилового влияния» перед другими традиционными внешнеполитическими методами состоят в том, что они демонстрируют открытость страны, ее готовность к установлению и развитию культурных, политических и экономических контактов. Имидж современных государств во многом формируется на основе их активных культурно-гуманитарных связей с учетом степени вовлеченности страны в международный культурный обмен, умения страны использовать свой культурный потенциал и культурно-коммуникационные технологии. Именно в таких вопросах, как формирование благоприятного внешнеполитического имиджа, поддержание авторитета страны, создание сильного бренда страны аргументы «мягкой силы» незаменимы.

Растущая значимость культуры во внешней политике привела к тому, что многие страны стали разрабатывать в качестве отдельного направления своей внешнеполитической деятельности внешнюю культурную политику, главной задачей которой как раз и является создание позитивного образа государства за рубежом и формирование «благоприятной среды» для осуществления национальных интересов. Внешняя культурная политика направлена на продвижение культуры и языка своей страны в мире, на укрепление международного авторитета государства посредством культуры, за счет развития и укрепления культурных связей.

Германия в современных международных отношениях занимает лидирующие позиции как в вопросах политики и экономики, так и в вопросах культуры. ФРГ по-прежнему является одним из европейских лидеров, локомотивом многих процессов, которые происходят в мире; значителен вклад Германии и в мировую экономику, мировую науку, культуру и научно-технический прогресс. Особая роль принадлежит стране и в разработке теории и практики внешней культурной политики. Следует отметить, что данное направление получало поддержку политических лидеров страны на протяжении всего XX в. Так, бывший канцлер ФРГ В. Брандт назвал международную культурную политику одним из трех основополагающих столпов, на которые опирается внешняя политика страны наряду с политикой безопасности и экономической политикой. Во время предвыборной кампании в бундестаг в 2009 годной из острых дискуссионных тем стала именно международная культурная политика¹.

---

¹ Немецкая внешняя культурная политика становится предметом предвыборной борьбы // Made for Minds: сайт. <http://www.dw.com/ru>.

Германия обладает уникальным опытом реализации внешней культурной политики, эффективным и оригинальным механизмом ее реализации. Именно это обстоятельство привело, на наш взгляд, к тому, что германская модель внешней культурной политики стала предметом исследования многих российских ученых, которые справедливо считают, что она вполне может стать определенным примером и для нашей страны. Вопросам внешней культурной политики ФРГ посвящены статьи, диссертации и монографии А. И. Егорова, А. Г. Зими́на, Е. Е. Карнаухова, Л. Е. Козлова, Н. А. Логиновой и Г. А. Нелаевой, А. С. Макарычева и А. А. Сергунина, А. К. Никитина, А. В. Огневой, С. В. Погорельской [2–5; 1; 6–11]² и др.

Германия была первой страной, в которой термин «внешняя культурная политика» начал использоваться в официальных документах. Произошло это во многом благодаря публикации в 2000 г. документа «Auswärtige Kulturpolitik: Konzeption — 2000» («Концепция-2000») [12, с. 242–270]. Концепция начала разрабатываться еще в 1991 г., но была принята значительно позднее, 23 июня 1999 г., что связано с длительным процессом ее утверждения и согласования. Она вступила в силу в 2000 г. В разработке документа непосредственное участие принял Департамент внешней культурной и образовательной политики Федерального министерства иностранных дел Германии. В «Концепции-2000» были изложены основные приоритеты внешней культурной политики Германии, сформулированы ее цель, задачи, направления, формы, отражены вопросы двустороннего и многостороннего сотрудничества, финансирования. В 2010 г. эта концепция была существенным образом обновлена и нашла отражение в новом документе МИД ФРГ «Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik 2010/2011»³, которая впоследствии обновлялась каждые два года⁴.

Внешнюю культурную политику Германии можно охарактеризовать как одну из основ последовательного внешнеполитического

---

² Карнаухова Е. Е. Технологии реализации внешней культурной политики Германии: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2011; Немецкая внешняя культурная политика становится предметом предвыборной борьбы. Сайт «Made for minds». <http://www.dw.com/ru>.

³ Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik 2011/2012. <http://www.ifa.de/en/culture-and-foreign-policy/lesetipps/reports.html>.

⁴ Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik 2013/2014. <http://www.ifa.de/en/culture-and-foreign-policy/lesetipps/reports.html>.

курса страны, которая продолжает преемственность предыдущих десятилетий. Стратегия внешней культурной политики Германии основана на идее «инвестиции в будущее, которая содействует позитивному образу Германии за рубежом»⁵, что должно позволить ей завоевать таким образом кредит доверия мирового сообщества. Внешняя культурная политика рассматривается Федеральным правительством Германии как возможность содействия диалогу и поиску компромиссов и катализатор внешнеполитических приоритетов. Основопологающей ее целью названо создание нового образа единой страны, интегрированной в Европейское и Атлантическое сообщества. Основные векторы развития культурных контактов определяются геополитическими факторами европейской интеграции. К числу приоритетных задач отнесены:

- пропаганда немецкой культуры за рубежом, при этом немецкая культура рассматривается как часть культуры европейской;
- распространение знания немецкого языка, который рассматривается как ключ к познанию немецкой культуры;
- развитие сотрудничества в сфере науки, образования, поощрение академической мобильности;
- поддержка обменов в области искусства, культуры, спорта и поощрение молодежных обменов⁶.

Новый курс во внешней культурной политике ФРГ был отмечен в одном из выступлений министра иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайера в июне 2014 г. Обозначив новые ориентиры, связанные с особой ролью информационных технологий в современных международных отношениях, министр высказал убежденность в том, что «внешняя культурная политика в XXI в. будет играть особую роль, и что она может эффективно осуществляться только на основе взаимопонимания»⁷. Им были сформулированы и новые цели: развитие гражданского общества, свобода средств массовой информации и международные встречи. По мнению Ф.-В. Штайн-

---

⁵ Auswärtige Kultur und Bildungspolitik. Ziele und Aufgaben. Auswärtiges Amt. http://www.auswaertigesamt.de/DE/Aussenpolitik/KulturDialog/ZieleUndPartner/ZielePartner_node.html.

⁶ Ibid.

⁷ Steinmeier F. W. Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik weiter denken // Politik & Kultur. 2014. No. 5. September — Oktober. S. 1.

майера, нужно, чтобы новые цифровые технологии и средства массовой информации не просто были частью внешней культурной политики, а именно ее инструментом, с помощью которого Германия сможет понять социальные изменения и будет использовать их для развития своих культурных отношений с другими странами⁸.

В целом, говоря о содержательной стороне, отметим, что внешняя культурная политика Германии на современном этапе трактуется достаточно широко и рассматривается не только как предоставление информации о культуре страны, но и как диалог, обмен, сотрудничество между культурами. Она призвана служить взаимопониманию между государствами, поощрять открытость мировой культуре в долгосрочной перспективе [12, с. 240].

Внешняя культурная политика Германии реализуется с помощью эффективно работающей системы акторов, отличной от многих других стран. В ее основе лежит гармоничное сочетание государственных акторов и акторов общественного уровня, что находит свое развитие и в вопросах финансирования, которое осуществляется из различных каналов. Ежегодно в бюджете страны утверждается специальная статья расходов. Принцип финансирования можно охарактеризовать как «государство + земли + частные фонды». Это позволяет более экономно расходовать государственные средства и более активно подключать частную инициативу и общественность.

Такой паритет прослеживается и в системе акторов. Главенствующая роль в вопросах управления принадлежит Министерству иностранных дел, в структуре которого создан специальный Департамент культурного сотрудничества. Работа этого министерского отдела объединяет региональный, отраслевой и проблемный принципы. В частности, сотрудники Департамента занимаются развитием двусторонних культурных связей, многостороннего культурного сотрудничества, деятельностью Гёте-института и других немецких организаций, ответственных за продвижение немецкой культуры и информации о ФРГ за границей. Большое внимание в работе Департамента отводится развитию научных и образовательных связей, а также спортивных контактов. Вопросы международного гуманитарного сотрудничества Германии относятся к компетенции другого отдела МИД — Департамента по глобальным вопросам ООН, правам человека и гуманитарной помощи Федерального МИД ФРГ.

---

⁸ Ibid. S. 3.

Активными участниками внешней культурной политики Германии выступают негосударственные институты и организации. В концепции внешней культурной политики названо 12 таких организаций-партнеров или организаций-посредников⁹. Это Гёте-Институт (Goethe-Institut), Германская служба академических обменов (DAAD/ДААД), фонд Александра фон Гумбольдта, Институт внешних культурных связей, Федеральное ведомство по вопросам администрации — Центральное агентство школ за рубежом, Немецкая комиссия по делам ЮНЕСКО, Немецкий археологический институт, Федеральный институт профессионального образования и обучения, фонд «Фонд им. Макса Вебера — немецкие научно-гуманитарные вузы за границей (MWS)», Федеральный фонд культуры и Дом мировых культур. Деятельность организаций-партнеров за рубежом осуществляется под стратегическим руководством Федерального правительства и от имени Федерального правительства, а координируется местными дипломатическими миссиями. При этом они пользуются довольно большой вариативностью и независимостью в своей работе. Учитывая факт растущего числа таких организаций, вопрос координации становится очень значимым.

Негосударственные институты являются исключительно важными акторами внешней культурной политики Германии, осуществляющими свою деятельность в рамках социокультурной и образовательно-научной систем [13, р.27]. Их роль в осуществлении целей и задач внешней культурной политики страны постоянно возрастает. Большинство таких институтов финансово поддерживаются Федеральным министерством иностранных дел, особенно Гёте-институтом, DAAD, фондом Александра фон Гумбольдта и Институтом внешних культурных связей. Финансовая и консультативная помощь оказывается также Федеральным министерством финансов, Федеральным министерством по делам семьи, пенсионеров, женщин и молодежи (молодежные обмены), а также множеством частных спонсоров. Вовлеченность во внешнюю культурную политику нескольких министерств свидетельствует о важности вопросов культурного присутствия за рубежом для правительства страны. Вместе с тем организации-партнеры проводят достаточно независимую от правительства политику. Они автономны в управлении сво-

---

⁹ Bericht der Bundesregierung zur Auswärtigen Kultur- und Bildungspolitik 2013/2014. <http://www.ifa.de/en/culture-and-foreign-policy/lesetipps/reports.html>.

им бюджетом и в выборе стратегии, хотя такие острые для немецкого общества темы, как диалог культур, должны согласовываться с правительством.

Высокая активность негосударственных акторов в реализации внешней культурной политики — это яркая особенность Германии и наглядный пример институализации международного культурного сотрудничества. Данная особенность также демонстрирует определенный немецкий стиль, для которого характерны свобода и гибкость внешней культурной политики, широта поставленных задач и демократичность подходов.

Надо учесть и давние традиции участия негосударственных немецких организаций во внешней культурной политике. Германия наряду с Францией, Италией и Великобританией стояла у истоков создания зарубежных культурных представительств, которые в настоящее время играют первостепенную роль в межкультурном взаимодействии. Немецкий культурный центр им. Гёте — это главный культурный центр страны и основной актор внешней культурной политики Германии. Он был создан в 1951 г. и получил имя великого немецкого поэта, государственного деятеля, мыслителя, естествоиспытателя и гуманиста И.-В. фон Гёте, одного из самых известных в мире представителей немецкой культуры. История Гёте-Института восходит к 1925 г., когда была создана Германская академия для изучения немецкого языка и литературы за рубежом, правопреемником которой он и является.

Первоначально институт им. Гёте занимался вопросами языковой подготовки: в 1953 г. открылись его первые языковые курсы за рубежом. Начиная с 1968 г. начала осуществляться деятельность по подготовке и реализации различных культурных программ. С падением железного занавеса институт им. Гёте усиленно расширил свою деятельность в Восточной Европе, что привело к открытию большого числа его филиалов. В начале XXI в. география присутствия института в мире еще более расширилась в соответствии с геополитическими интересами страны: в 2004 г. Гёте-институт был открыт в Пхеньяне, в 2008 и 2009 гг. открылись институты в Дар-эс-Саламе, Новосибирске и Луанде.

Согласно официальному статусу Гёте-институт является неправительственной, некоммерческой организацией, призванной способствовать распространению немецкого языка за рубежом и содействовать сотрудничеству государств в области культуры.

Он действует на основе заключенного в 2001 г. рамочного договора с Федеральным правительством в лице Министерства иностранных дел ФРГ и Федерального ведомства печати и информации. В соответствии с договором внешнеполитическое ведомство поручает институту проведение внешней культурной политики в рамках своей конституционной компетенции. В качестве задач института, что одновременно закреплено в его Уставе, определено содействие изучению немецкого языка, поощрение международного культурного сотрудничества и создание положительного образа Германии за рубежом. Институт им. Гёте имеет широкое представительство в мире, не уступающее культурной сети Великобритании и Франции: это 150 отделений в 93 странах мира [14]. Важная статья доходов института — средства, полученные от реализации собственных, прежде всего образовательных программ, в частности, проведения языковых курсов и приема языковых экзаменов внутри страны и за рубежом. Гёте-институт сегодня является одной из наиболее успешных организаций в сфере внешней культурной политики не только в Германии, но и в мире.

Наряду с Гёте-институтом к числу организаций-посредников «первого уровня» относятся Германская служба академических обменов ДААД, Институт внешних культурных связей и фонд Александра фон Гумбольдта. Несмотря на сходство целей и задач, эти организации не дублируют друг друга в проводимой ими работе: фонд Александра фон Гумбольдта поддерживает международные научные и исследовательские обмены; ДААД курирует межвузовские, академические обмены, способствует обмену студентами, выпускниками и учеными, продвигает немецкое высшее образование в мире; деятельность Института международных отношений в значительной степени направлена на организацию выставок, поддержку обменов в сфере искусства, организацию семинаров, конференций, предотвращение и урегулирование кризисов.

Как актер внешней культурной политики Германии ДААД работает с молодежью, студенчеством и зарубежной элитой с целью формирования сообщества людей, лояльных к Германии во всем мире. Через инициативы данной организации, и прежде всего стипендии, формируются будущие лаборатории, научные центры, в которых могут работать молодые ученые, прошедшие стажировку в немецких университетах. Ежегодно ДААД выдает порядка 100 тыс. стипендий. По состоянию на 2015 г. она объединяет 238 немецких вузов-участ-

ников и 107 студенческих организаций. Как и Гёте-институт, ДААД действует через систему своих представительств за рубежом: она имеет 15 зарубежных представительств и 56 информационных центров по всему миру [15].

ДААД активно работает в России, многих странах СНГ, и это является косвенным признанием научных школ бывшего СССР.

Научные контакты Германии поддерживаются фондом имени Александра фон Гумбольдта, некоммерческой организацией, учрежденной правительством Федеративной республики. Первый фонд имени Александра фон Гумбольдта был основан еще в 1860 г., через год после смерти великого исследователя, немецкого ученого-энциклопедиста, физика, метеоролога, географа, ботаника, зоолога и путешественника. Фонд поддерживает ученых из разных стран, предоставляет субсидии для приобретения научного оборудования и научной литературы, осуществляет краткосрочные приглашения и финансирование участия специалистов в работе конгрессов, проводимых в ФРГ. Стипендиаты фонда успешно работают в 130 странах мира. Акцент в программах фонда сделан на поддержке молодых ученых и молодых руководителей. В России мероприятия фонда пользуются большой популярностью.

Поддерживая научные обмены, фонд тем самым способствует укреплению имиджа ФРГ как страны с высоким уровнем развития науки, технологий, инноваций, что соответствует задачам внешней культурной политики.

К числу партнеров МИД «первого уровня» относится также Институт внешних культурных связей, который способствует установлению добрососедских отношений между культурами и нациями. Он ответственен за такое направление внешней культурной политики ФРГ, как искусство, образование, воспитание, которые используются им в качестве инструмента установления взаимопонимания между народами. Он также ведет работу по информированию о международном обмене в области искусства, культуры и науки.

Ко второй группе организаций-партнеров относятся германские политические или партийные фонды. Наиболее активно в вопросах внешней культурной политики участвуют фонд К. Аденауэра, фонд Х. Зайделя, фонд Г. Бёлля, фонд Ф. Эрберта, фонд Р. Люксембург. По своей природе это организации универсального характера, и поэтому они могут действовать на всех уровнях внешней политики ФРГ, не только в сфере культуры, но и в сфере безопасности, экономи-

ки и пр. Как акторы внешней культурной политики они проводят большую работу по продвижению немецкой культуры в мире, занимаются «экспортом политической культуры ФРГ, политическим образованием, работают со СМИ, общественными организациями и сотрудничают с высшими учебными заведениям» [7]. В контексте внешней культурной политики на них возложена задача распространять идеи и культурные ценности Германии.

Свой вклад в осуществление внешней культурной политики вносят и различные частные фонды, которых в Германии довольно много. Наиболее известные среди них: фонд Р.Боша, фонд Герти, фонд Баварии и др. Их инициативы носят частный и независимый характер, нередко они осуществляют свои программы совместно с посредническими организациями. Например, фонд Р.Боша активно взаимодействует с Институтом им. Гёте. В проектах фонда, который является одним из самых крупных корпоративных фондов Германии, реализуется научное сотрудничество. Фонд был основан в 1964 г. и получил имя Р.Боша, немецкого промышленника, инженера и изобретателя. Согласно его завещанию, работа фонда концентрируется на таких направлениях, как здравоохранение, наука, образование, общество и культура, а также взаимопонимание между народами. Почти 60 % проектов, курируемых фондом, носят международный характер. С начала 90-х гг. XX в. фонд значительно расширил географию своей зарубежной деятельности и осуществил разнообразные проекты в странах Центральной, Юго-Восточной Европы, СНГ, Китае.

Координирующие функции между различными немецкими фондами выполняет Ассоциация международного сотрудничества, которая призвана улучшить кооперацию среди таких организаций с ответственными государственными и негосударственными структурами национального и международного сектора.

Культурные институты, общественные организации и фонды Германии успешно реализуют основные положения внешней культурной политики страны. Как акторы внешней культурной политики они обладают значительным влиянием на развитие различных направлений гуманитарного сотрудничества и реализуют программы, которые в конечном итоге формируют позитивный имидж ФРГ в мире. Инициативы культурных институтов, фондов, организаций в известной степени нацелены и на развитие немецкой науки.

Сеть немецких неправительственных организаций действует по всему миру. Но прежде всего они представлены в тех странах и регионах, в которых заинтересована ФРГ и куда простираются ее национальные интересы. При этом, выстраивая свою работу в различных регионах, эти организации учитывают их национальную или региональную специфику. Так, в странах Западной Европы межкультурное сотрудничество направлено на укрепление европейской интеграции, становление европейской идентичности и продвижение общеевропейских культурных ценностей в мире, в странах Восточной Европы их деятельность связана с поддержкой соотечественников, сохранением общей исторической памяти, изучением немецкого языка. В государствах Центральной Азии главным образом проводится работа в области науки и образования, на Ближнем Востоке и в мусульманских странах усилия направлены на диалог цивилизаций, диалог ценностей, диалог религий. Немецкие фонды, культурные институты, общественные и государственные организации достаточно активно работают в мире, а с начала 1990-х гг. — в России. В 1990-е гг. в работе этих организаций в России был отчетливо заметен политический акцент: они предлагали программы поддержки в решении вопросов переходного периода и построения демократического общества.

Несмотря на определенную пестроту и «размытость» целей и задач немецких фондов и организаций, их можно классифицировать следующим образом. По официальному статусу они могут быть государственными и негосударственными, по целям и задачам — политическими, экономическими, социокультурными, научными и образовательными. Хотя, безусловно, есть организации, обладающие смешанным статусом и объединяющие в своей работе самые разные направления международной деятельности [13, р. 27].

В целом внешнюю культурную политику Германии сегодня можно охарактеризовать как вполне продуманную, эффективную, адаптированную к реалиям современных международных отношений. Германия на протяжении всего XX в. активно и вполне успешно использовала культуру в качестве действенного инструмента внешней политики и с успехом продолжает эту деятельность в начале XXI в. Ее опыт отражает как общие тенденции развития, так и специфические черты, вытекающие из федерального устройства государства, особенностей политической системы, ошибок прошлого. В ней успешно сочетаются как государственные, так и общественные инициативы.

циативы, программы и проекты, рассчитанные на самую широкую аудиторию. Внешняя культурная политика демонстрирует образ современной Германии, страны, которая поддерживает многообразие «языка» культуры и форм самовыражения, которая хотела бы представить миру не монолитный образ, а многочисленные культурные традиции своих земель.

В то же время внешняя культурная политика должна учитывать и те реалии, с которыми столкнулась ФРГ в 2015–2016 гг., а именно с серьезной проблемой социокультурной адаптации мигрантов к культурной среде Германии. Дискуссии о том, может ли существовать мультикультурное общество в ФРГ, ведутся в немецком политическом и академическом сообществах уже не первый год. Проблема мультикультуризма была выделена канцлером А. Меркель еще в октябре 2010 г. в Потсдаме, на встрече с молодыми членами Христианско-демократического союза, и остается актуальной по сей день. Тогда А. Меркель объявила, по сути, о крахе политики мультикультурализма, заявив, что «концепция, по которой мы в настоящее время живем, ... не работает», подчеркнув при этом, что иммигранты должны принимать культуру страны, в которой живут, и ее ценности. Такое выступление канцлера способствовало росту споров в вопросе иммиграции, что, в свою очередь, отразилось на Германии, и вопросу по мусульманским иммигрантам¹⁰.

Большой общественный резонанс имели и сделанные тогда же выступления и публикации Т. Саррацина, члена совета директоров Немецкого федерального банка, члена Социал-демократической партии. По его мнению, значительная часть иммигрантов из арабских стран и Турции не то что не готова, а даже не хочет интегрироваться в немецкое сообщество. Т. Саррацин убежден, что интеграция должна быть задачей того, кто интегрируется: «Я не обязан терпеть того, кто ничего для этого не делает. Я вообще не обязан кого-то терпеть, кто живет на средства государства, отрицает это государство, не заботится об образовании своих детей и постоянно производит на свет маленьких “девочек-в-платках”»¹¹.

---

¹⁰ Evans S. Germany's charged immigration debate // BBC News. Berlin. 2010. October 17. <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-11532699>.

¹¹ Sarrazin muss sich entschuldigen // Zeit online. 2009. Oktober 1. // <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2009-10/sarrazin-aeusserung-integration/komplettansicht>; Thilo Sarrazins: Der neue Tugendterror: Sarrazin: Kulturrassist hat nix dazu gelernt

Проблема вновь обострилась в конце 2015 — начале 2016 г. в связи с наплывом беженцев из Сирии и некоторых других стран и теми общественными настроениями, которые появились в Германии после нередких случаев беспорядков и насилия, проявляемых мигрантами по отношению к коренным немцам. Общественные опасения немцев по отношению к мигрантам подтверждаются и результатами социологического исследования, проведенного по заказу германского правительства. Оно показало, что каждый четвертый турок в Германии не знает немецкого языка, а каждый второй практически не общается с немцами. Среди турок только 41 % имеет среднее образование. Свое собственное исследование провел Институт криминологии Нижней Саксонии, в результате которого выяснилось, что верующая мусульманская молодежь в Германии отличается наибольшей склонностью к преступлениям и насилию. В группе «верующих» мусульман 23,5 % прибегали хотя бы раз к насилию против сверстников или же совершали кражи¹².

Очевидно, что такого рода важные социокультурные вопросы должны найти свое достойное отражение в новой внешней культурной политике Германии. Однако пока, к сожалению, в ней лишь декларируются принципы мультикультурализма, но не содержится никаких четких рекомендаций по формированию мультикультурного общества или вопросам культурной адаптации мигрантов. На наш взгляд, это наиболее острая проблема внешней культурной политики ФРГ, которую, очевидно, необходимо решать в ближайшее время, чтобы страна не задохнулась в межнациональных конфликтах и беспорядках, происходящих на этнической и религиозной почве.

Литература

1. Козлов Л. Е. Применение культурных инструментов в современной внешнеполитической практике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12. С. 7–16.

// Beta-Islam — IQ. 2014. February 24. <http://www.islamiq.de/2014/02/24/thilosarrazin-kulturrassist-hat-nix-dazu-gelernt>.

¹² Германия променяла мультикультурализм на третий рейх // Information War. Сайт. 10.05.2012. ttolk.ru/?p=475.

2. *Егоров А. И.* Культурные аспекты внешней культурной политики государства в постбиполярную эпоху: германский опыт // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 83–86.
3. *Зимин А. Г.* Культурная дипломатия Германии // Государственный советник. 2014. № 1 (5). С. 137–142.
4. *Карнаухова Е. Е.* МИД — ведущий актор во внешней культурной политике Германии // Гуманитарный вестник. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 3. С. 135–139.
5. *Карнаухова Е. Е.* Изменение стратегии внешней культурной и языковой политики Германии на современном этапе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 374–379.
6. *Логинова Н. А., Нелаева Г. А.* Международная деятельность ФРГ в области развития культурного сотрудничества на примере работы организаций-посредников и политических фондов в 1990–2000 годы // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 1. <http://human.snauka.ru/2011/09/50>.
7. *Логинова Н. А., Нелаева Г. А.* Деятельность института им. Гёте в области развития международных культурных связей // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 6. <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/4002>.
8. *Макарычев А. С., Сергунин А. А.* «Мягкая сила» в действии: Германия и Калининград // Россия в современном мире. 2013. № 1. С. 73–89.
9. *Никитин А. К.* НПО и внешняя политика Германии // Обозреватель / Observer. 2007. № 1. С. 105–113.
10. *Огнева А. В.* Политические фонды ФРГ и их вклад в развитие международного диалога // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 113–118.
11. *Погорельская С. В.* Неправительственные организации и фонды во внешней политике Федеративной Республики Германии. М.: Наука, 2007. 207 с.
12. *Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.* Внешняя культурная политика России и зарубежных государств. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
13. *Auer C., Srugies A.* Public Diplomacy in Germany. USC Center on Public Diplomacy (Berlin). Los Angeles: Figueroa Press, 2013.
14. Goethe-Institut. Jahrbuch 2014/2015. <https://www.goethe.de/de/uun/pub/20378153.html>.
15. DAAD Jahresbericht 2014. <https://www.daad.de/medien-und-publicationen/de/29887-jahresbericht>.

Контактная информация:

Боголюбова Наталья Михайловна — канд. ист. наук, доц.;
n.m.bogolubova@spbu

Николаева Юлия Вадимовна — канд. ист. наук, доц.; y.v.nikolaeva@spbu.ru

Foreign cultural policy of Germany as a factor of “soft power”. Thematic and institutional aspect

Natalia M. Bogoliubova, Julia V. Nikolaeva

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article focuses on foreign cultural policy in Germany in terms of the theory of “soft power”. The main attention is paid to the content of the documents of foreign cultural policy of Germany, which developed its basic directions and forms. The authors analyzed the actors of foreign cultural policy in Germany. The role of the actors of “social level” and identified the main problems of modern German foreign cultural policy.

Keywords: Germany, foreign cultural policy, “soft power”, the international cultural cooperation, the Goethe Institute, public organizations and foundations.

References

1. Kozlov L. E. Use of cultural tools in modern foreign policy practice. *Vestnik of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 12, pp. 7–16. (In Russian)
2. Egorov A. I. Cultural aspects of foreign cultural policy of the state during a post-bipolar era: German experience. *Vestnik of Tomsk State University*, 2013, no. 370, pp. 83–86. (In Russian)
3. Zimin A. G. Cultural diplomacy of Germany. *Gosudarstvennyi sovetnik*, 2014, no. 1 (5), pp. 137–142. (In Russian)
4. Karnaukhova E. E. MID — The MFA — the leading actor in foreign cultural policy of Germany. *Humanitarian vestnik. Pedagogics, psychology*, 2011, no. 3, pp. 135–139. (In Russian)
5. Karnaukhova E. E. Change of strategy of foreign cultural and language policy of Germany at the present stage. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 1 (2), pp. 374–379. (In Russian)
6. Loginova N. A., Nelaeva G. A. The international activity of Germany in the field of development of cultural cooperation on the example of work of the intermediary organizations and political funds in 1990–2000. *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniia*, 2011, no. 1. <http://human.snauka.ru/2011/09/50>. (In Russian)
7. Loginova N. A., Nelaeva G. A. Activity of institute of Goethe in the field of development of the international cultural ties. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniia i innovatsii*, 2011, no. 6. <http://web.snauka.ru/issues/2011/10/4002>. (In Russian)
8. Makarychev A. S., Sergunin A. A. “Soft Power” in Action: Germany and Kaliningrad // *Rossii v sovremennom mire*, 2013, no. 1, pp. 73–89. (In Russian)
9. Nikitin A. K. NGO and foreign policy of Germany. *Obozrevatel' / Observer*, 2007, no. 1, pp. 105–113. (In Russian)

10. Ogneva A. V. German Political Foundations and Their Contribution to the International Dialog. *Vestnik of Tomsk State University*, 2011, no. 4 (16), pp. 113–118. (In Russian)
11. Pogorel'skaia S. V. *Nongovernmental organizations and political foundations in German foreign policy*. Moscow, Nauka Publ., 2007, 207 p. (In Russian)
12. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. *Foreign cultural policy of Russia and foreign states*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2008. (In Russian)
13. Auer C., Srugies A. *Public Diplomacy in Germany*. USC Center on Public Diplomacy (Berlin). Los Angeles, Figueroa Press, 2013, 57 p.
14. Goethe-Institut. Jahrbuch 2014/2015. <https://www.goethe.de/de/uun/pub/20378153.html>.
15. DAAD Jahresbericht 2014. <https://www.daad.de/medien-und-publicationen/de/29887-jahresbericht>.

Author's information:

Natalia M. Bogolyubova — PhD Sci. in History, Assistant Professor;
n.m.bogolubova@spbu

Julia V. Nikolaeva — PhD Sci. in History, Assistant Professor; *y.v.nikolaeva@spbu.ru*

УДК 94 (470)+327.3

Building collective memory of Turkey: the place of the Armenian genocide

Angelina Guzel

*University of Tartu, Estonia,
Ülikooli 18, Tartu 50090, Estonia*

The official narrative about the Armenian genocide in Turkey has been changing since the events of 1915 and in some cases, was used as a political weapon to unify the nation against the threat. The country's government officially denies and penalizes all attempts to call the events of 1915 genocide, as well as Armenians belonging to their territory. At the same time there are many scholars, activists and even citizens, who disagree with this politics. Local municipalities were initiators of showing respect and reconciliation with the Armenians. Thus, one could definitely say that the anti-Armenian discourse is a top-down policy, stated by the government.

Keywords: *collective memory, Armenian genocide, political discourse, media, history textbook, law.*

The connection with the past and the interpretation of the latter play an important role in the political discourse of any state. It may even define a geopolitical situation in a particular region. The policy about history is primarily used to legitimize the actions of the existing power, while the politics of memory — to form a collective identity, which is designed to support the regime. In some cases, history becomes a tool in the hand of politicians. Thus, selected periods of history are used in construction, maintenance and reproduction of national or ethnic identity. The denial of Armenian genocide in Turkey is a widely discussed issue. The relationships between two neighboring countries became very bad and remain this way for decades. It may seem that one “simple” apology could be enough for opening borders and market for mutual business and, thus, facilitate economic growth of both countries. However, for Turkey it is not a simple step. The fact of genocide is something which the Turkish side insistently denies, and moreover, put against the law. As this process continues for a century, there are many generations which were told and taught by the government and other institutions that what happened with Armenian people in their country was not a crime. However, there are many proofs that genocide was committed between 1915 and 1917, which

was an act of killing and deporting the majority of the Armenians living in the Ottoman Empire. Turkish narrative differs from this significantly. The aim of this work is to analyze how the official Turkish narrative about the Armenian genocide has been transforming since the formation of the republic and which factors influenced its diversification. Also, in this work, I will look at how an official narrative about historic past is affected by regime change. The strong correlation between those two factors allow saying that the more one regime changes, the more the official narrative about historic past is transformed by the government. The work is consisted of two main parts. The first part is devoted to the history of denial. It considers four periods and some factors which were influencing the narrative, as well as presents different supporting claims. In the second part I will look at different ways of collective memory transmission in modern Turkey, including media, memorials, history textbooks and law.

PART I. Evolution of the official narrative

Such notions as historical past or official narrative might seem very broad. In order to make it clear, first, it is necessary to define the context. In this work, the main concept is Politics of memory. Although this particular wording is not in the names of variables, the latter is seen in the light of this concept. There are many works by different scholars, which clarify what is the Politics of Memory and how it is connected with history and politics in general. Kubik argues that it has to “Focus on strategies political actors employ to make others remember in certain, specific ways and the effects of such mnemonic manipulations” [1]. The statement that history can be used in the present is very ambiguous. What is meant by this is that institutions, which belong to the government, can rewrite history. Thus, technically it is under control of those ones in power. In this work I will refer to one particular period in history, which was interpreted differently afterwards. More than one hundred years have passed since the genocide was committed; however, this topic is still widely discussed at the international level. The memory of the “events of 1915”¹ changed significantly during the last century. Many scholars, such as Dixon, Akçam and Karlsson, identify four periods, when the narrative about the genocide, and even about Armenians as a nation, was changing. In the following part I

---

¹ The quote from Erdogan’s speech, cited in Dixon 2010. P.477.

will look at how the narrative evolved in each of these stages and which factors influenced its formation.

The first period (1915–1980). The historical memories are shaped by elites according to their own interests through different channels, such as education, media, museums and other commemorative events. The recognition or legitimization of the past misdeeds is a collective act, which also has to be reasonable and have a meaning for the politics of the particular country [2, p. 17]. The denial of the Armenian genocide has a long history in Turkey. There are few principles, which the official denial strategy is based on:

- it prevents the evolution of this issue;
- it avoids any possible reparation and indemnity [3, p.799].

However, at the very beginning there were other reasons, mostly, because those events happened during the decline of the Ottoman Empire and emerging the Republic of Turkey. The new government used it and made its own interpretation. It is important to mention that a first narrative of the events of 1915 emerged in the speeches and memories by Mustafa Kemal Atatürk, who was the “father of the Turkish nation”. Today many scholars agree that the modern Turkish history was written by politicians “with a strong nationalistic agenda” [3, p.806]. The new policy of “Turkey for Turks” and such slogans as “How happy is the one who says I am a Turk” show that the priority of the new government was to homogenize Turkey. This aim was achieved through the “acts of massacres, confiscations, and deportations” [3, p.810]. In 1908 the Party of Union and Progress, ruled by the Young Turks, came to power. Their priority was to “remake the remains of the crumbling Empire into a centralized, modern and national state, which could stand as an equal among the European powers”, which led to the policy of Armenians’ extermination [4; 5, p.8]. “Atatürk’s position on the Armenian question is clearly manifested in the way he gave away the [Armenian] property. He put the families of the persons murdered by Armenians on very high salaries and he personally signed the instructions for the transfer of seized Armenian property to these persons” [3, p.816]. Thus, the narrative of Armenians constituting a threat to National security that needed to be eliminated was made and prevailed until the eighties, when this issue appeared on the agenda again. During this period the third parties did not interfere into the Turkish politics, as well as Armenian Diaspora in other countries did not have any influence to raise a concern about the genocide on the global stage.

The second period (1980–1991). “Each nation’s history highlights events that preserve a positive image of the nation while downplaying or “silencing” negative episodes in the nation’s history” [2, p.18]. The Armenian issue was “forgotten” for few decades. Turkey put a lot of effort to erase those events not only from their domestic memory, but also at the international level. After the military coup in 1980, which led to the change of the government, the official narrative about the genocide transformed significantly. Turkish military and bureaucratic elites created a strategy to bolster a new narrative about Armenian question. It was a very defensive and proactive strategy, as the new generations of Armenians desired to bring this issue to the public. This active policy expanded the narrative, making it more anti-Armenian. It was drawn upon different claims as follows:

- The “theory” about the genocide is based on Armenian agency and conspiracy; it was a part of anti-Turkish propaganda;
- The atrocities of 2015 were an inevitable result of the WWI, when thousands Turkish and Armenian people lost their lives;
- The deportation of civilians was organized in order to rescue the Armenian population from the war and destruction;
- Armenians were considered as a very small minority in the Ottoman Empire, which was treated very well;
- Armenians also committed massacres of the Turkish population and the real victim was the Turkish nation [6; 2, p. 471; 7, p. 471]. Also, Turkey was trying to gain international support and promote their own narrative, by publishing dozens of papers and academic works with anti-Armenian sentiment [7, p. 471–472].

The third period (1991–2001). During this period the narrative itself did not change significantly, however, it was a time of transition to what one may call the modern period. The reason of that was the increasing attention from the West and newly independent Armenia during the 1990. The emergence of a new actor resulted in shifting the constellations in the mnemonic battles. This side was trying to bring to issue to the agenda on a global stage. Recollection of the Genocide started in the Soviet Union. During the era of perestroika and glasnost, the collective memory of those events was “mobilized and politicized” [5, p.33]. Another issue was the parallel which was drawn between the Nagorno — Karabakh conflict and the genocide. In both cases Armenians were seen as victims and “Turks” were perpetrators. “In the memory of many Armenians, 24 April 1915 re-

appeared on 27 February 1988” [5, p. 34]. The closing of the border with Armenian in 1993 in response to this conflict strained the relations between these two countries. Another reason of pressure for further changes was the European Union, after Turkey was accepted as a candidate for EU membership. There was a need for reforms in such areas as “human and civil rights, and the role of the Turkish military in civilian politics” [6, p. 474]. Initially, some member countries of the EU were insisting on the recognition of the genocide as a precondition of membership [6, p. 474]. It was the first time when the issue of the recognition became very important, and, what is more, publicly discussed in Turkey. Another influential actor was the Armenian Diaspora. It was playing a significant role in shaping “Western” perceptions of the events of 1915.

The fourth period (2001/2002 —...). The last period starts in 2001–2002 for the following reasons: the recognition of the genocide by many European countries in these two years “provoked” Turkey to establish the Committee to Coordinate the Struggle with the Baseless Genocide Claims (ASIMKK), with its purpose ‘to dismiss — without causing negative effects on [the] country — efforts concerning the unjust and baseless genocide claims to which Turkey was exposed, and to eliminate their negative effects on [Turkey’s] national interest’ [7, p. 477]; another reason is that in 2002 the AKP party came to power. Although they showed a desire to reconsider the issue², the fact of genocide has never been accepted. The current situation in Turkey is very accurately described by Tatz: “A modern state, totally dedicated, at home and abroad, to extraordinary actions to have every hint or mention of an Armenian genocide removed, contradicted, explained, countered, justified, mitigated, rationalized, trivialized and relativised” [8].

Thus, in each of these four stages the narrative was transforming. However, the basics of the official version remained the same: the fact of the genocide has never been admitted. One noticeably important aspect of this work is the notion of regime change. The first period 1980–1990, started with a coup, which lead to a military rule with a transition to democracy afterwards. The level of democracy is an indicator, which shows the significance of regime change. According to the Polity IV dataset, the index fell dramatically in 1980 in a result of military invasion and remained at the very low level during the next five years. Then, there was a process of “recovery” and in 1990 it reached the peak, which allows us

---

² Ibid. P. 477.

to consider Turkey a fully democratic country. The second period 2002–2016, starts with the AKP party coming to power. At the beginning of this party's rule the country was considered democratic, however, the gradual shift to a non-democratic rule was seen in the past years. According to Polity IV, in 2000 the index demonstrated the downward trend and after 2002 remained unchanged. As this period illustrates the modern time events, there are more data to prove that the shift was made. For instance, Freedom House shows information about freedom in Turkey started from 2001. The level of democracy indicator also justifies the division for these two periods. Thus, there is an obvious link between the regime change and the formation of a historical narrative.

PART II. The ways of collective memory transmission in modern Turkey

Collective memory does not appear by itself. It is a “final product” of different political and social actors' decisions. According to Burke, there are various ways of memory transmission: oral traditions, historian and other written records, images, rituals of commemoration etc [9, p.100–101]. Since the 1980th, the Turkish government was trying to promote its own narrative not only on the global stage, but also inside the country. Needless to say, that gaining support from the Turkish citizens was the priority in this “memory battle”. Thus, through many different ways, discussed in this part, the state was “pushing away” any possible reminders of genocide. However, even after decades of denying the genocide, there is a resistance against the official narrative. Some of the scholars, writers and other public activists were insisting on the fact of the genocide perpetrated by the Turks. In this part I will look four different components as follows: memorials, which are connected to the Armenian genocide; how this issue is addressed in different media sources and school history textbooks; and the law, as a tool of suppression the “opposition” of the official narrative.

Memorials. As it was mentioned in the first part, there are different narratives, which explain and even justify the killings of Armenians. One of those is the statement that it was a reaction on the mass murders of the Turks committed by the Armenians. In order to commemorate those fallen, in 1997 the government ordered to construct the Iğdir Genocide Memorial and Museum in a special location, which is very close to the

Armenian border³. This shows a strong intent not only to deny the genocide by Turks, but also to create a new narrative of the genocide, perpetrated by Armenians. The story of Statue of Humanity (İnsanlık Anıtı) reveals the real Turkish position about the Armenian Genocide. Built in 2005 in one of the Eastern regions, this monument had the aim to reconcile the relations between Armenia and Turkey. The Kars province had a big Armenian community, which was exterminated after the genocide in 1915⁴. The municipality voted for constructing the State of Humanity to show respect and intent for friendship. However, in 2011 it was demolished after the Prime Minister (and a current president) Recep T. Erdogan insisted on removing the statue, calling it a “freak”. In spite of protests and demonstrations, the government of Kars agreed. This monument does not exist in any ways today⁵. Another example of anti-Armenian intents and interfering of the government was the welcome sign in the Iğdir province. The mayor of the region was an initiator of writing this sign in four languages: Turkish, Kurdish, English and Armenian⁶. The latter was a mark of respect to Armenian people, who used to live on those territories for hundred years. However, one year later the Armenian part was demolished⁷. Despite the official denial of genocide, there are scholars and activists in Turkey who are trying to reveal the truth. “Memorialize Turkey” is the project which aim is to “highlight positive examples of memorialization among the many groups and individuals that have suffered hard of grievance over the past one hundred years in the late Ottoman Empire and the Republic of Turkey”⁸. This organization deals with memory of many historical injustices, including the Armenian Genocide. “Armenians in Turkey 100 years ago” is a big project, which brought an exhibition of more than four thousands postcards and photos of Armenians, who lived in the Ottoman Empire, thus, “reminding Turks of the presence of Ar-

---

³ The official website of Tourism and Culture of Iğdir Region. www.igdirkulturturizm.gov.tr.

⁴ Karahan Ozlem (2011). İnsanlık Anıtı Yıkalamaz (2011). <http://www.radikal.com.tr/kultur/insanlik-aniti-yikilamaz-cunku-1040964>.

⁵ Turkey-Armenia friendship symbol being demolished. BBC World News (2011). <http://www.bbc.com/news/world-europe-13199787>.

⁶ Kurdish Mayor of Iğdir Installs ‘Welcome’ Sign in Armenian. *Asbarez Newspaper* (2015). <http://asbarez.com/140032/kurdish-mayor-of-igdir-town-installs-welcome-sign-in-armenian>.

⁷ Armenian Signboards Removed in Iğdir. *Asbarez Newspaper* (2015). <http://asbarez.com/151966/armenian-signboards-removed-in-igdir>.

⁸ Memorialize Turkey Project. <http://www.memorializeturkey.com/en>.

menians in Turkey”⁹. Another important project was the restoration of Armenian Fountain in the village of Habab.

Media. In the era of globalization the role of media and internet should not be underestimated. The foundation of Hrant Dink sponsors the investigation on hate speech in Turkish media. This project is also supported by different international organizations and institutions, such as Global Dialog, Friedrich Naumann foundation and MyMedia. The reports are made after a deep media monitoring, including newspaper, social media and public speeches. According to a report of 2014, the most targeted for hate speech minority group was the Armenians¹⁰. Mostly, the news heading and the content are accused of exaggeration and twisting the facts, however, such categories as “War provoking saying”, Insults and Humiliation also take place. All in all, the anti-Armenian rhetoric in more or less insulted way was identified in every second case¹¹. One of the vivid examples is the online project called “Armenian Atrocities” (Ermeni Zulmü)¹². “The real victim of the First World War and the genocide committed by the Armenians were the Turks. At the beginning of the campaign, the Armenian bands, which attacked the Turkish troops, brought great damage to the civilian people, putting Turkish villages under their control. The number of Turks murdered during the Armenian rebellion and massacres, varies from 523 to 955 thousands. As the places and exact time of these atrocities remain unclear, this figure might reach 1 million”¹³. At the same time, this way of sharing information and “history” cannot be fully controlled or censored. Despite the official narrative of denying the Armenian genocide, there are still some online projects and fact books, showing this issue in a contradictory manner (for example, the online platform “Armenian Issue” (Ermeni Sorunu))¹⁴.

History textbooks. History textbooks are a part of the forming the future generations process. They bring an “official” narrative, interpretations and even perspectives about the past events. The education in Turkey is centralized and controlled. All school programs have to be approved by

---

⁹ Ibid.

¹⁰ Turkish Media Hate speech report (2014). http://nefretsoylemi.org/rapor/HDV_ocak-nisan2014_rapor.pdf. P. 11.

¹¹ Ibid. P. 16.

¹² Ermeni Zulmü / Armenian Atrocities Project. <http://ermenizulmu.com>.

¹³ My translation.

¹⁴ Ermeni Sorunu / Armenian Issue Project. <http://www.ermenisorunu.gen.tr/en/?amlang=saved>.

the Ministry of National Education, thus making it closely connected to the government's policies [2, p. 19]. The textbooks can be found on the official website of the ministry, which provides an open access for all materials¹⁵. The "Armenian issue" is touched upon in textbooks for high school students in the whole the WWI discourse. They characterize Armenians as "people who are incited by foreigners, whose aim to break apart the state and the country, and who murdered Turks and Muslims" [2, p. 19]. They are seen as a threat to National security, and, thus, considered enemies. Dixon argues that in the Turkish history textbooks the narrative about the genocide changed four times. Thus, the history was rewritten according to the policies of that particular period [7].

Denial Law. The official policy of the government against recognition of the genocide is expressed in the final legal mechanism — the law. Any person, who publicly mentions the word "genocide" in the Armenian discourse, is accused of "Degrading Turkish Nation, State of Turkish Republic, the Organs and Institutions of the State"¹⁶.

Article 301:

A person who publicly degrades Turkish Nation, State of the Turkish Republic, Turkish Grand National Assembly, the Government of the Republic of Turkey and the judicial bodies of the State shall be sentenced a penalty of imprisonment for a term of six months to two years.

- A person who publicly degrades the military or security organizations shall be sentenced according to the provision set out in paragraph one.

This article brought charges against many writers and journalists. One of the most popular and successful Turkish novelists Orhan Pamuk was among those found guilty for "public denigration of Turkishness" [4, p.649]. Another big case was against a Turkish-Armenian journalist Hrant Dink, who was assassinated after being charged¹⁷. In October 2006 a complaint was filed against Taner Akçam — a Turkish scholar who dedicated his professional life to revealing the truth about the Armenian genocide and whose book was used in this work. The reason of it was

---

¹⁵ Ministry of Education of Turkey Official Website (2017). <http://www.meb.gov.tr/index.php>.

¹⁶ Penal Code of Turkey. Materials from the European Commission for democracy through law. Strasbourg, February 15, 2016.

¹⁷ Hrant Dink Foundation Official Website (2017). [http://hrantdink.org/tr/](http://hrantdink.org/tr.http://hrantdink.org/tr/)

his phrase in one of the articles: “I believe that what happened between 1915 and 1917 was genocide”. However, the court dismissed the charge one year later [1, p. 138].

Conclusion

The official narrative about the Armenian genocide in Turkey has been changing since the events of 1915 and in some cases, was used as a political weapon to unify the nation against the threat. The examples of the Statue of Humanity and Welcome sign in Iğdir present a very unique Turkish phenomenon. The country’s government officially denies and penalizes all attempts to call the events of 1915 genocide, as well as Armenian belonging to their territory. At the same time there are many scholars, activists and even citizens, who disagree with this politics. In both cases local municipalities were initiators of showing respect and reconciliation with the Armenians. However, it was not welcomed by Ankara. Thus, one could definitely say that the anti-Armenian discourse is a top-down policy, stated by the government. The analysis of four stages of the changing of the narrative showed that there were two milestones, when the whole discourse transformed completely: after the military coup in 1980 and after the AKP party came to power. This result justifies the hypothesis that the regime change affects the way of using the historic past. The necessity of remembering such events, which happened more than one hundred years ago, may seem unreasonable for many, and especially for Turkey at the first place. Despite many different narratives and perspectives they expressed, the main point is that the new country is not responsible for the actions of its predecessor. However, this statement is very arguable for the reason that the modern Republic of Turkey was the heartland of the Ottoman Empire, ruled from Constantinople. Another argument is that at that time there was not a law, which would forbid any crimes against humanity, or even the term of genocide did not exist. Despite these disagreements, the most important thing is that a country has to take the responsibility of the past in order to prevent the same actions in the future. The society has to be built on justice. The country, which is trying to be accessed in the European Union, must be democratic. Violence of the past, which has never been punished, may provoke violence in the future. In the modern Turkish history there are conflicts, which are not likely to be solved in a peaceful way. The recognition of the genocide would be a step towards democratization.

References

1. Kubik J., Bernhard M. *A Theory of the Politics of Memory*. Oxford Scholarship Online Lewy G. Outlawing genocide denial: the dilemmas of official historical truth. Oxford, Oxford Scholarship Online, 2014. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199375134.003.0013.
2. Bilali R. National Narrative and Social Psychological Influences in Turks' Denial of the Mass Killings of Armenians as Genocide. *Journal of Social Issues*, 2013, March, no. 69(1), pp. 16–33. DOI: 10.1111/josi.12001.
3. Avedian V. State Identity, Continuity, and Responsibility: The Ottoman Empire, the Republic of Turkey and the Armenian Genocide. *The European Journal of International Law (EJIL)*, 2012, vol. 23, no. 3, pp. 797–820. DOI:10.1093/ejil/chs056.
4. Rae H. *State Identities and the Homogenization of Peoples*. Cambridge University Press, 2002, 338 p. DOI.org/10.1017/CBO9780511491627.
5. Smiddy L. An essay on professor Fronza's paper: Should Holocaust Denial Be Criminalized. *Vermont Law Review*, 2006, Spring, vol. 30, pp. 645–653.
6. Karlsson K. G. Memory of Mass Murder. The Genocide in Armenian and Non-Armenian Historical Consciousness. *Collective Traumas. Memories of War and Conflict in 20th Century Europe*. Brussels, P.I.E. (Presses Interuniversitaires Europeennes), Peter Lang S. A., 2007, pp. 13–45.
7. Dixon J. M. Education and National Narratives: Changing Representations of the Armenian Genocide in History Textbooks in Turkey". *The International Journal for Education Law and Policy*. Special Issue on "Legitimation and Stability of Political Systems: The Contribution of National Narratives", 2010, pp. 103–126.
8. Tatz C. *With Intent to Destroy: Reflecting on Genocide*. London, Verso, 2003, 235 p.
9. Burke P. History as Social Memory. *Memory: History, Culture and the Mind*. Ed. by T. Butler. Oxford, Basil Blackwel, 1989, pp. 97–115.

Контактная информация:

Гузель Ангелина — магистрант; guzel_nataly@mail.ru

Формирование коллективной памяти Турции: фактор геноцида армян

Angelina Guzel

*University of Tartu, Estonia,
Ülikooli 18, Tartu 50090, Estonia*

Официальный нарратив о геноциде армян в Турции менялся со времен событий 1915 г. и в некоторых случаях использовался как политическое оружие для объединения нации против угрозы. Правительство страны официально отрицает геноцид и наказывает все попытки назвать со-

бытия 1915 г. геноцидом, а также принадлежность армян к их территории. В то же время есть много ученых, активистов и даже граждан, которые не согласны с этой политикой. Местные муниципалитеты выступали инициаторами проявления уважения и примирения с армянами. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что антиармянский дискурс — это политика сверху вниз, заявленная правительством.

Ключевые слова: коллективная память, геноцид армян, политический дискурс, СМИ, учебник истории, право.

Author's information:

Angelina Guzel — Graduate Student; guzel_nataly@mail.ru

ПУТИ К МИРУ, БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

УДК 332.05+327

Конференция по устойчивому развитию 2015 г.: новые цели и задачи

М. А. Ермолина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

В статье проведен краткий анализ итогов конференции «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года», позволяющий понять приложимость предложенных на ней индикаторов к конкретным национальным системам.

Ключевые слова: конференция по устойчивому развитию 2015 г., «Повестка дня на XXI век», «Повестка дня до 2030 года», экономическое, социальное и экологическое развитие.

За последние годы человечество во многом сформировало основы идеологии развития мира на ближайшие десятилетия. Главной концепцией будущего является устойчивое развитие. Она основывается на экологических, экономических и социальных аспектах в их взаимосвязи, предполагает гармоничное взаимодействие трех составляющих, а также обеспечивает удовлетворение нужд настоящего поколения, при этом не подвергая риску способность будущих поколений удовлетворять свои потребности¹. После проведения конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) данная идеология легла в основу национальных стратегий и программ развития. Принципы устойчивого развития были инкорпорированы в законодательство большинством стран-участниц конференции.

---

¹ Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). Пер. с англ. / под ред. и с послесл. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. <http://xn--80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>.

Цели и задачи, прописанные в главном документе Конференции 1992 г. — «Повестке дня на XXI в.» — были рассчитаны на период 2000–2015 гг. Однако в условиях политической неустойчивости и экономической нестабильности обеспечение устойчивого развития — уже не просто предмет выбора возможной из существующих моделей дальнейшего цивилизационного развития, как это предполагалось в 1990-е годы, а единственная возможность долгосрочного выживания человечества [1]. Это было подтверждено на Саммите в сентябре 2015 г. в Нью-Йорке.

Саммит по устойчивому развитию 2015 г. стал следующим этапом в обсуждении концепции устойчивого развития и решении проблем социального неравенства, преодоления бедности, а также изменения климата. В нем приняли участие 193 государства — члена ООН. Была принята Повестка дня в области развития на период после 2015 г. («Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года»), включающая 17 целей, 169 задач, 230 индикаторов. «Повестка 2030» имеет глобальный характер и предполагает встраивание в национальный контекст. Цели разработаны с горизонтом на 15 лет.

Цель нашего исследования — провести краткий анализ Повестки, чтобы понять, насколько приложимы данные индикаторы к конкретной национальной системе.

Анализ документа показывает, что цели и задачи охватывают все три компонента: экономический, социальный и экологический, носят общечеловеческий характер и предназначены для всех стран, хотя являются ключевой частью большой системы задач, прежде всего для развивающегося мира. К провозглашенным целям устойчивого развития относятся: повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах; ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства; обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию всех в любом возрасте; обеспечение всеохватывающего и справедливого качественного образования, поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех; обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек; обеспечение наличия и рациональное использование водных ресурсов и санитарии для всех и др. Большинство целей взаимосвязано, так что совокупное решение задач способствует достижению ряда целей. Например, цель сниже-

ния нищеты не может быть достигнута без решения проблем продовольственной безопасности, производственной занятости и достойной работы для всех и т. д.

По данным ООН, за прошедшие двадцать лет удалось решить ряд проблем, обозначенных в 1992 г.: уменьшить почти вдвое процент людей, проживающих за чертой бедности (менее чем 1,25 долл. США в день), сократить наполовину детскую и материнскую смертность, значительно продвинуться в деле борьбы с такими болезнями, как ВИЧ и малярия, а также более чем в два раза увеличить объем помощи, предоставляемой развитыми странами в целях развития.

Между тем большинство проблем отнюдь не являются проблемами только развивающихся стран. Как следует из прогноза экспертов ООН, к 2025 г. около двух третей человечества планеты столкнется с проблемой нехватки воды [2, р.395]. По данным экспертов Всемирного банка, в ближайшие 20 лет спрос на водные ресурсы будет существенно расти, что обусловлено развитием сельского хозяйства и энергетики, урбанизацией и ростом численности населения, а это предполагает активное участие в осуществлении заявленных целей «как развивающихся, так и развитых стран». Цели устойчивого развития, принятые на Саммите ООН, поднимают вопрос переосмысления проблемы управления водными ресурсами.

Как следует из текста документа, примерно за пятнадцать лет международное сообщество намерено добиться «всеобщего равенства и справедливости в мире», в котором, как показывают многочисленные исследования, уровень расслоения между странами, как и внутри стран, продолжает расти. Успешным считается только полное искоренение проблемы как таковой, а не хотя бы какой-то прогресс. Поэтому если раньше вся роль развитых стран сводилась к финансовой помощи развивающимся странам, то теперь подчеркивается особая значимость институциональных изменений в них.

Очевидно, что эти планы требуют огромного выделения средств, но их реализация возможна только при благоприятной социально-экономической ситуации в каждой отдельной стране и во всем мире. Необходим стабильный рост экономики мира не менее чем 4% в год². Финансовый механизм обеспечения ЦУР зависит прежде

---

² Global Economic Prospects. The Global Economy of Transition. World Bank Group. 2015, June. https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GE-P2015a/pdfs/GEP15a_web_full.pdf.

всего от бюджета страны, но также от помощи развитых стран развивающимся странам. Инвестиционные потребности ЦУР в развивающихся странах оцениваются в диапазоне от 3,3 до 4,5 трлн долл. в год [3, с. 22]. Прямые иностранные инвестиции являются основным источником международных потоков капитала в странах с переходной экономикой и развивающихся странах. К примеру, Франция выделит дополнительно 4 млрд евро для поддержки развития бедных стран с 2020 г. Зеленый климатический фонд получит около 3 млрд от США. Кроме того, для достижения целей устойчивого развития передача знаний, технологий и обмен опытом должны происходить на безвозмездной основе или же быть хотя бы доступными для стран с неблагоприятной социально-экономической ситуацией.

Мировые лидеры признали, что достичь таких масштабных целей невозможно без активизации и укрепления глобального партнерства, а также без разработки комплекса средств взаимодействия. Интенсивное глобальное взаимодействие должно объединять правительства, частный сектор, гражданское общество, ООН, другие международные организации и все имеющиеся ресурсы. Мировые лидеры должны также понимать, что такое партнерство невозможно без ограничений для богатых развитых стран в пользу развивающихся. В программе не указано, каким образом добиваться соответствующего «взаимодействия».

Очевидно, что для эффективного осуществления поставленных задач на международном уровне потребуются продуманные рамки обязательств и достоверная статистика, основывающиеся на стратегиях развития, реализуемых в интересах бедных слоев населения, с учетом гендерных аспектов и т. п. В частности, речь идет о *создании согласованных и взаимодополняющих* торговой, денежно-кредитной и финансовой мировых систем и системы развития на основе упрочения глобального экономического управления и расширения сотрудничества международных учреждений.

В документах подчеркнута необходимость задействовать потенциал международной торговли как движущей силы инклюзивного экономического роста, сокращения масштабов нищеты и устойчивого развития на основе универсальной, основанной на правилах, открытой, прозрачной, предсказуемой, инклюзивной, недискриминационной и справедливой многосторонней торговой системы. Это подразумевает ограничение чрезмерной нестабильности цен на сырьевые товары и обеспечение надлежащего функционирования

рынков продовольственных товаров и производных инструментов на их основе. Благоприятная международная среда необходима и в сфере технологий, включая структуры регулирования и управления, которые стимулируют научную и инновационную деятельность и способствуют разработке, распространению, освоению и передаче экологически безопасных технологий развивающимся странам на выгодных условиях.

Необходимость обеспечения долговременного и устойчивого развития, а также комплексный характер глобальных проблем, вытекающих из взаимосвязи окружающей среды и развития, ставят сложные задачи — как перед национальными, так и перед международными структурами. Одна из проблем заключается в том, что правительства многих стран в ответ на масштабы и скорость глобальных изменений не признают — в той мере, в какой требуется — потребность перестройки национальных стратегий. В частности, данный документ носит декларативный характер и, по сути, не накладывает *никаких юридических обязательств* на государства, что дает им возможность отступить от программы действий, в том числе под предлогом специфики «внутренних экономических, социальных и других условий». Кроме того, очевидно, что столь «всеобъемлющих целей и задач» попросту невозможно «достичь до 2030 г.», и, по-видимому, как всегда, в этом плане сложности будут у развивающихся стран.

Не учитывает данный документ и такой, казалось бы, очевидный факт, что главная и единственная суть мировой политики — борьба за ресурсы и контроль над ними; при этом политика каждой отдельно взятой страны всегда осуществляется в ее собственных интересах и никогда — в интересах других стран [4, с. 5]. Во всех принимаемых для реализации концепции устойчивого развития международных документах отмечается, что «ни одна сторона не сможет добиться устойчивого развития в одиночку» и что «единой модели устойчивого развития для всех стран не существует», поэтому все бремя «поиска механизмов реализации концепции устойчивого развития» в условиях быстро меняющегося мира и нестабильности во всех сферах жизни общества возлагается на национальные правительства [5, с. 66]. Хотя смысл и в то же время парадокс концепции устойчивого развития, поддерживаемой всем мировым сообществом признаваемой «единственно верным путем дальнейшего развития цивилизации», как раз и заключается в согласовании долгосрочных интере-

сов и развитых, и развивающихся стран, и отдельно взятой страны, и мирового сообщества в целом. В то же время данная концепция требует переосмысления с точки зрения достигнутых и продолжающихся темпов роста, дисбаланса и диспропорций в контексте новых вызовов и угроз современности: поиска компромиссов в решении конфликтных ситуаций между странами и регионами в целях достижения устойчивого развития во всем мире, в котором, очевидно, заинтересовано все мировое сообщество.

Выводы. На Конференции ООН (сентябрь 2015 г.) были приняты «Цели устойчивого развития на период 2016–2030 гг.» для человечества и всех стран. Устойчивое развитие и его цели предусматривают сбалансированную динамику социальной, экономической и экологической компонент. В принятой ООН Повестке рекомендуется всем государствам-членам подготовить национальные программы с целями, задачами и индикаторами, охватывающими все аспекты перехода к устойчивому развитию. Масштабы новой Повестки дня резко расширились: «Цели устойчивого развития» содержат более чем в два раза больше целей, чем на пороге тысячелетия (ЦРТ, Millennium Development Goals), почти в десять раз больше задач. В данном документе ООН удачно сочетаются как концептуальные приоритеты, так и конкретные цели, стоящие перед странами. Цели, сформулированные в Повестке дня, не только отражают идеологию устойчивого развития и сбалансированно сочетают социальные, экономические и экологические приоритеты, но и содержат конкретные инструменты достижения целей.

Следует отметить, Повестка дня 2015 г. в области устойчивого развития крайне оптимистична и отчасти амбициозна. Ее реализация призвана «положить конец бедности к 2030 г. и повсеместно способствовать обеспечению общего экономического процветания, социального развития и охране окружающей среды». Страны рассмотрели не только сами проблемы, но и их причины; государства признали, что проблемы и обязательства, о которых шла речь на предыдущих крупных конференциях и встречах на высшем уровне, взаимосвязаны и требуют комплексных решений; эффективное урегулирование обязательств требует нового глобального подхода.

Цели устойчивого развития ООН 2015 г. охватывают множество сторон жизни стран, и далеко не все из них применимы ко всем странам одинаково, например, к такой среднеразвитой стране, как Россия.

Литература

1. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России. М.: ИНФРА-М, 2005. 224 с.
2. Stetsko E. V. Sustainable Development as a Political Brand // *Urgent Problems in World Politics in the 21st Century*. Collected articles / eds V. S. Yagya, M. L. Lagutina. St. Petersburg SPb.: St. Petersburg State University Press, 2011. P. 392–402.
3. Цели устойчивого развития: ООН и Россия. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под ред. С. Н. Бобылёва, Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
4. Стариков Н. Геополитика. Как это делается. СПб.: Питер, 2014. 368 с.
5. Урсул А. Д. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // *Куда движется век глобализации: сб. статей / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина*. Волгоград: Изд-во «Учитель», 2014. С. 65–70.

Контактная информация:

Марина Анатольевна Ермолина — канд. юрид. наук, доц.; m.ermolina@spbu.ru

Conference on sustainable development 2015: new goals and objectives

Ermolina Marina A.

*St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation*

To carry out a brief analysis of the agenda “Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development” in order to understand how applicable the indicators set out in it are to a specific national system.

Keywords: conference on sustainable development 2015; Agenda XXI; Agenda 2030; economic, social and environmental development.

References

1. Danilov-Danil'ian, V. I., Losev K. S., Reif I. E. *Before the Main Call of a Civilization: A View from Russia*. Moscow, INFRA-M, 2005, 224 p. (In Russian)
2. Stetsko E. V. Sustainable Development as a Political Brand. *Urgent Problems in World Politics in the 21st Century*. Collected articles. Eds V. S. Yagya, M. L. Lagutina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2011, pp. 392–402.
3. *Sustainable Development Goals: UN and Russia. Report on Human Development in the Russian Federation*. Eds S. N. Bobylyov, L. M. Grigor'ev. Moscow, Analiticheskii Tsentri pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2016, 298 p. (In Russian)

4. Starikov N. *Geopolitics: How Does it*. St. Peterburg, Piter Publ., 2014, 368 p. (In Russian)
5. Ursul A. D. Global Processes, Security and Sustainable Development. *Kuda dvizhet-sia vek tsivilizatsii*. Eds A. N. Chumakov, L. E. Grinina. Volgograd, "Uchitel" Publ., 2014, pp. 65–70. (In Russian)

Author's information:

Marina A. Ermolina — PhD Sci. in Law, Associate Professor; m.ermolina@spbu.ru.

УДК 327+355/359

Технологии гибридных войн в арктическом противоборстве

А. В. Митько

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург,
ул. Большая Морская, д. 67, лит. А*

Государства, которые стремятся к доминированию в регионе Арктики, как правило, полагаются на рамки «гибридной войны» в своем понимании современного инструментария конфронтации. Развитие современной армии, как и развитие современного общества в целом, базируется на внедрении и развитии информационных технологий. Важнейшей составной частью большинства технологий являются средства обработки цифровой информации о местности во взаимосвязи с многообразными данными о противнике и своих войсках. Один из таких случаев — использование геоинформационных систем для управления войсками и оружием, поддержки принятия решения командованием, планирования боевых действий войск и видов боевого обеспечения.

Ключевые слова: геополитика, геоинформационная система, гибридная война, нелетальное оружие, Арктика.

На современном этапе в теории управления система отождествляется с организмом, а организм означает систему, имеющую свои собственные цели, рожденные ее внутренней сущностью с возможностью им следовать. Цель развития такой системы — новый гомеостаз. Этим понятием определяется «согласованная с состоянием природы и ее законами» форма развития системы, которая рассматривается как «устойчивое неравновесие» (sustainability development).

Применительно к исследованию систем управления понятие формы развития системы как «устойчивого неравновесия» наглядно подтверждается закономерностью жизненного цикла системы. Гомеостаз — многопараметрическое пространство, в котором, несмотря на некоторую флуктуацию системы, сохраняется равновесие. Диффузная система должна обладать свойством самоорганизации, что подразумевает способность к самообучению, выбору вариантов и механизмов их отбора, что обеспечивает ее развитие, а далее — адаптацию к условиям существования.

Механизм самоорганизации может развиваться только в системах, характеризующихся «принципиальной стохастичностью» и «принципиальной неустойчивостью». Диффузные системы — открытые системы, которые обмениваются энергией (результатами работы) или информацией с внешней средой. Главенствующую роль во внешней среде системы играют не порядок, стабильность и равновесие, а неустойчивость и неравномерность. Это объясняется тем, что все системы непрерывно флуктуируют. В особой точке бифуркации флуктуации достигают такой силы, что система не выдерживает и разрушается, подобную систему называют диссипативной структурой.

Диссипативные структуры существуют лишь тогда, когда система диссипирует (рассеивает) энергию, в результате чего возникает порядок. Примером диссипативных структур служат сетевые организационные структуры. На практике диффузия и флуктуация системы несколько приглушаются рассеиванием энергии более мощной системы в виде создания сетевых структур [1].

Война как социальное явление порождает новые типы. Новыми типами современной войны являются «диффузные войны» и такая их разновидность, как «гибридная война». Новый тип войны называется «диффузным» или «гибридным», так как в своих основах содержит элементы самых современных знаний и технологий (например, информационных и компьютерных войн).

«Диффузные — гибридные» войны представляют собой:

- предтечу становления новой цивилизационной парадигмы — базовой схемы бытия и метода новой колонизации будущего и эпохи нового рабства;
- метод формирования нового человеческого общества, т.е. контробщества, для замены имеющегося старого человеческого, т.е. для замены нас с вами;
- войну «вечных маргиналов» современной цивилизации за свою собственную историю и свою новую цивилизацию — за счет всего другого.

В парадигме общей теории войны «диффузная война» есть современная версия вооруженной борьбы, это война нового варварства, «мировых неудачников» современной цивилизации за мировое первенство через гибель (смерть) существующей цивилизации.

Война включает (подразумевает) наличие совокупности новых и разнородных агентов войны, со случайно совпадающими или специально определяемыми интересами и целями для создания возможностей их новой реализации. Это в полном смысле диффузия — взаимопроникновение организационных, технологических и информационных начал войн, ведущихся государствами и их вооруженными силами, с преобладанием методов, средств, технологий и приемов «войны», массового геноцида и террора. Другими словами, в сущности это путь от войны цивилизованной к войне инстинктивной, от государственно организованных форм вооруженной борьбы, военного права и военной этики к тотальному геноциду людей на территории противника и культу смерти как таковой, путь устранения моральных ограничений насилию и смерти как основным компонентам и сущности этой войны.

«Диффузные войны» не являются войнами инстинктивными, непреднамеренными или случайными, они планируются, организуются и обеспечиваются. Их ведут новые военные общности, возникающие как новые агенты войны, решающие свои задачи методами тотального насилия и физического уничтожения противника и всего того, что они понимают под данным определением. Им свойственны отказ от принципов эскалации (деэскалации) конфликтов и следование принципам их диверсификации и тотального насилия, опора на собственные силы при расширенном понимании войны как выгодного бизнеса.

Синоним, разновидность и равнопорядковое явление «диффузной» войны — «гибридная война». «Гибридная война» — не новое военное откровение, это современная версия и форма войны как вооруженной борьбы. Приведем ее характеристики.

Сущность: война негосударственных вооруженных формирований против государства как такового и без официального участия в войне государственных вооруженных сил вторжения, осуществляемая методом вооруженного нашествия.

Цель: силовой захват власти и ресурсов страны, их перераспределение для личного обогащения новой власти и в их интересах (по планам).

Особенности:

- ведется методами вооруженного нашествия и сетевой войны, т. е. войны, не имеющей одного и явного центра управления;

- ведется негосударственными формированиями против государства и всех его институтов под лозунгами и видом гражданской войны;
- ведется только против слабых мест государства и местного населения;
- широко использует методы информационной войны и террора;
- мгновенно реагирует на изменение обстановки и гибкость управления при видимости его отсутствия [2].

Противостояние «гибридной войне» — актуальная тема различных конференций и круглых столов, в ходе которых выдвигаются различные предложения по противодействию «гибридным войнам». Так, сейчас предложено создание своих собственных информационных пропагандистских структур, ориентированных на конкретную аудиторию населения, создание научных организаций, которые будут разрабатывать технологии противодействия враждебной пропаганде в обществе с использованием современных информационных технологий. Одной из мер противодействия может выступить укрепление экономики, повышение уровня жизни в стране, а также устранение явных проблем государства, которые могли бы вызвать недовольство граждан [3].

В современном мире расширяется спектр угроз, связанных с терроризмом. Для предотвращения и ликвидации кризисных ситуаций обычно используется либо угроза применения силы, либо ее непосредственное применение, сопровождающееся жертвами и разрушениями. Особенно большие проблемы с применением военной силы возникают при проведении антитеррористических операций. Это связано с тем, что такие операции приходится вести, как правило, на территориях, где велика плотность гражданского населения, или в условиях захвата сотен и тысяч заложников. А поскольку современные средства вооруженной борьбы создавались для ведения крупномасштабных боевых действий и имеют колоссальную разрушительную силу, их использование всегда несет опасность появления больших потерь среди мирного населения.

Подобные обстоятельства требуют разработки и использования принципиально иных видов вооружения, исключающих многие негативные последствия, которые имеют место при применении традиционных видов оружия. Наиболее вероятно, что сегодня таким

средством воздействия на живую силу и военную технику может стать так называемое «оружие нелетального действия» (ОНД), применение которого обеспечивает временный вывод из строя живой силы противника, но исключает или минимизирует ущерб мирному населению, гражданской инфраструктуре и окружающей среде. ОНД находится в начале своего развития, и маловероятно, что в ближайшее время оно будет широко востребовано в комплексе вооружения войск и сил специального назначения наряду с существующими средствами ведения вооруженной борьбы.

Приведем определение ОНД в военно-техническом понимании, которое сегодня общепринято:

Оружие, прямо предназначенное и прежде всего применяемое для выведения из строя личного состава или техники, сводя к минимуму нанесение постоянных увечий живой силе и непреднамеренный ущерб имуществу и окружающей среде.

Следовательно, системы ОНД представляют собой средства, вызывающие так называемое функциональное поражение, в которых используются разнообразные способы воздействия на объекты. Сегодня достигнуто понимание того, что ОНД должно обеспечивать гибкий ответ на угрозу применения силы, оказывать эффективное воздействие на оперативную ситуацию при минимизации сопутствующего ущерба.

ОНД призвано обеспечивать операции:

- по предотвращению массовых беспорядков;
- по задержанию нарушителей;
- по предотвращению незаконных действий;
- по охране объектов и предотвращению доступа к ним;
- по освобождению зданий, объектов и территорий;
- по освобождению заложников;
- по нейтрализации имеющихся в распоряжении противника техники и инфраструктуры;

а также содействовать:

- проведению спецопераций в городских условиях;
- обеспечению защиты персонала.

Конечно, ОНД может применяться и в боевых операциях в составе авиации, сухопутных войск, военно-морского флота. Здесь

ОНД является лишь дополнением к существующим обычным видам вооружений. Но наиболее распространено применение ОНД в специальных операциях, и здесь оно может и должно играть ключевую роль.

К настоящему времени появилось значительное число публикаций, посвященных описанию возможных технологий ОНД и концепциям их применения. Большинство из приведенных в этих источниках технологий стало предметом тщательного изучения и отбора для экспериментальной проверки возможности их практического применения. Имеется также много дезинформации и измышлений, граничащих либо с фантастикой, либо с полным непониманием предмета¹.

К настоящему времени разработаны и приняты на вооружение разнообразные системы кинетического действия. Кинетические средства непроникающего действия вызывают шок и временную боль, не проникая через кожный покров, а средства полупроникающего действия наносят ранения, но не проникают глубоко в тело человека и не повреждают внутренние органы. В качестве характерных примеров систем нелетального кинетического действия приведем общий вид патронов и непроникающих элементов, разработанных в разных странах.

Ослепляющие и оглушающие средства нелетального действия созданы для применения как на открытой местности, так и в зданиях, поездах, кораблях, самолетах. К ним относятся:

Когерентные ослепляющие средства (низкоэнергетическое лазерное оружие): уже к началу 1990-х гг. в ряде стран были созданы образцы лазерных комплексов для подавления оптико-электронных систем наблюдателей-корректировщиков, снайперов, систем управления оружием, разведки и связи, ослепляющего действия на живую силу противника. Указанные средства разрабатывались как для снаряжения бойца, так и для подвижного носителя на базе автомобильных и гусеничных платформ. Источниками лазерного излучения служат газовые, твердотельные и химические лазеры различных диапазонов длин волн, выпуск которых широко освоен промышленностью для самых разных целей.

---

¹ Информационная цивилизация — XXI век. <http://www.info21.ru/second.php?id=53>.

Хотя лазерные временно ослепляющие и освещающие системы уже разработаны, они требуют дальнейшего усовершенствования. Пока еще не достигнут необходимый уровень яркости, поэтому эффективность этих систем ограничивается, с одной стороны, уровнем повреждения сетчатки глаз и, с другой стороны, трудностью прицеливания лазерного луча малого диаметра в глаза движущейся цели.

Некогерентные ослепляющие средства генерируют световое излучение, сравнимое по интенсивности с лазерным. Ненаправленное излучение образуется, как правило, высокоэнергетическими составами, продукты детонации или горения которых создают низкотемпературную газовую плазму.

Имеется также целая гамма средств *комбинированного светозвукового действия*. Эти средства в виде ручных светозвуковых гранат, выстрелов светозвукового действия для гранатометов, устройств отстрела кассетных светозвуковых элементов применяются как на открытой местности, так и в помещениях.

Акустические средства нелетального воздействия исследуются в различных странах в течение десятилетий. Несмотря на огромное количество различных слухов и домыслов, за исключением свистков, сирен и пиротехнических светозвуковых гранат для рассеяния толпы, революционных достижений в этой области достигнуто не было, хотя исследования продолжаются.

Прежде предполагалось, что акустические ОНД позволят в перспективе добиться немедленной нейтрализации объекта без перманентного ущерба для здоровья. Однако оказалось, что инфразвук вовсе не очевидно эффективное нелетальное средство воздействия на человека. Поэтому пиротехнические источники неожиданного громкого звука в этом смысле имеют очевидное преимущество.

Оружие электромагнитного излучения (ЭМИ) предназначено для вывода из строя электронной и электротехнической аппаратуры, стирания информации в банках данных, а его эффективность подтверждена теоретическими работами и экспериментальными исследованиями. Действие ЭМИ может привести к необратимому повреждению широкого спектра электрического и электронного оборудования, не оказывая при этом фатального воздействия на людей. Такого рода оборудование особенно уязвимо к действию ЭМИ, так как оно в основном построено на схемах высокой плотности, которые очень чувствительны к воздействию высоковольтных переходных процессов, т. е. требуется очень немного энергии для того,

чтобы повредить их или уничтожить. Технологическая база, которая может быть применена к разработке электромагнитного ОНД, достаточно разнообразна и развита во многих областях.

Интенсивно ведутся также разработки *компактных мобильных систем ЭМИ* для подавления и нейтрализации электронных систем контроля и информационных коммуникаций, остановки и задержания транспортных средств, защиты аэропортов, защиты кораблей в порту, подавления опорных пунктов, разминирования зданий, защиты дорожных конвоев, нейтрализации мин.

В настоящее время международным сообществом признаны следующие *принципы использования ОНД*:

- военная необходимость;
- гуманность;
- пропорциональность.

Если соотнести имеющиеся международно-правовые документы с конкретными видами различных видов оружия, в том числе и видами ОНД, то можно сделать негативное заключение: к большому сожалению, международно-правовое регулирование применения большинства видов ОНД полностью отсутствует, а международные соглашения, имеющиеся по немногим видам ОНД, вызывают сомнения и дискуссии.

Чтобы избежать риска попадания ОНД в руки террористических формирований и преступников, а также во избежание интенсификации процесса применения ОНД в военных целях существует превентивный контроль вооружений — форма количественного контроля за вооружением, создающего препятствия развитию военных технологий до того, как производство оружия с помощью таких технологий будет развернуто. В соответствии с идеей превентивного контроля при вводе в эксплуатацию новых видов оружия существует стандартный набор процедур, дающих возможность оценить, будут ли ущемлены права и интересы потенциальных и случайных жертв. Основные этапы превентивного контроля связаны с необходимостью выполнения соответствующих критериев. В случае военного применения ОНД необходима оценка каждого сценария военной операции. Для правоохранительных операций необходима оценка использования ОНД против толпы и отдельных противников в различных ситуациях, от тюремного бунта до захвата заложников.

Проблемы научного обоснования разработки технологий, создания и применения ОНД требуют системного подхода, межведомственной и международной координации, общепринятого научно-технического, военного и юридического обоснования ОНД, его предназначения и сценариев применения. На наш взгляд, именно недооценка роли системного подхода во многом сдерживает развитие технологий и средств ОНД и, следовательно, снижает возможности силовых структур в борьбе с терроризмом. Очевидно, что без целевого государственного подхода к решению указанной задачи, без международной кооперации мы не достигнем необходимого уровня эффективности борьбы с терроризмом, актуальнейшей на сегодня области обеспечения национальной безопасности России, в том числе и Арктической зоны.

На основе изложенного парадигма исследования систем управления формулируется следующим образом:

Система управления развивающейся геоинформационной системы (ГИС) — это диффузная система, объективная особенность которой обусловлена взаимозависимостью свойств и флуктуацией параметров и связанными с ними принципиальной «неустойчивостью» и «стохастичностью», «устойчивым неравновесием» и неопределенностью информации [4].

Развитие современной армии, как и развитие современного общества в целом базируется на внедрении и развитии информационных технологий. Важнейшая составная часть большинства технологий — средства обработки цифровой информации о местности во взаимосвязи с многообразными данными о противнике и своих войсках, в частности, использование геоинформационных систем для управления войсками и оружием, поддержки принятия решения командованием, планирования боевых действий войск и видов боевого обеспечения.

Основным требованием к геоинформационным системам военного назначения является преобразование и представление больших объемов разнообразной координатно-временной информации в виде, удобном для использования органами управления войсками и оружием в процессе изучения, анализа и оценки обстановки, планирования операций. ГИС помогают командиру любого уровня в полной мере получать необходимую информацию без проведения дополнительной рекогносцировки.

Геоинформационные системы военного назначения предоставляют пользователям *средства для*:

- сбора, накопления и визуализации цифровой информации о местности, а также привязки и использования совместно с ней различной тематической пользовательской информации;
- создания и издания топографических и специальных карт;
- разработки и выполнения ГИС-приложений, решающих широкий круг задач от анализа и оценки местности до моделирования действий.

Кроме того, геоинформационные системы военного назначения *обеспечивают*:

- повышение эффективности работы должностных лиц за счет своевременного доведения до них необходимой информации о местности и происходящих на ней процессах с помощью электронных и пользовательских карт (рабочих карт должностных лиц);
- возможность пространственного манипулирования картографическими данными совместно с атрибутивными и выявления новых связей, используемых в процессе принятия решений;
- предоставление эффективных средств обработки и анализа пространственно-распределенной информации: оперативно-тактической; разведывательных данных; фоно-целевой информации; метео- и геофизических данных; результатов мониторинга зоны ответственности.

Объединение разнообразных разведывательных средств в одно информационно-коммуникационное поле снижает вероятность получения неполных и недостоверных данных, а сопряжение средств разведки с ударными комплексами позволяет существенно сократить время от обнаружения цели до ее уничтожения. Использование алгоритмов сверки данных позволяет значительно снизить и процент некачественной или заведомо ложной информации, поступающей в систему [5].

Для построения диффузной ГИС с необходимой работоспособностью, эффективностью и простым пользовательским интерфейсом существуют все необходимые инструменты, развитые техно-

логии, инструментальное программное обеспечение, аналогичные зарубежные примеры. У современных компаний имеется необходимый набор программ для создания ГИС любого уровня сложности, любого уровня интеграции, но проблема заключается не в обилии инструментов, а в их эффективном использовании, другими словами, инструмент должен соответствовать решаемой задаче. Кроме того, ГИС нельзя воспринимать только как инструмент. ГИС — это пять элементов, которые должны рассматриваться вместе:

- 1) аппаратные средства ЭВМ;
- 2) программное обеспечение;
- 3) данные;
- 4) человеческий ресурс;
- 5) организационные задачи.

Для успешной реализации системы все перечисленные компоненты должны рассматриваться в течение всех этапов: разработки, внедрения, обучения людей, эксплуатации и дальнейшего развития. Только такой подход к структуре диффузной ГИС прикладного назначения может стать залогом положительного результата [6].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что «гибридные войны» как правило, происходят негласно. Актуальная задача любой из стран — противостоять данной войне, готовить свою страну к возможной гибридной угрозе со стороны государства-агрессора. Современная концепция ведения сетевентрических «гибридных войн» в Арктике обуславливает очень жесткие требования к оперативности и живучести управления на базе сетевых технологий. Геоинформационные диффузные системы позволяют вывести эти качества на новый уровень.

Литература

1. *Разуваев В. В.* Арктика: три сценария // Стратегия России — Экспертиза. № 3. 2016. С. 31–40.
2. *Владимиров А. И.* Доклад «Гибридные войны в Общей теории войны» // Труды конференции «Гибридные войны XXI века». Военный университет Министерства обороны РФ, 28 января 2015. С. 1–19. http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Gibridn_voiny_VUMORF_28.012015.pdf.
3. *Митько А. В.* Принципы формирования интегрированной системы мониторинга обстановки в прибрежной зоне Арктического региона // Труды Международной научно-практической конференции «Инфогео-2014». СПб.: «Андреевский издательский дом», 2014. С. 84–89.

4. Филатов Н. Н., Толстиков А. В., Богданова М. С., Литвиненко А. В., Менишуткин В. В. Создание информационной системы и электронного атласа по состоянию и использованию ресурсов Белого моря и его водосбора // Арктика: экология и экономика. № 3(15). М.: Ин-т проблем безопасного развития атомной энергетики РАН, 2014. С. 18–29.
5. Горбунов А. А., Пономорчук А. Ю., Иванов В. Г. Использование геоинформационных систем при принятии управленческих решений в единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2015. № 2. С. 71–76.
6. Попович В. В., Потапычев С. Н., Панькин А. В., Шайда С. С., Воронин М. Н. Интеллектуальная ГИС в системах мониторинга // Труды СПб. Ин-та информатики и автоматизации РАН. Вып. 3, т. 1. СПб.: Наука, 2006. С. 172–184. <https://doi.org/10.15622/sp.3.9>

Контактная информация:

Митко Арсений Валерьевич — доц., канд. тех. наук; amitko@arcticas.ru, arseny73@yandex.ru

Technology of hybrid wars in the Arctic confrontation

Arseny V. Mitko

State University of Aerospace Instrumentation,
lit. A, 67, Bolshaya Morskaya str., St. Petersburg, 190000, Russian Federation

The article reveals the main issues of application of geoinformation systems and technologies. Discusses specific and unique challenges of geoinformation systems.

Keywords: Geopolitics, geo-information system, hybrid warfare, non-lethal weapons, the Arctic.

References

1. Razuvaev V.V. Arctic: Three Scenarios. *Strategiia Rossii — E'kspertiza*, 2016, no. 3, pp. 31–40. (In Russian)
2. Vladimirov A.I. Hybrid Wars in the General Theory of War. *Trudy konferencii "Gibridnye voyny XXI veka"*. *Voennyi universitet Ministerstva oborony RF, 28 ianvaria* 2015, pp. 1–19. http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Gibridn_voyny_VUMORF_28.012015.pdf (In Russian)
3. Mit'ko A. V. The Principles of Formation of the Integrated System of Monitoring of a Situation in a Coastal Zone of the Arctic Region. *Trudy Mezhdunarodnoi nauchno-*

- prakticheskoi konferencii "Infogeo-2014"*. St.Petersburg, "Andreevskii izdatel'skii dom", 2014, pp.84–89. (In Russian)
4. Filatov N.N., Tolstikov A. V., Bogdanova M. S., Litvinenko A. V., Menshutkin V. V. Development of Information System and Electronic Atlas on the Status and Use of Resources of the White Sea and Its Catchment. *Arktika: ekologiya i ekonomika*. Iss.3. Moscow, Institut problem bezopasnogo razvitiia atomnoi energetiki RAN, 2015, pp.18–29. (In Russian)
  5. Gorbunov A. A., Ponomorchuk A. Yu., Ivanov V. G. Use of Geographic Information Systems for Management Decision-making in the Systems of Unified State System of Prevention and Liquidation of Emergency Situations. *Vestnik of Saint-Petersburg State University EMERCOM of Russia (The Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters)*, 2015, no. 2, pp.71–76. (In Russian)
  6. Popovich V.V., Potapy`chev S.N., Pan`kin A.V., Shajda S.S., Voronin M.N. Intellectual GIS in the Systems of Monitoring. *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta informatiki i avtomatizacii RAN*. Iss.3, vol.1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp.172–184. (In Russian)

Author's information:

Arseny V.Mitko — PhD Sci. in Technical Sciences, Associative Professor;
amitko@arcticas.ru, arseny73@yandex.ru

УДК 327

Публичная дипломатия на евразийском пространстве

М. Л. Лагутина

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*

Альманах «Актуальные проблемы мировой политики» при участии кафедры мировой политики СПбГУ, Информационно-аналитического центра «Евразия — Поволжье» при Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского провел Круглый стол «Публичная дипломатия на евразийском пространстве». Евразийское пространство имеет огромное значение для внешней политики России и ее публичной дипломатии. Целью проведения круглого стола стала популяризация идей евразийской интеграции в российской и зарубежной научной и образовательной среде. Представители экспертного и академического сообщества России, Казахстана, Белоруссии, Армении, Узбекистана, Великобритании, Ирана, делегаты Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Евразийского банка развития, представители общественных организаций обсудили разные аспекты *евразийской интеграции*.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, публичная дипломатия.

Участники:

Ягья Ватаняр Саидович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики СПбГУ, главный редактор Альманаха «Актуальные проблемы мировой политики».

Когут Виктор Григорьевич — заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь.

Кефели Игорь Федорович — доктор философских наук, профессор Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, главный редактор аналитического и научно-практического журнала «Геополитика и безопасность».

Кузьмина Елена Михайловна — кандидат политических наук, заведующая сектором экономического развития постсоветских стран ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, член редакционной коллегии журнала «Проблемы постсоветского пространства».

Перебоев Владимир Сергеевич — кандидат политических наук, руководитель проекта Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития.

Лагутина Мария Львовна — кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики СПбГУ, член редакционной коллегии Альманаха «Актуальные проблемы мировой политики».

Стецко Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры мировой политики СПбГУ.

Цветкова Наталья Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ.

Джеймс Пирс — PhD, английский эксперт, Ruskin University (Великобритания).

Вахшитех Ахмад Насер — журналист-аналитик, главный редактор информационного ресурса *Russiaviewer.com* (Иран)

Арайлым Ыдыш — младший научный сотрудник Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации (Казахстан).

Сайёра Атахановна Ходжаева — директор Института гражданского общества Узбекистана (Узбекистан).

В Круглом столе также приняли участие представители экспертного и академического сообщества России, Казахстана, Белоруссии, Армении, Узбекистана, Великобритании, Ирана, представители Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, Евразийского банка развития, представители общественных организаций.

В. С. Ягья. Прошло немногим более двух лет со времени вступления в силу договора о создании Евразийского экономического союза. Мы находимся в самом начале сложного пути. Данное образование должно стать реальным связующим звеном между Востоком и Западом. Современная система международных отношений находится в очень непростой стадии развития, когда происходит перераспределение глобальных игроков и центров силы. Выстраивается новый миропорядок и одновременно появляются новые угрозы гло-

бальной безопасности. Начинается новый виток гонки вооружений, и в то же время растет влияние факторов «мягкой силы», позитивного имиджа государств и организаций.

В. Г. Козут. Хотя «инвестиции в «мягкую силу» могут быть оценены лишь в длительной перспективе, особую роль в успешной реализации интеграционных проектов играют инструменты «мягкой силы». Лишь эти инструменты способны позволить решить задачи развития в современном мире. В мире сформировался устойчивый запрос на новые модели отношений, которые выстраиваются не только в традиционных рамках двусторонних и многосторонних межгосударственных структур, но и привлекают к участию неправительственные организации, бизнес, экспертное сообщество. Именно изменение формата и расширение состава участников призваны помочь установлению реального диалога между представителями политических элит и всеми сегментами гражданского общества с целью разрешения конфликтов и создания новых стратегий развития.

И. Ф. Кефели. Именно поэтому необходимо внедрять проект полицентричного мира.

Е. М. Кузьмина. Выступившая остановилась на экономике российской инициативы «Большая Евразия» и ЕАЭС: сопряжение ЕАЭС и китайского проекта «Один пояс, один путь», наряду с выстраиванием диалога по линии ЕС — ЕАЭС, — два основных партнерских трека развития российского проекта «Большая Евразия». Выступившая подробно проанализировала проект зоны свободной торговли ЕАЭС — КНР, который на сегодняшний день по-прежнему экономически не проработан. Необходимо пройти не только путь по выстраиванию четких организационно-правовых механизмов, но и по выработке единой позиции у всех государств — участников ЕАЭС.

В. С. Перебоев. Рассказал участникам Круглого стола о проектах ЕАБР по публичной дипломатии. Зачастую в деятельности акторов публичной дипломатии в странах ЕАЭС отмечается такая проблема, как отсутствие постоянной и системной коммуникации, которая проявлялась бы в реализации совместных проектов, сфокусированных на продвижении или содействии евразийской интеграции (будь то в бизнесе, образовательной деятельности, публичной дипломатии в широком смысле и в иных сферах). Чаще наблюдается рост конкуренции между ними вместо кооперации, в то время как совместные проекты и программы, в которых были задействованы от

двух и более государств — членов ЕАЭС, могли бы на деле раскрыть интеграционный потенциал.

Е. В. Стецко, М. Л. Лагутина. Отсутствие понимания проблем и выгод интеграции может свести на нет все предыдущие усилия, поощряя социальную апатию, традиционные страхи и стереотипы постсоветского мышления. Поэтому задача экспертного взаимодействия — выявлять проблемы, доносить информацию и обсуждать ее с населением стран ЕАЭС, организовать устойчивый канал обратной связи и диалог с правительствами. Только тогда эта деятельность может быть по праву названа публичной дипломатией, которая является реальным демократическим механизмом модернизации государств и гражданского общества на постсоветском пространстве. Вовлеченность в глобальные проекты интеграции, а также равноправие союзничества в ЕАЭС закладывают основы нового подхода к повышению привлекательности союза во внешнем окружении. В связи с этим компоненты имиджа ЕАЭС требуют доработки, поскольку недостаточно высокий уровень экономической привлекательности компенсируется внешнеполитической активностью, экономическими преференциями союзникам и военно-политическим партнерством.

Н. А. Цветкова. Поэтому еще один актуальный аспект — восприятие на Западе тех процессов, которые происходят в Евразии. В этом ряду одним из наиболее актуальных вопросов видится американское восприятие евразийской интеграции. Соединенные Штаты обеспокоены «монополией» России на русский язык. В связи с этим инициированы меры по изменению неблагоприятной, с точки зрения Вашингтона, ситуации: активация информационных инструментов (Голос Америки, Радио Свобода, Радио Свободная Европа) и прямая работа с оппозиционными группами политиков.

Джеймс Пирс. Поставил проблему западного восприятия евразийской интеграции (на примере Великобритании): «Евразия в ее нынешнем виде состоит только из республик бывшего СССР, которые в западной экспертной среде обычно называют “постсоветскими” или “бывшими советскими республиками”. Таким образом, в данном формате Евразийский экономический союз рассматривается как экономически непривлекательный для Великобритании и уж точно не жизненно важный в контексте ее национальных интересов. Без ЕС или участия азиатских экономик современной евразийской интеграции в формате ЕАЭС не хватает привлекательности. Кро-

ме того, в отличие от России, остальные страны ЕАЭС не являются жизненно важными для безопасности Великобритании». Поэтому кроме экономической сферы у Великобритании и стран ЕАЭС нет других общих сфер для возможной интеграции. На данном этапе большая часть взаимодействий между странами ЕАЭС и Великобританией и другими странами Запада сводится к финансовой помощи и поддержке неправительственных организаций (НПО), о чем говорила (только в отношении США) в своем выступлении профессор Н. А. Цветкова. На сегодняшний день имидж Евразии и ЕАЭС является негативным на Западе, потому что участниками интеграционных процессов в Евразии, по мнению Дж. Пирса, являются недемократические, авторитарные государства, тесно связанные с Россией. Исключение, пожалуй, составляет Казахстан.

Вахшитех Ахмад Насер. Тематически завершил затронутую выше проблематику. В восприятии Ираном Евразийского интеграционного проекта нельзя в современном мире ориентироваться на устаревшие стереотипы Туркманчая-Гулистана.

Арайлым Ыдыш. Рассмотрела в своем докладе вопрос восприятия евразийской интеграции, изнутри — со стороны молодежи стран — членов ЕАЭС. Возвращаясь к вопросу безопасности и военно-технического сотрудничества стран-участников ЕАЭС, следует отметить выступление доцента кафедры международных процессов на постсоветском пространстве СПбГУ, доктора исторических наук Н. С. Ниязова.

Сайёра Атахановна Ходжаева. Представила современную ситуацию развития демократии, прав человека, формирования гражданского общества через активизацию НКО в сфере публичной дипломатии в Узбекистане.

Университетское сообщество интересовали прежде всего гуманитарные, культурные и образовательные составляющие евразийской интеграции. Это было отражено в докладах исследователей Санкт-Петербургского государственного университета: «О стратегии формирования “умных городов” в ЕАЭС» (профессор кафедры мировой политики, доктор философских наук **Н. А. Васильева**), «Русский язык как инструмент “мягкой силы” РФ на евразийском пространстве» (старший преподаватель Института современных языков СПбГУ, кандидат политических наук **Г. Ю. Ниязова**), «Публичная дипломатия ЕАЭС в решении проблем природно-ресурсных

трансграничных территорий» (доцент кафедры мировой политики, кандидат исторических наук **Н. К. Харлампьева**), о «Политическом маркетинге на пространстве ЕАЭС» (доцент кафедры теории и истории международных отношений, кандидат исторических наук **Д. А. Руцин**), о «Либерализации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (доцент кафедры международных процессов на постсоветском пространстве», кандидат политических наук **Е. Ю. Трещенков**). Критический анализ приоритетного проекта РФ «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» и возможности реализации для государств — членов ЕАЭС провели доцент кафедры мировой политики, кандидат политических наук **Т. С. Немчинова** и ассистент кафедры региональной политики и политической географии **А. А. Музалёв**. Не был оставлен без внимания и вклад СПбГУ в интеграцию стран-участников ЕАЭС посредством экспорта образовательных услуг.

В дискуссии приняли участие профессор и доценты, аспиранты и студенты Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного экономического университета: доктор исторических наук **В. И. Фокин**, доктор филологических наук **Н. А. Добронравин**, доктор политических наук **Г. Н. Нурышев**, кандидат политических наук **И. А. Антонова**, а также эксперты из Республики Казахстан: руководитель службы стратегических исследований и прогнозирования Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации **М. В. Мироненко**, руководитель Службы международных научных проектов Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации **М. А. Абишева**.

Модераторами работы Международного Круглого стола выступили коллеги из Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского: кандидат исторических наук **М. В. Лапенко** и кандидат исторических наук **Ю. Е. Аршинов**, а также доцент кафедры мировой политики СПбГУ **М. Л. Лагутина**.

Работа Семинара была отражена в рецензируемых журналах, в том числе включенных в реферативную базу Web of Science и в список ВАК [1; 2].

Литература

1. Алимов А. А., Немчинова Т. С., Музалёв А. А. Публичная дипломатия на евразийском пространстве // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3 (44). С. 127–130.

2. Немчинова Т. С. Международный круглый стол «Публичная дипломатия на евразийском пространстве» // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 164–166.

Контактная информация:

Лагутина Мария Львовна — д-р полит. наук, доц.; m.l.lagutina@spbu.ru

Public diplomacy in Eurasia

Maria L. Lagutina

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The “Digest of World Politics” with the assistance of Department of world politics of St. Petersburg State University, Eurasia — the Volga Region Information and analysis center at Saratov Chernyshevsky State University carried out the Round table “Public diplomacy on the Eurasia”. The *Eurasian region has great importance for Russia’s foreign policy and its public diplomacy*. Promoting of the ideas of the Eurasian integration in the Russian and foreign scientific and educational environment became the purpose of carrying out a round table. Representatives of expert and academic community of Russia, Kazakhstan, Belarus, Armenia, Uzbekistan, Great Britain, Iran, delegates of Inter-parliamentary assembly of the State Parties of the CIS, Eurasian Development Bank, representatives of public organizations discussed different aspects of the Eurasian integration.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian integration, public diplomacy.

References

1. Alimov A. A., Nemchinova T. S., Muzalev A. A. Public diplomacy in Eurasia. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2017, no. 3 (44), pp. 127–130. (In Russian)
2. Nemchinova T. S. International roundtable “Public diplomacy in Eurasia”. *Sravnitel’naya politika*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 164–166. (In Russian)

Author’s information:

Maria L. Lagutina — Dr. Sci. in Politics, Associate Professor; m.l.lagutina@spbu.ru

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ / IN MEMORIA

Тереховский Сергей Владимирович (1954–2013)

В октябре 2018 г. исполняется пять лет со дня трагической гибели Сергея Владимировича Тереховского. Он запомнился всем, кто его знал, с кем дружил или работал в разных компаниях, на предприятиях, в государственных учреждениях, вдумчивым, креативным, творческим, честным, необыкновенно организованным, деятельным, эрудированным, инициативным и исключительно скромным человеком. Не ошибемся, сказав, что С. В. Тереховский — Человек с большой буквы. В наибольшей степени его талант руководителя проявился на высокой должности начальника Отдела внешних связей аппарата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Почти за двадцать лет работы на этом ответственном посту, начиная с 1995 г., он показал себя квалифицированным специалистом в области дипломатии, мировой политики и международных отношений. С. В. Тереховский отлично владел информацией о всех премудростях и хитросплетениях межгосударственных отношений, а также сложностях активности и порой противоречивости участия неправительственных акторов в мировой политике. Он читал немало специальной политической и научной литературы, чтобы разбираться в глобальных и региональных проблемах, давать точные и выверенные советы тем, кто вел с ним беседы в Красном зале Мариинского дворца, где руководители города и депутаты Законодательного Собрания принимают иностранные делегации. Ежегодно сотни парламентариев из-за рубежа — дипломаты, министры, уполномоченные заграничных правительств, консулы и послы, аккредитованные в Москве и Санкт-Петербурге, представители бизнес-сообществ разных стран, политические и общественные деятели городов-побратимов и городов-партнеров северной столицы России — посещали Мариинский дворец. И ни разу никто из них не посетовал на плохую организацию визита, наоборот, всегда раздавались благодарственные слова в адрес С. В. Тереховского, встречавшего и сопровождавшего визитеров, составлявшего повестку их встреч в Красном зале.

Уже имея два высших образования — с успехом закончив в 1976 г. Ленинградский инженерно-строительный институт и в 1997 г. Северо-Западную академию государственной службы при Президенте РФ, работая в 1980-е гг. заведующим секретариатом Ленгорисполкома, Сергей Владимирович обладал богатым опытом и высокой культурой государственного служения, тем не менее счел необходимым пройти обучение на факультете международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Он посещал все лекции, все семинарские занятия, проявляя при этом неподдельный интерес к приобретению глубоких знаний в области мировой политики и международных отношений. Сергей Владимирович был хорошо подготовлен к обучению на факультете международных отношений, и часто его можно было видеть на Круглых столах и конференциях, проходивших на факультете. Его выступления всегда изобиловали множеством конкретных фактов дипломатической жизни разных государств и точностью выводов. В 2001 г. Сергею Владимировичу был вручен диплом по специальности «Международные отношения». Но связи с факультетом Тереховский не прерывал, продолжал участвовать в научном обсуждении архитектуры складывавшихся отношений на мировой арене, значимых региональных событий и внешнеполитических шагов России, а также роли парламентской дипломатии.

С. В. Тереховский сам вел запись бесед в Красном зале или в Помпейском коридоре, где также иногда встречались депутаты и иностранцы. Он умело выделял из сказанного самое главное, самое важное и затем включал это в материалы, которые готовились для парламентариев, направлявшихся в зарубежные поездки или на встречи в Законодательном Собрании с посетителями из тех же государств. Умение отобрать основное, нужное поражало его коллег и петербургских депутатов. Многократно сведения, почерпнутые им в ходе конструктивных разговоров в Мариинском дворце, он передавал сотрудникам Смольного, где проходили встречи губернатора, вице-губернаторов или руководителей Комитетов по внешним связям с иностранцами, посещавшими Мариинский дворец.

В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга хорошо помнят его участие в работе многих международных организаций. Особое место здесь занимает Парламентская конференция Балтийского моря. В Петербурге она проходила дважды — в 2002 и в 2012 гг. Вклад С. В. Тереховского в ее проведение значителен. На одном

из заседаний ему даже аплодировали за блестящую организацию работы. Российские участники ежегодных форумов Парламентской конференции Балтийского моря всегда ощущали готовность Сергея Владимировича прийти на выручку, если возникали какие-то неурядицы. Деловые и дружественные отношения у него сложились с парламентариями и сотрудниками администраций Гамбурга, Гданьска, Хельсинки и других участников Парламентской конференции Балтийского моря. Когда они узнали о трагической гибели С. В. Тереховского в октябре 2013 г., их горе, как и горе россиян, было неподдельным.

Сергея Владимировича Тереховского хорошо помнят и в Ленинградской области, ведь он родился в небольшом поселке Заборье Бокситогорского района, но практически всю жизнь прожил в Ленинграде — Санкт-Петербурге, став истинным петербуржцем, хотя не забывал своих корней, свой родительский дом.

Ушел из жизни добрый товарищ, замечательный семьянин, заботливый сын, внимательный к своим сотрудникам руководитель, высококлассный организатор международной деятельности петербургского регионального парламента, мой личный друг, о котором совсем недавно один из руководителей ЗАКСа сказал: «Говорят, что нет незаменимых людей, но вот Сергей Владимирович Тереховский оказался действительно незаменим».

Испанское правительство наградило Сергея Владимировича Тереховского Крестом офицера Ордена «За гражданские заслуги», польские власти — Кавалерским крестом «За заслуги перед Республикой Польша». За высокий уровень профессионализма и дипломатии Совет Федерации РФ, Государственная Дума РФ и Законодательное Собрание Санкт-Петербурга не раз объявляли ему благодарности.

В заключение не могу не привести часто цитируемое стихотворение И. В. Михеева, работавшего в КНДР, Венгрии и Эстонии:

Дипломат

Когда смолкают автоматы
И наступает тишина,
В борьбу вступают дипломаты,
Чтоб обеспечить мир сполна.

Перо у них штыка острее.
Язык им служит для того,

Чтоб выразаться похитрее,
Не обещая ничего.

Нам говорят, что слишком дорог
Народу дипломатов труд,
Зато они не только порох —
Людские жизни сберегут!

Поверьте, вина да салаты
И весь посольский протокол
Куда дешевле, чем солдаты
Да «скудный» генеральский стол.

Что ж, выбор есть — он строг и точен:
Военный или дипломат!
Жизнь хороша, пока мир прочен,
И для того не жаль затрат!

Сергея Владимировича нет с нами, но его творческий подход к организации внешнеполитической деятельности Законодательного Собрания Санкт-Петербурга вошел в практику и развивается.

В. С. Ягья

ОБ АВТОРАХ

Боголюбова Наталья Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет

Гузэль Ангелина — магистр международных отношений, Университет Тарту (Эстония)

Дунаева Юлия Генриховна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Ермолина Марина Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Зеленева Ирина Владимировна — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Лагутина Мария Львовна — доктор политических наук, доцент, кафедра мировой политики. Санкт-Петербургский государственный университет

Лексютина Яна Валерьевна — доктор политических наук, доцент, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет

Лисий Олеся Александровна — старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет

Ли Цзинчен — аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Матвеевская Анна Сергеевна — кандидат географических наук, старший преподаватель, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Митько Арсений Валерьевич — кандидат технических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Председатель Совета молодых ученых Севера Арктической

общественной академии наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Музалёв Антон Александрович — аспирант, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Немчинова Тамара Сергеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Николаева Юлия Вадимовна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных гуманитарных связей, Санкт-Петербургский государственный университет

Погодин Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого

Филипович Алекса — магистр международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Чернов Игорь Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

Ширяев Борис Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет

Эрденэ Сувд — аспирантка, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Ягья Ватаняр Саидович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет; заслуженный деятель науки Российской Федерации

Яжабек Ярослав — кандидат политических наук, Институт международных исследований, Вроцлавский университет, Польша

THE AUTHORS

- Bogolyubova Natalia M.** — PhD in Historical Science, Associate Professor, Department of International Humanitarian Relations, St. Petersburg State University (Russia)
- Dunaeva Julia G.** — PhD in Historical Science, Senior Lecturer, World Politics Department, St. Petersburg State University (Russia)
- Ermolina Marina A.** — PhD Sci. in Law, Associate Professor, World Politics Department, St. Petersburg State University (Russia)
- Filipović Aleksa** — Master of International Relation, St. Petersburg State University (Russia)
- Guzel Angelina A.** — Master of International Relation, University of Tartu (Estonia)
- Jaroslav Jarzabek** — PhD in Political Science, Professor, Institute of International Studies, University of Wrocław (Poland)
- Lagutina Maria L.** — PhD in Political Science, Associate Professor, World Politics Department, St. Petersburg State University (Russia)
- Leksyutina Yana V.** — Dr. in Political Science, Associate Professor, St. Petersburg State University (Russia)
- Li Jingcheng** — Postgraduate, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia)
- Lisiy Olesya Al.** — Senior Lecturer, Department of Humanities and Bioethics, Pavlov First St. Petersburg State Medical University (Russia)
- Mitko Arseny V.** — PhD in Technical Science, Associate Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (Russia)
- Muzalev Anton A.** — Postgraduate, School of International Relations, St. Petersburg State University (Russia)
- Nemchinova Tamara S.** — PhD in Political Science, Associate Professor, World Politics Department, St. Petersburg State University (Russia)
- Nikolaeva Julia V.** — PhD in Historical Science, Associate Professor, St. Petersburg State University (Russia)

Pogodin Sergey N. — Dr. in Historical Science, Professor, Head of Department “International Relation”, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia)

Shiryaev Boris A. — Dr. in Historical Science, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (Russia)

Suvd Erdene — Postgraduate, School of International Relations, St. Petersburg State University (Russia)

Yagya Vatanyar S. — Dr. in Historical Science, Head of World Politics Department, St. Petersburg State University (Russia)

Zeleneva Irina V. — Dr. in Historical Science, World Political Department, St. Petersburg State University (Russia)

Научное издание
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
Ежегодный альманах
Том 9

DIGEST OF WORLD POLITICS

Annual Review
Volume 9

Сборник статей

Редактор *И. П. Комиссарова*
Корректор *А. Б. Ульянова*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 18.12.2019. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 150 экз. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.